ЛЮБИТЬ ПАБЛО

ВИРХИНИЯ ВАЛЬЕХО

18+

НЕНАВИДЕТЬ ЭСКОБАРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В истории известного наркобарона Пабло Эскобара и журналистки Вирхинии Вальехо есть все, что требуется для настоящей латиноамериканской драмы, – пылкая любовь и холодное предательство, миг неземного счастья и горькие слезы отчаяния, серенады и жестокие убийства. Претенциозная и эмоциональная, чувственная, яростная и податливая, утонченная и безудержная, наивная и искушенная, звезда латиноамериканской журналистики рассказывает историю любви аристократки и бандита. И вместе с ней – историю становления преступной организации Пабло Эскобара, которую сам «кокаиновый король» Колумбии называл «профсоюзом», а все остальные – Медельинским картелем. Он был кумиром бедноты, но превратился в жестокого убийцу, на совести которого – сотни, если не тысячи жизней. Она любила его – и донесла на него властям, лишив последнего шанса на спасение, а себя обрекая на «сто лет одиночества».

- Вирхиния Вальехо
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть I
    - ■ Царство «белого золота»
    - ■ Президентские амбиции
    - ■ Все, что только захочешь!
    - ■ Смерть похитителям!
  - ○ Часть II
    - ■ Нежность револьвера
    - ■ Два будущих президента и «Двадцать стихов о любви»
    - ■ Возлюбленная Освободителя
    - ■ В объятиях демона
    - ■ Лорд и наркобарон
    - ■ Седьмой богач мира
    - ■ Кокаиновый блюз
    - ■ Только не эта свинья, что богаче меня!
    - ■ Под небом асьенды «Наполес»
    - ■ Дворец, объятый пламенем
    - ■ Тарзан против Панчо Вильи
    - ■ Как скоро ты забыла о Париже!
    - ■ Бриллиант на прощание

    - Часть III
        - Кубинский трафик
        - Король террора
        - Сегодня праздник в преисподней
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273

Вирхиния Вальехо
Любить Пабло, ненавидеть Эскобара

Virginia Vallejo
AMANDO A PABLO, ODIANDO A ESCOBAR

Copyright © 2007 by Virginia Vallejo.
First published by Random House Mondadori, 2007.

© Темир-Гончаренко Л., Львова Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моим умершим,
героям и злодеям.

Мы все едины,
мы одна нация.

Мы – атомы,
в ряду нескончаемых перерождений, длящихся вечно.

Предисловие

18 июля 2006 года. Шесть часов утра. Три бронированных автомобиля из американского посольства увозят меня из квартиры моей матери в Боготе в аэропорт, где на взлетной полосе уже ждет самолет, на котором меня отправят в Соединенные Штаты Америки.

Мы едем очень быстро, в сопровождении автомобилей вооруженной охраны. Накануне вечером глава службы безопасности посольства сообщил, что в парке, куда выходят окна моей квартиры, были замечены подозрительные люди и что, возможно, есть угроза моей жизни. Мне было приказано не приближаться к окнам и никого не впускать в квартиру.

Часом ранее от моего дома отъехал другой автомобиль, увозя дорогие для меня вещи. Автомобиль принадлежит Антонио Галану Сармьенто, председателю Совета Боготы и брату кандитата в президенты Луиса Карлоса Галана[1], убитого в августе 1989 по приказу Пабло Эскобара Гавирии, главы Медельинского наркокартеля.

Пабло Эскобар, мой бывший любовник, был застрелен 2 декабря 1993 года. На его обнаружение и ликвидацию ушло полтора года и двадцать пять миллионов долларов. Специально для его поимки была создана группа спецназа, куда вошли колумбийские полицейские и еще восемь тысяч человек – служащие органов государственной безопасности, представители конкурирующих наркокартелей и вооруженных группировок, десятки сотрудников Управления по борьбе с наркотиками, ФБР и ЦРУ, «морские котики» ВМС США, бойцы группы «Дельта». Не обошлось и без напичканной всевозможным спецоборудованием правительственной авиации США и финансовой помощи самых богатых людей Колумбии.

Двумя днями ранее на первой полосе воскресного номера газеты «Miami Herald» появилось мое интервью, в котором я обвинила бывшего министра юстиции и бывшего кандидата в президенты Альберто Сантофимио Ботеро в пособничестве убийцам Луиса Карлоса Галана, а также в том, что синьор Сантофимио обеспечивал бесперебойный обмен информацией и деньгами между главами наркокартелей и президентами Колумбии.

На 7 августа назначена церемония вступления в должность нового президента Колумбии, Альваро Урибе Велеса[2], переизбранного семьюдесятью процентами голосов. Я обратилась к Генеральному прокурору страны с предложением подтвердить

свои обвинения против Сантофимио на процессе, который, как предполагалось, продлится еще два месяца. Вслед за этим последовало внезапное прекращение дела и неожиданные кадровые перестановки: в качестве протеста экс-президент Колумбии сложил с себя полномочия посла в США. Урибе вынужден был отменить назначение другого экс-президента послом во Францию и освободить от должности прежнего министра иностранных дел, чтобы тот отправился послом в Вашингтон.

Правительство Соединенных Штатов прекрасно понимает, что, если оно перестанет меня защищать, со мной расправятся так же быстро, как и с другим свидетелем против Сантофимио. А вместе со мной канет в небытие ключевая информация по одному из самых страшных преступлений недавней истории Колумбии, а также доказательства причастности к наркотрафику людей из аппарата президента, видных политиков, представителей судебной власти, армии и СМИ.

Служащие американского посольства стоят перед трапом самолета. Они помогают поднять в салон чемоданы и коробки, которые удалось упаковать буквально за несколько часов с помощью двух моих друзей. Во взглядах американцев читается любопытство. Они никак не могут понять, почему эта не слишком молодая и сильно изможденная женщина вызывает такой живой интерес у журналистов, а тем более у правительства США. Двухметровый красавец в гавайской рубахе представляется Дэвидом К., специальным агентом из Управления по борьбе с наркотиками, которому поручено сопровождать меня на территорию США. Он сообщает, что наш двухмоторный самолет прибудет на кубинскую военную базу в Гуантанамо через шесть часов. Час уйдет на дозаправку, а потом еще два часа – на перелет до Майами.

Я убеждаюсь, что все идет по плану, только когда вижу в дальнем конце салона коробки, в которых содержатся доказательства виновности Томаса и Ди Моуэров, владельцев компании Neways International, зарегистрированной в Спрингвилле, штат Юта. Я подала иск на 30 миллионов долларов (на момент 1998 года) против этой международной корпорации. Всего за восемь дней американский судья признал Моуэров виновными по той части их преступлений, решения по которым я не могла добиться в колумбийском суде в течение восьми лет. Предложения о сотрудничестве, которые я направляла Эйлин о'Коннор в Департамент юстиции, а также в Налоговое управления США через американское посольство в Боготе, вызвали бурную реакцию пресс-офиса Neways International. Узнав

о моих звонках в Министерство юстиции США, Налоговое управление и ФБР, они пообещали блокировать любую мою попытку связаться с правительственными структурами их страны.

На самом деле все происходящее не имеет никакого отношения к Моуэрам.

За всем этим стоит личность Пабло Эскобара.

В Департаменте по правам человека при посольстве работает бывший приближенный Франсиско Сантоса, вице-президента Колумбии, чья семья владеет издательским домом «El Tiempo». Ему принадлежит двадцать пять процентов голосов в кабинете министров президента Альваро Урибе, что открывает ему доступ к гигантскому пирогу рекламных кампаний правительства – самого главного рекламодателя Колумбии – накануне продажи «El Tiempo» одному из самых крупных испаноязычных издательских домов.

Еще одному члену семьи, Хуану Мануэлю Сантосу, незадолго до этого назначенному министром обороны, поручено полное обновление парка ВВС Колумбии. Такая щедрость со стороны правительства по отношению к одной семье медиамагнатов имеет под собой нечто большее, чем простое желание обеспечить безусловную поддержку главного печатного органа страны правительству Урибе: она гарантирует абсолютное молчание о небезупречном прошлом господина президента. Однако это прошлое прекрасно известно правительству США, а также моей скромной персоне.

* * *

Через девять часов мы приземляемся в Майами. Меня все больше беспокоит сильная боль в животе. Она длится уже месяц и усиливается с каждым часом. Вот уже шесть лет как я не посещала врачей, потому что Томас Моуэр приложил все усилия, чтобы лишить меня как моего собственного скромного состояния, так и всех доходов от страховых и прочих выплат, причитающихся мне как человеку, возглавлявшему его операции в Южной Америке.

Номер сетевого отеля несуразно большой и уныло-безликий. Через несколько минут после нашего прибытия появляются шесть офицеров Управления по борьбе с наркотиками. Они внимательно наблюдают за мной все то время, пока изучают содержимое моих семи чемоданов от Гуччи и Луи Витона, набитых старыми платьями от Валентино, Шанель, Армани и Сен-Лорана. Среди вещей также находится небольшая коллекция гравюр, которую я

собирала почти тридцать лет. Мне сообщают, что в ближайшие дни я увижусь с руководством Управления, а также с Ричардом Грегори, прокурором, который вел процесс над генералом Мануэлем Антонио Норьегой[3]. От меня ожидают сведений о Хильберто и Мигеле Родригесах Орэхуэла, главах картеля Кали. Процесс по делу главных врагов Пабло Эскобара, возглавляемый тем же прокурором, который вынес приговор панамскому диктатору, начнется через несколько недель в одном из судов штата Флорида. Если главы наркокартелей будут признаны виновными, американское правительство получит возможность не только добиться для них пожизненного заключения или его эквивалента, но также сможет претендовать на их состояние. А это, ни много ни мало, два миллиарда сто миллионов долларов. В самой вежливой форме я прошу офицеров раздобыть для меня обезболивающее и зубную щетку, но мне объясняют, что я должна купить их сама. Когда же я отвечаю, что все, что у меня есть – это две монеты по двадцать пять центов, они все же находят для меня маленькую зубную щеточку, из тех, что бесплатно выдают в самолетах.

– По всему видно, что вы давно не останавливались в американских сетевых отелях.

– Точнее, никогда. В сьютах нью-йоркского «The Pierre» и в бунгало отеля «Bel-Air» в Беверли-Хиллз не было недостатка в аспирине и зубных щетках. А также в цветах и розовом шампанском! – вздыхаю я. Сейчас же, по вине этих бандитов из Юты, я так обнищала, что аспирин стал для меня роскошью.

– В этой стране в отелях уже не найти аспирина. Это же лекарство, и его может выписать только врач. А врачи стоят денег. Если у вас болит голова, потерпите и постарайтесь заснуть. Вот увидите, завтра все само пройдет. И не забывайте, что мы спасли вам жизнь. По соображениям безопасности вам не разрешается выходить из комнаты или вступать в контакт с кем-либо, особенно с прессой, включая журналистов из «Майями Геральд». Правительство США пока не может вам ничего обещать, и, начиная с сегодняшнего дня, все будет зависеть только от вас.

Я благодарю их и говорю, что им не о чем беспокоиться, потому что идти-то мне некуда. Я напоминаю, что это именно я предложила правительству США свою кандидатуру в качестве свидетеля по нескольким крупным судебным процессам в Колумбии и США.

Дэвид и остальные агенты Управления выходят, чтобы обсудить план действий на следующий день.

– Не успели прибыть и уже докучаете просьбами американскому правительству, – ворчит оставшийся в номере

шеф полиции по имени Нгуен.

– Во-первых, меня действительно измучила боль в животе, а во-вторых, я прекрасно понимаю, что представляю для вашего правительства, так сказать, двойной интерес. Вон в тех двух коробках доказательства со стороны Колумбии и Мексики о мошеннических схемах по уходу от налогов на сотни миллионов долларов. После смерти всех свидетелей и выплаты двадцати трех миллионов долларов отступных коллективный иск русских жертв Neways International[4] был отозван. А теперь представьте размеры аферы в трех десятках стран против дистрибьюторов и против прокуратуры.

– Нарушения финансового законодательства, тем более за границей, нас не касаются. Мы занимаемся только наркотиками.

– Возможно, информация о местоположении десяти килограммов кокаина смягчит ваше сердце, и вы добудете аспирин?

– Вы, как я вижу, не отдаете себе отчета в том, что имеете дело не с Налоговым управлением США и не с Федеральным Разведывательным управлением штата Юта. Я представляю Управление по борьбе с наркотиками штата Флорида. А Управление по борьбе с наркотиками – это не аптека, Вирхиния! Мы изымаем «химию», а не выдаем ее.

– Зато я отдаю себе отчет в том, что процесс «Соединенные Штаты Америки против Хильберто Родригеса Орехуелы» в двести раз гораздо более значим, чем процесс над Моуэрами.

Возвращаются офицеры Управления и сообщают, что все средства массовой информации только и говорят о моем отъезде из Колумбии. Я отвечаю, что за прошедшие четыре дня отказалась от почти двух сотен интервью журналистам всего мира и что меня мало интересует то, что обо мне говорят. Я прошу выключить телевизор. Одиннадцать суток я не спала и двое суток ничего не ела. Я измотана, и единственное мое желание – поспать несколько часов, чтобы наутро быть в состоянии давать показания.

Когда наконец меня оставляют одну, с грудой чемоданов и изматывающей болью в животе, я мысленно готовлюсь к тому, что подозрение на аппендицит – еще не самое худшее, что меня может ждать в этой ситуации. Не раз и не два я спрашиваю себя в эту ночь, действительно ли правительство США собирается спасти мне жизнь, или же чиновники из Управления планируют выжать из меня всю информацию, а затем вернут на родину, оправдываясь тем, что полученные сведения о Родригесе Орехуэле оказались бесполезными, так как относятся к 1997 году

и подлежат рассмотрению в другой стране. Я нисколько не сомневаюсь, что, едва ступлю на колумбийскую землю, те, у кого рыльце в пушку, не упустят возможности сделать из меня пример для устрашения всех, кто решит пойти по моим стопам, став информатором или свидетелем в суде. У трапа самолета будут ждать представители спецслужб с ордером на мой арест, выданным Министерством обороны или органами госбезопасности. Меня посадят в джип с тонированными стеклами, а потом, когда все будет кончено, президентские СМИ, повязанные с главами наркокартелей, возложат вину за мое убийство или исчезновение на Родригеса Орехуэлу, на «Лос Пепес»[5], или, а почему бы и нет, на жену Пабло Эскобара.

Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько одинокой, больной и несчастной. Я прекрасно понимаю, что по возвращении в Колумбию я буду не первой и не последней в списке тех, кто расстался с жизнью, пойдя на сотрудничество с посольством США в Боготе. Но мое бегство из страны на самолете Управления по борьбе с наркотиками получило мировую огласку, а это значит, что со мной будет сложнее расправиться, чем с предпринимателем Цезарем Вильегасом по прозвищу Эль Банди или с политиком Педро Хуаном Морено. Эти двое поплатились за то, что были слишком хорошо осведомлены о прошлом президента. Я не хочу повторить судьбу помощника Пабло Эскобара Карлоса Агилары по кличке Эль Мугре, который был убит после того как дал показания против Сантофимио. Не привлекает меня и участь синьоры де Палломари, жены синьора де Палломари, счетовода братьев Родригесов Орехуэло, убитой после того, как ее муж отбыл в США самолетом, принадлежащим (какое совпадение!) Управлению по борьбе с наркотиками. И это несмотря на то, что несчастная женщина находилась под опекой колумбийской прокуратуры и проходила по программе защиты свидетелей. Ирония состоит в том, что, в отличие от этих людей, да покоятся они с миром, я не совершала никаких преступлений. Ради памяти тысяч убитых мне нужно выжить. И я говорю себе: еще не знаю как, но я не позволю себя убить и не позволю себе умереть.

Часть I
Дни невинности и грез

All love is tragedy.
True love suffers and is silent[6].

Оскар Уайлд

Царство «белого золота»

В середине восьмидесятых в Колумбии существовало несколько вооруженных группировок. Исповедуя марксистскую или маоистскую идеологию, все они были яростными приверженцами кубинской модели и жили за счет помощи Советского Союза. Не брезговали похищением состоятельных граждан ради выкупа и воровством скота у местного населения. Самой крупной из них была FARC (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia) – Революционные вооруженные силы Колумбии – возникшая в пятидесятые годы прошлого столетия, времена беспримерной жестокости и таких зверств, что невозможно говорить о них, не устыдившись принадлежности к роду человеческому. Меньшими по численности были ELN (Ejército de Liberación Nacional) – Армия национального освобождения и EPL (Ejército Popular de Liberación) – Народная армия освобождения, которая впоследствии оставила вооруженную борьбу и превратилась в политическую партию. В 1984 году появляется также группировка «Quintín Lame» – «Кинтин Ламе», носившая имя отважного борца за права коренного населения Америки.

Ну и, конечно же, «M-19»[7] – «Эль Эме», группа, прославившаяся экстравагантными и шокирующими выходками, взрывоопасная смесь студентов университетов и профессиональных бандитов, интеллектуалов и людей искусства, сынков буржуазии и военных, а также закаленных бойцов передовой, которые на жаргоне вооруженных группировок именуются «tropero» – погонщик скота. В отличие от прочих формирований, которые действовали преимущественно в сельской местности и сельве, покрывающей половину территории страны, «Эль Эме» была группировкой исключительно городской, причем среди руководителей организации фигурировали даже великосветские львицы, питающие слабость к саморекламе, впрочем, как и все их однопартийцы.

В годы, последовавшие за операцией «Кондор»[8], правила игры в Колумбии ужесточились. Когда представитель любой из этих группировок попадал в руки военных или госбезопасности, чаще всего его ждали тюрьма, пытки и казнь без суда и следствия. Соответственно, гражданин, оказавшийся в распоряжении повстанцев, имел шанс получить свободу только после того, как его семья платила выкуп, при этом порой стороны не могли договориться об окончательной сумме годами. Тот, кто отказывался платить, исчезал бесследно. Впрочем, за небольшими

исключениями, лишь подтверждающими правило, все это мы можем наблюдать и в наши дни. Любой колумбиец, имеющий приличную работу, знает не менее дюжины случаев похищений среди своих друзей, родственников или сослуживцев. При этом одни жертвы возвращались в целости и сохранности, а другие сгинули навсегда. Эти последние делятся на тех, чьи семьи не смогли набрать необходимую сумму, на тех, кто исчез, несмотря на выплаченный за них большой куш, и на тех, за кого родственники предпочли не платить, чтобы не потерять накоплений всей жизни или нескольких поколений.

* * *

Я прикорнула на плече у Анибала, когда наш небольшой самолет дважды подпрыгнул, касаясь земли. Анибал ласково потрепал меня по щеке, но, когда я попыталась встать, жестом остановил меня и указал на иллюминатор. Я взглянула и оцепенела от ужаса: по обеим сторонам взлетной полосы дефилировали две дюжины молодчиков с автоматами наперевес. Одни, щурясь от полуденного солнца, другие, пряча глаза за темными очками, деловито окружали наш самолет. По выражению их лиц было ясно, что эти ребята привыкли сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы. Чуть поодаль, под прикрытием кустарника, стояли еще несколько человек. Двое из них небрежно поигрывали автоматами «Узи»: так девушки кокетливо крутят на пальце ключи от дорогой машины. Мне сделалось дурно, когда я представила, что может произойти, если одна из этих штуковин грохнется на землю, выплевывая шестьсот пуль в минуту. Все парни были очень молоды, одеты в удобную и даже модную импортную одежду: разноцветные рубашки поло, джинсы и сникеры. Ни намека на униформу или камуфляж.

Пока самолет катился по взлетной полосе, я подсчитывала совокупную ценность всей нашей честной компании для боевиков.

Мой жених приходился племянником предыдущему президенту страны Хулио Цезарю Турбаю, который на протяжении всего срока пребывания у власти (1978–1982) беспощадно боролся с вооруженными группировками. Особенно досталось тогда М-19, бóльшая часть руководителей которой оказалась за решеткой. Правда, уже следующий глава правительства, Белисарио Бетанкур[9], едва заняв президентское кресло, пообещал амнистировать и освободить тех из боевиков, кто решит сложить оружие.

Я перевела взгляд на детей Анибала от предыдущего брака и содрогнулась: приемным отцом одиннадцатилетнего Хуана Пабло и девятилетней Адрианы на тот момент был Карлос Ардила Лулла[10], второй в списке самых богатых людей Колумбии, владелец крупнейших заводов страны по производству газированных напитков.

Что касается наших друзей, Ольгита Суарес была дочерью миллионера скотопромышленника с берегов Атлантики и невестой известного испанского барда Рафаэля Уррасы, который, к слову, и был организатором всей этой авантюры.

Сестра Ольги была помолвлена с Фелипе Эчеварриа Рочей, представителем одной из самых влиятельных промышленных династий Колумбии.

Нано и Этель занимались дизайном и продажей произведений искусства, Анхела работала топ-моделью, а я была одной из самых успешных телеведущих Колумбии.

Совершенно очевидно, что все мы для повстанцев были олигархами, а значит, *secuestrables,* – потенциальными заложниками – очень популярное в Колумбии словечко, так же как и *narco,* но об этом чуть позже.

Анибал был необычно бледен и молчалив. Не давая ему даже слова вставить, я засыпала его упреками: «С чего ты решил, что это наш самолет? Ты понимаешь, что нас похитили? Сколько месяцев нас здесь продержат, когда узнают, КТО мать твоих детей? Это серьезные ребята, посмотри, как они одеты и какие у них пушки! А вдруг они заставят меня идти через сельву? Прямо так, в итальянских босоножках! И соломенной шляпки у меня с собой нет! Почему ты не позволил мне спокойно собрать вещи? Я бы наверняка захватила что-нибудь подходящее! Почему ты принимаешь приглашения от малознакомых людей? Телохранители МОИХ друзей не наставляют на приглашенных автоматы. Нас же просто заманили в ловушку! И еще. Знаешь, ПОЧЕМУ мы здесь оказались? Потому что ты совсем одурел от кокаина и уже не разбираешь, где явь, а где твои чертовы фантазии! Если мы выберемся отсюда живыми, я клянусь, что не выйду за тебя! Потому что такими темпами ты очень скоро допрыгаешься до инфаркта и оставишь меня вдовой!»

Анибал Турбай был большим, красивым и великодушным человеком. Он не скупился на любовь и комплименты, щедро даря окружающим свое время и свои деньги, хотя и не был мультимиллионером, как все мои предыдущие возлюбленные. Он был объектом обожания многочисленной и весьма эклектичной коллекции друзей, таких, например, как искатель сокровищ Манолито де Арнаубе, а также сотен женщин, чьи жизни навсегда

поделились на «до Анибала» и «после Анибала». Его единственным недостатком была неистребимая тяга к белому порошку. Я ненавижу эту страсть, а он был предан ей больше, чем своим детям, больше, чем мне, деньгам, да и всему на свете.

Прежде, чем он успел ответить на мои упреки, дверь самолета открылась, и мы почувствовали жаркий манящий запах тропиков, обещающий тысячи наслаждений жителям прохладной Боготы, внезапно попавшим в регион Тьерра Кальенте[11].

В проеме двери появились два вооруженных человека и, увидев, что мы напуганы, запричитали: «Боже мой! Вы нам не поверите, но этим самым рейсом нам должны были доставить клетки с тигрицами и пантерой. Наверное, они летят другим самолетом. Тысяча извинений! Какой конфуз! Здесь же дамы и малые дети! Когда патрон узнает, он с нас шкуру спустит».

Нам объяснили, что на территории асьенды есть большой зоопарк и, очевидно, наш рейс перепутали с тем, который должен был доставить для него хищников. Пока вооруженные до зубов ребята рассыпаются в извинениях, пилоты покидают кабину, всем своим видом демонстрируя, что они обязаны соблюдать график полетов, а проверка состава груза в их компетенцию не входит.

Тем временем к трапу подъезжают три джипа, чтобы отвезти нас в хозяйскую усадьбу. Я надеваю солнечные очки и шлем «сафари», выхожу из самолета и, сама того не ведая, делаю шаг в новую жизнь. Мы рассаживаемся по машинам, Анибал обнимает меня за плечи, так что я совершенно успокаиваюсь и, раз уж так вышло, твердо решаю получить удовольствие от всей этой авантюры.

«Смотри как красиво! Какие просторы! Это будет настоящее приключение!» – говорю я негромко и указываю на пару цапель, взлетающих на противоположном берегу реки. Зачарованные, в совершенном молчании, мы созерцаем этот великолепный спектакль в декорациях земли, воды и бескрайнего неба. Я чувствую, как меня накрывает волна счастья, внезапного, беспричинного восторга. Из хижины неподалеку слышится песня «Caballo Viejo»[12] в исполнении Роберто Торреса. Этот гимн венесуэльской равнине стал излюбленным мотивом крестьян старшего поколения всего американского континента. Они напевают его на ухо резвым гнедым кобылкам, когда хотят забыть обо всем на свете, дать себе волю и пуститься вскачь через равнины в надежде, что лошадь разделит с ними их безумие.

Когда любовь приходит так внезапно,
Что ты даже не успеваешь этого понять,

Трава зеленеет, цветы расцветают
И рвутся путы.
Когда любовь приходит так внезапно,
В том нет твоей вины.
Любовь неподвластна
Календарям и расписаниям,
Когда сливаются желания.
Коня отпускают на волю,
Потому что он измучен и стар,
Но не понимают
Что, если снять путы с сердца,
Оно несется вскачь,
Как обезумевший конь.
И если ему навстречу
Выйдет резвая гнедая кобылица,
Он весь задрожит,
И не остановят его
Ни окрик, ни узда,
Ни кнут.
Мало вольных часов у коня,
И время не тратя зря,
Утром рано рысцой
Он спешит к той лошадке гнедой,
Что его поманила шутя.
Молодой жеребец не спешит,
У него впереди вся жизнь,
А старый конь не откажется от цветка,
Что ему подарили,
Ведь, когда закончится эта жизнь,
Другой не будет.

Голос певца и ритмичные кадансы, исполненные народной мудрости, растворяются в окружающем нас воздухе, насыщенном обещаниями.

Я настолько счастлива и полна новыми впечатлениями, что мне не приходит в голову спросить имя или род занятий нашего патрона.

«Вот таков, должно быть, хозяин всего этого великолепия, старый конь, не теряющий времени, прожженный старый политикан, лопающийся от денег, владелец множества стад, мнящий себя королем среди своих вассалов», – говорю я, склоняя голову на плечо Анибала, этого дородного гедониста, чья любовь к приключениям не покидала его до самой смерти. Она добралась

до него всего лишь за несколько недель до того, как я собралась с силами, чтобы писать эту историю, сплетенную из мгновений, затерявшихся в закоулках моей памяти, и наполненную мифами и монстрами, которым лучше бы никогда не возрождаться к жизни.

Хозяйский дом был огромен, но, к немалому нашему удивлению, лишен предметов роскоши, обязательных для традиционных крупных поместий Колумбии. Отсутствовали семейная часовня, манеж, теннисный корт, загон для лошадей. Нам не удалось увидеть ни одной породистой собаки, ни одной пары английских сапог для верховой езды. Не было там ни старинных украшений, ни картин XVIII, XIX и XX веков с изображениями мадонн и святых, ни резных позолоченных фризов, ни деревянных колонн, ни покрытых глазурью фигурок с изображением святого семейства, доставшихся от предков. А где же старинные сундуки, обитые железом и персидские ковры всех цветов и размеров? Где расписанный вручную французский фарфор и вышитые монахинями скатерти? Где же, на худой конец, розы и орхидеи – гордость хозяйки дома?

Не видно и слуг, преданных рабов богатых семей Колумбии, людей, перешедших по наследству, словно утварь, людей, много испытавших, смиренных до святости, из поколения в поколение предпочитавших верный кусок хлеба свободе. Это бедные крестьяне, одетые в простые пончо из грубой коричневой шерсти. У них часто недостает зубов, но они не скупятся на улыбки. С торопливой готовностью они бросаются исполнять любую вашу просьбу и, стаскивая шляпу со склоненной головы, тараторят: «Уже бегу, ваша милость! Элеутерио Гонсалес к вашим услугам! Готов служить вашей милости, только прикажите!» Эти люди, казалось, никогда не слышали, что где-то в мире существуют чаевые. Их почти уже не осталось, этих людей, потому что партизаны успели объяснить им, что после скорой победы революции крестьяне тоже будут иметь право на землю, скот, оружие, выпивку и женщин, таких же, как у хозяев, красивых и длинноногих.

Все комнаты в доме были объединены одним большим коридором и оформлены в спартанском стиле: две кровати, ночной столик, керамическая пепельница местного производства, настольная лампа и фотографии с видами асьенды. Слава богу, в ванной комнате была горячая вода, а не только холодная, как это частенько бывает в отелях и домах Тьерра Кальенте. Огромная веранда уставлена десятками столиков под зонтиками и сотнями добротных стульев, выкрашенных в белый цвет.

Веранда по размерам не уступает иному загородному клубу, из чего мы заключаем, что дом предназначается для приема сотен

приглашенных. Количество гостевых комнат также говорит в пользу того, что на выходные здесь одновременно размещается не один десяток постояльцев.

«Наверняка здесь закатывают грандиозные вечеринки, – замечает кто-то из нас. – И приглашают лучший оркестр вальенато[13] с двумя дюжинами аккордеонов».

«Тогда уж лучше Sonora Matancera[14] и Los Melódicos[15].

Причем всех вместе!»

Еле различимое ехидство в голосе выдает зависть.

Управляющий асьендой извещает нас, что хозяин задержится из-за внезапно возникших проблем и не появится до следующего утра. Работники получили приказ выполнять любые наши пожелания и делать все для нашего удобства и удовольствия.

Однако нам сразу же сообщают, что мы не имеем права подниматься на третий этаж здания, где находятся личные апартаменты хозяина. Обслуживающий персонал состоит из мужчин, и, похоже, все они боготворят своего патрона. Их положение в доме явно выше, чем у слуг других богатых людей страны. Это видно по их уверенной манере держаться и отсутствию покорности и подобострастия во взгляде. Эти люди, по-видимому, приближены к семье. Они одеты в новую, качественную рабочую одежду, хотя и более скромную, чем та, что была на парнях со взлетной полосы. И у них нет оружия.

Мы проходим в столовую на ужин. За деревянным столом необъятных размеров, кажется, может уместиться целый батальон.

Перед каждым гостем лежат белые бумажные салфетки, а еду подают в простой глиняной посуде. Нас обслуживают две женщины, очень ловкие и молчаливые, единственные, которых нам удалось увидеть в доме с момента нашего прибытия. Как мы и предполагали, на ужин здесь предлагают простую и сытную крестьянскую пищу: тушеную фасоль, отварной рис, кусочки вареного мяса, яичницу и ломтик авокадо.

Ни намека на роскошь, ни единой попытки придать пространству более уютный или изысканный вид. Все здесь, на этой асьенде, занимающей почти три тысячи гектаров, между Дорадалем и Пуэрто-Триунфо в жарком регионе Магдалена Медьо провинции Антиохия спланировано, исходя из соображений удобства и здравого смысла, как если бы это был просто еще один большой отель в Тьерра Кальенте, а не асьенда влиятельного человека.

Ничто в ту первую ночь, проведенную мною в асьенде «Неаполь», не предвещало, что скоро передо мной откроется новый мир, государство в государстве, сильно отличающийся от

всего, что мне приходилось видеть ранее.

И некому было меня предупредить о непомерных амбициях человека, который создал свое королевство из звездной пыли и той субстанции, из которой творят мифы, навсегда меняющие истории наций и людские судьбы.

* * *

За завтраком нам объявили, что хозяин вернется к полудню, чтобы иметь возможность лично показать нам свой зоопарк. До этого времени нам предлагалось покататься на *багги,* небольших автомобилях, созданных для молодежи, которой нравится носиться сломя голову по песчаным пляжам. Они состоят из низко посаженного, почти на уровне земли, и очень прочного кузова, двух сидений, руля, переключателя скоростей, бензобака и двигателя. Эти машинки несутся по песку, издавая адский шум и оставляя за собой облако пыли и шлейф зависти. Потому что за рулем *багги* обыкновенно сидит загорелый красавец в шортах. На лице его солнечные очки и голливудская улыбка, а на пассажирском сиденье – немного испуганная красотка с развевающимися на ветру волосами или не очень трезвый, но бесстрашный товарищ. На *багги* разрешено ездить по пляжу, даже в сильном подпитии. При этом ни с водителем, ни с пассажирами не может случиться ничего страшного: риск перевернуться минимален, так же, как и нарваться на неприятности с полицией, потому что у машинки есть дополнительное преимущество – она способна затормозить почти мгновенно.

То первое утро в «Наполес» начиналось абсолютно нормально. Но затем стали происходить странные вещи, как если бы мой ангел-хранитель старался сообщить мне, что грядущие несчастья почти всегда приходят под маской мимолетных удовольствий и невинных на первый взгляд приключений.

Анибал был одним из самых безрассудных людей на этой планете, что мне в нем безумно импонировало в силу моей собственной авантюрной натуры. Все мои подруги были уверены, что наша помолвка завершится не походом к алтарю, а падением на дно глубокой пропасти. Истины ради надо отметить, что он был прекрасным водителем. Порой он гонял на своем «Мерседесе» по узким, извилистым горным дорогам на скорости двести километров в час со стаканом виски в одной руке и сэндвичем в другой. Но за всю свою жизнь он ни разу не попал в аварию.

И вот мы мчимся на багги. На коленях у меня дочка Анибала.

Теплый ветер дует в лицо. Волосы развеваются на ветру. Я испытываю счастье и восторг от того что мы несемся по бескрайним просторам.

Потому что в любом другом поместье все эти неизмеримые пространства были бы отданы под выпас зебу[16] или поделены на загоны для флегматичных коров и воинственно настроенных быков.

В течение трех часов мы проезжаем многие километры по равнинам всех оттенков зеленого. Кое-где встречаются озерца или небольшие речушки. На склонах холмов словно расстелен мягкий светло-зеленый бархат. Лениво колышутся травы, и весь пейзаж очень похож на прерии (правда без баобабов), послужившие фоном для Мерил Стрип и Роберта Редфорда в фильме «Из Африки». Фильм я увижу лишь по прошествии многих лет. Вокруг только деревья, травы, птицы и некрупные животные южноамериканских тропиков. Все это невозможно описать во всех деталях, потому что каждая новая сцена этого театра под открытым небом начинается прежде, чем заканчивается предыдущая.

На головокружительной скорости мы влетели в низину с очень густой растительностью, почти сельву, с полкилометра шириной, чтобы отдохнуть немного от палящего полуденного солнца в бамбуковых зарослях, под кронами гигантских пальм. В ту же секунду мы едва не оглохли от визгливой какофонии: к небу взметнулась огромная стая птиц самых немыслимых расцветок. Багги подпрыгнул, попав колесом в скрытую под опавшей листвой яму. Двухметровая жердь толщиной почти в три моих пальца, словно снаряд, врезалась в переднюю часть автомобиля, летящего на скорости сто километров в час, пронзила небольшое пространство между моей коленкой и ногой Адрианы и остановилась буквально в миллиметре от моей щеки и в двух сантиметрах от моего глаза. К счастью, все закончилось благополучно, так как Анибал резко затормозил и *багги* встал как вкопанный. Видимо, бог уготовил мне другую судьбу.

К тому времени мы забрались достаточно далеко, но благодаря рации *уоки-токи*, которую до этого происшествия я считала абсолютно бесполезной игрушкой для снобов, через двадцать минут за пассажирами и за бренными останками покалеченного *багги* прибыли спасатели на джипах.

Через полчаса мы уже сидели в небольшом медпункте асьенды, где нам сделали уколы от столбняка и обработали царапины меркурохромом.

Друзья обрадовались, что мы с Адрианой отделались легким испугом и на двоих у нас по-прежнему четыре глаза. Анибал, как

ребенок, ожидающий наказания, начал бубнить, что починка этой машинки может стоить очень дорого. Он уже прикидывал, во сколько ему обойдется покупка новой и доставка ее морем из Соединенных Штатов.

Нам сообщили, что вертолет хозяина асьенды приземлился несколько минут назад, хотя никто из нас не слышал характерного шума. Мы с Анибалом приготовились принести свои извинения за причиненный ущерб и узнать, каким образом мы сможем его возместить.

Через несколько минут хозяин появился в гостиной, где уже собрались наши друзья. Его лицо просияло, когда он заметил, какое впечатление произвела на нас его молодость. Я полагаю, что он понял, насколько полегчало Анибалу и мне, когда мы поняли, что он почти наш ровесник. Озорные искорки запрыгали в его глазах. Похоже, он едва сдерживался, чтобы не зайтись в приступе смеха.

За несколько лет до этих событий, в Гонконге, благородный и элегантный капитан Чанг сказал, кивнув в направлении антикварного «Роллс-Ройса» Silver Ghost, круглосуточно дежурившего возле дверей моего отеля: «Не волнуйтесь, любезная сеньора, у нас еще семь таких же для других наших гостей, а этот пусть будет для вас лично!»

Приблизительно таким же тоном наш молодой и сияющий улыбкой хозяин воскликнул, сделав широкий жест рукой: «Не переживайте из-за автомобиля, у меня их несколько десятков!» – и в одну секунду освободил нас ото всех переживаний, а также от любых сомнений по поводу своего гостеприимства и великодушного намерения делить с нами, начиная с этого момента и до конца недели, все возможные развлечения, доступные в его владениях. Его уверенный голос и обворожительная улыбка подействовали на всех столь чудесным образом, что каждый почувствовал себя избранным и посвященным в некое действо, хорошо спланированное и до конца известное только нашему хозяину.

– Как наши раненые? Не переживайте! Мы сполна вознаградим детей за потерянное время. Им не придется скучать ни одной минуты. Поверьте, я искренне сожалею, что не мог прибыть раньше. Рад нашей встрече. Я – Пабло Эскобар.

Это верно, что он был невысок ростом, меньше метра семидесяти. Но я уверена, что этот факт его никогда не беспокоил. У него было крепкое телосложение, выдающее склонность к полноте, с возрастом берущую свое; сильно выраженный двойной подбородок, толстая и очень короткая шея, прямой, четко очерченный рот, правильный, почти греческий нос

и небольшие усики. Он был еще довольно молод, но в нем уже было больше мужского, чем юношеского. Можно сказать, что внешне это был человек заурядный, скорее некрасивый, из тех, кого спутаешь с миллионами таких же на улицах городов по всей Латинской Америке. Но во всем его облике, в приятном тембре голоса, в манере говорить, спокойно, взвешенно, тщательно подбирая слова, сквозила уверенность человека, осознающего свою силу и власть, убежденного в том, что его желания – закон, подлежащий немедленному исполнению, и что он хозяин положения во всем, что касается его жизни и жизни преданных ему людей.

У него темные кудрявые волосы, густая челка тройной волной падает ему на лицо. Время от времени быстрым движением руки он убирает непослушную прядь со лба. У него достаточно светлая кожа, в отличие от нас, обитателей «Тьерра Фриа», покрытых, тем не менее, бронзовым загаром в течение всего года. Его близко посаженные глаза почти никогда не смотрят прямо на собеседника. Но неуловимый, проницательный взгляд, будто из глубокой пещеры, внимательно следит за вашим выражением лица, чтобы понять ваши истинные мысли и намерения. Я заметила, что в тот раз почти все время его взгляд был прикован к Анхеле, которая отвечала ему с вежливым пренебрежением с высоты своей юной, надменной двадцатитрехлетней и стасемидесятипятисантиметровой красоты.

Мы расселись по машинам, чтобы ехать в зоопарк. Эскобар сел за руль одного из джипов, в сопровождении двух бразильянок, одетых в купальники с трусиками «танга». Это были невысокие, крутобедрые красотки, будто только что с пляжей Копакабаны. Девушки не разговаривали, зато предавались взаимным ласкам, впрочем, довольно сдержанным. Их совершенно очевидно смущало присутствие детей и элегантных дам, которые в тот день полностью завладели вниманием хозяина. Анибал заметил, что обе девушки были при этом довольно равнодушны ко всему происходящему вокруг них, что для него, как знатока в определенной области, явилось неоспоримым признаком довольно частого употребления чего-нибудь вроде *Samarian Platinum*, потому что *Samarian Gold*[17] в этой роскошной резиденции, должно быть, считалась всего-навсего дешевой разновидностью конопли. Мы заметили также, что обе девушки – действительно очень миленькие и чем-то похожие на зачарованных ангелочков – на указательном пальце правой руки имели по кольцу с бриллиантом размером в один карат.

В нашем поле зрения, на некотором удалении, появляются три слона – жемчужина коллекции любого уважающего себя

цирка или зоопарка. Хотя я никогда не отличала азиатских особей от африканских, Эскобар утверждает, что эти – азиатские. Он сообщает также, что взрослые самцы тех видов, которые находятся на грани исчезновения, в его зоопарке имеют по две и более самочек, а в случае с зебрами, верблюдами, кенгуру, лошадьми-аппалузами и другими менее дорогостоящими животными, у самцов выбор еще больше. И добавляет, скривив губы в скабрезной ухмылке:

– Вот поэтому они вполне довольны жизнью, не проявляют агрессии и даже не думают ни на кого нападать.

– Нет, Пабло, это не от обилия самок. Это от того, что здешние просторы похожи на равнины Африки. Посмотри на бегемотов и носорогов, которые бегут к реке, счастливые, как если бы они жили у себя на родине! – говорю я, указывая на животных. Во-первых, я просто обожаю противоречить мужчинам, которые переоценивают роль секса. Во-вторых, в этом зоопарке завораживает именно полная свобода, предоставленная этим гигантам, так, что они могут по своему желанию гулять на открытом пространстве или скрываться среди высокой травы, откуда, в полном соответствии с законами природы (и возможностями хозяина асьенды), в самый неожиданный момент, может выскочить пантера или тигрица.

На каком-то этапе прогулки мы замечаем, что бразильянки исчезли, видимо, не без помощи усердных телохранителей. Почетное место рядом с нашим хозяином теперь заняла Анхела. С лица патрона не сходит блаженная улыбка. Анибал тоже на седьмом небе от счастья. К этому моменту у него созрел гениальный план предложить нашему хозяину вертолеты, которые производил его друг, граф Агуста, и в этом ключе интерес Эскобара к нашей подруге был очень даже кстати.

Мы подъезжаем к троице жирафов, и я не могу удержаться от вопроса, как можно привезти из Кении в Колумбию животных такого размера, с шеями длиной в километр. Меня интересуют подробности. Кто этим занимается? Сколько это стоит? Как их грузят на корабль? Страдают ли они морской болезнью? Как их извлекают из трюма? На какой машине их везут от порта до асьенды, так, чтобы не вызвать ненужного любопытства у окружающих? И сколько времени эти животные привыкают к жизни на другом континенте?

– А как бы ты их привезла? – спрашивает он меня несколько настороженно.

– Ну… учитывая длину шеи и тот факт, что они находятся на грани исчезновения, везти их через Европу было бы слишком рискованно. Значит, сначала их перевозят через всю Тропическую

Африку до, ну скажем, Либерии. От Берега Слоновой Кости до берегов Бразилии или Гайаны они плывут на корабле. Затем пересекают леса Амазонки, при этом по пути следования проверяющим вручаются небольшие подарочки в виде увесистых пачек купюр. Точно такие же достаются еще сотням счастливых патрульных на протяжении всего пути от Манауса до Пуэрто-Триунфо. Ну, в общем, ничего особенно сложного.

– Я всерьез обеспокоен, Вирхиния, твоей склонностью к международным аферам. Пожалуй, возьму у тебя парочку уроков. Мои жирафы абсолютно легально импортированы из Кении. А ты как думала? Из Кении через Каир, Париж, Майами, Медельин, до моей асьенды. Со всеми сертификатами происхождения и документами о прививках. Привезти их контрабандой было бы невозможно, потому что шеи у них не складные. Их не утихомиришь и спать не уложишь, как пятилетних детишек. И потом, разве я похож на контрабандиста, промышляющего жирафами? – И, прежде чем я успела согласно кивнуть, он радостно воскликнул:

– А теперь все к речке, купаться! Посмотрим на настоящий уголок рая на земле и потом перекусим.

Если есть что-то, что может подвигнуть жителя Тьерра Фриа помчаться куда-либо сломя голову, то это перспектива пикника с обязательным *санкочо*[18] на берегу реки в Тьерра Кальенте.

Так как с самого детства я привыкла к бирюзовым волнам моря или океана, я была приятно удивлена, когда обнаружила, что чуть зеленоватые воды реки Кларо, питаемые десятками источников, зародившихся на территории асьенды, и неспешно струящимися среди огромных валунов, оказались кристально чистыми. Глубина была идеальной для купания, и нигде не было видно москитов, которые обыкновенно находят, что моя кровь слаще меда.

На берегу нас уже ждали родственники (или друзья) нашего хозяина, два десятка телохранителей и моторные лодки на воздушных подушках. В такую лодку помещаются около двенадцати человек, одетых в жилеты, шлемы и наушники, защищающие от рева моторов, расположенных на корме и заключенных в большие металлические клетки. Эти лодки могут перемещаться с бешеной скоростью, а, как я узнала позже, Пабло и его двоюродный брат Густаво Гавирия всегда были неравнодушны к гонкам в любой их форме.

Мы стартуем, причем за управление нашим катером берется лично Эскобар.

Он явно загипнотизирован скоростью. Наш катер летит, едва касаясь поверхности воды и, благодаря ловкости Пабло,

благополучно обходит все препятствия. Он чувствует эту реку, каждую ее излучину, каждый камень, каждый омут, каждое упавшее дерево. Он хочет потрясти нас своим мастерством, спасая от опасностей, которые мы замечаем, только когда те уже миновали. Мы несемся по водной глади, точно стрела. Все новые препятствия возникают и исчезают в мгновение ока, как если бы это было только наше больное воображение. Этот бешеный круиз длится почти час. Когда мы наконец прибываем к пункту назначения, мы чувствуем себя так, словно бы прокатились по всем водопадам Ниагары. Потрясенная, я осознаю, что каждую секунду этого часа наши жизни целиком зависели от точности расчета и быстроты реакции этого человека, который, похоже, был рожден, чтобы бросать вызов судьбе или для того, чтобы спасать тех, с кем она его свела, получая в благодарность восхищение и аплодисменты.

Совместно пережитые сильные эмоции являются лучшим подарком для тех, кто ценит приключения. Хотелось бы мне понять, для чего Эскобар подарил нам это эффектное шоу. Что стояло за этим театрализованным действом? Желание продемонстрировать самые изощренные формы гостеприимства? Страсть к игре со смертью? Или же бьющее через край самолюбие?

Мы прибыли к месту пикника, и я, пользуясь возможностью отдохнуть в воде, пока готовились *санкочо* и *парильяда*[19], плавала на спине, предаваясь неспешным размышлениям и любуясь красотой неба. Я не заметила, как концентрические круги водоворота сомкнулись вокруг меня. Почувствовав стальную хватку омута, вознамерившегося утащить меня на дно, я замахала руками, призывая жениха и друзей, находившихся на берегу всего в восьмидесяти метрах от меня. Но они решили, что я приглашаю их присоединиться к купанию. Они смеялись и махали руками в ответном приветствии. Их мысли были лишь о том, как быстрее вознаградить себя хорошей едой и выпивкой за пережитую одиссею. Я была на волосок от гибели, и все это на виду у четырех десятков веселящихся друзей и знакомых. Уже почти обессилев, я встретилась взглядом с Пабло Эскобаром. Только он, тот, кто более других был занят всем происходящим на берегу, исполняя роль дирижера и хозяина салона, понял, что я попала в переделку, из которой мне не выбраться самостоятельно. Не раздумывая ни секунды, он бросился в воду и быстро оказался рядом со мной. Он произнес несколько слов, чтобы успокоить меня, затем, точными движениями, словно в хореографическом танце, крепко схватил меня и с силой, которая, как мне тогда показалось, вдвое превосходила мощную хватку

водоворота, выдернул меня из объятий смерти с такой легкостью, как если бы я была пушинкой. Проделано это все было так ловко и с таким спокойствием, словно спасение утопающих было просто еще одной непременной обязанностью любого гостеприимного хозяина, а сам он был заговорен от любой опасности. Я цеплялась сначала за его руку, потом за плечо, потом за его торс. Все это время Анибал смотрел на нас, как будто спрашивая себя, какого черта я не отлипаю от этого типа, которого знаю всего-то несколько часов и который только что был на берегу и мирно беседовал с ним самим.

Мы подплыли к берегу и, слегка пошатываясь, направились к остальным. Пабло поддерживал меня под руку. Я спросила его, почему среди стольких людей он единственный понял, что я могу погибнуть.

– Потому что я прочел в твоих глазах отчаяние. Твои друзья и мои ребята видели только, что ты махала руками.

Я посмотрела на него и сказала, что он был не единственным, кто разглядел мое отчаяние, но единственным, кого волновала моя жизнь. Мне показалось, что он был удивлен, особенно когда я добавила с улыбкой, которую едва смогла выдавить из себя, после произошедшего:

– Ну вот, теперь до конца твоей жизни ты в ответе за меня, Пабло.

Он отеческим жестом обнял меня за плечи, которые не переставали дрожать. Затем, ухмыльнувшись, сказал:

– До конца МОЕЙ жизни? А почему ты думаешь, что из нас двоих именно я умру первым?

– Ну просто… ты же знаешь… Так говорят в народе: кто спас, тот и в ответе. Давай скажем по-другому. До конца моей жизни. Так нам обоим спокойнее. Заодно оплатишь мои похороны.

Он засмеялся и сказал, что это произойдет не ранее чем через сто лет, потому что события последних двух часов ясно показали, что у меня больше жизней, чем у кошки. На берегу я позволила Анибалу закутать себя в большое полотенце, которое, к счастью, не позволило мне увидеть в его глазах то, что он предпочел бы от меня скрыть.

Пикник ничем не уступал пирушкам в богатых аргентинских поместьях, а место было выбрано действительно великолепное. Отойдя в сторону от друзей, я в тишине созерцала эти первозданные кущи, словно прощенная Ева, для которой снова открылись двери рая. В последующие годы не раз и не два я буду воскрешать в памяти беседку из тикового дерева с видом на спокойные изумрудные воды реки Кларо, густые кроны деревьев на противоположном берегу и солнечные блики на листьях и на

крыльях бабочек. Много месяцев спустя я попрошу Пабло вернуться туда, но он ответит, что это уже невозможно, потому что там обосновались боевики. А затем, в течение последующих двух десятилетий, я пойму (или приму) наконец тот факт, что не стоит возвращаться туда, где был очень счастлив. Потому что прежнего не вернешь и остается только щемящая тоска по ярким цветам, улыбкам и былому веселью.

Все, что видишь на асьенде «Неаполь», впечатляет колоссальными размерами.

Мы сидим в кабине «Роллигона», гигантского пневмотрака, с колесами по два метра в диаметре и ковшом, где могут уместиться человек пятнадцать. Эта машина может соперничать с троицей слонов.

– Пабло! Спорим, что вон та хворостинка тебе не по зубам! – мы показываем на средних размеров дерево.

– И это повалим! – отвечает польщенный Пабло и безжалостно ломает несчастное деревце, объясняя свою страсть к разрушению тем, что не выдерживающие его напора не достойны жизни и должны вернуться в землю, чтобы стать пропитанием для сильнейших.

На обратном пути мы проезжаем мимо изрешеченного пулями автомобиля. Кажется, это «Форд» выпуска конца 1920-х годов.

– Это машина Бонни и Клайда! – с гордостью сообщает наш хозяин.

Я спрашиваю – принадлежал ли автомобиль самой паре или это киношная копия, и Пабло объясняет, что это подлинник, ибо подделок он не покупает. Все отмечают: машину, похоже, обстреляли из пулемета, тогда Эскобар говорит, что шесть полицейских, схватившие любовников в надежде получить вознаграждение, около часа обстреливали их из автоматических винтовок, оставив около машины более ста гильз.

Клайд Бэрроу, «американский Робин Гуд», в 1934 году – враг государства номер один, грабил банки и за четыре месяца до смерти успешно организовал побег нескольких членов своей банды. Бонни Паркер сопровождала его во время ограблений, но никогда не участвовала в убийстве полицейских, количество которых возрастало по мере того, как банду начали преследовать в других штатах, и сумма вознаграждения увеличивалась. Бонни было двадцать четыре года, а Клайду двадцать три. Обнаженные тела пары были выставлены напоказ перед сотней фотографов в помещении морга, что превратилось в своеобразный спектакль, вызвавший яростные протесты не только из-за своей противоестественности, но и из-за десятка пулевых ранений,

обнаруженных на теле девушки, единственным преступлением которой стала роковая любовь к вечному беглецу от правосудия.

Бонни и Клайд – первые представители криминального мира, увековеченные в кинематографе и литературе. Их легенда стала настоящей современной версией «Ромео и Джульетты». Двадцать тысяч человек сопровождали траурный кортеж Бонни, которую мать запретила хоронить рядом с Клайдом, как девушка того желала.

На входе в поместье «Асьенда Наполес» мы видим небольшой одномоторный самолет белого цвета, взгромоздившийся на огромные ворота, подобно гигантской бабочке-эквилибристке. Эскобар замедляет шаг и останавливается. Я чувствую, что дверь над нами открывается, и краем глаза вижу, как мои спутники расходятся по сторонам, отходя к задней части «Роллигона». В этот момент на меня обрушивается огромный поток ледяной воды, я ошеломлена и не могу дышать. Когда мне удается вернуть дар речи, я вся дрожу, мне едва хватает сил, чтобы спросить:

– Пабло, эта железяка начала века – самолет Линдберга[20] или Амелии Эрхарт[21]?

– Это – мой самолет, он принес мне большую удачу, как и тебе сегодня, когда я спас тебе жизнь! Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Я всегда взимаю плату за оказанные услуги, и вот ты прошла «крещение»! Сейчас мы уж точно в расчете, моя дорогая Вирхиния! – заявляет он, смеясь до упаду, пока дюжина его приятелей продолжает восторгаться произошедшим.

Этим вечером я уже почти приготовилась к ужину, как вдруг кто-то легонько постучался в мою дверь. Думая, что это дочка Анибала, я разрешаю ей войти, но оказалось, это сам хозяин дома, не решаясь ступить за порог, скромно высунул голову. С ноткой напускного беспокойства он извиняется и спрашивает, как я себя чувствую. Отвечаю: чище, чем когда-либо, потому что за последние двенадцать часов мне пришлось помыться пять раз в разных температурных условиях. В его смехе чувствуется облегчение, и я спрашиваю про хищных животных, которых мы так и не увидели в течение всей поездки.

– Ах да… хищники. Так уж и быть, признаюсь тебе: в моем зоопарке нет хищных животных. Они бы съели остальных, а их сложно ввозить… легальным путем. Но я как раз сейчас вспомнил, что, кажется, сегодня видел яростную пантеру, дрожащую и промокшую под самолетом, и трех тигриц в гостиной минут десять назад, ха-ха-ха!

И он исчезает, давая мне понять, что события на посадочной полосе были спланированы. С игривым недоверием я все думаю: способность этого мужчины устраивать розыгрыши может

сравниться только с его богатством. Когда я вхожу в столовую, лучезарная, роскошная и сияющая в тунике из бирюзового шелка, Анибал восхищается мной и восклицает перед всеми:

– Эта девчонка – единственная женщина в мире, которая просыпается всегда цветущая, словно роза… – это как лицезреть Чудо творения каждое утро…

– Посмотри на них! – говорит Эскобару El Cantautor[22], – два секс-символа вместе… Пабло наблюдает за нами с улыбкой, потом пристально смотрит на меня, я опускаю взгляд.

Мы идем обратно в комнату, Анибал шепотом рассказывает мне:

– На самом деле тот, кто способен привезти сюда контрабандой трех жирафов из Кении, может провезти в США тонны чего угодно!

– А чего именно, любимый?

– Пабло – кокаиновый король, он ввозит кокаин, который пользуется таким спросом, что скоро Эскобар станет самым богатым человеком в мире! – восклицает Анибал, восторженно поднимая брови.

Я была готова поклясться, что подобный образ жизни Эскобар финансирует за счет занятий политикой.

– Нет, что ты, любовь моя, как раз наоборот: он финансирует всю политику посредством бизнеса!

И, прикрыв глаза, охваченный наслаждением своей сороковой «дорожки» за день, он показывает мне «горку» кокаина в пятьдесят граммов – подарок Пабло.

У меня нет сил, и я проваливаюсь в глубокий сон. Проснувшись на следующий день, вижу, что Анибал до сих пор здесь, но «горка» уже исчезла. Его налившиеся глаза созерцают меня с большой нежностью. Я знаю только, что люблю его.

Президентские амбиции

Несколько недель спустя Анибалу позвонили от Эскобара. Член Конгресса хочет показать нам расположенные неподалеку от карибского побережья Колумбии имение и зоопарк, принадлежащие Хорхе Луису Очоа, большому другу и партнеру Пабло в общественном проекте «Медельин без трущоб». Эскобар посылает за нами самолет, приземлившись, мы видим, что он уже ждет нас в сопровождении своего эскорта. На этот раз он не хозяин дома, поэтому присоединяется к группе приглашенных, среди которых снова присутствует наша подруга Анхела. Мы не смогли взять с собой детей Анибала, потому что их мать отреагировала на рассказ о приключениях в альенде «Наполес» с подлинным ужасом и строго-настрого запретила вновь брать детей на «выходные с этими экстравагантными нуворишами».

Дорога от аэропорта до города почти пуста. Через несколько минут поездки под безжалостно палящим солнцем с Эскобаром за рулем кабриолета мы подъезжаем к посту, где взимается плата за проезд: три доллара США. Наш водитель замедляет ход, приветствует сборщика пошлины своей самой добродушной улыбкой и беззаботно проезжает дальше на минимальной скорости, оставляя позади изумленного парнишку, который сначала стоит, разинув рот, с чеком в руке, а потом предпринимает попытку догнать нас, безрезультатно размахивая руками, требуя, чтобы мы остановились. Полные удивления, мы спрашиваем у Пабло: почему он «промахнул пост», как говорят на чистом колумбийском.

– А потому что, если в будке нет полиции, я не плачу. Уважаю только вооруженных представителей власти! – восклицает он триумфально, с апломбом школьного учителя, дающего урок своим маленьким воспитанникам.

Семья Очоа – известные заводчики и экспортеры лошадей-чемпионов; в имении Лома, неподалеку от Медельина, которым управляет отец семейства Фабио, их тысячи. В здешнем поместье Веракрус выращивают боевых быков, и, хотя его размеры и величина зоопарка не могут сравниться с размерами асьенды «Наполес», дом выглядит весьма фешенебельным. Повсюду виднеются маленькие электрические «Феррари» и «Мерседесы», красные и желтые – мечта многих детей. Старший из трех братьев Очоа, Хорхе Луис, приветливый человек, сверстник Пабло, друзья прозвали его Толстяком. Он женат на высокой красивой женщине, Марии Лие Посада, двоюродной сестре министра связи, Ноэми Санин Посады[23]. Хотя Хорхе далеко до изобретательности

Эскобара в плане развлечений, сразу бросается в глаза, что обоих мужчин объединяют большая привязанность и глубокое уважение – залог преданности, которая уже не раз проходила проверку временем.

На прощание я говорю Хорхе, что хотела бы увидеть его знаменитых лошадей-чемпионов. Расплывшись в улыбке, он обещает организовать что-нибудь особенное, уверяя: я точно не останусь разочарованной.

Мы возвращаемся в Медельин на другом самолете Эскобара, и, хотя его усилия по завоеванию Анхелиты снова не увенчались успехом, оба, кажется, стали хорошими друзьями. Медельин – «город вечной весны», и для «пайсас»[24], его гордых жителей, это – промышленная столица Колумбии, столица департамента и столица мира. Мы поселились в отеле «Интерконтиненталь», расположенном в красивой коммуне Эль Побладо, рядом с особняком и офисом Пабло и Густаво. Это собственность управляющего метро Медельина, их большого друга. Здешняя часть города отличается бесконечностью серпантинов, протянувшихся между холмами, покрытыми пышной субтропической растительностью. Для таких посетителей, как мы, привыкших к прямым улицам Боготы, пронумерованным, как в Нью-Йорке, улочки оказываются настоящим лабиринтом, но «пайсас» проносятся туда-сюда на полной скорости, поднимаясь и спускаясь от жилых районов, окруженных деревьями и садами, до шумного центра города.

– Так как сегодня воскресенье и все ложатся рано, в полночь я приглашаю вас на головокружительную поездку в автомобиле Джеймса Бонда, – заявляет Пабло.

Когда он презентует нам бриллиант своей коллекции, сначала мы ужасно разочарованы. Это далеко не «Астон Мартин», и можно только догадываться, что это за марка. Затем, когда мы видим, что панель управления усыпана кнопками, наши лица озаряются любопытством. Увидев это, гордый владелец начинает перечислять достоинства своего авто. Такие детали могли прийти в голову только полицейскому:

– Так выбрасывается дымовая завеса, которая заставляет остановиться преследователей; другая кнопка – слезоточивый газ, он вызывает кашель, потом ужасно хочется пить; а это – масло, чтобы преследователи скользили зигзагом и падали в глубину пропасти. Еще одна кнопка – сотни гвоздиков и шипов, чтобы проколоть им шины; это огнемет, который активируется с выбросом бензина; здесь есть даже взрывчатые вещества, а по сторонам расположены пулеметы, но сегодня мы их убрали, на случай, если автомобиль попадет в руки какой-нибудь

мстительной пантеры. Ах да! И в случае, если все вышеперечисленное выйдет из строя, последняя кнопка издает звук с частотой, разрывающей барабанные перепонки. Продемонстрируем же на практике действие моего сокровища. К сожалению, в автомобиле Бонда поместятся только дамы, Анхела будет моим штурманом. Мужчины и… Вирхиния поедут сзади.

Пабло не спеша разгоняется, в то время как мы срываемся с места. Через несколько минут автомобиль Бонда проносится, словно гонимый дьяволом. Кажется, он вот-вот пролетит над нами, и вот он уже впереди. Мы снова и снова идем на обгон, но, когда это почти удается, Эскобар удирает и растворяется в поворотах пустынных улиц Эль Побладо, чтобы снова появиться в самый непредсказуемый момент.

Я молю бога, чтобы ни одна машина не встретилась на его пути: либо она вылетит с дороги и опрокинется, либо ее раскатает по асфальту, как почтовую марку. Игра продолжается около часа, мы немного сбавляем скорость, чтобы перевести дух. Машина Эскобара с ревом появляется среди теней, оставляя нас в море дыма, мы вынуждены остановиться. Несколько минут уходят на то, чтобы рассмотреть дорогу, а когда мы в конце концов ее находим, возникает какой-то запах, и нас окутывают большие черные тучи газа, которые с каждой секундой увеличиваются и раздуваются. Такое чувство, будто серная кислота жжет горло и поднимается по носу, застилая зрение и заполоняя каждую извилину нашего мозга. Мы кашляем, с каждым глотком отравленного воздуха жар увеличивается в десятки раз. За спиной слышится кряхтение телохранителей, а издали доносится смех пассажиров автомобиля Джеймса Бонда, который срывается с места на скорости двести километров в час.

Не знаю как, но где-то на обочине мы находим водяную колонку. Ребята Эскобара выбегают из машин, ругаются и, толкая друг друга, дерутся за глоток жидкости. Смотря на их всхлипывания, я отхожу в сторону и, подавая пример, встаю в конец очереди. Затем, подбоченившись, кричу из последних сил, со всем презрением, на которое только способна:

– Будьте мужчинами, черт возьми! По-видимому, единственный, кто здесь еще сохранил хоть каплю мужества, это – я, женщина! Вам не стыдно? Сохраняйте достоинство, а то как девчонки!

Прибыв на место и застав эту сцену, Пабло и его сообщники падают со смеху. Он снова и снова клянется, что виновата во всем его штурман. Он только разрешил ей выпустить в нас дымовую завесу, а злобная ведьма, безостановочно смеясь, признается, что «по ошибке нажала кнопочку слезоточивого газа». Потом

командным тоном Эскобар обращается к своим людям:

– Сохраняйте достоинство и пропустите даму, а то и правда, как девчонки!

Кашляя и глотая слезы, я говорю, что уступаю «сеньоритам» и попью воды в отеле, в двух минутах езды отсюда. Добавив, что его старое корыто – всего лишь зловонный скунс, я удаляюсь.

Очередная наша поездка в Медельин состоится во второй половине 1982 года. Анибал знакомит меня с Хоакином Буилесом, «большой шишкой», не похожим на Пабло и его ребят. «Хоако» – точь-в-точь как Панчо Вилья[25]. У него безупречная родословная, он несказанно богат, невероятно хорош и славится своим коварством. «Хоакин – очень уж плохой парень, не такой, как Паблито». По его приказу, вместе с кузеном Мигелем Анхелем, были убиты сотни людей. Столько, что, кажется, наберется целый городок какого-нибудь антьокийского муниципалитета. Мы с Анибалом не верим ни одному его слову, но Буилес хохочет и клянется: так и есть.

– Правда в том, что Хоако – настоящий виртуоз, – как-то слышала я от Пабло. – Но такой… такой скупой, что предпочитает потерять целый вечер, пытаясь продать кому-то персидский ковер, чтобы заработать тысячу долларов, чем приложить столько же времени и усилий, продав пятьсот кило «коки» – этого бы хватило на десять складов с коврами!

В тот увлекательный вечер с Хоако, Анибалом и El Cantautor я узнаю, что путь Пабло к успешной политической карьере начался достаточно экстраординарно. Будучи еще совсем юным, он воровал кладбищенские плиты. Сбивая имена покойников, они с компаньонами продавали их как новые, и не один раз, а несколько. Меня откровенно веселит эта история. Представляю, как все эти старые и жадные «пайсас» переворачиваются в гробу, узнав, что их наследники заплатили крупную сумму денег за плиту, которая досталась им даже не из вторых рук, а из третьих или четвертых. Еще я слушаю их восхищенные речи о неоспоримом и достойном похвалы таланте Эскобара за несколько часов разбирать украденные автомобили любой марки и потом продавать их по частям как «запасные детали со скидкой». В глубине души я прихожу к выводу: всесторонние знания заместителя конгрессмена в области автомобильной механики позволили ему создать то самое произведение, «исключительное, уникальное и изготовленное полностью собственноручно», – автомобиль Джеймса Бонда.

Кто-то упоминает, что наш новый друг был еще и «gatillero» – наемным убийцей, во время «войн Мальборо»[26]. Но когда я спрашиваю: что это значит, никто не может дать мне разумного

объяснения, все резко меняют тему. Мне представляется расхититель табачных киосков, потому что тысяча контрабандных пачек «Мальборо» точно весит меньше, чем надгробная плита. Думаю, жизнь Паблито очень похожа на слоган сигарет «Virginia Slims»: «Ты прошла долгий путь, детка».

* * *

Несколько дней спустя мы получаем от Очоа приглашение в Картахену, там нас ожидает одна из самых незабываемых ночей в моей жизни. Мы поселились в президентском номере отеля «Cartagena Hilton». Поужинав в лучшем ресторане города, готовимся к сюрпризу, который Хорхе и его семья приготовили для нас во исполнение обещания, данного пару дней назад: прогулка по улицам города, старой части и новой, в каретах с лошадьми, привезенных из имения Лома.

Сцена будто вырезана из «Тысячи и одной ночи», заказана арабским шейхом на свадьбу его единственной дочери и срежиссирована голливудским художником-постановщиком для освещения какого-нибудь торжественного мероприятия в солидном мексиканском имении XIX века.

Экипажи с лошадьми не такие, как в Картахене или Нью-Йорке, и даже не такие, как на знаменитой испанской ярмарке в Севилье. На них висят два фонаря, обрамляющие силуэт кучера, одетого в безупречную форму. Каждый из четырех экипажей тянут шесть чемпионов породы першерон, белые как снег, со вздымающейся грудью, щеголеватого вида, подобно лошадям в карете Золушки. Они очень красивые, статные и крупные. Постукивая копытами, с монументальным и чувственным тактом двадцати четырех танцоров фламенко, лошади синхронно маршируют по старинным улицам. Пабло сообщает: каждая пара стоит миллион долларов. Однако для меня наслаждение, вызываемое столь возвышенными эмоциями, дороже всего золота мира. Зрелище оставляет толику удивления в глазах всех наблюдателей: людей, выглядывающих с белых балконов старого города, довольных туристов, бедных извозчиков из Картахены, которые, разинув рот, наблюдают за торжественным дефиле роскошной процессии.

Не знаю: был ли весь этот спектакль проявлением великодушия Хорхе, спланированным специально для нас и его партнера; или изящным изобретением Пабло в надежде соблазнить Анхелиту чем-то столь романтичным и оригинальным; или же выражением благодарности семьи Очоа за

успешный исход дела, смелость и мастерство, проявленные Эскобаром при спасении сестры Хорхе годом ранее от похитителей. Знаю только, что ни один из известных мне крупных колумбийских магнатов не смог бы даже на свадьбу своей дочери организовать настолько бесподобное зрелище, какое эта семья с безупречным вкусом подарила нам той ночью.

В следующие продолжительные выходные мы отправляемся в город Санта-Марта, расположенный на побережье Карибского моря, колыбель легендарной «Samarian Gold». Там мы знакомимся с королями марихуаны, семьей Давила. В отличие от торговцев кокаином, происходящих в большинстве своем (за исключением семьи Очоа) из бедных слоев или низшего среднего класса, Давила принадлежат к бывшей аристократии землевладельцев с Атлантического побережья. И, в отличие от кокаинщиков, которые в общем-то малоприятные, или, как бы сказал Анибал, «мутные», почти все эти мужчины высокие, красивые, хотя и немного простоватые. Некоторые женщины из семьи Давила заключили брак с такими известными персонами, как президент Колумбии Лопес Пумарехо[27], сын президента Турбай и Хулио Марио Санто Доминго, самый богатый человек страны.

Анибал рассказывает мне, что аэропорт Санта-Марта закрывается в шесть часов вечера, но Давила здесь обладают такой властью, что ночью он заново открывается специально для них, поэтому они спокойно могут отправлять самолеты, загруженные самой лучшей в мире марихуаной. Я спрашиваю, как им это удается, а он отвечает: «подмазывая» кого нужно – диспетчерскую вышку, полицию, того или иного морского офицера. Уже успев познакомиться со многими из его друзей-нуворишей, я удивленно произношу:

– Мне казалось, что у всех этих наркоторговцев есть в особняке собственная посадочная площадка…

– Что ты, моя прелесть. Только у самых крупных! Марихуана не настолько прибыльна, тем более уже появилась конкуренция на Гавайях. Даже не мечтай, что можно запросто ею обзавестись. Для собственной полосы тебе понадобится миллион разрешений. Представь бумажную волокиту в этой стране, чтобы получить номер на машину. Так вот, умножь это на сто и получишь регистрационный номер НК[28] на самолет, а сейчас умножь все это еще на сто и получишь разрешение на частную полосу.

Я спрашиваю: что же тогда такого делает Пабло, у которого есть личная полоса и парк самолетов, при этом он доставляет тонны коки, жирафов, слонов из Африки и контрабандой завозит пневмокатки «Роллигон» и лодки длиной в шесть метров.

– Дело в том, что в его бизнесе нет конкурентов. Паблито –

самый богатый из всех, потому что он, родная моя, – настоящий гигант. У него есть свой человек в управлении гражданской аэронавигации, молодой парень, сын одного из первых наркоторговцев… Альваро Урибе, кажется. Как думаешь, почему эти люди внезапно начали финансировать предвыборные кампании кандидатов в президенты – только чтобы заручиться доверием будущего президента? Не будь такой наивной!

– Ну, ничего себе парень себе место отхватил! Эти типы должны выстраиваться к нему в очередь.

– Такова жизнь, любовь моя: плохая слава забывается – деньги остаются дома!

* * *

Это были дни вина и роз, меда и смеха, приятных знакомств. Но так как все когда-нибудь заканчивается, однажды мелодия этой песни перестанет звучать так же внезапно, как началась.

Зависимость Анибала, которая, кажется, росла с каждой «горкой», подаренной ему Пабло, вызывала самые нелепые и обременительные сцены ревности, которые сменялись публичными признаниями в любви и порывами нежности. В прошлом, предназначенные для незнакомцев, сейчас они коснулись общих друзей и распространились даже на моих поклонников. После каждой ссоры следует расставание на сорок восемь часов, когда Анибал ищет утешения у бывшей подружки, двух девушек, дерущихся в грязи, или у трех танцовщиц фламенко. На третий день он звонит, умоляя вернуться к нему; часы уговоров, десятки роз и одна скупая слеза побеждают мое сопротивление… И все вновь начинается заново.

Однажды ночью мы сидели в элегантном баре с группой знакомых. Неожиданно мой молодой человек выхватил револьвер, направив его на двух поклонников, которые всего лишь попросили у меня автограф. Когда, почти через час, нашим друзьям удается разоружить его, я прошу их проводить меня домой. На этот раз, когда Анибал звонит, пытаясь оправдать произошедшее, я говорю ему:

– Если ты сегодня же бросишь кокаин, я буду заботиться о тебе и сделаю тебя счастливым до конца твоей жизни – если нет, я немедленно ухожу.

– Но, любовь моя, ты должна понять: я не могу жить без «Белоснежки» и никогда ее не брошу!

– Тогда я больше тебя не люблю, на этом и остановимся.

И вот, в мгновение ока, в первую неделю января, мы

попрощались навсегда.

* * *

В 1983-м в Колумбии еще нет частных телеканалов. Каждое новое правительство на конкурсной основе выделяет время в эфирной сетке частным продюсерам или студиям. «ТВ Импакто» – студия, в которой я работаю с известной журналисткой Марго Риччи, сторонницей жесткой линии, получила несколько мест для вещания в расписании. Однако Колумбия переживает экономический спад, и крупные компании дают рекламу только в прайм-тайм – с семи до полдесятого вечера. У нас рекламы нет и средств на покрытие расходов Национального института радио и телевидения не хватает; практически все мелкие студии на грани банкротства. Марго просит меня встретиться и обсудить, что нам делать дальше. Но первое, о чем она спросила, едва в понедельник я зашла в контору, было:

– Правда, что Анибал стрелял в вас в пятницу?

Я уточняю: если это правда, то я сейчас была бы на кладбище или в больнице, а не в офисе.

– Но об этом судачит вся Богота! – произносит Марго таким тоном, будто слова чужих людей кажутся ей правдоподобнее того, что она видит своими глазами.

Я отвечаю, что не в силах изменить реальность, стараясь угодить всей Боготе. Однако, хоть Анибал и не стрелял в меня, я оставила его навсегда и проревела три дня без остановки.

– Наконец-то! Какое облегчение, прямо груз с плеч! А сейчас приготовьтесь плакать по-настоящему, потому что наши долги составляют сто тысяч долларов. С такими темпами через несколько недель мне придется идти продавать наш отдел, машину, ребенка!.. Конечно, перед тем как продать своего сына, я продам вас бедуину с пятью верблюдами, потому что не знаю, как мы из этого выберемся!

За восемь месяцев до этого, приняв приглашение правительства Израиля, мы с Марго отправились туда, а потом поехали в Египет, посмотреть пирамиды. Пока мы были на каирском рынке, торгуясь за ожерелье из бирюзы, один беззубый, смердящий тощий бедуин семидесяти лет, с пастушьим посохом, смотрел на меня похотливыми глазами, нервно нарезая круги, стараясь привлечь внимание хозяина лавки. Перебросившись со стариком парой слов, продавец, сверкая улыбкой, обратился на английском к Марго:

– Состоятельный сеньор хочет подарить девушке ожерелье, он

желает жениться на ней и немедленно обсудить приданое. Предлагает за нее пять верблюдов!

Обиженная таким скромным количеством и раззадоренная необычным предложением, я сказала Марго, чтобы она попросила за меня хотя бы тридцать верблюдов, и невзначай предупредила эту мумию фараонов IV Династии, что девушка не девственница и была замужем не один, а целых два раза.

Негодуя, что только у шейха найдется 30 верблюдов, старик настороженно спросил Марго: похоронила ли я двух своих мужей. Сочувственно улыбнувшись претенденту на мою руку, предупреждая, чтобы я готовилась бежать, моя коллега с победоносным выражением обратилась к продавцу:

– Скажите состоятельному господину, что она не похоронила их. Эта девушка тридцати двух лет уже бросила двоих мужей, на двадцать лет моложе, в двадцать раз красивее и богаче его!

И мы бросились наутек, пока старик преследовал нас, крича что-то на арабском и яростно размахивая палкой. Мы смеялись не переставая, пока не вернулись в отель, счастливо наблюдая из нашей комнаты, как переливается в звездном сиянии легендарная нефритовая река Нил.

* * *

Упоминание бедуина оживляет в моей памяти коллекционера верблюдов, который далеко не семидесятилетний старик, не вспыльчивый, не зловонный и не беззубый. И я говорю Марго:

– Знаешь, есть тут у меня один знакомый, у которого побольше пяти верблюдов. Однажды он уже спас мне жизнь и, не задумываясь, мог бы спасти нашу студию.

– Шейх или владелец цирка? – иронично спрашивает она.

– Шейх с тридцатью верблюдами, но сначала мне нужно проконсультироваться.

Я звоню El Cantautor, объясняя, что на нашу компанию собираются наложить арест, и прошу телефон Пабло. Хочу предложить прорекламировать что-нибудь или продать ему нашу телестудию.

– Так, насколько мне известно, единственная рекламная кампания, в которой мог поучаствовать Пабло, – «Кока-Кола»![29] Но это именно тот тип проблем, которые ему нравится решать одним росчерком пера… Сиди на месте, скоро он тебе позвонит!

Несколько минут спустя у меня зазвонил телефон, после непродолжительного разговора я направляюсь в офис моей коллеги и с радостной улыбкой сообщаю:

– Маргарита, представитель палаты Конгресса Эскобар Гавирия на связи и хочет знать: устраивает ли нас, если завтра в три часа он пошлет за нами свой частный самолет.

* * *

Вернувшись из Медельина, я обнаружила, что Ольгита и El Cantautor приглашают меня на ужин. Она милая и стройная, он – самый приятный и добродушный андалусиец на свете. Я захожу в дом, и у меня нет ни минутки, чтобы присесть: Урраса спрашивает, как все прошло. Я отвечаю: благодаря рекламной кампании велосипедов «Осито», которую Пабло нам предложил, мы сможем оплатить все долги студии. На следующей неделе я еду на съемки программы на городской свалке с участием Пабло.

– Ну… за такие деньги я готов даже поесть мусора! И ты все это покажешь на телевидении? Надо же!

Объясняю: каждый журналист еженедельно берет интервью у десятка скучных конгрессменов, а Пабло – представитель палаты депутатов. Да, он только заместитель конгрессмена, но все же – член Конгресса. Добавляю:

– Эскобар собирается подарить обитателям свалки 2500 домов и еще парочку – жителям трущоб. Если в Колумбии это не новость, пусть мне отрежут руку!

Он интересуется: было ли интервью обязательным условием Эскобара. Объясняю, что это я настояла на рекламной кампании с таким условием, потому что Пабло не хотел тратить на него и пяти минут, ограничившись маленькой заметкой. Я поблагодарила Эскобара за великодушие, отметив, что очень восхищаюсь деятельностью проекта «Медельин без трущоб» и хочу посвятить этому целый час своей программы с шести до семи вечера в понедельник, выпуск которой состоится через три недели.

– Ну, ты настоящий мужик! И мне кажется, Пабло тобой заинтересовался…

Утверждаю, что меня интересует только спасение моей студии и продвижение по карьерной лестнице, ведь это единственное, что у меня есть.

– Знаешь, если Пабло все-таки влюбится в тебя, а ты в него, что, я думаю, вполне вероятно, тебе уже больше не придется беспокоиться ни о карьере, ни о будущем, ни об этой дурацкой студии! Будешь благодарить меня всю оставшуюся жизнь, можешь мне поверить…

Смеясь, я заверяю его, что этого не случится: мое сердце до

сих пор изранено, а Пабло всегда был очарован Анхелой.

– Ты действительно не поняла, что это были только детские игры? Она тот тип девушек, которые всегда будут влюблены в какого-нибудь игрока в поло. Пабло знает: Анхелита ему не пара, ведь он не дурак… Имея большие политическое амбиции, рядом он хочет видеть настоящую женщину, элегантную, которая умеет выступать перед публикой. Не модель и не девушку его же уровня, как последняя его подружка… Знаешь, что он оставил ей два миллиона долларов? Неужели такую принцессу, как ты, не заинтересует тот, кто в свои 33 года имеет все шансы стать одним из самых богатых людей в мире и метит в президенты?!

В ответ я отмечаю: таким богатым мужчинам всегда нравятся слишком молодые девушки, а мне, между прочим, уже тридцать три.

– Не говори ерунды! Черт, да ты выглядишь на все 25! К тому же мультимиллионеры предпочитают сногсшибательных и представительных женщин, а не девочек, не умеющих заниматься любовью, с которыми не о чем поговорить! Ты – настоящий секс-символ, твоя красота продлится еще как минимум лет двадцать, тебе этого мало? Знаешь хоть одного мужчину, которого беспокоил бы возраст Софи Лорен, глупенькая? Ты «professional beauty» этой страны, у тебя есть стать, такой, как ты, у Пабло никогда не было! А я думал, что ты сообразительная…

И с блеском завершая свои долгие рассуждения, El Cantautor испуганно восклицает:

– И если ты думаешь пойти на помойку в одежде от Гуччи и Валентино, предупреждаю: от запаха не удастся избавиться и за неделю! Тебе даже не снилось, что это за место…

Все, что только захочешь!

Зловоние десяти тысяч трупов на поле боя через три дня после исторического сражения чувствуется за километры. Свалка Медельина – не гора, покрытая мусором, это несколько миллионов метрических тонн непрестанно разлагающихся отходов. Смрад органической материи, копившейся веками, на всевозможных стадиях разложения, предшествующих конечному разжижению. Вонь потоков газа, плывущих над свалкой, пропитывает все вокруг. Это смердят останки животного и растительного мира, смешиваясь с запахом химических отходов. Здесь кругом запах полной нищеты и крайних форм бедности. Смрад несправедливости, коррупции, высокомерия, полного безразличия. Он пронизывает каждую молекулу кислорода, можно даже увидеть, как он прилипает к коже, проникая вовнутрь через поры, выворачивая наши внутренности. Это сладковатый аромат поджидающей всех смерти, идеальный парфюм Судного дня.

Мы поднимаемся той же пепельно-серой дорогой, что и грузовики, оставляющие свой груз на вершине. Пабло, как всегда, за рулем. Я чувствую, он постоянно наблюдает за мной, изучает движения тела, сердца, разума. Мне известны его чувства, а ему – мои мысли. Мимолетный взгляд застает нас врасплох, искренняя улыбка является истиным подтверждением чувств. Знаю: рядом с ним я готова спокойно пройти через все, что нас ждет. Хотя по мере того, как мы приближаемся к месту назначения, я задаюсь вопросом: смогут ли кинооператор и моя коллега Мартита Брухес проработать в течение четырех или пяти часов в этой тошнотворной, непроветриваемой обстановке, в духоте, запертой среди металлических стен пасмурного и настолько подавляющего и угнетающего дня, что другого такого я и не вспомню.

Запах был только преддверием зрелища, которое заставило бы самого стойкого из мужчин поспешно удалиться. Ад из «Божественной комедии»[30] Данте, разверзшийся перед нами, занимает несколько квадратных километров, а его вершина ужасает своим великолепием. Над нами, на сером, грязном фоне, который никто в здравом уме не осмелился бы назвать небом, кружат тысячи грифов и стервятников. Их клювы под безжалостными глазищами – как складные ножи, а перья выглядят отвратительно и давно уже не кажутся черными. Глядя на нас свысока, возомнив себя орлами, члены «королевской династии» подземного мира за секунды оценивают наше состояние, продолжая свою пирушку над лошадьми, чьи влажные

внутренности сверкают на солнце. Внизу нас встречают сотни недавно пришедших собак, обнажив клыки, источенные хроническим голодом. Там есть и долгожители, беззаботные и менее тощие. Они машут хвостом или почесывают остатки шерсти, кишащие блохами и клещами. Гора, кажется, содрогается в возбуждении и неистовом беспокойстве, это – тысячи крыс, огромные, как коты, и миллионы мышей разных размеров. Тучи мух сгущаются над нами, полчища москитов и малярийных комаров празднуют прибытие свежей крови. Для всех видов подземного животного мира здесь – продовольственный рай.

На расстоянии начинают появляться пепельные существа, непохожие на остальных. Сначала выглядывают любопытные малыши с выпученными животами, полными глистов, затем – самцы с хмурым взглядом, и под конец – самки, такие изможденные, что только беременные кажутся еще живыми; к чьей-то радости, почти все молодые девушки – в положении. Мрачные существа высовываются отовсюду, сначала – десятками, потом – сотнями. Они обходят нас, преграждая путь, не позволяя убежать, за несколько минут мы окружены. Вдруг колышущийся, стесняющий поток взрывается криком веселья, и тысячи белых улыбок озаряют их лица:

– Это он, Дон Пабло! Приехал Дон Пабло! С ним девушка с телевидения! Дон Пабло, нас покажут по телевизору?

Теперь они светятся от счастья и наполнены энтузиазмом. Все спешат поздороваться с Эскобаром, обнять, потрогать, как будто хотят унести с собой частичку на память. На первый взгляд только чудесная улыбка отличает грязных и голодных людей от обитателей животного царства, причислившего их к одному из видов этого зверинца. За несколько часов они преподнесут мне один из самых прекрасных уроков, подаренных жизнью.

* * *

– Сеньорита, хотите я покажу вам свою елку? – спрашивает малышка и тянет за рукав моей шелковой блузки.

Я подумала, она покажет мне ветку какого-нибудь упавшего дерева, но это оказалась почти новая, покрытая снегом и изготовленная в США рождественская елка. Пабло объясняет: здесь Рождество наступает на две недели позже. Все свое имущество местные обитатели находят на свалке. Для них коробки, оставленные богачами, – на вес золота, поскольку они служат в качестве строительных материалов.

– Я тоже хочу показать тебе свой рождественский вертеп! –

говорит другая малышка. – Наконец-то он закончен!

Моим глазам предстают ребенок Иисус, хромой, одноглазый гигант, дева средних размеров и маленькая фигурка святого Иосифа. Осел и вол сделаны из пластика, очевидно, они из двух разных магазинов. Я сдерживаю улыбку, глядя на эту милую версию современной семьи, и продолжаю свой путь.

– Могу я пригласить вас в свой дом, госпожа Вирхиния? – обращается ко мне любезная сеньора с уверенностью, достойной любой колумбийской женщины из среднего класса.

Мое воображение рисует хижину из картона и жестянок, как в трущобах Боготы. Однако я ошиблась: маленький домик выстроен из кирпичей, скрепленных цементом, крыша сделана из пластмассовых черепиц, внутри кухня и две комнаты с потрепанной, но чистой мебелью, в одной из них двенадцатилетний сын делает домашнее задание.

– К счастью, они выбросили в мусор полный комплект кухонных приборов! – поясняет она. – Вот, посмотрите на мою посуду, она разная, зато ее хватает на шестерых. Столовые приборы и стаканы не сочетаются, в отличие от ваших, сеньора, но мне они достались бесплатно!

Я улыбаюсь и спрашиваю: достают ли они еду из помойки. Она отвечает:

– Что вы, нет-нет! Мы бы тогда умерли! В любом случае первыми ее находят собаки. Мы спускаемся к рыночной площади и меняем продукты на изделия, получаемые от переработки мусора.

Юноша с видом главаря подростковой банды, в американских джинсах и модных безупречных кедах, гордо демонстрирует мне золотую цепочку в восемнадцать карат. Я уверена, в любом ювелирном магазине она бы стоила около семисот долларов. Спрашиваю, как ему удалось найти такую ценную и неприметную вещицу среди миллионов метрических тонн мусора.

– Ну, я нашел ее в пластиковом пакете с одеждой. Я не крал ее, сеньора, клянусь богом! Какая-нибудь яростная фурия выбросила своего парня на улицу со всеми его побрякушками… «Пайсас» очень смелые, Святая Дева!

– Какую самую необычную вещь вы здесь находили? – интересуюсь я у группы детей, следующих за нами.

Они переглядываются и почти одновременно отвечают:

– Мертвый ребенок! Когда мы пришли, его ели крысы! Однажды нашли труп изнасилованной девочки, но очень далеко, рядом с источником воды, там, наверху. И они указывают мне на то место. – Но это делают нехорошие, чужие люди – здешние жители очень добрые, правда, Дон Пабло?

– Так и есть, лучшие в мире! – произносит Эскобар. Абсолютно уверенно, без нотки покровительства.

Двадцать четыре года спустя я забыла почти все, что рассказывал мне Пабло во время своего первого интервью национальной прессе о 2500 семьях, живущих в этом аду. Где-то должна была сохраниться видеопленка с его воодушевленными репликами и моим омытым потом лицом.

От этих часов, изменивших мое представление о том, какие материальные ценности нужны людям для счастья, мне остались только душевные воспоминания и обрывки ощущений. Среди вездесущего зловония его рука на моем плече придавала мне сил. Мы слышали истории выживших на свалке (кто-то из них выглядел чуть почище остальных), гордых своей изобретательностью и благодарных за то, что у них есть еще один шанс; рассказы о происхождении их скромных пожитков и маленьких сокровищ; видели озаренные лица женщин, представляющих дома, которые они скоро смогли бы назвать своими; мужчин, окрыленных мыслью вернуть уважение общества, которое обращалось с ними как с отбросами; детей, с надеждой оставить это место и стать состоятельными. Повсюду царила коллективная вера в лидера-вдохновителя, все мечтали о политике, который не предаст.

Место словно пропиталось радостью, сейчас здесь царит какое-то праздничное настроение. Изначально жуткое впечатление потихоньку уступило место новым эмоциям, и я смогла взглянуть на ситуацию иначе. Чувство достоинства бедняков, их смелость, добродетель, нетронутая способность мечтать в обстановке, которая довела бы любого из нас до пика отчаяния и просто бы сломала, под конец заставили меня сменить сочувствие на восхищение. На этой пыльной дороге, где я, может быть, снова окажусь в другое время, в другом месте, бесконечная нежность к местным обитателям внезапно врывается в мое сознание и наводняет каждую клеточку души. Меня уже не волнует ни запах, ни ужас этой помойки, ни то, как Эскобар зарабатывает свои миллионы – есть только чарующее воздействие, произведенное на меня этими люди. Присутствие рядом Пабло, как по волшебству, стирает воспоминания о каждом мужчине, которого я прежде любила. Уже нет никого, кроме него. Он – мое настоящее, прошлое и будущее, он – мое все.

– Как тебе? – спрашивает Эскобар, пока мы спускаемся к автостоянке.

– Я тронута до глубины души, это самый ценный опыт в моей жизни. На расстоянии казалось, они живут как животные, вблизи же все эти люди оказались похожи на ангелов… И ты всего лишь

хочешь вернуть их в человеческие условия, правда? Спасибо, что пригласил меня познакомиться с ними, за то, что ты для них делаешь.

Повисла долгая пауза, потом Эскобар кладет мне руки на плечи и произносит:

– Никто не говорил мне такого… Ты совсем другая! Как насчет того, чтобы поужинать со мной этим вечером? А поскольку я предвидел твой ответ, то взял на себя смелость удостовериться, что салон красоты будет открыт в любое время, чтобы ты смогла избавить свои волосы от здешнего зловония…

Отмечаю, что он тоже воняет, как скунсик. Радостно смеясь, Пабло восклицает, что к нему неприменимы уменьшительно-ласкательные суффиксы вроде «ик», потому что он – настоящий Зорро![31]

* * *

Мы входим в ресторан, сопровождаемые вереницей изумленных взглядов. Шепот сопровождает нас. Мы располагаемся за самым дальним столиком от двери, откуда видно всех посетителей. Я говорю Пабло, что никогда еще не ужинала с тем, у кого беру интервью, и уж тем более с политиком, а он отвечает: «Все когда-то случается в первый раз». Затем, пристально глядя на меня, с улыбкой добавляет:

– Знаешь, в последнее время, каждый раз, когда мне грустно, или я чем-то обеспокоен… я начинаю думать о тебе, вспоминая, как ты кричала на этих крепких парней, окутанная облаками слезоточивого газа: «Сохраняйте достоинство! Вам не стыдно? Прямо как девчонки!» – Ты, будто Наполеон во время Ватерлоо… Это самое забавное, что мне когда-либо приходилось видеть! Я смеюсь довольно продолжительное время, а потом…

Пока он останавливается, раззадоривая мое любопытство, я мысленно готовлю ответ.

– Потом я продолжаю думать о тебе, стоящей в ледяной воде, промокшей до нитки. Ты, как настоящая пантера, в своей прилипшей к телу тунике… – Довольно долго смеюсь… и говорю себе, что ты действительно очень… очень… смелая женщина.

Хочу добавить, что никто не замечал за мной подобных достоинств, но Пабло продолжает:

– И ты умеешь быть благодарной как никто. Хотя красивые женщины не имеют привычки быть благодарными.

Уверяю, я точно могу быть безгранично благодарной, так как не отличаюсь выдающейся красотой, никто никогда меня не

одаривал, не замечал во мне каких-либо особых талантов. Пабло спрашивает, что же я тогда из себя представляю, и я говорю: «Собрание незаурядных недостатков, которые пока что не заметны, но с прошествием времени уж точно проявятся». Он просит рассказать, как я попала в компанию к Марго.

Я рассказываю, что в 1981 году это, в общем-то, был мой единственный шанс обрести профессиональную независимость. Я отказалась от должности ведущей программы новостей «24 часа» в семь вечера, потому что, когда речь заходила об «М-19», директор Маурицио Гомес вынуждал меня называть их «бандой душегубов», а я меняла название на «партизанский отряд, повстанцы, боевики или диверсионная группа». Маурицио почти ежедневно упрекал меня, угрожал уволить и напоминал, что я зарабатываю около 5000 долларов США в месяц. Я твердо заявляла: был бы он даже внуком самого консервативного президента Колумбии или сыном Альваро Гомеса[32], возможно, следующим, – не важно, сейчас он прежде всего журналист. В один прекрасный день я взорвалась и оставила самое хорошо оплачиваемое место на телевидении. Зная, что совершила огромную ошибку, я предпочла бы скорее умереть, чем признаться в этом кому-то.

Пабло благодарит за доверие, интересуясь, известно ли о моих заслугах «повстанцам, боевикам или участникам диверсионной группы». Отвечаю: нет. Я даже не знакома с ними. В любом случае я отказалась не из-за политических соображений, скорее пошла на принцип, придерживаясь определенных правил, как того требует журналистика.

– Так называемые «повстанцы» явно не руководствуются твоими принципами, похитив сестру Хорхе Очоа, как и многих других. Я хорошо теперь их знаю, да и они меня.

Тем временем я вспоминаю, что где-то читала про освобождение девушки. Прошу Пабло рассказать, как им это удалось.

– Я нашел восемьсот человек, приставил их к каждой из восьмисот телефонных будок Медельина. Затем мы отслеживали звонки в шесть вечера – время, назначенное похитителями для обсуждения способа оплаты выкупа в двенадцать миллионов долларов. После долгих часов слежки мы одного за другим отсеивали невиновных, пока не вышли на «партизан», потом вычислили главаря банды и похитили всю его семью. Так мы освободили Марту Ньевес, и тогда «боевики, партизаны и диверсанты» поняли: с нами шутки плохи.

Удивленная, я спрашиваю: как в одиночку можно так быстро заручиться поддержкой восьмисот человек.

– Это всего лишь вопрос правильного выбора стратегии. И хотя это было нелегко, другого варианта у нас не было. В ближайшие дни, если позволишь, я познакомлю тебя с остальными городскими и общественными проектами, тогда ты поймешь, откуда взялись все эти люди. Но сегодня я хочу говорить только о тебе. Что случилось с Анибалом? Вы оба казались такими счастливыми.

Поясняю: благодаря «горкам» кокаина, которыми Пабло его угощал, я решила, что мне не подобает жить с наркоманом, но добавляю, что обсуждать мужчину, которого любила, с другим – не в моих правилах. Эскобар отмечает, что это в самом деле необычная черта, и тут же интересуется, правда ли, что я была замужем за аргентинским режиссером на двадцать лет старше меня. Признаюсь, что, к сожалению, мы до сих пор женаты:

– Хотя имущество уже поделили, он наотрез отказывается подписать развод. Не дает мне заново выйти замуж, чтобы самому не жениться на женщине, которая понимает, с чем мне приходилось мириться.

Эскобар молча смотрит на меня, как будто запоминая последнюю фразу, затем резко меняется в лице и безапелляционным тоном указывает, что я должна делать:

– Завтра твой адвокат позвонит Дэвиду Стивелу[33], чтобы назначить ему срок подписания развода до среды. В противном случае ему не избежать последствий. Мы с тобой поговорим после закрытия нотариальных контор, расскажешь, как все прошло.

С глазами, сияющими в янтарном блеске свечей, я спрашиваю, способен ли «Зорро» убить «чудовище», которое держит принцессу в башне. Взяв мою ладонь, Пабло очень серьезно отвечает:

– Только если он храбрый. Я не трачу пули на слабаков. Но за тебя не жалко и умереть, так ведь, любовь моя?

Две последние фразы, вопрошающий взгляд и легкое прикосновение позволили мне наконец понять: мы уже не просто друзья, нам суждено стать любовниками.

* * *

Когда Пабло звонит вечером в среду, у меня для него плохие новости.

– Так, значит, подписывать он не собирается… Упрямый парень попался… Хочет усложнить нам жизнь… Крепкий орешек! Разумеется, до того как что-то предпринять, я должен спросить:

когда ты наконец станешь свободной женщиной, поужинаем снова в ресторане моего друга Окампо «Пелуса»?

Отвечаю: мне слабо верится, что к 2000 году я до сих пор буду свободна, а Эскобар восклицает:

– Нет-нет-нет! Я говорю про пятницу, послезавтра, пока какое-нибудь другое «чудовище» не попалось мне на пути.

Смиренно вздохнув, я замечаю, что такие проблемы не разрешаются за сорок восемь часов.

– Послезавтра ты будешь свободна и будешь здесь, со мной. Доброй ночи, любимая.

* * *

В пятницу, когда я прихожу домой на обед, просидев на студии, редактируя телепрограмму со свалки, моя домработница сообщает, что господин Эрнан Харамильо звонил три раза, он срочно хочет поговорить со мной. Я набираю своему адвокату, он вскрикивает:

– Этим утром звонил раздосадованный Стивел и сказал, что должен подписать «этот проклятый развод» до полудня, или ему крышка! Бедолага пришел в нотариальную контору мертвенно-бледный, словно из воска. Дрожа как лист, почти на грани инфаркта, он еле-еле подписал документ. Потом, не сказав ни слова, выскочил, словно за ним гнался дьявол. Не могу поверить, что ты три года была замужем за таким трусом! Ладно, теперь ты свободна! Поздравляю, сейчас можешь готовиться к следующему замужеству, но на этот раз это должен быть хороший и богатый парень!

Полтретьего моя экономка объявляет: шесть мужчин из Антиокьи принесли цветы. Убранство не помещается в лифт, они просят разрешения подняться по лестнице, что кажется ей очень подозрительным.

Отмечаю: вполне возможно, их прислал какой-нибудь преступник. Прошу экономку, ради нашего спокойствия, мигом спуститься и проверить, от кого цветы. Поднявшись обратно, она вручает мне карточку с подписью: «Для моей освобожденной Царицы Пантер, Зорро. П.»

Когда мужчины уходят, нашему взору предстают тысячи орхидей «cattleyas trianae» (национальный цветок Колумбии) багровых, сиреневых и розовых оттенков, орхидеи цвета лаванды и белые цветы фаленопсиса – здесь и там, словно пена в насыщенном фиолетовом море. Моя экономка, видя все это, нахмурившись и скрестив руки на груди, бормочет:

– Эти парни мне совсем не понравились, а ваши подруги, увидев цветы, несомненно, подумали бы, что это самая роскошная вещь на свете!

Уверена, если им показать нечто столь удивительное, они точно умрут от зависти. Предполагаю: столько цветов могли принести только знаменитые носильщики с Ярмарки цветов в Медельине.

В три часа дня зазвонил телефон. Недолго думая, кто бы это мог быть, я спрашиваю: куда он приставил револьвер моему бывшему мужу. На другом конце линии слышатся удивленные, а затем – радостные нотки. Пабло взрывается смехом и говорит, что не понимает, о чем речь. Потом спрашивает: во сколько можно забрать меня из отеля на ужин. Смотря на часы, я напоминаю ему, что аэропорт Медельина закрывается в шесть вечера, а на последний рейс в эту пятницу уже, наверное, очередь из двадцати человек.

– Ах, черт побери, я и забыл… А ведь так хотелось отпраздновать твое «освобождение»! Как жаль! Ладно, тогда поужинаем в следующий раз, в 2000 году.

И кладет трубку – пять минут спустя телефон снова звонит. На этот раз, не дождавшись, пока собеседник представится и заговорит, я молю бога, чтобы это не была одна из моих подруг, и объявляю, что тысяча вылезающих из окон гостиной орхидей – самый прекрасный подарок за всю мою жизнь. Интересуюсь: сколько времени понадобилось, чтобы их собрать.

– Они точь-в-точь как ты, любовь моя. Их собирали с того дня, когда я увидел тебя с пластырем на лице и коленях, помнишь? В общем, только хотел сказать, что «Пегас» ждет тебя со вчерашнего вечера. Можешь улететь на нем сегодня, завтра, послезавтра, через неделю, месяц, год. Он не сдвинется с места, пока ты не поднимешься на борт. Я буду ждать тебя…

Вот это экипаж для современной Золушки – новехонький «Learjet», белый, сверкающий, с тремя красивыми улыбающимися пилотами вместо шести белоснежных першеронов. Сейчас пять пятнадцать вечера, времени как раз хватит, чтобы прибыть в Медельин до закрытия аэропорта. Я могла бы заставить Пабло подождать неделю или месяц, но я тоже его люблю и не способна вытерпеть ни дня. Витая в облаках, задаюсь вопросом: заставит ли он меня страдать, как двое бессердечных мужчин, еще богаче его, которых я любила в далеком прошлом. Тогда на ум приходит высказывание Франсуазы Саган[34]: «Плакать в «Мерседесе» удобнее, чем в автобусе», – я счастливо произношу:

– Ну, значит, лучше плакать в самолете «Learjet», чем в «Мерседесе»!

Нет ни карет, запряженных единорогами, ни ужина при свете луны под Эйфелевой башней, ни изумрудных или рубиновых украшений, ни пиротехнических шоу. Только он, обняв меня, признается: там, на реке Рио Кларо, в первый раз ощутив мое тело, прижавшееся к нему, он знал, что спас мою жизнь не для того, чтобы отдать другому. Он хотел, чтобы я принадлежала ему. Пабло, упрашивая, умоляя, требуя, без конца повторяет:

– Проси у меня все, что хочешь! Все, что только захочешь! Скажи мне, что еще тебе нужно?! – Словно он – бог, а я напоминаю ему, что он – всего лишь человек, которому никогда не удастся остановить время, продлив на секунду водопад искрящихся мгновений, которые великодушные боги захотели пролить на нас.

Эта загадочная ночь в имении «Асьенда Наполес» – последняя ночь моей непорочности и первая на пути к грезам. Когда Пабло засыпает, я выхожу на балкон и наблюдаю за звездочками, мерцающими в необъятном пространстве кобальтовой небесной синевы. Я невероятно счастлива и улыбаюсь, вспоминая диалог Пилар и Марии из «По ком звонит колокол», думая о Земле, содрогающейся под движениями тел земных любовников. Затем, развернувшись, погружаюсь в вожделенные объятия, в мою вселенную из плоти и крови – все, что у меня есть, единственное, что существует.

Смерть похитителям!

Возвращаюсь в Боготу для записи телепрограммы и на следующие выходные отправляюсь в Медельин. Езжу туда на протяжении пятнадцати месяцев, самых счастливых в моей жизни и, как сказал Пабло, самых насыщенных в его. Мы оба делаем вид, будто не замечаем, что этот краткий период заключает в себе последние идеальные и необремененные дни нашего существования.

– Мои одиннадцать самолетов и два вертолета – в твоем распоряжении. Проси все, что только захочешь, любовь моя. С чего начнем?

Я прошу только один самолет, чтобы привезти обратно моего помощника и кинооператора. Хочу отснять еще пару недостающих кадров и задать Пабло несколько вопросов в другой обстановке, например на политическом митинге.

Эскобар беспрестанно настаивает, что хочет преподнести мне сказочный подарок. Заверяет: я – единственная женщина, которая за первую неделю ничего у него не попросила. Он предлагает выбрать самый красивый пентхаус в Боготе и любой «Мерседес», какой захочу.

– Как потом объясняться перед налоговым управлением, друзьями, семьей и коллегами? Все подумают, что я содержанка, любимый. Кроме того, водить я не умею, так что, сев за руль, сразу получу пожизненное заключение в тюрьме для автомобилистов. Спасибо, Пабло, но у меня есть маленький «Mitsubishi» с водителем, и этого достаточно. Я никогда не увлекалась машинами, они меня мало впечатляют. Да и «душой механика» я не могу похвастаться, а роскошная машина в этой стране – только повод к похищению.

Пабло так настаивает, что я наконец предлагаю два варианта: или «Пегас», как у него, чтобы днями и ночами пропадать в ангаре, к чему я потихоньку постараюсь привыкнуть, или миллион поцелуев. Он смеется и выбирает второй вариант, начиная считать не по одному, а по сто, потом по тысяче и в конце концов, по сто тысяч. Эскобар управляется за несколько минут, и я уличаю его в похищении поцелуев, интересуясь: что могу подарить взамен. Подумав пару секунд, он отвечает: я могла бы научить его давать хорошие интервью, ведь в жизни еще не раз придется с этим столкнуться. Похвалив меня, Пабло спрашивает, каков же секрет хорошего интервью. Я говорю, что их три: первый – должно быть что-то важное, интересное и оригинальное, чем можно поделиться, а кроме того, остроумное, потому что все

любят посмеяться. Будучи неторопливой, я наотрез отказываюсь в первую неделю раскрыть второй и третий секреты.

Приняв вызов, Эскобар, с хитрой и полувиноватой улыбкой, клянется: если я раскрою ему свои профессиональные тайны, он тоже поделится парочкой своих.

Я мгновенно меняю тактику. Второй секрет – не отвечать на все вопросы журналиста и говорить, что хочешь. Настаиваю: если стремишься научиться хорошо играть в теннис, нужны годы тренировок, а именно… годы славы. Поэтому такие, как он, должны давать интервью только знакомым журналистам, издателям или ведущим из СМИ, которые знают, где заканчивается любопытство и начинается оскорбление.

– Породистые быки – для лучших тореадоров, а не для бандерильеро[35]. В конце концов, любой голливудский знаток пока назвал бы тебя «civilian» – «штатским». Поэтому я рекомендую тебе временно давать интервью только профессионалу-инсайдеру, который находится «в теме», но, несмотря на это, любит тебя всем сердцем. А сейчас скажи мне: когда ты закончил красть плиты и разбирать украденные машины, занявшись экспортом нюхательного табака («rapé»). Вот это действительно знаковое событие, помимо всей твоей благотворительной деятельности… Не так ли, любовь моя?

Пабло обиженно смотрит на меня и опускает взгляд. Понимая, что застала его врасплох и перешла черту, я спрашиваю себя: не слишком ли рано задела его за живое.

Сознавая, что Эскобар никогда не был влюблен в ровесницу или женщину моего статуса, я точно знаю: если мы будем любить друг друга на равных, я с первого дня должна разграничить, где заканчивается развлечение больших детей и начинаются отношения взрослых мужчины и женщины. Первое, чему я хочу научить Пабло, – чтобы стать сенатором, он должен будет подвергнуться тщательной проверке прессы, в его случае немилосердной.

– Ну, что ты хочешь знать? Давай попробуем «сыграть в теннис»… – заявляет он, вызывающе поднимая голову.

Я объясняю: когда выйдет на свет передача про свалку, вся страна будет задаваться вопросом не только о том, как нажито его богатство, но и о том, что стоит за подобным великодушием, каковы истинные намерения этого благотворителя. Просто позвонив в Медельин, любой журналист сможет за пару минут узнать общеизвестные секреты.

– Предупреждаю, владельцы СМИ будут стараться скомпрометировать тебя, когда ты начнешь трясти своими миллионами и проектами, высмеивая тех, кто спонсировал

журналистов на протяжении века. Твое великодушие станет пощечиной мелочности почти каждой влиятельной инстанции в Колумбии. К счастью, Пабло, ты невероятно сообразителен. Можешь исходить из того, что ни один крупный колумбийский магнат не раскроет всей правды об источнике своих доходов. Поэтому богачи не дают интервью ни здесь, ни в любой другой точке планеты. Тебя же от них отличают масштабы общественных работ, на них и придется переключать внимание, когда весь мир обрушится на тебя.

Эскобар увлеченно начинает рассказывать свою историю. Еще ребенком он руководил общественным фондом для постройки школы в районе Ла-Пас, в Энвигадо, потому что ему негде было учиться. В результате получилось учебное заведение для восьмисот учеников. Уже в детстве он арендовал велосипеды, подростком перепродавал подержанные автомобили, а юношей занимался перепродажей земельных участков «Magdalena Medio». На мгновение Пабло останавливается и спрашивает: думаю ли я, что все это – ложь. Зная, что это правда, я также понимаю, что источник его богатств совсем иной. Прошу рассказать, чем занимались его родители.

Отец Пабло работал в имении отца Хоакина Вальехо, известного промышленника, а мать была деревенской учительницей.

Рекомендую Эскобару начинать свой рассказ следующим образом: «От моего отца, честного крестьянина из Антиокьи, я с малых лет получил урок трудолюбия, а от матери, посвятившей себя преподаванию, научился тому, что важно заботиться о слабых». Напоминаю: никому не нравится, когда его обманывают, поэтому Пабло должен быть готов, что однажды, перед камерой, на глазах у всей страны, какая-нибудь опытная журналистка спросит:

– Сколько мраморных плит потребуется для покупки нового велосипеда? Или – сколько подержанных велосипедов можно купить, продав богатое надгробие с надписью в духе: «Благородный Отец Нации»?

Эскобар говорит, что ответил бы не задумываясь:

– Почему бы вам самой не пойти и не поинтересоваться, сколько что стоит, и все подсчитать? Потом найдите группу подростков, которые не побоятся покойников или могильщика, проникнут ночью на кладбище, и нагрузите их этими чертовыми плитами, которые весят не меньше тонны!

Мне остается констатировать, что, столкнувшись с такими лаконичными аргументами, журналистке пришлось бы признать его исключительный талант, прирожденные лидерские качества,

героическую доблесть и необыкновенную силу.

Эскобар интересуется: если бы мы познакомились раньше, когда он был бедным и никому не известным, влюбилась бы я в него. Смеясь, я категорически заявляю: нет, мы бы никогда не встретились! Никому в здравом уме не пришло бы в голову знакомить меня с женатым мужчиной. Пока он сбивал надписи на надгробиях, я встречалась с Габриэлем Эчаварриа, самым красивым мужчиной Колумбии, сыном одного из десяти несказанно богатых колумбийцев; когда разбирал машины, я была с Хулио Марио Санто Доминго, одним из лучших молодых людей своего поколения, холостяком и обладателем крупнейшего наследства в стране.

Пабло отмечает: судя по моим критериям, я должна сильно любить его. Признаюсь: именно из-за того, что есть с кем сравнивать, я его так и люблю. Ласково, с благодарной улыбкой, Эскобар называет меня самой честной и великодушной женщиной из всех.

Зазубривая серьезные и ироничные ответы, которые Пабло придется публично озвучить в оправдание пожертвований, самолетов и, конечно же, жирафов, мы приходим к выводу, что ему никак не обойтись без аргументов, основывающихся на «Логике», использованных греками 2500 лет назад. В подтверждение своего богатства он должен забыть о «спекуляции землей в “Magdalena Medio”», заменив эту фразу на: «инвестиции в главную усадьбу Флориды». Хотя никто в это не поверит, и вскоре на него может ополчиться Национальное управление по налогам и сборам Колумбии (DIAN) и даже Американская налоговая служба (IRS) с Пентагоном.

– Слава, хорошая она или плохая, – навсегда, любовь моя. Почему бы тебе, по крайней мере на время, не залечь на дно, управлять всем из тени, как делают крупные боссы повсюду? Зачем тебе лично руководить процессом? Лучше стать квадриллионером, чем прославиться. Тем более в Колумбии слава вызывает слишком много зависти, взгляни на меня, например.

– На тебя? Но все женщины этой страны хотели бы оказаться на твоем месте!

Я прошу перенести этот разговор на потом и, сменив тему, уточняю, что мне с трудом верится в спасение Марты Ньевес Очоа исключительно путем «долгих часов слежки». Пабло, кажется, удивляет моя откровенность. Он отвечает, что это мы тоже обсудим как-нибудь в другой раз.

Мне интересно: что это еще за «MAS»[36]. Опустив глаза, решительным тоном, Эскобар начинает свое повествование. Группа «Смерть похитителям!» («MAS») была основана в конце

1981 года крупными наркоторговцами и уже заручилась поддержкой богатых землевладельцев и некоторых государственных органов: административного департамента безопасности (DAS/АДБ), военной разведки (B-2), группы против вымогательства и похищений (GOES) и подразделения полицейских служб Колумбии (F2). Чтобы денежки богачей не ушли в Майами, и заработки его компаньонов и коллег не остались за границей, «MAS» стремится покончить с «чумой», которая до сих пор существует только в Колумбии.

– Все мы хотим вкладывать деньги в развитие страны, но с такими рисками это невозможно! Поэтому ни один похититель не останется на свободе. Каждый раз, поймав одного, мы отдадим его армии, чтобы они сами с ним разбирались. Ни один наркоторговец не хочет вновь пережить то, что я перенес, когда украли моего отца, то, что пережили Очоа, когда украли сестру, или пытку, которой подвергся мой друг, Карлос Ледер дель Киндио[37]. Все объединяются вокруг Ледера и «MAS», оказывая большую поддержку. В нашей армии уже почти 2500 мужчин.

На мой взгляд, учитывая, что его коллеги тоже аграрии, коммерсанты, экспортеры или промышленники, с этого момента ему нужно всегда обращаться к ним «мой профсоюз». Выразив соболезнования по поводу отца, я спрашиваю, удалось ли в такие же рекордные сроки его освободить.

– Да-да. Слава богу, он вернулся целым и невредимым. Как-нибудь расскажу тебе все подробности.

Я уже научилась оставлять на потом вопросы об исключительно действенных и эффективных методах освобождения. Однако мне все же не верится, что «MAS» постоянно добивается подобного успеха, с учетом того, что в Колумбии ежегодно происходит 3000 похищений. Чтобы покончить со всеми похитителями сразу, Эскобару пришлось бы сначала разделаться с несколькими партизанскими отрядами, которые насчитывают более 30 000 человек. За треть века армия не только не смогла справиться с ними, но и численность их увеличивается с каждым днем. Я пытаюсь открыть Пабло глаза на то, что потомственные богачи будут довольны деятельностью «MAS», поскольку им не придется тратить ни денег, ни пуль, ни жизни, а ему не удастся избежать врагов и смертей, взвалив всю ответственность исключительно на себя.

Эскобар пожимает плечами и заявляет, что ему все равно. Единственно важно – лидерство его «профсоюза» и поддержка правительства, которое «потопило» бы соглашение с США об экстрадиции.

– В моем бизнесе все богачи. Сейчас я хочу, чтобы ты

отдохнула и вечером была неотразима. Я пригласил моих партнеров: кузена Густаво Гавирию, шурина Марио Энао и еще пару друзей. Нужно проверить, все ли в порядке с футбольным полем, которое мы презентуем в следующую пятницу. Тогда ты познакомишься с моей семьей. Густаво для меня как брат, он невероятно умен и фактически заведует бизнесом, а у меня остается время на другие занятия: воплощение планов в жизнь, общественные работы и… твои уроки, любимая.

– Какова твоя следующая цель… после прохождения в сенат?

– На сегодня я уже и так много тебе рассказал, а на миллион недостающих поцелуев нам с тобой потребуется как минимум еще тысяча и одна ночь. Увидимся позже, Вирхиния.

Спустя некоторое время слышно, как молотят по воздуху лопасти вертолета, летящего над обширным пространством его маленькой республики. Я спрашиваю себя: как за одну только жизнь этому человеку с храбрым сердцем удастся объединить настолько противоречивые интересы и достичь глобальных целей?

– Ну, в его возрасте у него еще все впереди… – вздыхая, я наблюдаю за стаей птиц, теряющейся в безграничности горизонта.

Знаю, что являюсь свидетелем целого ряда событий, которые разделят историю моей страны на «до» и «после». Человек, которого я люблю, будет непосредственным участником многих из них. Никто, кажется, еще об этом не догадывается. Интересно, заставит ли меня этот мужчина, преподнесенный богом или судьбой, очень уверенный в себе, амбициозный, увлеченный всем и сразу, каждым своим действием, однажды также сильно рыдать, как сейчас умеет рассмешить. Одно могу сказать точно: у него есть все шансы стать выдающимся лидером. К счастью для меня, Пабло не отличается сказочной красотой, исключительным воспитанием и не относится к светским персонам, он бесхитростен и обладает естественным очарованием. Тогда я признаюсь себе: Эскобар самый мужественный из всех, кого я знаю, неограненный алмаз. Думаю, у него никогда не было такой, как я. Попробую отшлифовать его и научить всему, что знаю, заставив нуждаться во мне, как в воде посреди пустыни.

* * *

Моя первая встреча с семьей и партнерами Пабло состоится тем же вечером на террасе имения «Асьенда Наполес».

Густаво Гавирия Риверо неприступный, молчаливый,

скрытный и отстраненный, такой же уверенный в себе, как и его кузен, Пабло Эскобар Гавирия. Чемпион по автогонкам неулыбчив, он явно более зрелый, нежели Пабло, хотя и наш ровесник. Встретившись взглядом с этим маленьким и худеньким человеком, с прямыми волосами и тонкими усами, сразу понимаешь: Густаво не касается темы бизнеса со «штатскими». Он всегда такой наблюдательный. Понимаю, он меня оценивает. Интуиция быстро подсказывает, что Густаво не ищет внимания, как это делает Пабло, а скорее обеспокоен чрезмерными затратами своего партнера на общественные проекты. В отличие от кузена-либерала, Густаво принадлежит к партии консерваторов. Оба пьют ликер в умеренных количествах, заметно, что их мало интересуют музыка или танцы, они очень бдительны – само сосредоточение бизнеса, политики, власти и контроля.

Утонченная дива, состоящая в родстве с семьями Ольгинес, Москерас, Санс де Сантамариас, Валенсуэлас, Сулетас, Арангос, Карос, Пастранас, Маррокинес, вращающаяся в самых влиятельных политических и экономических кругах, – последнее ценное приобретение амбициозных боссов, недавно попавших в мир богачей. Очень полезный контакт в области связей. Поэтому, как под гипнозом, за следующие шесть часов ни один из трех мужчин не осмелится даже на мгновение взглянуть за другой столик, на другую женщину или мужчину – никуда.

Марио Энао, брат Виктории, жены Пабло, – настоящий знаток и страстный почитатель оперы. Догадываюсь, он хочет произвести на меня впечатление и заинтересовать тем, что абсолютно не вызывает интерес у Пабло и Густаво. Поскольку я знаю: он последний, чьего расположения я хотела бы добиться, невзирая на Карузо, Тосканини или Марию Каллас и на большую привязанность к ним Капоне и Гамбино, я перевожу разговор на темы, которые больше по душе братьям Гавирия. Часами я словно пытаюсь растопить ледяную стену, ослабить оборону чемпиона. Сосредоточенность наконец приносит свои плоды. Почти сто пятьдесят минут я терпеливо веду интервью, еще столько же выслушиваю восторженную лекцию о том, как достичь необходимой точности и концентрации, ведя машину на скорости 250 километров в час, о решениях на грани жизни и смерти, которые нужно принять за доли секунды, чтобы оставить конкурентов позади, прибыв к цели первым. Мы оба знаем, что заручились, если не симпатией, то, по крайней мере, уважением ключевого партнера. Тогда я поняла, откуда у Пабло и его компаньона это рьяное стремление всегда быть впереди планеты всей, переступая через любого, кто встанет на пути. Это, кажется,

затронуло все сферы жизни Пабло.

Вокруг нас два десятка столов заняты людьми с фамилиями типа Монкада или Галеано, чьи имена сегодня я бы даже не вспомнила. К полуночи, пока мы четверо оживленно ведем беседу, два обливающихся потом парня, вооруженные автоматами, подходят к нам, возвращая нас в окружающую реальность.

– Жена Фулано ищет его, – обращаются они к Пабло, – а он тут с подружкой. Вот незадача, хозяин! Эта женщина – настоящая бестия! Она пришла с двумя подругами и требует, чтобы мы их впустили, что делать?

– Скажите сеньоре, пусть научится вести себя как настоящая леди. Ни одна уважающая себя женщина не будет бегать за мужчиной, будь он мужем, другом или любовником, и уж тем более ночью. Пусть благоразумно отправляется домой, там дождется его возвращения со сковородкой и скалкой и надает ему хорошенько, но сюда она не войдет.

Спустя некоторое время парни возвращаются и сообщают Пабло, что женщины настроены войти, потому что он их знает.

– Знаю я таких фурий… – говорит он, вздыхая, как будто внезапно вспомнил какой-то эпизод, глубоко опечаливший его. Потом, не колеблясь и не стесняясь моего присутствия, приказывает:

– Два раза выстрелите в воздух рядом с машиной, если они проедут знак «СТОП», наставьте на них оружие, а если поедут дальше, – стреляйте на поражение, ясно?

Слышится четыре выстрела. Я прихожу к выводу, что парни снова придут, только на этот раз как минимум с тремя трупами, и задаюсь вопросом: чей четвертый.

Почти двадцать минут спустя они возвращаются, взъерошенные и взмыленные, тяжело дыша. Их лица, руки и предплечья покрыты царапинами.

– Какая схватка, шеф! Их не испугали даже выстрелы! Они били нас кулаками и пинали, видели бы вы их тигриные когти! Пришлось попросить двух приятелей помочь вытащить дамочек под прицелом. Что ждет этого беднягу, когда, хорошо подвыпивший, он вернется домой!

– Да-да, вы правы, приготовьте ему комнату, пусть переночует здесь, – приказывает Пабло, вновь проявляя мужскую солидарность к своим бедным товарищам.

– В противном случае завтра нам придется его хоронить!

– Просто «пайсас» очень смелые. Храни нас, Дева Мария! – говорят, покорно вздохнув, три «ангелочка», сопровождающие меня.

Как «Алиса в Стране чудес», я продолжаю открывать мир Пабло, узнав, что многих из крепких и богатых мужчин колотят жены… И, дайте угадаю, почему. Я спрашиваю себя, кто та, другая фурия, которую Пабло так хорошо знает, и что-то мне подсказывает, это – не его жена.

Однажды в воскресенье мы решили поразвлечься с группой друзей Пабло и Густаво и покататься на пневмотраке «Роллигон». Смотря по сторонам, сваливая деревья гигантским ковшом, я тоскую по своим веселым друзьям. По тому, как мы смеялись семь месяцев назад, ностальгирую по моим «beautiful people», среди которых я всегда находилась как рыба в воде. С ними я чувствую себя непринужденно в любой точке мира, общаясь на любом языке. Правда, у меня нет времени долго по ним скучать, потому что, после удара по стволу, черное пятно, диаметром в метр, с ревом несется на нас, как локомотив. Может, потому что бог приберег для меня необычную судьбу, за доли секунды я скатываюсь с «Роллигона» в свободном падении, падая в очень высокую траву. Я замираю и вновь осмеливаюсь нормально вздохнуть только четверть часа спустя.

Кажется, миллион жалящих ос преследует группу из двадцати мужчин, живущих за счет наркоторговли. Чудом ни одна меня не укусила. Когда через час, благодаря сиреневому платью, помощники Пабло находят меня, они рассказывают, что некоторых гостей пришлось госпитализировать.

В последующие годы я проведу в объятиях Пабло много часов. Однако по причинам, которые откроются мне только век спустя, с тех пор мы с ним уже не вернемся в «Наполес», чтобы повеселиться в компании друзей. Туда, где я три раза была на волосок от смерти, и чуть не умерла от счастья. Только однажды, чтобы прожить самый прекрасный момент в жизни, нам удастся беззаботно провести время в этом раю. Здесь он когда-то вырвал меня из лап водоворота и из объятий другого мужчины, чтобы я принадлежала только ему, не исследуя незнакомые мне дотоле закоулками моего воображения. Все это – уже забытые времена, воспоминания о сантиметрах кожи, в которых тогда заключалось все мое существование.

Одиннадцать лет спустя эти мужчины в возрасте Христа уже мертвы. Да, тот репортер из «Indias» пережил их всех. Если бы кому-то сегодня пришло в голову нарисовать портрет Алисы в Зазеркалье, он бы увидел бесконечно отражающиеся и многогранные повторения картины «Крик» Мунка. С руками, закрывающими уши, чтобы не слышать жужжания бензопил и мольбы тех, кого пытают; рев бомб и стоны умирающих, взрывы самолетов и всхлипывание матерей – с открытым ртом, в

беспомощном крике, которому только четверть века спустя удастся вырваться из горла, с распахнутыми от ужаса и испуга глазами, под красным небом охваченной пламенем страны.

Правда и в том, что огромное поместье до сих пор существует, но магия из сновидения исчезла почти так же быстро, как появилась. Там нам мимолетно удалось познать самые восхитительные проявления свободы и красоты, самые прекрасные чувства: радость и великодушие, страсти и нежности. От чарующего неба осталась только ностальгия земных ощущений: цвета, ласки, звезды и смех.

В асьенде «Наполес» вскоре развернется легендарная драма, которая навсегда изменит историю моей страны и ее международных связей. Но, как в первых экранизациях книг «Хроника объявленной смерти» или «Дом духов», теперь этот проклятый рай населяют лишь призраки.

Молодые мужчины уже давно умерли. Об их любви и ненависти (когда они еще не были призраками), их занятиях и несбыточных мечтах, их схватках и войнах, победах и поражениях, их наслаждении и боли, их союзниках и соперниках, верности и изменах, их жизни и смерти повествует остаток истории, время или место которой я бы ни за что не отважилась изменить. Все началось с простого гимна, возвышенного текста и совершенного ритма, который однажды принесло к нам с юга…

Часть II
Дни ужаса и великолепия

О, боже, если б ты мог обитать не только на золотистом древе, но и в терзаниях моего сердца!

Старый поэт цитирует Роберта Фроста в «Ночи игуаны»

Нежность револьвера

Пабло Эскобар принадлежит к той маленькой привилегированной группе людей, которые с детства точно знают, кем хотят стать, когда вырастут. Паблито никогда не мечтал стать пилотом, пожарным, доктором или полицейским.

– Я мечтал только об одном – стать богатым, богаче, чем медельинская семья Эчаваррия, чем все колумбийские богачи. Любой ценой, любыми средствами и способами, которые предоставит судьба. Я поклялся себе: если в тридцать лет у меня не будет миллиона долларов, я покончу жизнь самоубийством. Выстрелю в висок, – признается он мне однажды, пока мы поднимаемся в «Learjet», стоящий в частном ангаре аэропорта Медельина рядом с остальным его парком.

– Я скоро куплю себе «Jumbo»[38], обустрою его как летающий офис: несколько спален, ванны с душем, гостиная, бар, кухня и столовая – что-то типа летающей яхты. Так мы с тобой сможем путешествовать по миру незаметно, чтобы никто нам не мешал.

Уже в самолете я решила осведомиться, как мы будем незаметно передвигаться в воздушном замке: Пабло отвечает: «По возвращении ты узнаешь как». Отныне и впредь, каждую нашу встречу, он будет устраивать мне незабываемые сюрпризы. Сегодня Эскобар заметил нечно любопытное: по мере того, как он раскрывает мне свои секреты, мои тайны тоже потихоньку становятся явью. Больше всего это заметно по глазам. Когда я узнаю что-то новое, мои счастье, радость и энтузиазм заставляют его почувствовать, будто он только что выиграл автогонку, а я – призовая бутылка шампанского.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты самая пьянящая в мире, Вирхиния?

– Всегда говорят! – счастливо восклицаю я, потому что знаю: отбросив скромность, мы оба нашли идеальную пару. С этого дня, чтобы утаить самые сокровенные секреты, придется закрывать глаза. – Ты сможешь докопаться до них оооочень медленно… с помощью особой открывашки для шампанского «Perrier Jouët Rosé»!

Пабло убежден: в этом нет необходимости, ведь для следующего сюрприза ему понадобится связать меня и даже сковать наручниками. Широко улыбаясь, я отмечаю, что меня никогда еще не связывали и не пристегивали наручниками. Спрашиваю: может, он садист, как в фильмах.

– Я очень испорченный садист, в тысячу раз хуже, чем в фильмах ужасов. Тебе разве об этом не говорили, родная? –

шепчет он мне на ухо. Потом берет меня за подбородок и пристально вглядывается, как будто я – глубокий колодец, в котором он ищет способ удовлетворить свои самые сокровенные желания. Я ласкаю его и говорю: «Мы – идеальная пара, потому что я мазохистка», – он целует меня, отвечая, что всегда это знал.

Настал день сюрприза. Пабло заезжает за мной в отель к десяти часам ночи. Как всегда, машина с четырьмя охранниками следует за нами на безопасном расстоянии.

– Не могу поверить, что такая женщина, как ты, не умеет водить машину, Вирхиния, – говорит он, срывая машину с места. – На сегодняшний день только душевнобольные не умеют этого делать!

Отвечаю: любой полуграмотный шофер может водить автобус с пятью передачами, а я почти слепая, с интеллектуальным коэффициентом 146. Вместо вождения автомобиля он скорее пригодится, чтобы вбивать в голову 10 000 лет цивилизации и запоминать получасовые репортажи за пять минут, так как я не могу разглядеть телесуфлер. Пабло спрашивает, во сколько я оцениваю его коэффициент IQ. Отвечаю: где-то 126.

– Нет мадам, мой подтвержденный минимум – 156, не обольщайся!

Утверждая, что это нужно еще подтвердить, я прошу притормозить до скорости мысли. На 180 километрах в час мы, конечно, будем невероятно умными, но умрем раньше времени.

– Мы оба знаем, что не боимся смерти, не так ли, всезнайка? Сейчас увидишь, что тебя ждет, раз ты такая независимая. Сегодня я в очень плохом настроении и уже устал от телохранителей, что следуют за нами повсюду, они не отстают ни на минуту, уже надоели. Думаю, есть только один способ оторваться от них. Видишь другую сторону шоссе, там, внизу, слева от меня? У тебя пристегнут ремень, да? Тогда держись крепче, через тридцать секунд мы будем там, на встречке. Если не выйдет, увидимся в следующей жизни, Эйнштейн! Раз… два… трииииии!

Автомобиль вылетает и катится по склону, покрытому пыреем. Сделав переворот, сопровождаемый тройным сальто, машина замирает несколькими метрами ниже. Я два раза очень больно ударилась головой, но не проронила ни слова. Пабло приходит в себя за секунды, машина со скрежетом сдает назад. Эскобар продолжает ехать по противоположной стороне дороги в направлении своей квартиры. Через пару минут мы вносимся в гараж, как болид, дверь за нами закрывается, и автомобиль резко тормозит в нескольких миллиметрах от стены.

– Уффффф! – говорит он, облегченно вздохнув. – Сейчас мы уж

точно оторвались, но, очевидно, завтра мне придется уволить этих парней. Представляешь, что могло бы случиться, если бы кто-то вроде меня решил нас похитить?

Я улыбаюсь про себя, но храню молчание. Мне больно, но я не собираюсь доставить ему удовольствие и говорить то, что он хочет услышать. Никто не сравнится с Эскобаром в хладнокровии. Мы поднимаемся в пустой пентхаус, я замечаю камеру напротив входа в спальню. Сажусь на стул с низкой спинкой, а Пабло, скрестив руки, останавливается напротив. Угрожающим тоном с леденящим выражением глаз он произносит:

– Ну, теперь ты видишь, у кого здесь самый высокий коэффициент IQ и кто настоящий мужик, да? А если начнешь жаловаться или сделаешь хоть одно неверное движение, пока я готовлю тебе сюрприз, я разорву надвое твое платье, запишу на камеру происходящее и продам видео прессе, понятно, Мэрилин? Так как я держу свое слово, начнем с того… что свяжем тебе глаза. Думаю, нам также понадобится моток скотча… – добавляет он, напевая «Feelin' Groovy» группы «Simon and Garfunkel», надевает мне черную повязку на глаза, крепко связав ее двойным узлом. – И наручники… куда же я их положил?

– Ну уж нет, Пабло! Мы договорились: ты только свяжешь меня. Я практически сломала себе шею, не имеет смысла надевать наручники на мертвый груз, весом с пушинку. Относительно того, чтобы заткнуть мне рот, ты бы хоть подождал, пока восстановится кровообращение!

– Согласен, я надену на тебя наручники, если только попытаешься вырваться, поскольку хорошо знаю, на что способна пантера с претенциозностью гения.

– А я не смогла бы вырваться, потому что представляю, на что способен преступник с заносчивостью шизофреника.

Вслед за паузой, которая, кажется, длится вечность, он внезапно говорит:

– Посмотрим, правда ли, что у слепых очень острый слух…

Слышу, как два его ботинка падают на ковер. Вслед за этим – комбинация цифр сейфа, который открывается после четырех поворотов, затем – безошибочно узнаваемый звук шести пуль, вставляемых в барабан револьвера, одна за другой, и щелчок оружия, снимаемого с предохранителя. Все погружается в тишину. Секунды спустя он стоит за спиной, берет левой рукой мои волосы и водит по шее дулом револьвера, снова и снова нашептывая в ухо:

– Знаешь, участников моего «профсоюза» называют «волшебниками», ведь мы творим чудеса? Итак, поскольку я король этих чародеев, только мне известна секретная формула,

чтобы собрать воедино твое тело, сводящее меня с ума, и обожаемую мной головку. Абракадабра… Давайте представим, что обрамляем бриллиантовым ожерельем… эту лебединую шею… Такую тонкую… Такую хрупкую, что я голыми руками мог бы сломать ее пополам… Абракадабра… Один круг… Два… Три… Как вы себя чувствуете?

Отвечаю, что бриллианты холодные и делают мне больно. На мой взгляд, они очень маленькие – он обещал совсем другое, а так как это импровизация, то и вовсе не считается.

– Между нами все считается, родная. Ты ведь никогда не ощущала револьвер на коже… На этой шелковистой… золотистой… такой идеально ухоженной коже… без единой царапинки… или шрама, правда?

– Пабло, осторожней с повязкой, а то она спадет, и пострадает сюрприз века! Думаю, тебе не помешает узнать, что я практикуюсь в стрельбе с револьвером «Smith & Wesson» в полиции Боготы и, по словам моего тренера, превосхожу в меткости некоторых служащих со стопроцентным зрением.

Эскобар отмечает, что я полна сюрпризов, но одно дело – револьвер в руках простого человека, и совсем другое – в руках убийцы, приставившего его кому-то к виску. Он добавляет:

– Я тоже однажды пережил это. Правда – ужасающий опыт?

– Как раз наоборот, совершенно превосходный! Ооох… Это потрясающе… Просто великолепно… – шепчу я, откидывая голову назад, задыхаясь от наслаждения, пока Пабло расстегивает на мне одежду, и оружие начинает спускаться по горлу в направлении сердца.

– И все равно, ты банальный садист, а не убийца.

– Тебе просто хочется в это верить, любимая. Я серийный убийца… Сейчас скажи, почему тебе все это так нравится. Давай, удиви меня!

Не торопясь, я говорю ему, что огнестрельное оружие – всегда… искушение… Сладкое яблоко Евы… Близкий друг, предлагающий альтернативу покончить со всем… попав на небо, когда уже нет выхода… или в ад… случае раскаявшихся убийц.

– Что еще? Продолжай говорить, пока я не позволю тебе остановиться… – произносит он хриплым голосом, спуская верхнюю часть моего платья, целуя шею и плечи. Я подчиняюсь и продолжаю:

– Он бесшумный… идеальный сообщник. Опаснее… всех твоих заклятых врагов… Когда он стреляет, то звучит… Дай подумать… Как… как… железные решетки тюрьмы Сан-Кинтин! Да-да, железные решетки тюрьмы для гринго звучат подобно выстрелам, утром, днем и вечером. Вот это точно ужасно, правда,

любовь моя?

– Итак, у нас здесь зловещее создание… А сейчас, скажи мне, какой он… на ощупь… Если остановишься, я заклею тебе нос и рот скотчем, ты не сможешь дышать, и я уже не ручаюсь, что банальный садист с тобой сделает! – приказывает Пабло, лаская меня левой рукой. Револьвер медленно спускается по моей груди, а потом по диафрагме – к талии, в направлении живота.

– Он большой… и кажется, очень мужественный… Очень твердый… и крепкий… У него в центре – канал… Но он холодный, потому что сделан из металла… Не из такого, как ты, правда? А сейчас, когда ты уже услышал все, что хотел, клянусь тебе, Пабло, если ты еще хоть на миллиметр опустишь его, я встану со стула, дойду пешком до Боготы, и ты меня больше никогда не увидишь.

– Хорошо-хорошо-хорошо! – говорит он с виноватой, покорной улыбкой. – Какие только злодеяния не приходят на ум, когда у тебя в руках настоящий секс-символ, абсолютно беспомощный… Ну, зануда, продолжим. Но сразу предупреждаю, подожди, пока не закончу со скотчем, потому что я почти такой же перфекционист, как и ты.

– Тогда ты должен понимать, что для меня все эти игры действительно немного простоваты. Я целыми днями ждала своего сюрприза, а ты продолжаешь меня разочаровывать!

Пабло резко заявляет, что он единственный, кто здесь решает, что простовато, а что – нет.

– Я уже догадалась, что ты мне покажешь: твою оружейную коллекцию! Хочешь подарить мне какое-нибудь оружие?! Как у девушек Бонда – точно! Можно уже снять повязку? Хочу выбрать самое смертоносное и красивое.

– Повязку снимешь, когда я тебе прикажу! Кажется, ты еще не поняла, что единственный здесь, отдающий приказы, это – убийца, владелец револьвера, садист, хозяин камеры, самец, наделенный животной силой, и богатый владелец этого места, а не бедная, 55-килограммовая дамочка, с более низким коэффициентом IQ. Потерпи всего пару минут, я сейчас заклею… четыре последних… И можем начинать! Это для твоего же блага. Представь, если в будущем кто-то будет тебя пытать… в течение нескольких дней…чтобы вытащить информацию о том, что ты скоро увидишь. Или ты окажешься Матой Хари и однажды… предашь меня?

– Это украденные бриллианты, любимый! Да, в тысячи и тысячи карат!

– Не будь такой оптимистичной! Их я бы тебе никогда не показал, ты бы украла самые большие, проглотила, а мне бы

пришлось разрезать тебя ножницами, чтобы достать их из живота!

Перспектива подавиться бриллиантами безумно смешит меня, затем внезапно возникает другое предположение:

– Знаю, как же я раньше не догадалась! Ты покажешь мне килограммы кокаина, произведенного в Колумбии и упакованного на экспорт в США! Их запечатывают скотчем? Наконец-то я увижу, как они выглядят! Правда, каждый мешок похож на два фунта масла и на нем написано «королевский»?

– Какое у тебя скудное воображение! Ты меня по-настоящему разочаровываешь… Это может увидеть любой мой партнер, мои люди, пилоты, клиенты, даже Управление по борьбе с наркотиками. Я уже сказал: то, что я покажу тебе, не видел и никогда не увидит никто, кроме тебя. Ладно, приготовились! Сейчас я могу сесть у подножия моей королевы, чтобы посмотреть на ее реакцию. Обещаю, эта ночь будет незабываемой. Раз… два… три, приказываю тебе снять повязку!

Они – синие, зеленые, фиолетовые, коричневые, черные. И до того как я смогла прыгнуть вперед, чтобы попробовать рассмотреть их вблизи, железные наручники защелкнулись на моей правой щиколотке, и я осталась прикованной к ножке стула, не упав лицом вниз вместе с ним лишь потому, что Пабло прыгнул и подхватил меня в воздухе. Он сжимает меня в объятиях, раз за разом целуя, постоянно смеясь и одновременно восклицая:

– Я знал, что ты опасна, пантера-обманщица! Ты за это ответишь! Если хочешь посмотреть на них, признайся сначала, что любишь меня, как никого не любила! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Скажи, что обожаешь меня, ну, давай, скажи это! Если нет, я не дам тебе на них посмотреть ни вблизи, ни издалека!

– Буду говорить что хочу, а не то, что тебе хочется услышать, ясно?

На самом деле ты… ты… ты… ты – гений, самый необыкновенный в подпольном мире! – и почти неслышным голосом, как будто кто-то может нас услышать, я засыпаю его вопросами, упрашивая показать их, зная, что ему это нравится:

– Они все твои, а сколько их, сколько они стоят, как их достать? Покажи мне фотографии и имена! Пабло, дай мне уже ключ от наручников, они поранят мне щиколотку! Позволь слепой бедолажке рассмотреть их вблизи, не будь таким жестоким, умоляю! Хочу снять скотч с названий стран и увидеть их все!

– Нет-нет-нет! Спорим, что ты, вундеркинд из высшего общества, никогда бы не подумала, что кто-то вроде меня может быть таким популярным и четырнадцать стран уже предоставили ему гражданство!

– Ваааааау! Сейчас я знаю, зачем нужно столько денег, в совокупности со званием почетного преступника… Кажется, половина ООН добивается такой чести! Но я нигде не вижу паспорта Соединенных Штатов, который в твоем бизнесе должен быть… приоритетом номер один, разве нет?

– Ну, любовь моя… Рим не сразу строился! А семь процентов от всех стран мира – не так уж плохо… для начала… в моем нежном возрасте. Пока можешь посмотреть только фотографии, национальности и имена узнаешь по мере того, как мы станем их использовать, я и сам еще их не выучил.

– Понимаешь, я – единственный надежный человек, который может помочь тебе правильно произнести их на пяти языках! В возрасте семнадцати лет я уже преподавала фонетику в колумбийско-американском институте, разве я не чудо-невеста? Как мы приедем в другую страну, а ты не сможешь сказать свое имя, Пабло? Сейчас же нужно начать практиковать произношение, чтобы потом ты не вызывал подозрений. Пойми, это для твоего же блага, любовь моя.

– Категорически нет, и точка. Сейчас тебя ждет награждение шампанским, тем, розовым, которое, кажется, разливают по красивым бутылкам.

Так и не сняв наручники, он вынуждает меня снова сесть на стул и становится передо мной на колени. Позади, в двух метрах от нас – двойной ряд паспортов, раскиданных по квартире. Пабло заклеил кусками скотча все национальности, данные внутри паспорта и дату рождения, потом, как ребенок с новыми игрушками утром 25 декабря, он начинает показывать каждую из четырнадцати фотографий. А я, словно под гипнозом, наблюдаю, как невероятные, невообразимые, немыслимые версии любимого лица мелькают перед глазами.

– Здесь я с бритой головой. Здесь в очках и с бородкой, как марксистский интеллектуал. В этом паспорте – с африканской прической. Жутко, правда? Здесь – араб, мне его достал друг, саудовский принц. Для этого я перекрасился в блондина; здесь – в рыжий, мне пришлось пойти в салон красоты, где женщины смотрели на меня, как будто я педик. А вот тут я с париком. Тут без усов, а здесь с густой бородой. Как тебе эта: лысый человек с шевелюрой и очочками, как профессор Турнесоль де Тинтин[39], классно, да? Почти на всех я выгляжу ужасно, но даже мама бы меня не узнала! Какой из всех тебе больше нравится?

– Все, Пабло, все! Ты такой забавный. Никогда не видела более потрясающей коллекции! Ты самый нелегальный нелегал, какого я только видела, самый отъявленный бандит, который только ступал на поверхность Земли! – заключаю я, не переставая

смеяться, пока он убирает паспорта на место. – Как кому-то могло наскучить быть с тобой, и как можно не восторгаться твоими выдумками?

Эскобар закрывает сейф, оставляет револьвер на письменном столе и подходит ко мне. Глядя с огромной нежностью и не говоря ни слова, снимает наручники, целует мою щиколотку, на которой отпечаталась толстая красная линия, потом укладывает на постель и мягко массирует место, которым я ударилась о крышу автомобиля.

– Хотя ты мне не поверишь, больше всего на свете я люблю не твою головку и не тело, такие… многомерные, – говорит Пабло своим обыденным тоном, – и такие… побитые! – добавляет он, смеясь. – А наше с тобой золото, соединенное вместе, как сейчас.

Я удивленно произношу: у кого в этой комнате нет ни грамма золота, так это у меня. Тогда он шепчет, что у меня самое большое золотое сердце в мире, потому что я – его вызов. Несмотря на ужасные проверки, которым он меня подвергает, я никогда не жалуюсь и под конец становлюсь его наградой.

– Так как у нас теперь на двоих одно сердце, я знаю о тебе все. А сейчас, когда мы оба вышли победителями, можем вместе забыться, не так ли? Абракадабра, моя изнеженная Мария-Антуанетта…[40]

Когда Пабло заснул, я проверила револьвер: он заряжен шестью пулями. Я выглядываю на террасу и вижу четыре автомобиля с телохранителями, припаркованные на каждом углу. Знаю, эти парни отдали бы за него жизнь, и я тоже, не задумываясь. Я спокойна и счастливо засыпаю. Проснувшись, вижу: Пабло уже ушел.

Два будущих президента и «Двадцать стихов о любви»

Следующая цель Эскобара после накопления несметных богатств – использовать их, чтобы стать самым популярным политическим лидером всех времен. И как не назвать это проявлением явной шизофрении, абсолютной мании величия, неслыханного культа личности, небывалой экстравагантности, немыслимой расточительности, а самое главное – бессмысленной. Как, например, стремление подарить десять тысяч домов людям без крыши над головой и покончить с голодом в городе-миллионнике. Тем более в Колумбии, стране самых жадных и лишенных величия магнатов Латинской Америки.

Обладателей баснословного состояния вечно терзают сомнения. Им хочется знать, любят ли их за деньги. В любви они почти такие же неуверенные и недоверчивые, как знаменитые женщины в отношении своей красоты, постоянно сомневающиеся: нужны ли они мужчинам как жены и девушки, или их просто выставляют напоказ как собственность и трофеи с охоты. Однако Пабло полностью убежден, что его последователи: армия, женщины, друзья, семья и, конечно же, я, любят его не за богатства, а за то, какой он есть. Даже если это правда, я спрашиваю себя: как совместить его острую чувствительность с патологической одержимостью? Будет ли Эскобар готов к надвигающейся обманчивости славы, к обилию неприязни, которую эта популярность вызовет в стране, где люди, как известно, «умирают не от рака, а от зависти».

Второй раз Пабло выступает при мне на публике по случаю инаугурации одной из баскетбольных площадок. Так как его политическое движение «Гражданственность в действии» выступает за здоровый образ жизни, а Эскобар страстно любит спорт, он хочет открыть подобные площадки во всех районах Медельина и Энвигадо, соседнего муниципалитета, где он вырос, а также установить освещение на футбольных полях во всем городе. К моменту нашего знакомства таких площадок уже насчитывалось несколько десятков.

Этой ночью Пабло знакомит меня со своей семьей, людьми из низшего среднего класса. На их серьезных лицах нет ни намека на злобу. Его жену двадцати трех лет, мать шестилетнего малыша Хуана Пабло, зовут Виктория Энао. «Тата», как все ее называют, не особо красива, но на лице ее достойное выражение. Только серьги, два больших бриллианта невиданных размеров,

позволяют распознать в ней жену одного из богатейших мужчин страны. Очевидная застенчивость невысокой, коротко стриженной брюнетки контрастирует с его непринужденностью. В отличие от нас двоих, чувствующих себя как рыба в воде среди множества людей, она, кажется, не слишком наслаждается происходящим, и что-то мне подсказывает, начинает смотреть с беспокойством на возрастающую популярность мужа. «Тата» приветствует меня холодно, с недоверием, читающимся в глазах всей семьи Пабло. Она смотрит на него с абсолютным обожанием, он восторженно наблюдает за ней, а я созерцаю их с улыбкой, потому что никогда никого не ревновала. К счастью, я не люблю Пабло с непримиримой, собственнической страстью, люблю его всей душой и сердцем, телом и мозгом, безумно, но не иррационально, потому что прежде всего люблю себя. Моя проницательность заставляет задуматься: действительно ли через восемь лет брака под этими очарованными взглядами не скрывается необходимость публично рассеять любые сомнения относительно их отношений.

А пока я изучаю его семью с трех разных ракурсов: находясь всегда рядом в качестве любовницы, с объективностью журналиста и отстраненностью зрителя. Вдруг кажется: что-то вроде огромной тени нависло над мирной семейной сценой. Вижу толпу, подходящую к Пабло с благодарностью за продукты, которые он каждую неделю раздает бедным. Необъяснимая грусть, полная сомнений, которая обычно является плохим предзнаменованием, внезапно охватывает меня. Может, все эти торжественные сцены с разноцветными шарами и шумной музыкой в громкоговорителях – только миражи, как пиротехнические представления или карточные замки. Когда тень удаляется, я ясно вижу то, что, кажется, никто не заметил. В большой семье Пабло, наряженной в новые костюмы, увешанной драгоценностями (все благодаря тому, что Эскобар внезапно разбогател), царит страх, зародившийся уже давно. Опасность, которая в любой момент может взорваться, как вулкан библейских размеров.

Тревожные чувства пронзают меня и исчезают, пока Эскобар наслаждается теплом толпы, восхищений и аплодисментов. Для меня эта вереница событий – хлеб насущный, издержки профессии телеведущей. Я с двадцати двух лет привыкла к театральным крикам: «Браввооо!» или к свисту стадиона, но для Пабло все это, как воздух, единственная причина его существования, первые ступени на пути к славе. Очевидно, его проникновенная политическая речь покорила сердца людей. Слушая ее, я мысленно цитирую фразы из Шекспира, слова

Антония при погребении Юлия Цезаря: «Дела людей, порочные и злые, переживают их и часто также то доброе, что сделали они, с костями их в могилу погребают». Мне любопытно, как сложится судьба этого человека, сочетающего в себе качества мецената и бандита, такого молодого и простодушного, в которого я успела влюбиться. Сможет ли он правильно разыграть свои козыри? Научится ли когда-то выступать на публике более культурно, говорить с менее выраженным акцентом? Получится ли у моего неограненного бриллианта довести до совершенства элементарную речь, чтобы выйти за рамки провинциальности? Удастся ли ему взять под контроль свою эмоциональность, быть более прозорливым, чтобы достигнуть цели и постараться удержаться на позициях? Несколько минут спустя счастье, переполняющее малоимущие семьи, которым Пабло помогает, заражает меня своими иллюзиями и надеждами. Я благодарю Господа за существование уникального светского благодетеля, самого масштабного в Колумбии на моей памяти и, полная энтузиазма, присоединяюсь к общему празднованию.

Программа со свалки вызвала потрясение национального масштаба. Все мои коллеги хотят взять интервью у Пабло Эскобара и узнать, откуда столько денег у тридцатитрехлетнего заместителя представителя Конгресса, чьи ресурсы, похоже, неисчерпаемы. А кроме того, он обладает невиданным великодушием и пугающим политическим авторитетом – результат экстравагантного сочетания богатства и душевности. Многих также интересует, какова природа его отношений со звездой телевидения, которая всегда упорно защищала свою личную жизнь. Я категорически отрицаю любой роман с женатым мужчиной и советую Пабло давать интервью только после теста перед камерой, который предлагаю устроить на телестудии. Он неохотно соглашается.

– На будущей неделе приглашаю тебя на первый форум против договора об экстрадиции, здесь, в Медельине, – говорит мне Пабло. – А на следующем, в Барранкилье, ты познакомишься с влиятельными людьми из моего «профсоюза», сегодня они одни из богатейших людей в стране. Почти все состоят с нами в «MAS» и хотят искоренить этот абсурдный договор любыми средствами, огнем и мечом, если будет угодно.

Пытаясь убедить Пабло, что, выступая в такой воинственной манере, он наживет слишком много врагов на начальном этапе своей восходящей политической карьеры, советую ему изучить «Искусство войны» Сунь Цзы. Так он научится тактике и терпению. Я показываю ему изречения китайского мудреца: «Никогда не атакуй противника, расположившегося на

возвышенности». Он отмечает, что при необходимости быстро меняет свои стратагемы. А поскольку книги наводят на него тоску, лучше, чтобы я его всему научила, ведь я с детства жадно впитывала знания. Догадываясь, что влюбленной и желанной женщине неприятно это слышать, Пабло шутливым тоном добавляет:

– А вот и не угадаешь, какое прозвище я придумал, когда буду встречать тебя в аэропорту – «Белисарио Бетанкур», как президент Республики, чтобы ты со всеми почестями вошла в нелегальный мир! Тебе не на что жаловаться, моя Ви-Ви!

Его озорной смех обезоруживает, все мои переживания вмиг забываются. Я таю в его объятиях, словно карамельное мороженое с ванилью и кусочками шоколада, оставленное под открытым небом летним вечером.

Люди, летящие со мной в самолете, очень разнообразны. Один едет с переговоров с Ким Ир Сеном в Северной Корее, другой – с недавней встречи стран движения неприсоединения, еще один знаком с Петрой Келли, основательницей немецкой партии «зеленых», которой Пабло предложил посетить свой зоопарк и посмотреть на его общественные проекты. Дальше сидит друг Ясира Арафата. В офисах Пабло и Густаво красный цвет уже сменился на синий, темные очки – повсюду; зеленый оттенок связан далеко не с европейскими экологами, а с полицейским подразделением (F2). Какой-то парагваец – родственник сына или зятя Стресснера[41], немного позади – мексиканские генералы с тремя звездами на погонах, остальные, с чемоданами, – израильские торговцы оружием. Там, вдали, – выходцы из Либерии. В первые месяцы 1983 года жизнь Пабло похожа на Генеральную Ассамблею ООН. Я узнаю, что мой любимый человек способен не только перевоплощаться и скупать паспорта, но и менять свою политическую идеологию на потребу публики. Ультралевые выступления – для бедных слушателей, политических партий, прессы и на экспорт; ужасающе жестокие ультраправые – для мультимиллионеров и союзников в униформе, направленные на защиту его семьи, бизнеса, имущества и интересов. Ну и, конечно, чтобы похвастаться своим талантом кукловода истории, контролирующего разноцветные ниточки потрясающей, затеянной им интриги, Пабло в своих речах бросается из крайности в крайность, стараясь впечатлить женщину, в которую влюблен, мотивирующую его на подвиги. Она станет наблюдателем происходящих событий, возможным союзником, открывая для себя всевозможные проявления силы и мужественности, будет свидетелем исключительной способности Эскобара влиять на мужчин и соблазнять женщин.

Первый форум против экстрадиции проходит в Медельине. Пабло просит меня сесть за главный стол вместе со священником Элиасом Лоперой, расположившимся справа от него. Там я впервые услышу пламенную националистическую речь Эскобара против договора об экстрадиции. Со временем эта борьба превратится в одержимость, станет делом всей его жизни, его судьбой, Голгофой целой нации, которая принесет тысячи жертв и гибель миллионов соотечественников. Это наше с Пабло бремя. В Колумбии, где правосудие почти всегда наступает через двадцать лет, а то и больше – зачастую за это время выигрывает тот, кто платит самую высокую цену, – система старается навредить жертве, она направлена на защиту преступника. Человек с финансовыми возможностями Пабло может всю оставшуюся жизнь наслаждаться возмутительной безнаказанностью. Однако черное облако маячит не только на горизонте Эскобара, оно нависло над всем его «профсоюзом». Появилась вероятность того, что любой колумбийский подсудимый может быть экстрадирован по запросу правительства США и осужден за межнациональные преступления в стране с эффективной судебной системой, где тюрьмы оснащены высоким уровнем безопасности, суммируются приговоры о пожизненном заключении и разрешена смертная казнь.

В ходе первого форума Пабло выступает перед единомышленниками гораздо более воинственно, чем раньше. Дрожь в голосе исчезает, когда он свирепо атакует многообещающего политического лидера Луиса Карлоса Галана[42], перспективного кандидата на пост президента Республики. Тот исключил его из списков своего движения «Новый либерализм», объявившего своей главной целью борьбу с коррупцией. Пабло никогда не простит, что Галан в 1982 году, перед тысячами людей, в парке Беррио, в Медельине, узнав об истинном происхождении доходов Эскобара, не называя его по имени, объявил о его исключении.

С Луисом Карлосом Галаном я познакомилась двенадцать лет назад в доме одной из самых приятных женщин на моей памяти, красивой и элегантной Лили Урдинолы де Кали. Мне был двадцать один, я только что развелась с Фернандо Борреро Кайседо, архитектором, на двадцать пять лет старше меня, красивым, как Омар Шариф. Лили развелась с владельцем завода по переработке сахара в долине Каука и выбирала из трех претендентов. Однажды вечером она пригласила их поужинать, а меня и своего брата Антонио попросила помочь выбрать между швейцарским миллионером с сетью пекарен, богатым евреем с сетью магазинов одежды и робким юношей с орлиным носом и

большими ясными глазами, единственным капиталом которого была блестящая политическая карьера. Хотя той ночью никто из нас не проголосовал за Луиса Карлоса Галана, несколько месяцев спустя, в двадцать шесть лет, молчаливый молодой человек с ясным взглядом стал самым молодым министром в истории. Я никогда не рассказывала Пабло об этом «поражении», но на протяжении всей жизни сожалела, что той ночью не отдала свой голос в пользу Луиса Карлоса. Если бы Лили позволила ему ухаживать за собой, мы с Пабло точно бы уладили эту нелепую проблему, удалось бы избежать ужасных событий и тысяч смертей.

Наша фотография с первого форума против экстрадиции – одна из сотен, опубликованных в первые месяцы наших отношений. Позже журнал «Semana» использует ее как иллюстрацию к статье «сельский “Робин Гуд”». С такой благородной оценки и начнется легенда Пабло, прославившая его сначала в Колумбии, а затем и по всему миру. Потом, каждую нашу встречу, целуя, обнимая меня и кружа в воздухе, Эскобар непременно интересовался:

– Что говорят в Боготе обо мне и Рейгане?

Тогда я детально описывала, как все его обсуждают, а что говорят о президенте Рейгане, интересно только астрологу его жены Нэнси и республиканским представителям Конгресса в Вашингтоне и Делавэре.

Чтобы попасть на второй форум против экстрадиции, мы отправляемся в Барранкилью. Селимся в президентском номере-люкс огромного, недавно открытого отеля – не в «Прадо», который всегда мне так нравился. Пабло любит только современный стиль, а мне нравится элегантно-винтажный. Мы постоянно спорим о том, что он считает «устаревшим», а я – «завораживающим». Мероприятие состоится в роскошной резиденции Ивана Лафаури, прекрасно декорированной моей подругой Сильвией Гомес, которая также была дизайнером интерьера моих квартир с тех пор, как мне было двадцать один.

На форум не пригласили ни одного представителя прессы. Пабло рассказывает: у самого небогатого участника форума десять миллионов долларов на счету, в то время как состояние Пабло и компаньонов: троих братьев Очоа, Гонсало Родригеса Гачи, «Мексиканца», в сумме с доходами Густаво Гавирии, насчитывает несколько миллиардов долларов, с избытком превосходя состояние традиционных колумбийских магнатов. Эскобар сообщает: почти все присутствующие – члены «MAS». На многих лицах прослеживается замешательство из-за присутствия на форуме известной тележурналистки.

– Сегодня будет объявлена историческая война, и ты станешь этому свидетелем. Где хочешь сесть: в первом нижнем ряду, чтобы видеть меня и руководителей моего движения, с которыми ты уже познакомилась в Медельине, или за главным столом, наблюдая за тем, как четыреста мужчин искупают в крови нашу страну, если примут договор об экстрадиции?

Уже привыкнув к его наполеоновским выражениям, я решила расположиться с правого края, за главным столом. Не настолько близко, чтобы познакомиться со всеми четырьмястами «новыми мультимиллионерами», которые в будущем могли бы сменить у власти и даже обезглавить моих знакомых и бывших парней, принадлежащих к традиционной олигархии (что вызывает во мне противоречивые эмоции: от самого глубокого страха до изысканного наслаждения). В изобилии суровых и недоверчивых лиц я стремлюсь прочесть их истинное мнение о человеке, которого я люблю. Если увиденное мне не понравится, то от услышанного вообще кровь застынет в жилах. Сама того не подозревая, той звездной ночью, в особняке, окруженном садами, близ карибского побережья, я окажусь особым свидетелем, единственной женщиной и автором истории, которая сможет описать боевое крещение колумбийских боевиков-наркоторговцев.

Когда выступления подходят к концу и форум закрывается, я спускаюсь с помоста и направляюсь к бассейну. Пабло остался с хозяевами и партнерами, которые поздравляют его от всего сердца. Толпа зевак окружает меня, и некоторые из присутствующих интересуются, что я здесь делаю. Человек, явно похожий на землевладельца или традиционного скотовода с побережья, с фамилией Лекомпте, Лемайтре или Паважу, раззадоренный ромом или виски, во всеуслышание заявляет:

– Я уже слишком стар, чтобы кто-то из этих мальчишек указывал мне, за кого голосовать! Я консерватор, реакционер и ретроград старой закалки. Голосую за Альваро Гомеса, и точка! Он-то уж точно серьезный парень, не то что этот плут Сантофимио! Кто такой этот Эскобар, чтобы указывать мне? Или он думает, что у него больше денег и коров, чем у меня, а?

– Сейчас, насколько я знаю, на «кокаиновые» деньги можно заполучить звезду с телевидения. Пожалуй, брошу свою жену Маголу и женюсь на актрисе Ампарито Грисалес! – хвастается кто-то за моей спиной.

– Бедная девчонка хоть знает, что этот тип был наемным убийцей, за его плечами более двухсот смертей? – тихо рассыпается в насмешках третий, а небольшая группа людей одобряет его слова с нервным и фальшивым смехом. Потом все

быстро удаляются.

– Госпожа Вирхиния, – привлекает мое внимание пожилой человек, который, кажется, слушал остальных с недовольством, – моего сына больше трех лет назад похитили «FARC». Да благословит господь Эскобара, Ледера и других храбрых и решительных мужчин! Таких людей не хватало нашей стране, потому что армия слишком бедна, чтобы сражаться против повстанческой группировки, которая наживается на похищениях. Сейчас, когда мы собрались здесь, я знаю, что могу снова мечтать увидеть своего сына перед смертью, что он сможет обнять свою жену и наконец-то повидать моего внука!

Пабло представляет мне Гонсало Родригеса Гачу, El Mexicano[43], сопровождаемого несколькими разработчиками изумрудных месторождений в Бояке. Почти все присутствующие от всей души поздравляют Эскобара, и мы еще немного разговариваем с его друзьями и коллегами. Возвратившись в отель, я даже не заикнулась об услышанном. Только заметила, что некоторые из участников, например, правые, очевидно, чувствуют глубокое недоверие к либеральному кандидату Сантофимио.

– Подожди, вот похитят у них сына или экстрадируют члена «профсоюза», тогда увидишь, они сразу побегут голосовать, за кого мы скажем!

Оказавшись за бортом движения Луиса Карлоса Галана, Пабло Эскобар объединился с сенатором Альберто Сантофимио, либеральным главой департамента Толима. Сантофимио очень близок с президентом Альфонсо Лопесом Микельсеном[44], он кузен его сватьи. Глория Валенсия Кастаньо, «первая леди на колумбийском телевидении», – непризнанная дочь родного дяди Сантофимио, а Пилар Кастаньо, его единственная дочь, состоит в браке с Фелипе Лопесом Кабальеро, издателем журнала «Semana».

В Колумбии во время выборов президента или в сенат голоса в поддержку Сантофимио составляют существенную часть от общего количества, полученного кандидатом либеральной партии, превосходящей консерваторов по числу избирателей и избранных президентов. Сантофимио харизматичен, славится ораторским искусством, слывет самым талантливым, амбициозным и дальновидным политиком страны. Ему около сорока лет, и он явный претендент на пост президента. Низкорослый, приземистый, с довольным и почти всегда улыбающимся лицом. Мы никогда не были друзьями, но он симпатизирует мне, а я всегда называла его просто «Альберто». (В 1983 году в обществе все называют меня «Вирхиния», а я обращаюсь к знаменитостям по имени. К тем же, кого

предпочитаю держать на расстоянии, я обращаюсь с почтительным «доктор»[45]. «Господин президент» – главам правительств. В 2006 году, через двадцать лет гонений, люди станут обращаться ко мне «сеньора», я буду отвечать всем «доктор», а экс-президенты, увидев меня издали, поспешат затеряться в толпе.)

За несколько месяцев до нашего знакомства Эскобар, Сантофимио и колумбийские конгрессмены присутствовали на инаугурации председателя правительства Испании, социалиста Фелипе Гонсалеса, чей доверенный, Энрике Сарасола, был женат на колумбийке. Я брала у Гонсалеса интервью для телевидения в 1981 году, а с Сарасолой познакомилась во время путешествия в Мадрид, в первый медовый месяц. С ужасно серьезным выражением на лице Пабло описывает мне сцену, когда остальные парламентарии просили у него подарить им кокаин на мадридской дискотеке, чем он был глубоко оскорблен. Тогда я еще раз убедилась, что «король коки», кажется, почти так же, как и я, ненавидит продукт, на котором строится его беспошлинная империя. Единственный человек, которому Пабло дарил «горки коки», которому даже не приходилось их просить – бывший парень его девушки. Эскобар делал это, явно не руководствуясь гуманными или филантропическими целями.

Поскольку в 1983 году два либеральных сенатора, Галан и Сантофимио, самые надежные кандидаты при смене поколений на президентском посту 1986–1990 гг., Пабло и Альберто рьяно объединились против кандидатуры Луиса Карлоса Галана. Эскобар признается: готовясь к парламентским выборам середины 1984 года, он вкладывает миллионы в предвыборную кампанию Сантофимио. Я убеждена: пора уже называть получателя его подношений по имени, как делают Хулио Марио Санто Доминго и Альфонсо Лопес, но Пабло всегда будет обращаться уважительно к своему кандидату: «Доктор». Потом «Санто» станет постоянным связующим звеном «профсоюза» Эскобара с политическими кругами, чиновниками, либеральной партией, с домом Лопес, и даже с департаментами вооруженных сил, так как еще один кузен Сантофимио женится на дочери Хильберто Родригеса Орехуэлы, сыне знаменитого армейского генерала.

* * *

Сегодня я вне себя от счастья. Пабло приезжает на заседание Конгресса в Боготе и наконец-то увидит мою квартиру, у него для меня очередной сюрприз! Лепесток каждой розы прекрасен, и все

остальное – тоже. Моя любимая босанова в стерео, шампанское «Rosé» в холодильнике, мой любимый парфюм, платье из Парижа и «Двадцать стихов о любви» Пабло Неруды на кофейном столике. Клара, моя лучшая подруга, приехала из Кали. Поскольку она продает антиквариат, то предлагает Пабло приобрести для отца Элиаса Лоперы статую Христа XVIII века. Пока о наших отношениях известно только ей, Марго, Мартите и партнерам Пабло.

Звонок в дверь. Я мигом спускаюсь по лестнице, которая отделяет студию и три спальни от общественной части моей квартиры в двести двадцать квадратных метров. Зайдя в гостиную, я прямиком сталкиваюсь с кандидатом в президенты, его спонсором и кучей телохранителей, которые нагло разглядывают меня с ног до головы, перед тем как спуститься на лифте и подождать шефа в гараже или на входе в здание. Лифт вновь привозит десяток мужчин и увозит половину, сцена повторяется три раза, с каждым из них Пабло замечает, как раздражение на моем лице возрастает. Все во мне выражает упрек и предупреждает: это первый и последний раз, когда я позволю ему войти с охраной или незнакомцами туда, где у нас свидание.

На протяжении многих лет мы с Пабло встретимся около двухсот двадцати раз, почти восемьдесят из них – в окружении армии друзей, последователей, служащих или телохранителей. Однако, начиная с этого дня, он будет подниматься в квартиру или номер люкс один, а когда мы поедем куда-нибудь за город, прикажет своим парням испариться, пока я их не увидела. Сегодня Пабло сразу уяснил: приходя к любимой женщине, которая по совместительству – дива, женатый человек не может вести себя как генерал, он должен поступать как обычный влюбленный. Первое признание любимому человеку – акт почти слепого доверия. В последующие наши встречи я всегда буду благодарить его жестами, никогда – словами, а он будет молчаливо соглашаться на все условия, продиктованные нам этой ночью.

Мы с Кларой приветствуем Густаво Гавирию, Хорхе Очоа с братьями, Гонсало El Mexicano, Гильо Анхеля и его брата, Хуана Гонсало, Эваристо Порраса[46] и Пелусу Окампо, владельца ресторана, где мы иногда ужинаем. Мне кажется, Эваристо достаточно напуган, потому что у него дрожит челюсть. Тогда Пабло объясняет: тот принимает кокаин в промышленных размерах. Поскольку у Анибала Турбая никогда не стучали зубы, я заключаю, что Эваристо, должно быть, принял, по крайней мере, четверть килограмма. Пабло делает ему выговор наедине. Попрощавшись, как будто ругая ребенка, он мягко подталкивает

Эваристо к лифту, просит принести видеокассету, вернуться в отель и ждать там остальных. Он хочет посмотреть запись вместе со мной и попросить меня об услуге. Я оставляю Карлу на попечение гостей, и мы поднимаемся в студию.

Каждая наша встреча с Пабло длится шесть-восемь часов или больше, он уже в общем посвятил меня в свои дела. Этой ночью Эскобар рассказал, что Летисия, столица колумбийского департамента Амасонас, стала ключевым объектом для провоза «кокаиновых» денег из Перу и Боливии в Колумбию. Поррас заведует его организацией на юго-востоке страны. Пабло также сообщает: для декларации доходов перед правительством Эваристо три раза покупал билет-победитель лотереи «Эль Гордо», заработав репутацию самого удачливого человека в мире!

Мы включаем телевизор, на экране появляется фигура молодого человека, обсуждающего с Поррасом какие-то земельные вопросы. Ночные изображения и диалоги неясные и неразборчивые. Пабло говорит: речь идет о Родриго Ларе Бония[47], правой руке Луиса Карлоса Галана, его заклятого врага. Он поясняет: то, что Эваристо достает из свертка, – взятка, чек на миллион песо (двадцать тысяч долларов по тем временам), и признается мне, что тщательно спланировал инсценировку со своим партнером и кинооператором. Когда пленка заканчивается, Эскобар просит разоблачить Лару Бония в моей телепрограмме «В атаку!». Я наотрез отказываюсь:

– Тогда придется разоблачить еще и Альберто, который внизу, с остальными, потому что он получил от тебя крупную сумму, и Хаиро Ортегу, твоего главного оператора, и бог знает сколько еще человек! Что, если завтра ты отдашь мне деньги за статую Христа от Клары, и кто-то запишет меня на пленку, сказав потом, что это была сделка, связанная с кокаиновым бизнесом, – только потому, что ты отдал ее мне? Всю жизнь меня пытались оклеветать, поэтому я никогда не использую свой микрофон во вред. Откуда мне знать, что сделка Лары и Порроса незаконна, тем более когда ты говоришь, что вы все подстроили? Ты же понимаешь: одно дело – когда я показываю в телепрограмме адскую свалку и твои невероятные общественные работы, и другое – если стану соучастником инсценировок, нападая на твоих врагов, виновны они или нет. Я хочу быть твоим ангелом-хранителем, любимый. Попроси об услуге кого-то, кто с удовольствием станет твоим змеем-искусителем.

Эскобар изумленно смотрит на меня и молчаливо опускает взгляд. Видя, что он не в силах противостоять мне, я продолжаю, уверяя, что понимаю его лучше других, так как тоже никогда не прощаю и не забываю. Но если бы все однажды решили покончить

с теми, кто сделал им больно, мир опустел бы за секунды. Уверена, с его удачей в бизнесе, семье, политике и любви он должен быть самым везучим человеком на Земле. Прошу избавиться наконец от занозы в сердце, которая в конце концов собьет его с правильного пути.

Пабло резко поднимается, сжимает меня в объятиях и долго успокаивает. Ничто в мире не делает меня счастливее. С того дня, как он спас мне жизнь, в его руках я чувствую себя надежно и защищенно, о таком мечтает любая женщина. Он целует меня в лоб, вдыхает мой парфюм, снова и снова пробегает руками по спине и говорит, что не хочет меня потерять, потому что я очень нужна ему. Потом, с улыбкой глядя в глаза, произносит:

– Ты права, прости меня! Давай уже вернемся в гостиную. – Моя душа спускается с небес. Думаю, вместе мы продолжаем расти, словно два бамбуковых деревца.

Много лет спустя у меня возникнет вопрос: скрывалась ли на самом деле за молчаливой задумчивостью Пабло жажда мести, о которой он постоянно твердил, или это было только предчувствие чего-то ужасного и необъяснимого. Возможно, преждевременное беспокойство о будущем, несущемся на нас, как оголтелый локомотив, с которым уже ничего нельзя поделать, невозможно предотвратить катастрофу или переменить маршрут?

Когда мы спускаемся, все веселятся. Клара и Сантофимио декламируют дуэтом известные стихотворения из сборника Неруды «Двадцать стихов о любви».

Мы с Пабло прерываем их и просим позволить выбрать стихотворение нам.

– Посвяти мне этот стих, – прошу я Пабло, смеясь: «Мое сердце живет в твоей груди, твоя свобода парит на моих крыльях». – На двадцати четырех крыльях твоих одиннадцати самолетов, из которых два крыла – от «Jumbo»!

– Так вот что ты задумала, бандитка, убежать от меня? Даже не мечтай! И кто сказал, что мне достаточно только твоей груди? Я люблю тебя всю, и вот тебе – стихотворение.

Я посвящаю его тебе, с автографом, и все такое!

Подписав стихотворение своим именем, Пабло заявляет, что хочет посвятить мне свое собственное произведение. Подумав несколько секунд, он пишет:

Вирхиния,

Не думай, что, если я тебе не звоню, я не сильно по тебе скучаю.

Не думай, что, если мы не видимся, я не чувствую твоего отсутствия.

Мне кажется, столько «не» – звучит немного странно, об этом я умалчиваю. Хвалю его за сообразительность и в благодарность за подарок одариваю лучезарной улыбкой. Сантофимио, в свою очередь, посвящает мне книгу: «Для тебя, Вирхиния, здравомыслящего голоса, статной фигуры (два неразборчивых слова) нашего Пабло. А.С.».

К восьми часам вечера крупным боссам приходится удалиться. Общественный долг зовет, ведь на них лежит «очень большая ответственность». Клара счастлива, потому что продала Пабло фигуру Христа за десять тысяч долларов и написала в книге стихов, что ждет не дождется, когда он станет президентом Республики. Когда она уходит, а его компаньоны уже спустились вниз, Пабло признается, что все его люди сейчас направляются в квартиру экс-президента Альфонсо Лопеса Микельсена и его жены Сесилии Кабальеро Лопес, но просит меня никому об этом не рассказывать.

– Вот именно, любимый! Зачем беспокоиться о приспешниках Галана, когда у тебя есть доступ к самому могущественному, влиятельному, умному, богатому и опытному президенту страны? Забудь о Галане и Ларе, просто продвигай дальше «Гражданственность в действии» и проект «Медельин без трущоб», как говорится в Библии: «По плодам их узнаете их».

Пабло спрашивает, буду ли я сопровождать его в политических турне. Поцеловав его, я отвечаю, что в этом он всегда может на меня рассчитывать.

– Ну, тогда скорее начнем новую неделю. Хочу, чтобы ты знала, у меня не будет возможности звонить тебе каждый день и рассказывать о самых немыслимых вещах, приходящих мне в голову, потому что телефоны прослушиваются, но я постоянно думаю о тебе. Помни, Вирхиния:

«С тех пор как я полюбил тебя, ты уникальна».

Возлюбленная Освободителя

Сегодня 28 апреля 1983 года. Звонок Пабло застает меня в офисе. Он говорит, что у него для меня новость исторической важности, но просит не распространяться о ней в СМИ. Могу поделиться ею только с Марго, если захочу. Необычно взволнованный, Эскобар сообщает, что самолет Хайме Батемана Кайона, начальника партизанского движения «М-19», взорвался над Дарьенским пробелом, пока летел из Медельина в Панаму. Я спрашиваю, как он об этом узнал, на что Пабло заявляет: он в курсе всего, что происходит в аэропорту Медельина. При этом добавляя: смерть Батемана – только часть сенсации, которая скоро будет во всех международных новостях, так как у руководителя диверсионного отряда был с собой чемодан с шестьюстами тысячами долларов наличными, который внезапно исчез. Я в замешательстве, не понимаю, как кто-то так быстро мог узнать о воздушной катастрофе, произошедшей над одной из самых густых сельв планеты, о том, нашли ли чемоданчик с деньгами среди обломков самолета, рядом с испепеленными трупами. На другом конце трубки Эскобар хитро смеется и уверяет, что знает, о чем говорит. Один из его самолетов уже обнаружил останки Батемана!

– Пабло, на поиски упавшего посреди сельвы самолета обычно уходят недели, если не месяцы. Твоим пилотам просто нет равных!

– Так и есть, любовь моя, как и тебе. Поэтому я и поделился с тобой этой информацией. Ты должна во всем разобраться! Передавай от меня привет Марго и Мартите, увидимся в субботу.

Правительству Колумбии понадобилось девять месяцев на поиски тел. После смерти Батемана стало известно, что счет «М-19» в панамском банке был открыт на имя матери его основателя, Эрнестины Кайон де Батеман, известной правозащитницы. Вместе с лидерами группы она погрязнет в ожесточенной борьбе за миллион долларов, внесенных на счет ее сыном в Панаме, а годы спустя эквадорский уполномоченный банкир, выступающий в роли посредника, присвоит себе все деньги.

Мы с Пабло еще вернемся к разговору о загадочном чемоданчике. Но один из самых ценных уроков, которые я получила от единственного известного мне несравненного расхитителя надгробий, заслуженного механика и владельца воздушного флота – частные самолеты и вертолеты неординарных персон, у которых много врагов, редко падают по

причине технических неполадок божественного происхождения. Почти всегда причина таких катастроф – человеческий фактор, поэтому очень важно постоянно быть начеку. Вспоминая о шестистах тысячах долларов 25 лет спустя, можно только процитировать известное высказывание одного гринго, которое гласит: «Если ты ходишь, как утка, и крякаешь, как утка, ты и есть утка!»

Многие сенаторы и знаменитости, включая моих знакомых из Боготы, постепенно присоединяются к движению Сантофимио. Среди них – Мария Елена де Кровo, одна из лучших подруг экс-президента Лопеса, Эрнесто Лусена Кеведо, Консуэло Сальгар де Монтэхо, троюродная сестра моего отца, и Хорхе Дюран Силва, член общественного совета и мой сосед с пятого этажа. Не одни выходные мы проводим в поездках. В каждом регионе, который посещает наша группа в поддержку Сантофимио, к нам присоединяются промышленники, крупные землевладельцы-либералы и сторонники Лопеса.

Однажды я слышу звучный хохот за спиной и спрашиваю Лусену, что за шутка. С неохотой он объясняет: Дюран Силва публично смеется надо мной, заявляя, что Эскобар присылает самолет каждый раз, как хочет со мной переспать. Не меняясь в лице и не поворачиваясь, я громко произношу:

– Дело в том, что современные мужики ничего не смыслят в женщинах! Это я каждый раз, когда хочу переспать с владельцем самолетов, прошу послать за мной самый большой из одиннадцати!

Воцаряется могильная тишина. Вслед за краткой паузой я добавляю:

– Какие наивные бедолаги! – и ухожу.

Мой сосед явно упустил тот факт, что влюбленные мужчины в первую очередь прислушиваются к женщине, с которой спят, и Эскобар – не исключение. Мы с Пабло понимаем: из-за бизнеса, спонсирующего кампанию Сантофимио, и ввиду того, что я знаменитость, мы подвергнемся всяческим насмешкам и критике, поэтому приходится яростно защищаться. Так как он должен руководить империей и не может присутствовать на каждом выступлении и политическом митинге, мы почти всегда встречаемся ночью или на следующий день после мероприятия. Я подробно докладываю, как все прошло. При упоминании об инциденте с членом общественного совета Пабло реагирует, как лев:

– Зачем же еще мне посылать самолет, на керосин для которого уходят тысячи долларов, как не за обожаемой мною женщиной, если она живет в другом городе? Почему такая

красавица, как ты, учит меня праведности, ты что, святая Мария Горетти[48], а? Это ничтожество неделями просит у меня взаймы… Теперь, пока я жив, он не дождется ни цента! И пусть только посмеет подойти ближе чем на пятьсот метров, я прикажу дюжине парней вытолкать его и кастрировать! За то, что он урод и хам!

По мере того как продвигается кампания, я начинаю замечать потрясающее влияние, которое Сантофимио оказывает на Пабло. Уже в ночь «Двадцати стихов о любви» я не раз слышала разговоры о том, что Луис Карлос Галан – единственное препятствие на их пути к власти. Тогда мне стало совершенно ясно: Сантофимио стремится стать следующим президентом, а Пабло может быть его преемником на троне Боливара[49]. Никто из них даже не пытается скрыть намерения покончить с движением Галана любой ценой.

Пылкие речи Эскобара полны едкой критики в сторону Галана. «За то, что он разделил либеральную партию, которая всегда была единой на выборах. А это чуть не стоило президентского кресла превосходному человеку, Альфонсо Лопесу Микельсену, самому подходящему на роль президента в стране и самому выдающемуся на континенте!» Они отзываются о Галане как о «предателе Родины, за то, что он защищает договор об экстрадиции, который отдает сыновей Колумбии империалистической державе, все тем же гринго, которые отобрали у нас Панаму, потому что один апатрид продал ее Тедди Рузвельту за гроши![50]».

Публика неистовствует:

– Долой американский империализм! Да славится великая либеральная партия! Сантофимио – президент в 86-м, а Эскобар – в 90-м! Паблито – истиный патриот, его не берут ни гринго, ни олигархи, потому что у него больше денег, чем у всех эксплуататоров, вместе взятых! Услышь наш зов, Пабло Эскобар Гавирия! Ты, что вышел из лона многострадального народа, и да хранят тебя Господь и Дева Мария! И тебя, Вирхиния. В следующий раз приводи к нам телезвезд, ведь они тоже из народа! Слава Колумбии, черт побери!

Почти всегда перед выступлением кандидата я говорю речь, направленную против олигархии:

– Я лучше всех знаю ее подноготную. Четыре семьи пускают кровь нации, а их волнует только государственная предвыборная кампания и то, как поделить между собой посольства! Правда, партизанская война сейчас – повсюду. Но, слава богу, Паблито и Сантофимио – настоящие демократы и придут к власти путем голосования, чтобы занять трон «Освободителя»[51] и воплотить

мечту объединенной, сильной и достойной Латинской Америки! Слава матери-отчизне и матерям Колумбии, которые заплачут кровавыми слезами в день, когда экстрадируют их сыновей!

– Ты говоришь, как Эвита Перон[52]! – отмечает Лусена. – Поздравляю тебя!

– Остальные тоже не молчат, а я, в свою очередь, знаю, что все мои слова – правда, и верю в них.

Когда однажды вечером в своей квартире у камина я рассказываю об этом Пабло, он гордо улыбается, сохраняя молчание. Выдержав паузу, он спрашивает, кто мой любимый американский персонаж; не колеблясь, я отвечаю – «Освободитель». Эскобар очень серьезно говорит:

– Хорошо, ведь ни тебе, ни мне особо не нравится Перон, да ведь? А я уже женат, любимая… Но поскольку ты такая храбрая, твоя судьба в моей жизни будет совсем иной. Ты станешь моей Мануэлитой[53]. Повторяю это вслух, достаточно медленно, чтобы ты всегда об этом помнила. Ты… Вирхиния… станешь… моей… Мануэлитой.

Потом сын учительницы начнет вспоминать все детали сентябрьского заговора, когда Мануэла Саэнс, эквадорская любовница Симона Боливара, спасла ему жизнь. Я признаюсь, что со школьной скамьи не вспоминала об этой отважной и прекрасной женщине. Знаю, Пабло никакой не «Освободитель», и любой в здравом уме мог бы только посмеяться над его самомнением и несоответствием грез и амбиций. Но, каким бы абсурдным это ни казалось, в свете ужасов, наступивших позже, я всегда буду благодарна за преданность и сильную любовь, порой чрезмерно идеализируемые. Пока я жива, в моем сердце всегда будет звучать голос Пабло Эскобара. Мне навсегда запомнятся эти семь слов и торжественное мгновение нежности.

* * *

В Колумбии любая знаменитость приходится кому-то двоюродным, троюродным или четвероюродным братом. Поэтому меня не удивляет, что однажды ночью, после очередной спортивной инаугурации, Пабло знакомит меня с бывшим мэром Медельина, мать которого – кузина главы семьи Очоа. Пабло зовет его «Доктор Варито». Тот сразу проявляет ко мне симпатию, на мой взгляд, он один из немногих друзей Пабло с видом порядочного человека и лицом интеллигента. Его имя – Альваро Урибе Велес. В 1980–1982 гг. он возглавлял Управление гражданской аэронавигации. Сейчас, когда ему тридцать один,

весь мир прочит ему блестящую политическую карьеру, многие осмеливаются предположить, что однажды Урибе даже попадет в сенат. Пабло его обожает.

– Мы с партнерами занимаемся перевозками. Пять тысяч долларов за килограмм тебе обеспечены, – объясняет мне потом Эскобар. – Все это при помощи взлетно-посадочных полос, самолетов и вертолетов. Этот славный парень вместе с заместителем директора Сезаром Вильегасом помог нам оформить десятки и сотни лицензий. Без собственных полос и самолетов мы бы до сих пор возили деньги с продажи кокаина в Боливию в шинах, а чтобы доставить товар американцам в Майами, пришлось бы добираться вплавь. Благодаря ему я знаю все, что происходит в Управлении гражданской аэронавигации Боготы и аэропорту Медельина. Его преемник готов помогать нам во всем, поэтому свои люди в аэронавигационном управлении – одно из обязательных условий, которое мы с Санто выдвинули обоим кандидатам на прошлых выборах. Его отец, Артуро – один из нас, и если однажды кто-то встанет на нашем с Сантофимио пути к председательству, этот парнишка будет моим кандидатом. Несмотря на внешний вид ученика семинарии, он очень смелый боец.

В июне этого года, при попытке похищения «FARC», умирает отец Альварито, а его брат Сантьяго ранен. Так как семейный вертолет Урибе пострадал, Пабло предоставляет один из своих, чтобы перевезти тело из поместья в Медельин. На протяжении нескольких дней он глубоко опечален. Однажды ночью настроение у Пабло – хуже некуда, и он признается мне:

– Правда, наркоторговля – золотая жила, поэтому говорят: «Не бывает бывшего педика или наркоторговца». Но это бизнес для настоящих мужчин, любимая, это – парад нескончаемых смертей. Те, кто называет деньги, заработанные на кокаине, «легкими», ничего не смыслят в нашем мире, не знают, каков он изнутри, как знаешь это ты. Если со мной что-нибудь случится, прошу тебя рассказать мою историю. Но сначала убедимся, что ты в состоянии передать все мои мысли и чувства.

Пабло всегда мучило его странное положение. Он знал своих будущих врагов до того, как они готовились нанести первый удар. Ему было известно все, что произойдет с ним в следующие два года, а также предназначение каждого, кто встречался ему на пути. С той ночи за нашими счастливыми и страстными свиданиями в отеле почти всегда следовали деловые встречи.

– Я хочу, чтобы к началу этой недели ты описала мне то, что увидела и почувствовала на свалке.

В следующую субботу я вручаю ему шесть рукописных

листов, он внимательно читает их и восклицает:

– Невероятно… Хочется выбежать куда-нибудь, такое чувство, что вот-вот стошнит! Ты так пишешь, пробирает аж до мозга костей.

– Так задумано, Пабло… Я пишу душой, кости – скорее твоя прерогатива.

Неделю спустя он просит меня описать, что я чувствую, когда мы… занимаемся любовью. В следующую нашу встречу я отдаю ему пять с половиной страниц и смотрю на него, не отрываясь ни на секунду, пока он пожирает их глазами.

– Это… самое невероятное, что я читал в своей жизни! Если бы я не так ненавидел педиков, то сказал бы, что… хочется почувствовать, каково это, быть женщиной. Они поместят твои труды в «Индекс запрещенных книг Ватикана»[54], от такого, честно говоря… можно кончить и не раз!

– Так и задумано, Пабло… Можешь мне об этом не говорить.

В третий раз он просит представить, если бы мне объявили о его смерти, и описать мои ощущения. Восемь дней спустя я вручаю ему рукопись в семь страниц и на этот раз, пока он читает, молча смотрю в окно на холмы, виднеющиеся вдали.

– Это… невыносимо! Как больно, до глубины души! Ты так любишь меня, Вирхиния? Если бы моя мать прочла это, она бы проплакала всю оставшуюся жизнь…

– Так и задумано, Пабло…

Он спрашивает, действительно ли я чувствую то, что написала. Я отвечаю: это лишь часть того, что хранится в моем сердце с тех пор, как мы познакомились.

– Тогда нам придется еще о многом поговорить. Но только попробуй начать осуждать или критиковать меня! Ты должна знать, я – не какой-нибудь святой Франциск[55], ясно?

Я уже почти не задаю вопросов, позволяя Пабло решить, о чем именно он хочет рассказать. Теперь, когда он мне доверился, я не захожу за границы личного пространства, не пытаюсь допытываться, услышав в ответ: «Расскажу тебе как-нибудь потом», не выдаю оценочных суждений. Интересно: как и у всех в «Death Row» (камера смертников в Соединенных Штатах), у Пабло на каждый незаконный поступок есть идеальное, рациональное и моральное оправдание, согласно которому изысканные и креативные люди нуждаются в наслаждении, а он – просто поставщик одного из них. Эскобар заверяет: если бы не осуждение святошами и моралистами, как в случае с алкоголем во время «Сухого закона»[56], оставившего после себя только трупы полицейских и экономический спад, его бизнес был бы законным, он платил бы кучу налогов, а гринго и колумбийцы прекрасно

ладили.

– Ты как свободомыслящий человек, привыкший к роскоши, должна понимать: правительства обязаны выполнять свою работу и позволять жить свободно, не так ли? Если бы так и было, уровень коррупции пошел бы на спад, а количество вдов, сирот и заключенных снизилось. Потерянные жизни – непростительная роскошь для общества и очень дорого обходятся государству. Вот увидишь, однажды наркотики узаконят… Ладно, пока этот день не настал, я докажу тебе: у всего в мире есть своя цена.

Потом Эскобар достает из портфеля два чека на имя Эрнесто Сампера Писано[57], главы президентской кампании Альфонсо Лопеса Микельсена.

– Этот человек самый подходящий на роль президента в стране, могущественный и умный. А еще самый независимый, потому что Лопес не прогибается под американцев!

– Это около… шестисот тысяч долларов. Только и всего, такова стоимость самого богатого президента Колумбии? На его месте я бы попросила у тебя… по крайней мере, три миллиона, Пабло!

– Хорошо… Представим, что это… начальный взнос, любовь моя. Крах договора об экстрадиции затянется! Заберешь эти копии?

– Нет-нет, ни за что! Я не смогу их никому показать, так как близкие тебе люди мне симпатизируют. А любой, кто более или менее соображает, знает: Эрнесто Сампер – ставленник Альфонсо Лопеса. Безусловно, только когда подрастет и созреет, потому что он на год младше нас.

Рекомендую Пабло ознакомиться с выступлениями Хорхе Эльесера Гайтана[58], не только из-за интонации голоса, но и из-за программного содержания. Это единственный по-настоящему влиятельный народный лидер за всю историю Колумбии. Он был убит в Боготе 9 апреля 1948 года, когда почти стал президентом. Убийца, Хуан Роа Сьерра, – темная личность, впоследствии разгоряченная толпа устроила над ним ужасную расправу, таская по улицам искалеченный труп. Впоследствии подожгли центр города и дома председателей, невзирая на партии. Мой двоюродный дедушка Алехандро Вальехо Варела, писатель и близкий друг Гайтана, был рядом, когда Роа стрелял, и в клинике, где тот умер несколько минут спустя. Последующие недели, вошедшие в историю, как «Боготасо»[59], превратились в кровавую оргию пьяных снайперов. Все было в огне, кругом грабили торговцев и убивали без разбору. Тысячи трупов складировали на кладбище, потому что никто не осмеливался их хоронить. В эти три ужасных дня единственный колумбийский

государственный деятель, Альберто Льерас Камарго, укрылся в доме своих лучших друзей, Эдуардо Харамильо Вальехо и Ампаро Вальехо де Харамильо, красавицы, сестры моего отца. Именно после смерти Гайтана началась эпоха безграничной жестокости, известная как расправа 1950-х («Ла Виоленсия»[60]). Еще подростком, когда я увидела кадры с войны, где были запечатлены надругательства мужчин над телами женщин и их еще неродившихся детей, мне несколько дней подряд было плохо. Я поклялась себе, что никогда не стану рожать. Не позволю моим детям жить в стране отморозков, монстров и дикарей.

Обо всем этом как-то ночью мы говорили с Глорией Гайтан Харамильо, дочерью выдающегося человека, пока ужинали с Марией и Каталиной, двумя ее прелестными, похожими на парижанок, дочерьми, обладательницами пытливого разума, полученного в наследство от знаменитой матери, легендарного деда и бабушки аристократки, родственницы моей бабушки. Незадолго до этого, узнав о том, что Вирхиния Вальехо ищет диск или кассету с выступлениями ее отца, Глория вышла из офиса, расположенного в Центре имени Хорхе Элиесера Гайтана в Боготе, чтобы, пустив в ход свою очаровательную улыбку, поинтересоваться, почему мне все это так любопытно. Мой бывший муж, социалист и сторонник Перона, большой друг еврейского банкира и миллионера, принадлежавшего к аргентинской организации «Монтонерос»[61], однажды сказал: «Если и есть что-то, что заставляет сердце революционера трепетать – так это магнат, симпатизирующий его делу». Я рассказала Глории, что «Робин Гуд пайса», как и Гайтан, сын учительницы, поручил мне найти выступления ее отца. С моей помощью он хочет постараться тщательно их изучить, научившись управлять интонацией, дабы пробудить в общественных массах вдохновение, когда-то внушаемое знаменитым политическим деятелем. Спустя час увлеченного разговора о партиципаторной демократии, пробежавшись по центру и выставочному комплексу на стадии постройки, Глория пригласила меня поужинать с ее девочками в следующую пятницу.

Дочь Гайтана – утонченная женщина и прекрасный повар. Наслаждаясь изысканной едой ее приготовления, я рассказываю, что Пабло Эскобар финансировал президентскую кампанию Альфонсо Лопеса, а его партнеры-консерваторы, Густаво Гавирия и Гонсало Родригес, – кампанию Бетанкура. Глория знакома почти со всеми социалистическими лидерами мира и руководителями сопротивления многих стран. Между делом она упоминает, что была любовницей Сальвадора Альенде, убитого чилийского президента, посланником Лопеса Микельсена к

Николае Чаушеску (румынскому диктатору), и является хорошей подругой Фиделя Кастро. Не знаю, может, потому, что Глория верит в реинкарнацию и понятие цикличности времени, ее особо интересуют рожденные в 1949 году (спустя год после убийства ее отца). Мы с Пабло приглашаем ее в Медельин, она с удовольствием соглашается. В течение нескольких часов, словно загипнотизированные, мы окунаемся в интерпретацию истории Колумбии в свете отсутствия отца Глории, отразившегося на всех сферах жизни страны. Уход Гайтана стал непоправимой потерей в ее жизни, пустотой, которую не заполнит ни один другой колумбийский лидер. Последователям Гайтана не хватает его цельности, достоинства, величия, магнетизма, способности передавать свою веру народу и возбужденным слушателям, вне зависимости от класса, пола или возраста. В них нет волнующей силы его голоса, готового выдавать идеологию в идеальных пропорциях, страстно и аргументированно, нет той потрясающей силы, которую Гайтану удавалось выразить в каждом жесте, нет властности, передаваемой мужественной, внушительной и незабываемой личностью.

По возвращении в Боготу в самолете Пабло я спрашиваю Глорию, что она о нем думает. Сказав несколько вежливых фраз, признавая наличие у Эскобара амбиций, отмечая его стремление познавать мир, глобальные общественные проекты и великодушные намерения, его страсть и щедрость по отношению ко мне, она, с неподдельной искренностью и очень доброжелательно, отмечает:

– Знаешь, Вирджи, у Пабло есть один большой недостаток. Дело в том, что он не смотрит в глаза. А люди, которые при разговоре уставились в пол, что-то скрывают, поскольку они фальшивы и неискренни. В любом случае вы двое так чудесно смотритесь вместе! Как Бонни и Клайд!

Глория – самая умная и коварная на свете. За всю жизнь я познакомлю с Пабло только ее, Марго и Клару, которые обладают исключительной прозорливостью. За следующие шесть лет мы станем лучшими подругами. Благодаря этой чудесной красавице, Деве по рождению и Быку по китайскому гороскопу (который удивительным образом совпадает с моим), я постепенно пойму: истинная мудрость кроется не только в умении все анализировать и раскладывать по полочкам. И даже не в исключительной сообразительности, как у Пабло Эскобара, а прежде всего – в способности правильно выбрать стратегию. Хотя Глория не раз услышит, как я говорю, что самая большая глупость в моей жизни – променять наивность на мудрость, со временем я заберу свои слова назад и пойму, что это решение было не только по-

настоящему удачным, но и правильным.

Когда Эскобар спрашивает меня, что думает дочь Гайтана, я сначала говорю то, что он хочет услышать, а потом – то, что должна донести до него. Настаиваю на том, чтобы сосредоточиться на тактике. Знаю, есть срочная необходимость поделить избирателей Антиокьи на муниципалитеты, кварталы, дворы и дома. В конце концов, в первый раз, по какой-то необъяснимой причине, я вспоминаю о простреленном обнаженном теле Бонни Паркер в помещении морга, выставленном вместе с Клайдом на обозрение видеокамер.

В очередной раз мы сидим напротив зажженного камина. Пабло улыбается с бесконечной нежностью, обнимает и серьезно глядит на меня очень грустными глазами, через секунду целуя в лоб и хлопая по плечу, как бы воодушевляя. Потом, молча вздохнув, замирает, уставившись на пламя. Мы оба знаем, но никогда не произнесем вслух, что для влиятельных людей я навсегда останусь просто буржуазной дивой, а он – преступником-мультимиллионером.

Меня, в отличие от многих других, мало интересуют деньги Пабло, но очень скоро я узнаю истинные размеры состояния человека, которого я люблю, как никого не любила, которого понимаю, как никто другой.

В объятиях демона

Мы рано проснулись, что обычно случается очень редко. Эскобар хочет познакомить меня со своим сыном, Хуаном Пабло, который остался на попечении телохранителей в отеле «Текендама» и, должно быть, уже проснулся. Когда мы спускаемся к лифту и проходим по студии, Пабло останавливается, чтобы взглянуть на сады соседей при дневном свете. Моя квартира занимает полностью весь шестой этаж, оттуда открываются красивые виды. Он спрашивает, кому принадлежит огромный дом, занимающий весь жилой корпус напротив. Я отвечаю: самой богатой еврейской семье Колумбии, Соне Гутт и Карлосу Хайме, главе корпорации «Морис Гутт».

– Пожалуй, если установить из этого окна круглосуточную слежку, можно было бы похитить их за… шесть месяцев!

– Нет, Пабло, ты бы не смог. Они живут в Париже и на юге Франции, выводят лошадей, соревнующихся со скакунами Ага-хана[62], и почти не бывают в Колумбии.

Эскобар сразу интересуется, чьи это ухоженные луга виднеются вдали. Я говорю, что это резиденция американского посла.

– Пожалуй, отсюда я мог бы… выстрелить в него из базуки, расщепив на атомы!

Изумленная, я отмечаю: из всех, кто когда-либо смотрел в мое окно, ему одному пришло в голову устроить здесь дозорную вышку, как в какой-нибудь средневековой крепости.

– Ах, любовь моя, больше всего на свете я люблю делать гадости! Тем более, если тщательно подготовиться, все обязательно получится!

С недоверчивой улыбкой я тяну Пабло за руку, отводя от окна. Уже в лифте прошу пообещать мне, что он будет мыслить как будущий президент Республики, а не как глава криминального синдиката. Хитро улыбаясь, Эскобар обещает попытаться.

Хуан Пабло Эскобар очень мил и носит очки. Вспоминаю: в его возрасте я тоже плохо видела и, надев очки, заработала репутацию самой умной девочки в классе. Глядя на Пабло, я добавляю: именно в это время мой коэффициент IQ начал быстро расти. Говорю малышу, что его отец – номер один в автомобильных и лодочных гонках, как и во всем остальном. Он станет очень-очень влиятельным человеком. Спрашиваю Хуана, хотелось бы ему самый длинный электропоезд, где много вагонов

и гудящий паровоз. Он отвечает: очень. Тогда я рассказываю: в семь лет я очень сильно такой хотела, но никто не дарит девочкам поездов, поэтому лучше быть мальчишкой. Попрощавшись, я вижу, как мой любимый удаляется по коридору отеля со счастливым малышом за руку. Они напомнили мне Чарли Чаплина и Кида в моем самом любимом и волнующем эпизоде из фильма.

Несколько дней спустя раздается звонок директора радио «Караколь» Ямида Амата. Он просит у меня номер «колумбийского Робин Гуда», поскольку хочет взять у него интервью. Я сообщаю об этом Пабло.

– Не говори ему, что я встаю в одиннадцать! Скажи: в шесть или девять часов утра. Во время выпуска новостей у меня… уроки французского, а в девять и одиннадцать – тренировка!

Советую Пабло заставить Амата подождать две недели, а также подготовить оригинальный и уклончивый ответ на любую попытку выведать что-либо о наших отношениях. Эскобар приходит на интервью. Когда журналисты спрашивают, с кем бы ему хотелось переспать, в ответ звучит – с Маргарет Тэтчер! Как только программа заканчивается, Пабло звонит, чтобы узнать мое мнение. Моя реакция на его публичное признание в любви самой могущественной женщине планеты абсолютно очевидна. Просмотрев репортаж, я искренне его поздравляю:

– Ты учишься играть по моим правилам, любимый, и тебе прекрасно это удается! Ты превзошел учителя! Можешь быть уверен, фраза про Тэтчер войдет в историю!

Мы оба знаем, любой колумбиец, богаче или трусливее его, взволнованно бы ответил: «Это оскорбительно!» – или какую-нибудь глупость вроде: «Я занимаюсь любовью только с моей достопочтенной и уважаемой супругой, матерью моих пяти детей!» Повторив: «Тэтчер – для публики, а ты – только для меня», – Пабло прощается до субботы. Я вся сияю. Он не сказал: с Софи Лорен, Бо Дерек, Мисс Вселенная, а самое главное – «с моей обожаемой женой».

Эскобар снова выходит на первый план, впервые появившись на заседаниях Конгресса. Полицейские Капитолия не позволяют ему войти – не из-за его криминальной сущности или бежевой льняной бандитской куртки, а потому, что он без галстука.

– Но, сэр, это же знаменитый Робин Гуд пайса, – возражает кто-то из толпы.

– Не важно, откуда этот «Робин Гуд» – из деревни или с побережья. Без галстука сюда входят только дамы!

Члены Конгресса, представляющие разные политические движения, спешат отдать Пабло свой галстук. Он берет один у

своего сопровождающего. На следующий день история разлетается по всем СМИ.

«Мой Паблито – суперзвезда!» – думаю я с улыбкой.

Несколько недель спустя я еду в Нью-Йорк. Сначала иду в «ФАО Шварц», возможно, лучший магазин игрушек в мире, и покупаю сыну Пабло поезд за две тысячи долларов, о котором мечтала с детства. Потом прогуливаюсь по Пятой авеню, думая о полезном подарке его отцу. Безусловно, галстуки ему покупает уже кто-то другой. У Пабло и так навалом самолетиков, лодочек, тракторов, машинок Джеймса Бонда и жирафиков. Проходя мимо витрины с необычными электроприборами, я останавливаюсь. Вхожу в магазин и, изучив имеющийся ассортимент, смотрю на хозяев-арабов. Они, похоже, деловые люди. Я интересуюсь у администратора: знает ли он, где можно приобрести приборы для прослушки телефонов.

– Где-то в другой стране, не в Америке, упаси господи! – Он улыбается и спрашивает, о скольких телефонных линиях примерно идет речь. Отведя его в сторону, я поясняю: о целом здании секретной службы тропической страны. Я девушка оппозиционного лидера, кандидата в президенты, у него много врагов, и ему нужно от них защищаться. Продавец утверждает: такой ангел, как я, не сможет оплатить весь ассортимент. Я подтверждаю это, но говорю, что у нашего движения вполне хватит средств. Продавец спрашивает: смогут ли участники движения заплатить пятьдесят тысяч долларов – я снова подтверждаю. Двести тысяч долларов – тоже. Шестьсот тысяч долларов – естественно. Однако, если речь идет о таких суммах, надеюсь, это будут самые высокотехнологичные приборы. Продавец звонит кому-то, кажется, отцу и управляющему и, кусая ногти, произносит несколько фраз на арабском, закончив разговор словом «Уотергейт»[63]. Продавцы довольно улыбаются, я отвечаю им тем же. Оглядевшись, они приглашают меня пройти в дальнюю часть магазина, сообщая, что имеют доступ к любому оборудованию, которым пользуется ФБР и даже Пентагон. Сначала тщательно взвешивая каждое слово, а затем с явным энтузиазмом, они рассказывают, что могут предложить нам чемоданчик для расшифровки миллионов кодов на десятках языков, очки и подзорные трубы, приборы ночного видения, присоски, которые крепятся к стене и служат для прослушки разговоров в соседней комнате, например в гостинице. Но главное – прибор для перехвата тысячи телефонных звонков одновременно – мечта предвыборной кампании Ричарда Никсона[64], стоящий миллион долларов. А также другие устройства, гарантирующие, что телефон не смогут прослушать.

Сначала они хотят удостовериться, есть ли у сопротивления наличные. Зная, что единственная проблема Эскобара – излишек наличных на американской территории, я с кинематографической улыбкой отвечаю, что этим вопросом занимается секретарь нашего лидера, а я только проходила мимо. Хотела купить увеличивающее электрическое зеркальце. Говорю, что через пару дней с ними свяжутся, и, вернувшись в отель, сразу звоню Пабло.

– Ты – настоящее сокровище! Откуда ты такая взялась? Обожаю тебя! – возбужденно восклицает он. – Мой компаньон, мистер Молина, вылетает в Нью-Йорк на следующем самолете!

Я учусь играть по его правилам, не заходя слишком далеко. Это как в футбольном матче: я – не футболист, поэтому предпочитаю предоставить профессионалам возможность бить по воротам и забивать голы.

Благодарность Пабло всегда была и будет моим лучшим подарком, его страсть – вторым. Возвратившись в Медельин, осыпая меня комплиментами и ласками, он хочет раскрыть мне истинную цель своей политической карьеры. Она проста и бесхитростна – парламентская неприкосновенность. Сенатора или депутата не может задержать полиция, прокуратура или разведка. Пабло признается мне в этом не потому, что я его сокровище, ангел-хранитель или будущий биограф, и даже не потому, что учу его давать интервью. Все дело в том, что «El Espectador», ежедневный журнал, целиком и полностью поддерживающий Галана, постоянно копается в его прошлом. Под множеством украденных надгробий – два трупа, взывающих к правосудию. В 1976 году агенты Административного департамента безопасности задержали Эскобара и его кузена Густаво с одним из первых грузов чистого кокаина на границе Колумбии и Эквадора и отправили в тюрьму.

Пабло уже знает, как я способна сочувствовать страждущим. По мере того, как он раскрывает детали трагедии, оставившей след в его жизни, я догадываюсь: он следит за малейшей моей реакцией.

– Чтобы исполнить приговор в Пасто[65], в Медельине меня посадили в самолет. Я, закованный в наручники, повернулся попрощаться с мамой и пятнадцатилетней женой, беременной Хуаном Пабло. Рыдая, они остались там, внизу. Тогда я поклялся себе, что никогда больше не позволю увезти себя в тюрьму. Тем более на самолете управления по борьбе с наркотиками! Поэтому я пошел в политику. Чтобы выдать ордер на арест конгрессмена, сначала нужно снять парламентскую неприкосновенность, а в нашей стране этот процесс занимает около шести-двенадцати месяцев.

Потом он добавляет: благодаря деньгам и угрозам, раздаваемым направо и налево, им с Густаво удалось выйти из тюрьмы всего три месяца спустя. Однако в 1977 году те же агенты снова арестовали их, заставив умолять на коленях сохранить им жизнь. Тогда Пабло и его людям удалось спастить от смерти ценой огромной взятки. Отдав деньги, несмотря на протесты Густаво, Эскобар собственноручно убил двух агентов департамента безопасности.

– Я изрешетил их пулями, остановившись только, когда устал. В противном случае они бы всю жизнь нас шантажировали. Я поклялся судье, который вынес приговор, что ему лучше теперь всегда ездить на автобусе: как только он купит машину, я ее взорву! Не нужно недооценивать врагов, любовь моя. Я всегда знаю, на что они способны, и спешу покончить с ними до того, как они осмелеют.

Это первый раз, когда я слышу, как Эскобар говорит «изрешетил». Другие говорят: «дал понюхать свинца» или «всыпал». Понимая, о чем речь, я интересуюсь у Пабло, используя его же фразы:

– А похитителей отца и Марты Ньевес Очоа ты тоже «изрешетил»? Скольких же? – Не дожидаясь ответа, с нескрываемой иронией, я продолжаю: – Сколько же всего было трупов, любовь моя, – два, двадцать или двести?

Все в нем преображается, лицо сразу становится ожесточенным. Пабло хватает меня за голову обеими руками, встряхивает, пробуя передать мне боль и беспомощность, в которых такой мужчина, как он, никогда бы не признался женщине с моим характером. Пабло тревожно наблюдает за мной, как будто жидкий сон навсегда утекает сквозь пальцы. Вдруг будто стон вырывается из глотки раненого льва:

– Ну неужели ты еще не поняла: они уже знают, что я убийца, и не оставят меня в покое. Я никогда не стану президентом. Перед тем как я отвечу тебе, скажи мне: неужели, когда все это выйдет на свет, ты уйдешь от меня, Вирхиния?

Признаюсь, ангел застигнут врасплох. Для него это – пугающий опыт. Хоть он и прильнул добровольно к пылким губам демона, оказавшись в объятиях убийцы, запачканных кровью.

Танец Жизни и Смерти – самый сладострастный и эротичный из всех. Теперь бедный ангел попал в спасительные объятия демона, вырвавшего его из лап Смерти, вернувшего к жизни. Его внезапно окутывает превосходное, великолепное и противоречивое чувство, и под конец он не может устоять. Охваченный экстазом на Небе, в наказание он возвращается на Землю. Этот ангел, обреченный нести бремя грешной

человеческой натуры, теперь нашептывает что-то прощенному демону, который уже никогда его не покинет и навсегда, до самой смерти, останется рядом, как сейчас: в его сердце и разуме. Вот он, воодушевленный убийца, уткнулся лицом мне в шею, влажную от слез, окончательно сдавшись и признаваясь:

– Я обожаю тебя, ты даже не представляешь насколько… Да, похитителям моего отца я тоже задал жару! И теперь все знают: никому, никогда уже не удастся похитить меня или причинить вред моей семье. А тому, кто еще в силах хоть как-то мне навредить, придется выбирать: деньги или свинец. Чего бы только не сделали колумбийские богачи, чтобы собственными руками прикончить похитителя их отца или сына! Правда, родная?

– Да-да…Чего бы только не сделали!.. А все-таки скольких похитителей Марты ты «изрешетил»? – спрашиваю я абсолютно хладнокровно.

– Об этом поговорим в другой раз. Все немного сложнее, дело касается «М-19»… На сегодня хватит, любовь моя.

Довольно долго, в полной тишине, Пабло обнимает меня. Каждый из нас думает, что может прочесть мысли другого. Внезапно мне захотелось спросить:

– Почему ты всегда носишь кеды, Пабло?

Он поднимает голову и, подумав несколько секунд, вскакивает, восклицая:

– Возможно, ты думаешь, я – просто твой Пабло Неруда[66]? Нет-нет, Вирхиния! Я еще и твой Пабло «Наваха»![67]

И он вновь светится от счастья, а мои слезы рассеиваются, как по волшебству. Я смеюсь, пока Пабло поет и танцует для меня с кедами в руках:

> Он носит шляпу среднего крыла,
> ботинки, если вдруг бежать придется!
> И по проспекту катит не спеша,
> хоть без значка – все знают:
> полицейским он зовется.

Рубен Блейдс, восхваляя безнаказанность в ритме сальсы, провозглашает: «Жизнь полна сюрпризов – сюрпризы полны жизни». А так как наша жизнь все больше похожа на «американские горки», в июне 1983 года Верховный суд Медельина просит у достопочтенной палаты представителей (нижней палаты Конгресса) снять парламентскую неприкосновенность с члена Конгресса Пабло Эмилио Эскобара Гавирии из-за его возможной причастности к смерти агентов департамента безопасности, Баско Уркихо и Эрнандеса Патиньо.

Лорд и наркобарон

Первого претендента на роль самого богатого человека Колумбии я встретила в 1972 году, в президентском дворце. Мне было 25 лет, а ему, уже разведенному, – 48. За несколько дней до этого мой первый любовник признался, что он второй самый богатый человек в стране. Позже я встретила улыбчивое воплощение Тайрона Пауэра[68], которого низенький секретарь президента представил мне как Хулио Марио Санто Доминго. А когда он, в свою очередь, увидел меня в соблазнительных шортиках под пальто по щиколотку, полетели искры и оставшаяся часть этой встречи вошла в историю. С этого момента в следующие двенадцать лет любой мой парень или тайный любовник всегда будет занимать пьедестал самого богатого человека Колумбии.

В глубине души богатые и влиятельные мужчины так же одиноки, как и знаменитые женщины с их гламуром и сексуальным призывом. То, что они ищут в объятиях крупного магната – иллюзия защищенности или безопасности. Богачи, в свою очередь, на мгновение мечтают завладеть иллюзорной красотой тела до того, как юность исчезнет и превратится в воспоминание из прошлого. У самого богатого человека страны, который в Колумбии непременно самый жадный, есть два преимущества в качестве парня или любовника, и они не имеют ничего общего с деньгами. Первое – крупный магнат всегда боится своей жены и прессы, а следовательно, он единственный, кто не выставляет секс-символ как охотничий трофей на всеобщее обозрение и не хвастается непристойными подробностями перед друзьями. Второе – перед женщиной, которую он пытается соблазнить или в которую влюблен, богач распускает хвост, как павлин, хвастаясь энциклопедическими познаниями в области управления и манипуляции властью. Безусловно, при условии, что она разделяет его социальные устои, иначе им не над кем будет вместе посмеяться. Ведь заговорщицкая улыбка, промелькнувшая между мужчиной и женщиной, – самый сильный афродизиак.

На дворе январь 1982 года. Уже все мои бывшие знают, что я оставила «бедного и уродливого аргентинца, за которого как-то в 1978 году вышла замуж. Он, как истинный еврей-театрал, сбежал с хористкой!» Больше всего доволен мой «Ротшильд еврейского происхождения». Но сегодня, как ни странно, звонит очень довольный жизнью Хулио Марио Санто Доминго:

– Так как ты единственная колумбийка, с которой не стыдно

выйти в свет в любой точке земного шара, я хочу представить тебя своему хорошему другу, Дэвиду Меткалфу. Он не богач, не обладает красотой Адониса, но ты уже была замужем, а он мультимиллионер и похож на Гэри Купера[69]. А кроме того – легендарный любовник на двух континентах. Вот я и подумал: он – то, что тебе нужно, особенно сейчас, когда ты бросила мужа. Этот мужчина подходит тебе, куколка. Поспешим, пока ты не влюбилась в очередного бедняка-молокососа!

Санто Доминго, колумбийский «пивной магнат», рассказывает, что Меткалф – внук маркиза Керзона Кедлстонского[70], вице-короля Индии, второго по значимости человека в Британской империи в правление Виктории[71], королевы Великобритании. На свадьбе дочери Керзона, леди Александры, и ее мужа, «Фрути» Меткалфа, крестными была семья Маунтбеттен[72], последние вице-короли Индии. «Фрути» и «Баба» Меткалф, в свою очередь, были крестными при бракосочетании герцога Виндзорского[73], после его отречения от британского престола ради женитьбы на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон. Он, еще будучи Эдуардом VIII, герцогом, которого семья звала Давид, был крестным отцом на крещении сына его лучших друзей. После смерти отца Дэвид Меткалф получил в наследство кольцо и запонки с щитом герцога Виндзорского, сохранившиеся со времени, когда тот был еще принцем Уэльским. Санто Доминго также отмечает, что Меткалф дружит с богачами. Он охотится с английским и испанским королями, является одним из самых популярных мужчин международной элиты.

– Он заедет за тобой в пятницу и отвезет на ужин у меня дома, увидишь, тебе понравится. До скорого, моя прекрасная, чудесная и неповторимая куколка!

Дэвид у меня в гостиной, выходит моя мама, и я их знакомлю. На следующий день она скажет:

– Этот двухметровый мужчина, в черном галстуке и лакированных ботинках, самый элегантный на свете. Он похож на одного из кузенов королевы Изабеллы.

Англичанин смотрит на меня с очаровательной улыбкой. Ему пятьдесят, и у него за плечами восемьсот лет родословной. Он гладко выбрит и широкоплеч, с идеально бронзовым загаром, большими руками, мощными ногами, угловатым и морщинистым лицом, серыми, мудрыми и добрыми глазами, хотя и немного холодными. В профессорских очках на огромном орлином носу, он смотрит на меня и говорит, что Марио открыл ему секрет: я – мечта любого мужчины. Подтвердив это, я отвечаю: как сказал наш общий друг, он тоже – мечта любой женщины. Меняю тему,

потому что Меткалф, как говорится по-колумбийски, «не наводит на грешные мысли». На ум сразу приходит фраза Брижит Бардо: «Единственное достоинство идеального любовника – физическое влечение». А мы, любовницы дикарей, знаем, что иногда недостаточно иметь кольцо принца Уэльского на пальце, Ван Гога в столовой и обслугой в шесть человек в ресторане «Belgravia».

Среди наивысших проявлений элегантности и величия лорда Керзона были и такие правила, которые никто в здравом уме не осмелился бы осудить: «Уважаемый господин не носит в городе одежду кофейных тонов» и «Джентльмен никогда не ест суп на обед».

Прошло восемнадцать месяцев. Сейчас середина 1983 года. Самый богатый человек Колумбии – не английский лорд и не исконный рыцарь. Проснувшись в одиннадцать утра, а не в шесть, он зовет не услужливых рабов, а мрачных парней. Его «бранч»[74] состоит из супа и фасоли. Он приходит на заседания Конгресса не в костюме кофейного оттенка, а в бежевой куртке. Ему неизвестно, что это еще за ткань в полоску или в клетку, под названием «принц Уэльский». Он ходит в синих джинсах и кедах, ему не пятьдесят девять, а тридцать три. Ему нет дела до того, кто такой Санто Доминго. Владея маленькой республикой, он интересуется только финансируемыми им президентами и диктаторами, с которыми ведет дела.

В нашей стране ни у одного из жадных магнатов еще нет собственного самолета, а Пабло предоставляет в мое распоряжение воздушный флот. В прошлом году Эскобар продал тонны кокаина, а в этом хочет удвоить производство. Его организация контролирует 80 процентов мирового рынка. Рост Пабло – метр семьдесят, у него нет времени на загар, он не такой уродливый, как Тирофихо, глава «FARC», и уверен, что имеет некое сходство с Элвисом Пресли. Его никогда не интересовала королева Виктория, скорее – королева департамента Какета, Путумайо или Амазонки. Эскобар занимается любовью, как сельский мальчик, но мнит себя альфа-самцом. С четырьмя самыми богатыми мужчинами Колумбии его связываю только я. А я его обожаю, потому что он самый забавный, замечательный и великолепный мужчина на Земле, совсем не жадный, да еще и боготворящий меня.

– Пабло, мне страшно ехать в Соединенные Штаты с таким количеством денег… – предупреждаю я перед первой поездкой за покупками в Нью-Йорк.

– Но, родная, американскому правительству не важно, сколько денег ты ввозишь, важно – сколько вывозишь! Однажды я приехал в Вашингтон с миллионом долларов в чемоданчике, и ко

мне приставили полицейский кортеж, чтобы меня не ограбили по дороге в банк! Я с кортежем, можешь себе представить? Но, не дай бог, тебя возьмут при попытке снять больше двух тысяч долларов наличными, хотя в законе у американцев написано, что это должны быть десять тысяч! Всегда декларируй при въезде все деньги, потратишь их или положишь на счет в банке порциями по две тысячи. Но ни в коем случае не вздумай увозить их обратно. Если «федералы» возьмут тебя с наличными, тебе дадут тысячу лет тюрьмы. Отмывание денег – гораздо более тяжкое преступление, чем сама наркоторговля. Я эксперт в этих делах, потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Теперь всегда беру с собой в путешествие пачку в десять тысяч долларов, складываю ее в коробку салфеток «Клинекс», в три чемодана от Гуччи, в сумочку от Вуитон и декларирую все при въезде. Когда таможенники спрашивают, не ограбила ли я случайно банк, я всегда отвечаю:

– Доллары куплены на черном рынке, так делает вся Латинская Америка. Наша валюта – песо, а «клинекс» я беру, потому что постоянно плачу и часто путешествую в течение года. Я телерепортер, посмотрите на обложки журналов.

Тогда служащий неизменно отвечает:

– Проходи, красотка, в следующий раз, когда тебе станет грустно, позвони мне!

Тогда я, как королева, следую к лимузину Робаллино, неизменно ожидающему меня у выхода. Приехав в гостиницу, сталкиваюсь в лобби или в лифте с каким-нибудь Ротшильдом, Гиннессом, Аньелли, свитой саудовского принца, первой леди Франции или африканским диктатором. Выбрасываю «Клинекс» в мусор и счастливо залезаю в ванну с пеной, чтобы довести до ума список покупок на следующий день. Я уже упорно потрудилась, летя три часа в самолете первым классом, попивая шампанское «Rosé» и заказывая блины с икрой. Теперь «Пегас» моего любимого почти всегда занят, доставляя тысячи килограммов «коки» на Багамы и в Норманс-Кей[75]. Остров принадлежит другу Пабло Карлитосу Ледеру и является обязательным транзитным пунктом по пути «Белоснежки» к Флорида-Кис[76].

Любая цивилизованная и честная женщина должна признаться: одно из самых больших наслаждений на Земле – пойти за покупками по Пятой авеню в Нью-Йорке с неограниченным бюджетом. Особенно если у твоих ног уже было четыре магната, чье состояние в сумме – двенадцать миллиардов долларов, а они даже не удосужились хоть раз послать цветы.

По возвращении в Колумбию я неизменно обнаруживаю

томящегося в ожидании Пабло «Наваху». Он снова «на коне», с «Пегасом» и остальной частью воздушного флота, наполненный страстью, обожанием, вожделеющий меня; с его неизменными политическими амбициями, основанными на миллионах благодарных и счастливых поклонников гринго. Валентино с Шанель летят на пол, туфли Золушки из крокодила разлетаются в стороны, любой номер люкс или хижина превращаются в земной рай, предназначенный для объятий смерти или демонического танца. Прошлое влюбленного, который ведет себя, как император, оплачивая бесконечные покупки и соря деньгами, такое же незначительное, как у Мэрилин Монро или Брижит Бардо в кровати какого-нибудь успешного человека.

Однако проблема прошлого многих богачей – преступления, на которые они готовы пойти сегодня и завтра, чтобы скрыть былые ошибки или неосмотрительность. Напуганная разоблачением Пабло Эскобара, Марго Риччи уничтожила все копии программы со свалки и сообщила мне, что ничего не желает слышать о нас с Пабло. Мы продаем телестудию, уже без долгов, ее парню Хайме, добродушному человеку, который вскоре умрет. Марго выйдет замуж за Хуана Госсаина, директора «RCN» (радиосеть, принадлежащая магнату, производителю газированных напитков, Карлосу Ардиле, чья жена когда-то была замужем за Анибалом Турбаем).

Колумбийский Робин Гуд уже научился манипулировать прессой, конкурируя со мной на обложках и купаясь в лучах новообретенной славы. Когда похищена Адриана, дочь Луиса Карлоса Сармьенто, финансового и строительного магната, я прошу у Пабло предоставить ему тысячную армию. Это – не только дело принципа. Пабло должен отдать долг и отблагодарить порядочных и более могущественных персон из правящих кругов. Очень возбужденный, Луис Карлос сообщает, что переговоры по освобождению его дочери уже сдвинулись с места, он всю жизнь будет признателен за великодушный жест кандидата Эскобара.

Жизнь Пабло полностью перевернулась в день, когда президент Бетанкур назначил министром юстиции Родриго Лару, торговца землей, партнера Эваристо Порраса, трижды выигравшего лотерею «Эль Гордо». Внезапно высокопоставленный чиновник обвиняет Эскобара в наркоторговле и связи с «MAS». Его последователи говорят, что Бетанкур их предал, и требуют от Эваристо в республиканском Конгрессе чек на миллион песо. Министр делает ставку на движение Луиса Карлоса Галана «Новый либерализм». Вереница событий несется, как локомотив. Палата представителей снимает с Пабло парламентскую

неприкосновенность, судья в Медельине выдает ордер на арест по подозрению в убийстве двух агентов департамента безопасности, американское правительство аннулирует туристическую визу Пабло, а колумбийское – конфискует животных из его зоопарка, потому что они доставлены контрабандой.

Это порядком надоедает Эскобару, он выкупает всех зверей обратно через подставных лиц. За исключением Очоа и El Mexicano, ни у кого в бедной стране нет пастбища или ветеринара для тысячи экзотических животных, и уж точно, собственных рек, источников воды для слонов и двух дюжин гиппопотамов, почти таких же крупных, как их владелец.

Пабло умоляет меня не беспокоиться о его проблемах, пытаясь заверить, что его жизнь всегда была такой беспокойной. Или он – гениальный актер, или невероятно уверенный в себе человек. Я точно не сомневаюсь: он потрясающий стратег, у него практически неисчерпаемые ресурсы для самозащиты и молниеносных контратак, ведь деньги льются рекой. Никогда не интересовалась, как их «отмывают», но иногда, замечая мое беспокойство, Эскобар намекает на размеры своего состояния. У него более двухсот роскошных квартир во Флориде, стодолларовые купюры, спрятанные в бытовых приборах, прибывают кипами на взлетно-посадочную полосу асьенды «Наполес». Наличных, поступающих в страну, хватит на финансирование всех президентских кампаний любых политических партий до 2000 года.

Вскоре после выдачи ордера на арест Пабло практически уходит в подполье. Необходимость ощущать рядом чье-то присутствие увеличивается по мере того, как активизируются слежка и прослушка телефонов. А поскольку мы никому ни о чем не распространяемся, то все больше нуждаемся в том, чтобы слышать голос любимого собеседника. Теперь каждую встречу необходимо тщательно продумывать. Мы уже не можем видеться каждые выходные и уж тем более в отеле «Интерконтиненталь».

По прошествии месяцев я почти полностью доверилась Пабло. А также стала замечать, что его с Сантофимио речи стали воинственней. Уже неудивительно услышать, как в моем присутствии Сантофимио произносит:

– Войну нельзя завершить вничью, Пабло, есть только победители и побежденные, нет наполовину проигравших или выигравших. Чтобы действовать эффективно, ты должен срубить много голов или, во всяком случае, – самые главные.

Эскобар отвечает:

– Конечно, доктор, если они продолжат все портить, мы должны будем всыпать им хорошенько, чтобы заставить нас

уважать.

Во время поездки в департамент Толима (Родина и политический малый фронт Сантофимио) тот вдруг обнимает меня в присутствии местных лидеров, ставя в неловкое положение. Но когда крупные землевладельцы уходят, кандидат словно перевоплощается. Напустив на себя деловой вид, просит помочь ему убедить моего любовника увеличить вклады в его кампанию: денег, которые дает Пабло, ни на что не хватает. А он единственный кандидат в сенаторы и президенты, который гарантирует Эскобару не только «потопить» договор об экстрадиции, но и полностью стереть прошлое.

Вернувшись в Медельин, я просто вне себя. Пабло даже не успел меня поцеловать, а я уже начинаю подробно описывать события последних двух недель голосом, являющим собой кульминацию разоблачений, доносов, обвинений и риторических вопросов:

– Я организовала вечер с участием руководителей всех известных районов Боготы, впустив в свою квартиру пятьдесят любопытных зевак, чтобы собрать средства для кампании Сантофимио, только потому, что ты попросил меня об этом. После одиннадцати вечера пришел Сантофимио. Задержавшись на пятнадцать минут, он поспешно ушел и на следующий день даже не позвонил поблагодарить. Этот тип – настоящая свинья, неблагодарный и фальшивый! Бедный народ для него ничего не значит! Он покончит с твоим идеализмом, и ты станешь похож на него! Здесь, на твоей земле, перед твоими людьми он никогда бы не осмелился обнять меня публично, так, как сделал это в Толиме! Неужели ты не заметил, какую цену мне приходится платить, ставя свою незапятнанную репутацию на службу ваших интересов. И все это для того, чтобы теперь один из этих Яго[77] (если ты, конечно, знаешь, кто такой Яго), захотел воспользоваться мной самым подлым образом на виду у провинциальных бандитов, которые думают, что такой бессовестный преступник, как он – бог?

Невидимый занавес, кажется, падает сверху и разделяет нас. Пабло превращается в скалу и неподвижно замирает, словно парализованный. Он изумленно смотрит на меня и садится. Потом, упершись локтями в ноги, обхватив голову и вперив взгляд в пол, говорит мне ледяным голосом, тщательно подбирая слова:

– Вирхиния, с болью в сердце, я должен сказать тебе: этот человек, которого ты называешь неблагодарной свиньей, связывает меня с политической элитой страны – с Альфонсо Лопесом и другими, с Департаментом вооруженных сил и

органами безопасности, которые не состоят с нами в «MAS». Я не смогу обойтись без Сантофимио. Именно отсутствие совести делает его труд таким бесценным. Действительно, не знаю, кто такой Яго, но если ты говоришь, что Сантофимио на него похож, так оно и есть.

Мое уважение к Пабло разбивается вдребезги, словно зеркало, в которое только что выстрелили. Раздираемая болью и рыдая, я спрашиваю его:

– Эта канализационная крыса, возможно, намекала, что мне уже пора подыскать другие варианты… потому что ты уже нашел мне замену, любимый? В этом смысл его публичных объятий?

Пабло встает и смотрит в окно, потом, вздыхая, обращается ко мне:

– Вирхиния, мы с тобой великие и свободные люди – мы оба можем рассматривать любые варианты, какие захотим.

Впервые в своей жизни, не задумываясь, что могу потерять навсегда того, кого люблю больше всего на свете, я закатываю сцену ревности. Не контролируя себя, разрывая воздух резкими фразами, я кричу:

– Ты настоящий козел, Пабло Эскобар! Хочу, чтобы ты знал: в день, когда я променяю тебя на другого, он не будет бедной свиньей, как твой любезный кандидат! Ты даже не представляешь, сколько я натерпелась от мужчин! Могу заполучить самого богатого или красивого парня, и мне не придется платить ему, как ты платишь своим девкам! Я отношусь к королям, как к пешкам, и наоборот. Если и променяю тебя на свинью, то уж побогаче тебя! Выберу того, кто тоже хотел бы стать президентом! Нет, лучше – диктатором! Ты ведь всегда ценил меня по достоинству и знаешь, именно так я и поступлю. Променяю тебя на диктатора, не на такого, как Рохас Пинилья![78] Не такого, как он, а как… как… как Трухильо![79] Или как Перон![80] Кто-то из двух, клянусь богом, Паблито!

Услышав последнее, Пабло начинает смеяться, поворачивается и, не переставая хохотать, подходит ко мне. Он хватает меня за руки, не позволяя бить его кулаками в грудь, обвивая их, словно петлю, вокруг шеи. Потом крепко берет за талию и, прижимая к себе, говорит:

– Проблема твоего гипотетического мужа в том, что мне придется его спонсировать. А когда он пошлет тебя за деньгами, мы немедленно наставим ему рога, не так ли? Еще одна твоя проблема… – две таких же богатых свиньи, как я, – Хорхе Очоа и El Mexicano… и ни один из двух не в твоем вкусе, так ведь? Видишь, я – единственный вариант для такой, как ты? Ты моя. Где еще я найду такое сокровище, способное рассмешить меня… с

огромным сердцем? Еще одну Мануэлиту… с коэффициентом IQ, как у Эйнштейна? Еще одну Эвиту… с телом, как у Мэрилин, а? И ты оставишь меня именно сейчас на милость могущественных, неумолимых врагов… Все закончится скоропостижной смертью, мое бренное тело упокоится под какой-нибудь жуткой, выкупленной у кого-то могильной плитой? Поклянись, что пока не уйдешь к Иди Амину[81], который экстрадировал бы меня… или превратил бы в бифштекс! Поклянись, мое сладкое страдание, тем, что больше всего тебе дорого! А больше всего ты любишь… меня, правда?

– И когда предлагаешь тебя бросить? – отвечаю я, пока ищу «клинекс».

– Ну, через каких-нибудь… сто лет. Нет, лучше – шестьдесят, чтобы не казалось, что я перегибаю палку!

– Даю тебе только десять! – заявляю я, вытирая слезы. – Ты говоришь, как Августин Иппонийский[82]. Перед тем как стать служителем церкви, он произнес: «Услышь меня, Господь, но не сейчас!» Предупреждаю: на этот раз я точно вытрясу все магазины на Пятой авеню, просто опустошу их!

Пабло смотрит на меня с чувством глубокой благодарности и, выдохнув с облегчением, с улыбкой отвечает:

– Уффффф! Опустошай, на здоровье, когда захочешь, моя обожаемая пантера. Только обещай, что мы никогда-никогда больше не заговорим об этом. – Потом Эскобар смеется и спрашивает:

– И в каком возрасте этот святой стал импотентом, всезнайка?

Представив себе гардероб от Шанель или Валентино, какая нормальная женщина станет беспокоиться о том, что Сантофимио лгун? Вытирая остатки слез, я отвечаю: в сорок. А также сообщаю, что никогда больше не поеду в политические турне. Пабло начинает ласкать меня. Для него важнее всего – чтобы я всегда была рядом, в его постели. Он перечисляет каждую частичку моего тела, здесь есть только мы, наши тела.

Пабло, кажется, забыл: я никогда не прощаю. Что касается противоположного пола, любой из моих кандидатов гораздо интереснее его претенденток. В следующие выходные я сдаюсь, приняв приглашение, которое постоянно отклоняла на протяжении восемнадцати месяцев: билет в первом классе до Нью-Йорка, огромный номер люкс в отеле «The Pierre» и пылкие, элегантные руки Дэвида Патрика Меткалфа. На следующий день я иду в торговый центр «Saks» на Пятой авеню и закупаюсь на тридцать тысяч долларов. Оставляю сумки в лимузине Робаллино и вхожу в церковь Святого Патрика, чтобы поставить свечку

святому покровителю Ирландии и Деве Гваделупе, покровительнице генералов Мексиканской революции, моих предков. Всю оставшуюся жизнь я буду испытывать ностальгию по тому, что потеряла навсегда в ночь обсуждения «диктаторов и свиней». Я уже не буду переживать о модели, которую Пабло купит на одну ночь, или принцессе с моста, и уж тем более о паре лесбиянок где-то в джакузи в Энвигадо.

Однажды в центральном книжном магазине моих друзей Ханса и Лили Унгар я познакомилась с первым в моей жизни телепродюсером Карлосом Лемосом Симмондсом[83]. Сейчас – бывшим министром иностранных дел. Он настаивает, что мне необходимо вернуться на радио, рекомендуя начать с колумбийской «Grupo Radial» (четвертая по популярности радиосеть в стране) и ее звездным составом. Ею заведует семья Родригес Орехуэла из Кали, которая также владеет банками, сетями аптек, косметических лабораторий, представительством «Chrysler» в Колумбии и еще дюжиной предприятий.

– Они скромные люди. Хильберто Родригес невероятно умен и скоро станет самым богатым человеком в стране, кроме того, он очень представительный господин.

Несколько недель спустя поступило предложение работать в «Grupo Radial». Я приятно удивлена, а поскольку рекомендации Карлоса Лемоса были столь великодушными, я с удовольствием соглашаюсь. Мое первое задание – осветить ярмарку в Кали и конкурс на звание «королевы тростникового сахара», который проходит в последнюю неделю декабря и первую неделю января. Пабло проводит каникулы с семьей в асьенде «Наполес» и прислал мне на Рождество прекрасные часы из золота с двойным рядом бриллиантов от «Cartier». Он купил их у Беатрис, девушки Хоако Буилеса, бизнес-леди, продающей драгоценности медельинским наркоторговцам. Она предупреждает меня:

– Вирджи, не вздумай когда-нибудь отдать их в ремонт в «Cartier» в Нью-Йорке! Признаюсь, часы, которые мы с Хоако продаем, – краденые, их могут конфисковать, а тебя отправят в тюрьму. Потом не говори, что я тебя не предупреждала. Во всяком случае, Пабло уверен, что подаренные часы приносят удачу!

Однажды ночью я ужинаю в Кали с Франсиско Кастро, молодым и красивым президентом «Banco de Occidente» – «Западного банка», самого прибыльного из всех банков Луиса Карлоса Галана Сармьенто. Когда двое мужчин входят в ресторан, наступает тишина, все оборачиваются и смотрят, а дюжина официантов бросаются их обслуживать. Тихо, полным презрения голосом, «Пакико» Кастро обращается ко мне:

– Это братья Родригес Орехуэла, «кокаиновые короли»

долины Каука, пара отвратительных, грязных мафиози. У каждого из них – миллиард долларов и сто предприятий. Они относятся к тому типу клиентов, которых Луис Карлос выгнал бы взашей из своих банков!

Я удивлена не потому, что узнаю о них от какого-то финансового вундеркинда. Думаю, на данный момент, уже познакомившись с влиятельными людьми из «профсоюза» Пабло, очень странно, что я никогда не слышала этих имен. На следующий день директор радиостанции сообщает: Хильберто Родригес с женой хотят познакомиться со мной и приглашают в президентский люкс отеля «Интерконтиненталь», их штаб-квартиру на ярмарке, чтобы лично вручить мне билет на корриду в первый ряд. На арене первый – это третий, за вторым барьером и ограждением, что выходит прямо на проход, где ждут команды тореадоров, заводчики быков и журналисты, все – мужчины, женщин там нет. Считается, что они приносят неудачу, к тому же иногда быки попадают в проход, бегают и поднимают на рога всех, кто там находится.

Внешний вид Родригеса Орехуэлы очень отличается от того, как выглядят крупные боссы Медельина. В нем нет их простоты – лишь изящество. Он выглядит как обычный бизнесмен, и в любом другом месте, не в Кали, остался бы абсолютно не замеченным. Орехуэла очень вежливый и добродушный, как и все богатые мужчины с красивыми женщинами. Есть в нем некая изворотливость и хитрость, которую менее зоркий наблюдатель мог бы спутать с застенчивостью или даже скромной демонстрацией элегантности. Я бы дала ему немного больше сорока. Орехуэла невысок, у него круглое лицо и округлые плечи, ему не хватает мужественности Пабло. У Эскобара и Хулио Марио Санто Доминго есть то, что на колумбийском побережье называют «mandarria»[84]. Звучание этого слова говорит само за себя. Когда Пабло или Санто Доминго где-нибудь появляются, все в их жестах и поведении так и кричит:

– Сюда прибыл король мира, самый богатый человек Колумбии! Дорогу! И не вздумайте путаться под ногами! Я ходячая угроза и сегодня встал не с той ноги!

Жене Родригеса тридцать семь лет, ее лицо достаточно заурядно, со следами от подростковых угрей. Она выше нас обоих, под туникой с зеленым принтом угадывается хорошая фигура, почти как у всех женщин в долине реки Каука. У нее глаза рыси, каждый сигнал, который они посылают, доказывает: муж и пальцем не может пошевелить без ее разрешения.

Я всегда была уверена: за каждым несказанно богатым мужчиной стоит великая женщина-союзник или рабыня.

– Это не Тата Эскобара… – приходит мне в голову. – А «La Fiera»[85] Родригеса. Похоже, она управляет генералом!

По возвращении в Боготу меня застает звонок Хильберто, который приглашает посмотреть на быков в компании спортивных комментаторов из «Grupo Radial». Я отвечаю:

– Спасибо, но помните, я сажусь только в первых рядах, в конце площади, с бедняками. Особенно когда эксплуатируемая радиосетью какой-нибудь президентской семьи или банкира с сотнями аптек, работаю на ярмарке, как каторжная. Так как у меня совсем плохо со зрением, единственное место, откуда мне все видно и видно меня – за ограждением. Увидимся в воскресенье!

После корриды компания подвозит меня домой. Через несколько дней звонит Мириам де Родригес, спрашивая, что я делала на корриде с ее мужем. Я недовольно замечаю: это она должна спросить у владельца колумбийской «Grupo Radial», почему он послал спортивных комментаторов и издателя международного уровня освещать сезон корриды. И перед тем как положить трубку, даю ей подсказку:

– В следующий раз можете попросить взять вас с собой. Но не забудьте взять с собой микрофон. Тогда, может быть, поймете почему, когда Сильверио[86] выходит на арену, никто не променяет свое место в тени даже на трон!

Потом я задаюсь вопросом: почему еще больше не подколола эту ведьму, почему не сказала, что никогда в жизни не заинтересовалась бы ее мужем? Сдался он мне! Неужели он до сих пор не сказал ей, что я безумно люблю его конкурента, который намного богаче и, в отличие от него, удачно женился, который обожает меня и ждет не дождется возвращения из своего поместья, чтобы растаять в моих объятиях? Он станет президентом с послужным списком или диктатором без уголовного досье. Нравится ей это или нет, он единственный, истинный, бесспорный и всемогущий «кокаиновый король». Почему я не спросила ее, какой процент с рынка получает Хильберто, если в прошлом году у Пабло уже было восемьдесят процентов, а в этом он удваивает производство? Чтобы на радость мне она ответила: «У моего мужа восемьдесят процентов, как и у твоего любовника!»?

Успокоившись, я вспоминаю четырех влиятельных магнатов, их привилегированные умы, каменные сердца, неспособность проявлять сочувствие и удивительную способность мстить. Потом, радостно улыбаясь, я вспоминаю Пабло, его талант убеждения, его смех, слабости, его ненависть, тайны и уроки… невероятную работоспособность, страсть, амбициозность,

взгляд… способность к обольщению, его президентов…

Как бы они отреагировали, если бы знали, что Пабло Эскобар стремится занять пост президента? Если он уйдет из дела, кто из них станет его союзником? Кто соперником или врагом, кто представляет для Пабло смертельную опасность? Честно, думаю, – никто. Все уже знают, что он богаче, хитрее и храбрее… И на двадцать или двадцать пять лет моложе… В любом случае, Макиавелли сказал: «Держи друзей близко, а врагов еще ближе».

И я продолжаю размышлять: тела женщин не просто проходят по рукам мужчин, ведь в конечном итоге мысли мужчин – дело рук женщин.

Седьмой богач мира

В 1984 году, после первых объятий, следует новость, обрушившаяся на меня, как сто галлонов ледяной воды. Пабло думает уйти из политики и хочет услышать мое мнение, сравнить его с тем, что говорит семья, компаньоны и, конечно же, его кандидат.

Я отвечаю: не нужно быть Эйнштейном, чтобы догадаться: все обеспокоены. Уговариваю его хоть раз в жизни послать их куда подальше и подумать о себе. Прошу не сдаваться перед министром Ларой, галанистами, правительством, общественным мнением или гринго и напомнить его семье, откуда берутся бриллианты и «Мерседесы», лодки и произведения Пикассо. Советую: вместо того чтобы решительно выступать против договора об экстрадиции и тратить миллионы на политиков, нужно начать проводить общественные работы в Боготе, такие же, как проект «Медельин без трущоб». Тогда популярность защитит его, он станет неприкосновенным и сможет подумать об уходе из бизнеса или о том, чтобы оставить его в руках верных и непробиваемых, как скала, компаньонов.

– Думаешь, в будущем твоя династия будет единственной в Колумбии, на которой висит два трупа, да? В тридцать четыре года ты уже заработал один или два миллиарда долларов, это и есть твое главное отличие! В стране, где голоса покупаются, ты не изобретаешь ничего нового – вместо сэндвичей ты просто расплачиваешься за свои нелегальные дела домами и спортивными площадками! Никак не возьму в толк: почему Белисарио Бетанкур назначил министром юстиции заклятого врага тех, кто финансировал большую часть президентских кампаний? Альфонсо Лопес никогда бы не поступил так глупо. Тебе совсем не нужен Сантофимио, и прекрати уже говорить ему «доктор». Такие, как мы, могут уважительно обращаться к Альваро Гомесу, но не к Альберто!

Пабло никогда не выходит из себя, никогда не жалуется, не прерывает меня, когда я на взводе. Он уже понял, я замолкаю и полностью успокаиваюсь, когда он обнимает меня, поэтому ведет себя со мной, как один из укротителей, шепчущих что-то на ухо лошадям, пока не усмирит их. Пабло делает это с тех пор, как я призналась, что если в аду нас бы навечно склеили суперклеем, я бы ни на секунду не заскучала, чувствуя себя, как на седьмом небе. Он отвечает, что это самое идеальное признание в любви за все время. Этой ночью Пабло признается: они с кандидатом уже договорились официально объявить о прекращении

сотрудничества, которое будет продолжаться втайне. Сейчас больше, чем когда-либо, дар убеждения, которым обладает Сантофимио в отношении остальных участников Конгресса, необходим «профсоюзу» Эскобара, чтобы «потопить» договор об экстрадиции. Пабло объясняет: есть еще одна рациональная причина, по которой он принял решение пока оставить политику профессионалам. Путь в Норманс-Кей, контролируемый Карлосом Ледером, становится серьезной проблемой и долго не протянет. Его партнер стал наркоманом с манией величия, он вызывает беспокойство правительства Линдена Пиндлинга[87] на Багамах.

– Я уже связался с «сандинистами»[88], им очень нужны деньги, и они дают мне карт-бланш на то, чтобы Никарагуа стала перевалочным пунктом на пути товара в Майами. Через пару недель мы вместе с тобой поедем в Манагуа и впервые опробуем один из моих паспортов. Хочу, чтобы ты познакомилась с «Советом сандинистов» и высказала свое мнение. Ты была права во всем, что говорила, но тебе должно быть известно: для меня важнее – мой бизнес, а потом уже политика. Я буду продолжать получать с него прибыль до тех пор, пока уже будет физически невозможно выжать больше. Тогда я смогу подумать о том, чтобы уйти на покой, возвратиться в Конгресс, когда пройдет вся эта шумиха. Увидишь, за шесть месяцев ситуация начнет потихоньку налаживаться.

Ты же знаешь, я заранее в курсе всех возможных проблем. Когда что-то произойдет, у меня уже будут готовы тщательно спланированное решение и список действий. Любую проблему, кроме смерти, можно разрешить с помощью денег, а у меня они текут рекой, любимая.

Я спрашиваю: как основатели «MAS» договариваются с коммунистическим правительством, тесно связаным с колумбийскими партизанскими группами? Он уверяет, что я все пойму, когда мы приедем в Никарагуа. В конце концов, я успокоилась. Две недели спустя Пабло объявляет об уходе из политики. На мой взгляд, если это временно и неокончательно, то это – правильное решение. На некоторое время он сможет вырваться из эпицентра страстей.

На протяжении следующих недель мы необыкновенно счастливы. О наших отношениях знают только его партнеры, три мои подруги и парочка его подчиненных: Фабер, секретарь, очень добродушный человек, всегда ответственный за то, чтобы встретить меня или отвезти в аэропорт, и трое доверенных – Отто, Хуан и Агилар. Мы с Пабло категорически отрицаем существование романтических отношений между нами, из уважения к его жене, а также из-за моей карьеры, которая идет в

гору. «Звездное шоу», моя субботняя программа в восемь вечера, транслируется в нескольких странах и занимает пятьдесят третью отметку в рейтинге. В 1984 году в Колумбии всего три телеканала и один – государственный, который никто не смотрит. Еще одна моя программа – «Магазин по понедельникам», отбирает рейтинги у выпуска новостей с Андресом Пастраной Аранго на конкурирующем канале якобы потому, что я слишком соблазнительно скрещиваю ноги. По этой причине фирма колготок «Di Lido», собственность семьи Каплан в Каракасе и Майами, наняла меня для съемок второго рекламного ролика в Венеции, недавно получив за первый 61 % на национальном рынке. Согласившись поехать в Венецию, я выдвинула «Di Lido» условие: гонорар, равный гонорару первой сотни моделей страны, билеты в первый класс и люкс в «Cipriani» или «Gritti Palace». Счастливая, я сообщаю Пабло, что после Венеции Капланам придется заплатить мне, как кинозвезде в стране без кинематографа! И он улыбается, зная, что год назад я получила предложение голливудского продюсера, который предоставил в мое распоряжение бунгало в «Bel-Air» (любимый отель принцессы Грейс[89] в Беверли-Хиллз), пригласив на съемки фильма с Майклом Лендоном, Присциллой Пресли и Юргеном Прохновым – обо всем этом пришлось забыть после внезапного распоряжения Марго:

– В конце концов, кем вы хотите стать: серьезной журналисткой или актрисой кино? Вы бросите меня вместе со студией, когда мы только начали неплохо зарабатывать?

Однажды утром, к одиннадцати часам, Пабло неожиданно приезжает ко мне. Он приехал попрощаться, потому что едет в Панаму и Никарагуа и не может взять меня с собой. Посредники между ним и «сандинистским Советом» попросили ни при каких обстоятельствах не брать с собой тележурналистку. Он обещает задержаться ненадолго, только на неделю, и потом мы поедем куда-нибудь вместе, возможно, на Кубу, чтобы познакомиться с Фиделем Кастро. Я не верю ни единому слову, тем более, когда он предлагает мне сходить за покупками в его отсутствие, чтобы не расстраиваться из-за смены планов. Я в ярости, но не жалуюсь. Нью-Йорк уж точно роскошнее, чем Манагуа, а отель «The Pierre» – просто рай на Земле. И не только из-за того, что находится за полтора квартала от магазина «Bergdorf Goodman» – скорее потому, что месть сладка.

Сцена в огромном люксе неделю спустя сюрреалистична. Дэвид в своей комнате смеется и разговаривает по телефону с «Солнечным» герцогом Мальборо[90]. Я весело болтаю по телефону с Паблито, «кокаиновым королем», который просит

меня приобрести все экземпляры журнала «Форбс», пока их не раскупили. Его только что назвали седьмым самым богатым человеком мира! И когда мы оба кладем трубку, там, посреди комнаты, «пивной король» Хулио Марио заливается смехом, потому что Меткалфа «облачат в жилет»! (У боссов известных семей Дженовезе, Боннано, Гамбино, Луккезе, Маранцано появилась особая традиция облачать врагов в жилеты из специальной жидкости и спокойно ждать, пока они затвердеют, перед тем как бросить их на дно морское. Это можно назвать нью-йоркским стилем исчезновения людей или современной версией того, как девушки привязывали жернов к шее избранников, чтобы вразумить их или просто наставить рога какому-нибудь «королю оленей»).

Хулио Марио спрашивает: каково же на самом деле состояние «всех этих разнорабочих», моих друзей? Я отвечаю ему: на данный момент они самые богатые люди в мире. Он отмечает, что у меня, должно быть, уже голова кругом от бесконечных походов по магазинам. Поскольку титулованные персоны сегодня очень довольны и шутят над всеми, я оставляю Меткалфа и Санто Доминго и спускаюсь за сигаретами. Скупаю все журналы «Форбс», которые удалось найти, поднимаюсь и, не говоря ни слова, вручаю каждому экземпляр, открытый на странице со списком самых богатых людей этого года. Очоа занимают шестое место, а Пабло Эскобар – седьмое.

– Значит, у конкурентов три триллиона… – говорит Дэвид. – Такие деньги должны уходить не только на покупку жирафов, оплату киллера «El Mugre»[91] и твоих покупок, но и на то, чтобы жить со вкусом, как Ставрос Ниархос![92]

– Ты должна родить от него сына, куколка! – добавляет Хулио Марио. – Может, это тебя омолодит?

Дэвид в ужасе восклицает, что я не из таких девушек!

Посмотрев на Хулио Марио, я отвечаю ему на испанском, чтобы Дэвид не понял:

– Конечно, если у нас с тобой, таким красавцем, не было детей, с чего бы мне рожать от этого «разнорабочего»? И не забывай: я всегда буду на двадцать шесть лет моложе тебя.

Отмечаю: оба такие завистливые. Сегодня новые колумбийские магнаты работают не в местном масштабе, они выходят на мировой уровень. А мои друзья и сверстники еще и умные парни.

– Ради бога, дорогая! – отмахиваясь, восклицает Дэвид, голосом, как у лорда Керзона, узнав, что Пабло ест суп на «бранч». – Умен Генри Киссинджер, а не эти твои ребята!

– Сейчас я и правда уверен, что ты самый храбрый мужчина

на свете! – говорит Хулио Марио, смеясь. – Ой, боюсь-боюсь, Дэвид! Начинай считать дни, скоро младший Корлеоне «облачит тебя в жилет»!

Сегодня, когда двое любимых мужчин взглянули на меня новыми глазами, это самый счастливый день в моей жизни. Думаю, Бог знает, что делает, поэтому я здесь, в своей комнате, смеюсь в окружении двух дюжин купленных сумок, а не сижу напротив «Пиньи» Норьеги или Даниэлито Ортеги[93].

Несколько дней спустя я уже в объятиях Пабло. По разным причинам мы оба празднуем. И хотя «король коки» вместе с внуком вице-короля Индии – самый храбрый мужчина, по правде говоря, он такой же человек, как и любой «пивной король».

– Ах, какой кошмар, любимая! Я был там совсем один, с этими уродами в военной форме… Думал, что они бросят меня в море, потому что сказал им: ни у кого в мире нет пятидесяти миллионов долларов наличными – можешь себе представить? Это все, что хотели эти придурки, дескать, «в качестве аванса»! Всего-то, такой пустяк, как тебе? Коммунисты думают, что деньги растут на деревьях, или как? Мы были в саду с белой стеной, высотой в метр, я смотрел на нее и думал: смогу ли перепрыгнуть и добежать до самолета, до того как они похитят меня или продадут гринго. И в голове постоянно повторялся один и тот же вопрос: почему я не взял с собой свою обожаемую красавицу, которой мне так не хватает? Почему тут такие уродливые женщины! Теперь главное, что мы наконец вместе. Они снизили цену, и у меня есть этот торговый путь в случае, если гринго начнут давить на Норьегу. Он с нами с тех пор, как выступал посредником при похищении Марты Ньевес Очоа, но может переметнуться: всегда работает на того, кто больше заплатит. А как все прошло в Нью-Йорке?

– Выходит, «сандинисты» представят тебя Фиделю Кастро? – спрашиваю я.

– Да, но позже. Сначала им нужно убедиться, что мы договоримся.

– И зачем тебе знакомиться с Фиделем Кастро?

– Потому что его остров ближе всего к Флорида-Кис. Сейчас мы уже знаем, что можем заплатить цену, назначенную коммунистическими диктаторами…

– Да, но этот лидер умен и богат. Он не хам и не бедняк, в отличие от «сандинистов». Пабло, лучше не рассчитывай на него, гринго не так близко к Фиделю, но они – на рифах и в Гуантанамо![94]

Сменив тему, я рассказываю, как, обедая с подругой в «Le Cirque», встретила Санто Доминго и знакомого английского

лорда. Они кое-что слышали про нас и чуть не умерли от любопытства от списка «Форбс», расспрашивая меня про него. Я увидела, насколько они завидуют трем триллионам Пабло, а Хулио Марио хватило смелости предложить мне обзавестись наследником. Эскобар спрашивает, что я ответила.

Я говорю:

– Сказала, что тот, кто подарил мне автобиографию Фернандо Масуэры[95], должен прекрасно знать: несколько поколений невероятно красивых женщин моей семьи всегда вступали в брак перед тем, как завести детей, а ты, Пабло, уже счастливо женат.

Эскобар ненадолго задумался, переваривая информацию. Я не заметила, насколько больную тему задела, пока он не произнес:

– Хорошо, просто прекрасно, любовь моя… А сейчас, пожалуй, расскажу тебе историю, которую ни одна женщина еще не слышала… Оказывается, перед тем, как познакомиться с тобой, больше всего на свете я любил Венди… Да, как в «Питере Пэне». И не смейся, Венди Чаварриага не была львицей, нет-нет, ее можно было сравнить со сворой собак! Каждый раз, когда ей в голову приходило, что я с другой, она врезалась в мою машину, срезала дверь бензопилой, набрасывалась на меня с молотком, била, пинала, угрожала убить, содрать с меня шкуру и разделать на мелкие кусочки, употребляя в мой адрес жаргонизмы на испанском, колумбийском и чибча…[96] А я все терпел, потому что обожал и боготворил Венди, я сходил от нее с ума! Она тем временем ездила в Нью-Йорк с десятком подруг, не одна, как ты, и я оплачивал все их прихоти. Однако, несмотря на все мои предупреждения, однажды она забеременела и пошла в парикмахерскую, где была моя жена, победоносно крикнув: «Вот это – плод любви, а не обязательств, как твой сын!»

На следующий день я послал к ней четверых парней, они притащили ее к ветеринару и я приказал сделать ей аборт без анестезии. Мы никогда больше не виделись, с этого дня я не скучал по ней ни секунды. Слава богу, ты у меня – принцесса и, по сравнению с Венди, несмотря на все твои капризы, ты – мой оазис, Вирхиния.

У меня нет слов, я напугана и словно оцепенела. Дрожь пробегает по коже, я говорю:

– Да, слава богу, меня зовут не Венди и фамилия моя – не Чаварриага.

Этой ночью я перестала восхищаться им, как прежде. Такая ужасная история мучительна – как удар кинжала в сердце для любой женщины, способной сопереживать. Думаю, Бог знает, что

делает. Меня и радует осознание того, как далеко может зайти этот храбрый мужчина, и ужасает. Я замолчала и задумалась: может ли однажды его жестокость обернуться против меня? Уверяю себя: нет, я – абсолютная противоположность бедной девушки. Почему-то же Пабло зовет меня своей «сладкой пантерой».

* * *

Эскобар ни за что не уступит свое седьмое место в списке «Форбс». Давая интервью на радио, он заявляет: ни у кого нет таких денег, они даже не знают, сколько это в песо! Таково состояние Санто Доминго и Ардилы – «Форбс» что-то перепутал! Если бы у него было три миллиарда долларов, он отдал бы две тысячи девятьсот бедным и оставил бы сто, чтобы его семья могла жить спокойно на протяжении века!

Очевидно, Пабло не интересуют песо, он лучше любого швейцарского банкира разбирается в долларах, количество которых достигает десятков, сотен и миллиардов. Во-первых, потому, что его бизнес связан с валютой, которая в 1984 году все еще одна из самых устойчивых в мире, а во-вторых, поскольку мы оба глубоко убеждены, что примерным подсчетам в песо (краткосрочным или долгосрочным) нельзя доверять. Постоянная девальвация колумбийской валюты, доходящая до 35 % годовых, способствует тому, что все числа с нулями с правой стороны со временем меняются. Миллион песо – очень большие деньги в 1974 году – в 1994-м практически ничего не стоит, в то время как за эти двадцать лет миллион долларов девальвируется примерно наполовину.

Неделю спустя Пабло объявляет, что принес мне подарок. Он спрятан где-то на теле, и я должна искать его очень и очень медленно. В руках у него ничего нет, думаю, это что-то маленькое и очень дорогое, например, изумруд «капля масла» или рубин «голубиная кровь». Эскобар замирает и не говорит ни слова, а я начинаю обыскивать его с головы до ног, ощупывая каждый сантиметр тела, медленно раздевая его. Сначала снимаю рубашку, потом ремень, брюки… и – ничего! Дойдя до ног, сняв ботинки, я нахожу в носке «беретту М9» с рукояткой из слоновой кости, с четырьмя его инициалами, полностью заряженную.

– Так вот что у нас тут. Сейчас – моя очередь, сеньор заместитель конгрессмена. Я поквитаюсь за ночь с револьвером, руки вверх!

За доли секунды он прыгает на меня, скручивает руку,

разоружает и сует пистолет в рот. Кажется, он уже узнал про Дэвида и сейчас убьет меня.

– На этот раз это не игра, Вирхиния. Я принес пистолет, потому что он тебе понадобится. Разрешение – на мое имя. Я одолжу его тебе, ясно? Если придется им воспользоваться, хочу, чтобы ты знала: у меня лучшая химчистка ковров в стране, я больше не оставляю ни единой капли крови. Сейчас ты узнаешь правду, любимая. Я уже не буду парламентарием, президентом или кем-либо еще в этой области. Очень скоро ты станешь девушкой воина – и я пришел показать, что сделают агенты службы безопасности, когда придут сюда, разыскивая меня. Еще я научу тебя, как выстрелить в себя и моментально умереть, не обезображенной или парализованной. Ты можешь очень точно целиться, практикуясь на стрельбище, но если не избавишься от страха убить кого-то, эксперт разоружит тебя в считаные секунды. И первое, что сделают с тобой эти «мясники» – сдерут одежду… А ты… самая прекрасная на свете, правда, родная? Поэтому сними свое платье за две или три тысячи долларов, пока я не разорвал его на клочки, иди в ванну и встань напротив зеркала в полный рост. Я сказал: немедленно! Чего ты ждешь?

Подчиняюсь: не допущу, чтобы Сен-Лоран разорвали на части. Испытываю огромное облегчение и любопытство. Всегда обожала воспламененные взгляды, предшествующие ласкам. Пабло разряжает «беретту» и встает сзади, говоря: если кто-то решил убить, то должен делать это хладнокровно, чтобы не потерять контроль. Потом он учит меня, как правильно ставить ноги и стопы, располагать торс и руки, плечи и голову, когда перед тобой несколько мужчин, и ты идешь на них с пистолетом. Он учит меня, какое должно быть выражение глаз, рта, лица, каким должен быть язык тела, объясняет, что я должна чувствовать, о чем думать, что убийцы попытаются сделать.

Со странным блеском в глазах Пабло указывает, кого я должна убить первым, если их двое, трое или четверо, если они безоружны или сохраняют дистанцию, если их пятеро или больше, они вооружены и приближаются. Я должна выстрелить прежде, чем попадусь им в лапы. Он объясняет, как поступить в такой ситуации, где ставить пальцы, куда именно направить ствол.

Пабло снова и снова нажимает на спусковой кручок, раз за разом выкручивает мне руку, я уже не могу сопротивляться, но продолжаю, чтобы не дать себя разоружить. Наблюдая в зеркалах за отражениями наших обнаженных тел, сражающихся за оружие, я думаю о двух метателях диска из Афин или спартанских воинах. Поскольку Пабло в сто раз сильнее меня, он постоянно

побеждает. Двигаясь неумолимо быстро, как на «американских горках», он хочет заставить меня почувствовать ужас, боль, потерять страх, стараться все контролировать… умирать от любви. Внезапно он бросает «беретту» на пол и левой рукой хватает меня за волосы. Заключительная часть урока продолжается на его губах, доходит до моих ушей, дальше – по его руке и по моей коже. Бесконечные рассказы, с самыми подробными описаниями, с немыслимыми, кошмарными, невообразимыми, ужасными вариациями пыток.

Я стараюсь заглушить их, закрыть уши пальцами, чтобы не слышать, но Пабло держит мои руки, зажимает рот и продолжает, не останавливаясь ни на секунду. Закончив перечисление пыток, о которых мог только мечтать инквизитор-бенедиктинец; страданий, выдуманных извращенным умом какого-то южноамериканского военного в ходе операции «Кондор», этот демон, крадущий и возвращающий мне жизнь, человек, который балует меня и любит так, как никто не сможет полюбить, присвистывая, шепчет мне в ухо, что это только прелюдия, ожидающая меня, если я не научусь противостоять его врагам, свирепо ненавидеть их, убивать, не колеблясь, когда они попадутся на пути, и не сомневаться ни секунды, что я тоже способна покончить с ними, если они осмелятся прийти за мной, спрашивая о нем.

Прошло две минуты божественной тишины. Я спрашиваю: откуда он столько обо всем этом знает. Все еще изнуренный, Пабло отвечает:

– За всю жизнь я припирал к стенке множество похитителей. Вот откуда, любовь моя.

Спустя еще две минуты безмятежного отдыха, я интересуюсь: о скольких примерно людях идет речь. Вздохнув и сделав паузу, он, сохраняя спокойствие, отвечает – где-то двести человек. Через пару минут я спрашиваю: сколько ему еще осталось. Опять – пауза, снова вздыхая, он произносит: очень много. На этот раз я не даю ему передохнуть, интересуясь: что случилось с остальными, с теми, кто выжил. На этот раз Пабло не отвечает. Тогда я встаю с места, где всегда заканчиваются наши сражения, подбираю пули и заряжаю «беретту», иду с ней к моему сейфу, достаю копию ключей от частного лифта, который выходит прямо в квартиру, возвращаюсь с оружием в руке и золотым брелоком в другой и отдаю ему:

– Я никогда никому его не давала, Пабло. Если однажды тебе больше некуда будет идти, ты всегда сможешь укрыться здесь. Никому в здравом уме не придет в голову искать тебя у меня дома. Возможно, они придут за мной, но не за тобой. Здесь, в

этом сердечке, – код от моего сейфа, там ты всегда найдешь свой пистолет, когда меня не будет в городе. С сегодняшнего дня он будет всегда со мной, я расстанусь с ним только, когда полечу за покупками. Сейчас, скажи мне, какое имя оставить дворецкому, чтобы он впустил тебя в гараж и ты смог подняться, когда меня не будет.

Нежные ласки в продолжительном молчании. Глубокая грусть прослеживается в его взгляде. Два незабываемых слова – в ответ на бесконечную благодарность, которой я одариваю этого потрясающего, неповторимого и ужасающего человека. Он оставляет мне пистолет, а я отдаю ему золотое сердечко. Мы прощаемся. Во мне уже не две, а двести две души, разрывающиеся между сердцем и разумом. Какой-то внутренний демон в сознании нашептывает: если бы любовники всегда давали честные ответы на вопросы любимых, когда те уже знают правду, весь мир замер бы на мгновение.

* * *

«Если хочешь убить птицу, сруби дерево, на котором она гнездится», – гласит пословица. И в марте 1984 года разгромлена «Транкиландия», самая большая в мире лаборатория по производству наркотиков. Цитадель в джунглях реки Яри обнаружил разведывательный спутник США, Вашингтон передал информацию министру Ларе и колумбийской полиции. Четырнадцать лабораторий в целом, протянувшихся вдоль и поперек на пятьсот гектаров, производят 3500 килограммов кокаина в неделю. Там есть взлетно-посадочные полосы, чтобы сразу экспортировать наркотик, собственные дороги и удобные производственные площади почти для трехсот работников. Четырнадцать тонн «коки» выброшены полицией в реку Яри, захвачены семь самолетов, вертолет, машины, оружие и почти 12 000 бочек с сырьем для переработки кокаиновой пасты в чистый кокаин.

За пару дней до поездки в Венецию я встречаюсь с Пабло, он спокоен и улыбается, рассказывая, что лаборатории «Транкиландии» и кокаиновой усадьбы принадлежали не ему, а Хорхе с Гонсало. Реально конфисковали только часть суммы, зафиксированной в отчете полиции. Он утверждает, что все получили ценный урок: с этого дня «кухни» в джунглях станут мобильными, а в зонах, находящихся под контролем партизан, нужно будет платить пошлину за проход. В любом случае товар, который они теряют – только 10 % по сравнению с 90 %, которые

получают в итоге. Это не так уж много, а каждый килограмм, купленный клиентами, приносит ему пять тысяч долларов за безопасную перевозку.

Пабло не платит за транзит, поскольку самолеты и пути принадлежат ему. Чистой прибыли с килограмма кокаина выходит вдвое, за вычетом всех расходов на пилотов, бензин и выплат органам власти, с которыми они сотрудничают в каждой стране. На языке его «профсоюза» это называется «путь». На погрузке нескольких тонн экипаж зарабатывает до миллиона долларов за поездку. Так, попав в руки закона, в случае, если взятки не помогут, его пилоты могут нанять лучших адвокатов и оплатить залог без необходимости звонить в Колумбию. За исключением Соединенных Штатов и Канады, платежи всегда проходят успешно. Ключевые фигуры на пути – какой-нибудь диктатор или президент, командующий ВВС, глава полиции или начальник таможни тропической страны, где самолет садится на дозаправку. Все: химики, «повара», наблюдатели, пилоты, бухгалтеры получают огромные оклады, чтобы они не крали и не сдали управляющих организацией или пути перевозки. Пабло почти всегда использует слово «товар», а не «кокаин» и рассказывает мне все это, чтобы я успокоилась и прекратила переживать за вероятные последствия неумолимой слежки за министром Ларой Бония.

Поскольку я собираюсь в Италию, мой бюджет на покупки составляет сто тысяч долларов. Прошу отпуск в «Grupo Radial», оставляю записи телепрограмм на три недели вперед и счастливо отправляюсь в Венецию, самый великолепный город, который богатейшим торговцам удалось построить на поверхности Земли и на море.

В начале апреля 1984 года все в моей жизни прекрасно: молодой любовник, пожалуй, самый блестящий торговец этого времени, благодаря ему я чувствую себя самой счастливой, изнеженной и красивой женщиной на Земле. Сначала хочу прогуляться по Риму и купить костюмы для рекламы, которую мы снимаем в Венеции. Выйдя из салона красоты «Серхио Руссо», спрашиваю себя: почему в Колумбии я никогда так не выгляжу – конечно, потому что этот внешний вид стоил мне сотен долларов – незначительная часть цены моего костюма от «Odicini», крокодиловой сумки и туфель.

Взгляды людей, когда я иду по центральной улице европейского города, роскошные магазины повсюду, двое красивых мужчин рядом со мной, очень любезные, улыбчивые и гордые, в безупречных темно-синих блейзерах, с перстнями на пальцах и выгравированными гербами, пожалуй – второе, что

делает меня несказанно счастливой после Пабло. В этот идеальный день я иду по центру Via Condotti с Альфонсо Хиральдо-и-Тобон и Франко, графом Антаморо и Сеспедес. Альфонсо – знаменитый плейбой, а также самый обожаемый и утонченный человек, рожденный в Колумбии. Он растратил огромную сумму, заработанную на изобретении своего отца – средстве от перхоти «Caspidosán». Он танцевал с Сорайей[97], королевой Ирана, прекрасной, как сама мечта, гулял с принцами: Иоганнесом фон Турн-и-Таксис[98] (самый богатый род во всей Священной Римской империи[99]), «князем» индийской Бароды[100], Раймондо Орсини д'Арагона[101] от папского престола. Порфирио Рубироса[102], первый зять Трухильо, взял на себя курс интенсивного обучения Альфонсо по обращению с женщинами, потом эстафетная палочка перешла двум самым богатым мужчинам его поколения. Теперь Альфонсо живет в любимом городе, в крыле дворца, принадлежащего Орсини. Франко, в свою очередь, член частного женевского банка и внук Карлоса Мануэля Сеспедеса[103], видного деятеля, который ратовал за свободу на Кубе, и первый из крупных землевладельцев освободил своих рабов. Два старых друга смешат меня без остановки, дают мне ласковые прозвища и невероятно великодушны в выражениях. Франко восклицает:

– В тридцать четыре года ты неприлично молода, картахеночка. Лучший возраст красивых женщин – сорок лет. Что такая, как ты, забыла в Колумбии? Такому ослепительному созданию срочно нужен богатый муж, хороший парень с титулом и отличный любовник!

– Завтра, – говорит Альфонсо, – ты поужинаешь с красивейшим мужчиной Рима, игроком в поло, а в воскресенье он пригласит тебя в клуб с самыми привлекательными мужчинами Италии. Он симпатяга, моя прелесть! Я уже предупредил своих друзей, что в Рим приезжает самая красивая женщина Колумбии, все ждут не дождутся познакомиться с тобой!

Наконец-то и у меня есть титул, я радостно улыбаюсь! Мне даже смешно, так как я без ума от седьмого самого богатого человека в мире, моего любовника можно сравнить с Порфирио Рубиросой, и я все еще не потеряла голову из-за сногсшибательного колумбийского игрока в поло. А поскольку у Альфонсо во всем безупречный вкус, я прошу его пойти со мной в Баттистони за рубашками и в Гуччи, чтобы купить самые божественные ботинки и кожаные куртки для «непослушного жеребенка». Он носит только джинсы и кеды, с хлыстом в руке управляя тысячей пони в его подчинении. Когда Альдо Гуччи входит в свой магазин, Альфонсо знакомит нас. Широко

улыбаясь, тот обвиняет меня, что я потратила у него ровным счетом двадцать четыре тысячи долларов на сумки из крокодила, хотя они стоили всего пять тысяч. Несколько минут спустя довольный владелец возвращается с двумя платками в подарок, один – с лошадками, играющими в поло, и другой – с цветами, я до сих пор его храню.

В Венецию меня сопровождает дюжина чемоданов, загруженных разными ценными вещами. Я поселилась в люксе «Gritti Palace». Счастливая, пробегаю по городу, покупаю муранское стекло и бронзу для Таты, о чем попросил Пабло, и готовлюсь для съемок рекламы. Все продумано до последней мелочи, но работать на Гранд-канал – просто невозможно. Я блистаю в эффектном белом костюме с цветами от «Léonard», в большой широкополой соломенной шляпе и бирюзе с бриллиантами, идеально положив ногу на ногу. Каждый раз, как туристические корабли видят камеры, шесть или семь из них окружают нас, крича: «Актриса, сюда! Актриса!» – гид указывает на меня, и дюжина японцев наваливаются на нас, чтобы сфотографировать меня и попросить автограф. Сначала все это очень забавно, однако, после сотни сорванных дублей в течение трех дней, мы решили продвинуться дальше по небольшому каналу, к мостику, откуда молодой человек в средневековом костюме сбрасывает мне розу, которую я принимаю с улыбкой, награждая его воздушным поцелуем. Найти красивого юношу-блондина – очередная проблема, потому что в Венеции все живут за счет туризма, а гонорар белокурой модели – несколько тысяч долларов. В конце концов все получается, со временем мой венецианский рекламный ролик станет одним из самых незабываемых в истории колумбийской рекламы. Всю оставшуюся жизнь по вине моего незабываемого путешествия и высокого гонорара коллеги будут презрительно заявлять, что я была «всего лишь моделью». Злые языки Колумбии даже осмелятся заявить, что, пытаясь сократить издержки на билеты и отель, «Alas Publicidad» пришлось сконструировать большую часть Венеции над рекой Магдаленой!

Пабло звонил мне два раза в неделю, сообщая, что все в порядке и что обстановка немного успокоилась. Сегодня я возвращаюсь и не могу дождаться, когда увижу его, как мы растаем в объятиях, признаваясь, что очень соскучились. Еще мне нужно отдать ему подарки и рассказать, насколько великодушна жизнь и какие удивительные люди за границей. Там можно постоянно светиться от счастья, это не грех и не страшное преступление. Я знаю, он улыбнется в ответ с безграничной нежностью, гордо любуясь мной, ведь Пабло, как никто, понимает

и знает, сколько боли может причинить зависть.

Тем сильнее – после почти месячного отсутствия и предвкушения праздника и радости (для них было столько поводов!) – оказался гнев и ненависть владельцев пятисот гектаров земли, лишившихся ее в одночасье вместе с конфискованными то ли четырнадцатью, то ли семнадцатью тоннами «коки», продающейся на улицах США по сорок и пятьдесят тысяч долларов за килограмм, а еще – самолеты, сырье и все остальное! Откуда мне было знать, что «Транкиландия» принадлежала также и Пабло? На тот момент потери составили около миллиарда долларов – две тысячи пятьсот миллионов долларов на сегодняшний день.

Бомба, разорвавшаяся на следующий день после моего прибытия в Боготу, разносится по всей Колумбии, по всем выпускам новостей и ежедневным изданиям планеты, взрывается в моей голове – счастье разлетается на атомы, мои иллюзии разбиваются на куски, взрыв отдается в ушах, и мой мир мгновенно рушится, сны разнесены на осколки. Знаю: жизнь никогда не станет прежней, у меня уже не будет подобного бесконечно счастливого дня. То, что я любила больше всего на свете, умерло и обрекло нас на выживание. С сегодняшнего дня самый свободный человек на Земле вынужден будет вечно скрываться от правосудия, мой любимый мужчина станет обычным беглецом, пока его не арестуют или однажды ночью не убьют.

Почему в день, когда Пабло подарил мне «беретту», я не поняла, что он намеревается убить министра юстиции? Зачем я уехала в Италию, вместо того чтобы остаться рядом, приводя миллион аргументов, чтобы помешать ему совершить подобную глупость? Почему Пабло сплошь и рядом окружают недалекие люди, которые не видят последствий своих поступков, и наемные убийцы, беспрекословно подчиняющиеся ему, как будто он – Бог? За что ты меня так наказываешь, Господи, я ведь никогда никому не причиняла вреда? Почему жизнь так жестока, все так мимолетно и преходяще? Зачем нам суждено было встретиться? Он стал моим бременем, а у него уже была семья и женщины, компаньоны и политики, последователи и армия, в то время как у меня не было никого и ничего?

На похоронах Родриго Лары Бонии президент Белисарио Бетанкур объявляет о подписании договора об экстрадиции с Соединенными Штатами, который вступает в силу явочным порядком. Я снова и снова вижу на телеэкране лицо молодой вдовы Нэнси Лары, такое же заплаканное, как у меня. Пабло звонит мне два часа спустя, умоляя молчать, не перебивать и

запоминать каждое его слово:

– Ты знаешь, что они повесят этот труп на меня, поэтому я должен уехать из страны. Я буду очень далеко – не смогу писать и звонить тебе. С этого момента в Колумбии за тобой будут пристально наблюдать, не расставайся с пистолетом с рукояткой из слоновой кости, который я тебе подарил, повторяй все мои уроки, никому не доверяй, меньше всего – подругам и журналистам. Если кто-то спросит про меня, говори всем без исключения, что мы не виделись уже почти год, что я – в Австралии. Оставь подарки у девушки моего друга, потом пошлю кого-нибудь забрать чемоданы. Если не смогу вернуться в Колумбию, то сразу же пошлю за тобой, как только все успокоится. Вот увидишь, пройдет время, и все наладится. Помни, я люблю тебя всей душой, и буду скучать по тебе каждый день. До скорого, Вирхиния.

«Езжай с Богом, родной, езжай с Богом, любовь моя», – надрывно поет на прощание Конни Фрэнсис в песне, которая так трогала каждую клеточку моей души, сама не знаю, почему, еще с детства. Но как я могу посылать к Богу такого убийцу, зная: прежний идеалист умер, родился хладнокровный мститель; сознавая, что от популярного лидера ничего не осталось – вместо него появился безжалостный воин, не способный на сочувствие?

Знаю только, что я всего лишь беспомощная женщина, и с этого момента Пабло постепенно станет мне чужим, с каждым днем будет все меньше принадлежать мне, все больше отдаляясь, пока не окажется недосягаемым. А его стремление защитить себя сделает его еще более беспощадным, жажда мести будет намного безжалостней… Впредь каждый его труп коснется и меня, и эта ноша, возможно, – мое единственное предназначение.

Кокаиновый блюз

После убийства Родриго Лары Бонии происходят сотни задержаний и рейдов, самолеты, вертолеты, яхты и роскошные автомобили конфискуют. Впервые в истории Колумбии каждого в городе, кто водит «Мерседес» или «Феррари», задержат как подозреваемого; оскорбляя и грубо обыскивая, полиция в приказном тоне заставит водителя выйти из машины, на этот раз не поможет даже всем известная крупная взятка, повсюду армия. Колумбийцы, которые платят налоги, гордо утверждают, что страна наконец-то меняется, исчезнет коррупция. Больше терпеть уже было невозможно, имидж Колумбии опустился ниже некуда, страна уже стала похожа на Мексику. Крупные боссы в панике убегают, по слухам, куда-то в Панаму, вывозя свои деньги, чтобы гринго их не конфисковали. Всем уже известно: США вторгнутся к нам, чтобы построить морскую базу на побережье Тихого океана. Так как Панамский канал высыхает, нужно искать другие альтернативы, открыть Дарьенский пробел[104], построив Панамериканское шоссе от Аляски до Патагонии и еще одну военную базу на Атлантическом побережье, такую же, как Гуантанамо. Партизаны уже настолько сильны, что все соседние страны (какой позор!) говорят, что становятся похожими на Колумбию. Нация в огне, обстановка накаляется. Всем известно, что законопослушные граждане – за постройку обеих баз, а 60 % тех, кто против, – наркоторговцы или коммунисты.

За несколько недель моя жизнь превратилась в настоящий ад. Каждые полчаса звонит какой-нибудь незнакомец, не отваживавшийся высказать свои претензии Пабло. Слова на том конце трубки похожи на те, что Пабло шептал мне на ухо перед зеркалом в ночь с «береттой». Со временем я привыкаю к оскорблениям и угрозам, дни проходят в неведении, от Эскобара ничего не слышно. Я уже перестала плакать, становлюсь сильнее и думаю: так лучше, этот убийца не подходил мне. Пусть он остается в Австралии и растит овец, оставив в покое колумбийцев, самый хороший и трудолюбивый народ на свете.

Так как жизнь коротка, а в памяти остаются только прекрасные воспоминания, в подтверждение тому, что Пабло меня уже не волнует, я уезжаю в Рио-де-Жанейро и Сан-Сальвадор-де-Баия с Дэвидом Меткалфом, чтобы попробовать *мокека баиана*[105] и послушать Гал Косту[106], Каэтану Велозу[107], Марию Бетанию[108], Жильберту Жиля[109] и остальных гениев субконтинента, созданного на небе каким-то милосердным богом для тех, кому по душе земное наслаждение.

Мы пробегаем по бразильскому городу артистов и мудрецов, который недавно заиграл разными красками благодаря успеху фильма «Дона Флор и два ее мужа», с участием Сони Брага, у которой я не так давно брала интервью для одной из моих телепрограмм.

Дэвид выглядит потрясающе в своем курортном костюме, блейзерах с Сэвил Роу, в розовых, коралловых, желтых и песочных штанах, как на Палм-Бич. В прекрасном городе, наводненном разными чудесами, я дефилирую во всевозможных парео и бикини, которые купила в Италии, ощущая себя девушкой из района Ипанема, созерцая сияющий под небесами Лагоа, усеянный звездами ночного Рио-де-Жанейро. Я не танцую самбу, так как член клуба «White's»[110], высотой под два метра, на двадцать два года старше меня, возможно, и пил кайпиринью за кайпириньей, но наотрез отказывается танцевать самбу, сальсу, регги и вальенато «под все эти испанские мотивы», сочиненные латиноамериканцами моего поколения. На несколько дней я чувствую себя словно в раю. Наконец-то, пролив море слез из-за Пабло, оплакав нашу страну, я вижу, как жизнь снова улыбается мне.

Пару месяцев спустя все возвращается на круги своя. Говорят, что Организация американских государств[111] поддержала Колумбию в противостоянии экспансии США, потому что нам хватает и Гуантанамо, а две американских базы не способствуют стабильности полушария. Да и кто поддержит европейских экологов, если тропическая сельва Дарьена разрушается, в то время как империалистические интересы прикрываются риторикой свободной торговли! Вся страна без исключения: партизаны, студенты, рабочие, средний класс, буржуазия и обслуживающий персонал – радуется, что американцы остались с носом, и им не удалось воплотить задуманное в жизнь. Крупные предприниматели вновь возвращаются в страну, снова вставая во главе банков, сетей аптек и футбольных команд.

Кто как не Хильберто Родригес Орехуэла, почетный коллега Пабло, владелец десятка журналов, знает правду о том, что с ним происходит? Слава богу, Родригесы – не враги, а друзья бюрократической и политической элиты. Их руки не запятнаны кровью, они не пытают людей. Пусть и ходят слухи, что много лет назад они участвовали в похищении швейцарцев в Кали, но это было давно и неправда. Хильберто хранит свои деньги не в бочках под землей, в отличие от Пабло и El Mexicano, а в собственных банках, он не убивает министров, а приходится хорошим другом Белисарио Бетанкуру. Его называют «Шахматистом», потому что он обладает незаурядным умом, не как у серийного убийцы. В

Боготе Хильберто одевается не в бежевые льняные вещи, а в одежду темно-синего цвета, ходит не в кедах, как Педро «Наваха», а в ботинках от «Bottega Veneta», он похож на Джона Готти[112]. В последнее время мои сослуживцы шепчутся: когда владельцы «Транкиландии» понесли потери в миллиард долларов, Хильберто Родригес стал самым богатым человеком Колумбии.

Родригес все больше времени проводит в Боготе. Каждый раз, приезжая, он приглашает меня подняться в офис «Grupo Radial», чтобы я обо всем ему рассказала. Дескать, он простой человек из провинции и не особо в курсе происходящего в столице. Ясно, что Хильберто обо всем осведомлен, так как три его лучших друга – Родольфо Гонсалес Гарсия, Эдуардо Местре Сармьенто и Эрнан Бельтс Перальта – сливки колумбийской политической элиты.

Хильберто звонят все парламентарии долины Каука и большинство из других департаментов. Он разговаривает с каждым по десять-пятнадцать минут. Их имена проносятся мимо ушей, пока я наблюдаю за ним с дивана, стоящего напротив письменного стола. На самом деле Родригес хочет показать мне, что он элегантный, популярный и могущественный, покупает министров и сенаторов десятками, а мой любовник – простой беглец от правосудия, и сейчас уже не правит на колумбийском троне. Никому из тех, кто звонит и просит денег (которые являются единственным поводом для любого звонка), Родригес не отказывает. По его словам, своим друзьям он отдает сто процентов обещанного, а тем, кто против него, накидывает десять процентов. Тем, чью цену он уже знает, обещает, что оставшуюся часть пришлет позже. Президенту Альфонсо Лопесу Микельсену[113], которого Хильберто обожает, так как тот, по словам Родригеса, «самый потрясающий, совершенный и испорченный ум страны», он дарит билеты до Европы в первом классе. Президент Лопес и его жена Сесилия Кабальеро всегда путешествуют в Лондон, Париж и Бухарест, делая инъекции прокаина у знаменитого геронтолога Аниты Аслан, чьи пациенты славятся превосходным состоянием здоровья, бодростью и прекрасным внешним видом.

Хильберто истинный коммунист. Когда он был ребенком, его семья скрывалась от жестокости консерваторов родного города Толима (рисового и кофейного региона), обосновавшись в конце концов в сахарной долине Каука. В отличие от Эскобара и Очоа в Антиокье, в долине вся полиция и службы безопасности с армией принадлежат Родригесу. Мы с Хильберто обсуждаем все, но никогда не называем Пабло, даже если речь заходит о «Гернике» Пикассо или произведении Неруды «Новая песнь любви Сталинграду». Эскобар и Родригес – две противоположности.

Когда Пабло видит меня, у него в голове только одно – снять с меня одежду – восьмичасовые разговоры будут потом. Когда Хильберто смотрит на меня – наоборот: ему представляется лишь девушка Эскобара. А когда я смотрю на Хильберто, то думаю только о конкуренте Пабло.

Если Эскобар – вечная драма, то Хильберто – комедия, как заклинатель змей или коробка с сюрпризами. Одной ногой в итальянском ботинке – в нелегальном мире, а другой – в политической элите. Время от времени мы оба говорим на одном языке, нам не только нравится веселиться вместе. Богатый человек и знаменитая красавица, мы оба в курсе происходящего в стране, каждый уважает стремления и проблемы другого, сочувствие наше обоюдно.

– Как кому-то могла достаться такая красавица, королева, богиня? Ты заслуживаешь предложения руки и сердца, чтобы тебя каждый день задаривали подарками и навсегда забыли про остальных женщин! Подумать только, я уже женат… на ведьме! Это, как жить с Кидом Памбеле[114], каждый день получая удары кулаком, или с Пеле[115], что пинается по ночам! Моя королева, ты даже представить себе не можешь, каково ежедневно выносить эту бестию. Она приносит одни огорчения, а общество и другие банкиры ведут себя со мной как с изгоем. Слава богу, ты понимаешь меня. Богатые тоже плачут, не думай, что все так просто. А вот с тобой – словно в тихой заводи!

Ключевое различие Пабло и Хильберто – человек, которого я все еще люблю и по которому так скучаю, всегда знал, на что я способна. Пабло не задевает мой интеллект, он рассыпается в комплиментах только, когда видит, что я, страдая из-за него, совсем скисла, никогда не осмеливаясь признаться в этом. Он категорически не принимает поражений, ни от кого, даже от любимой женщины, не говорит плохо о своих союзниках – только о сторонниках Галана, его заклятых врагах. Всегда посылает на следующий день сто процентов обещанного товара и никогда не просит расписку, не болтает впустую и всегда бдителен, прежде всего потому, что нам обоим всегда чего-то не хватает. Мы стремимся, чтобы все было по высшему разряду: всего должно быть в тысячу раз больше, в избытке, по максимуму. Все в нашем мире: отношения, фразочки, разговоры – глобально, мы оба одинаково незатейливые и земные, мечтатели и карьеристы, невыносимые и ненасытные, но единственная проблема – два моральных кодекса, которые вечно противостоят друг другу. Я утверждаю, что жестокость эволюции до сих пор меня пугает, поэтому Бог Сын спустился на Землю, чтобы научить нас сочувствию. После продолжительной дискуссии убеждаю Пабло,

что настоящее должно длиться сто лет, ведь для главного персонажа в истории, подобного ему, очень опасно жить, постоянно руководствуясь традиционными определениями чего-то нереального, не пытаясь анализировать причины и предвидеть последствия. Мы с Пабло то и дело спорим, удивляем, подталкиваем и противостоим друг другу, оба возмущаемся, доходя до предела, возвращая другого к реальности, заставив его на мгновение почувствовать себя всемогущим земным богом, для которого нет ничего невозможного. Ничто в мире не льстит эго больше, чем встреча с кем-то своего уровня, при условии, что он противоположного пола, особенно когда один из двух, трепеща, заключает в объятия другого.

Однажды ночью Хильберто Родригес приглашает меня отпраздновать историческую победу «Америка де Кали», футбольной команды его брата Мигеля, любезного, серьезного и благородного человека, без намека на очаровательную хитрость, характеризующую его старшего брата. Инстинкт мне подсказывает: он также не страдает различными интеллектуальными исканиями Хильберто, в основном художественного или экзистенциального характера, скорее его ум занят историческими и политическими коллизиями, как у Пабло. Я беру интервью у Мигеля Родригеса, поговорив с ним пару минут, оцениваю его реакцию на мое присутствие. Уверена: разговорчивый Хильберто уже рассказал ему обо мне. Мы позируем для фотографов. Потом я знакомлюсь с детьми Родригеса от первого брака, все очень радушно меня принимают; при прощании он настаивает проводить меня до машины. Убеждаю: в этом нет необходимости, так как, увидев мой «Mitsubishi», семья Родригес зафиксирует победу, которой им недоставало.

– Какая прелестная у тебя машина, моя королева! – триумфально восклицает Хильберто, словно перед ним – Rolls-Royce «Silver Ghost».

– Не говори глупостей, это не карета Золушки, а машинка журналистки, колумбийской трудяги «Grupo Radial», и к тому же… думаю, пора тебе признаться… размеры моего сердца нельзя сравнить с гаражом, скорее – с ангаром. На самом деле… с тремя ангарами, а не одним.

– Ооооох! И кто же сейчас занимает этот тройной ангар, королева?

– Тот, кто на данный момент в Австралии и вскоре вернется.

– Как, неужели, ты не знала?! Он уже давно вернулся, а весь его флот теперь находится в единственном ангаре – полицейском?! И… когда ты собираешься в Кали, любовь моя?

Посмотрим, может, как-нибудь вечером мы наконец поужинаем вместе?

Отвечаю, что в Боготе есть рестораны еще с эпохи колониализма, но в субботу я как раз буду покупать антиквариат в Кали у моей подруги Клары, и прощаюсь.

До семи вечера в субботу я реву не переставая, потому что Клара уже узнала от соседки Беатрисы, сестры Пабло и подруги Хоако, что тот вернулся в страну, прямиком в джакузи с какой-то принцесской или надутыми моделями-близняшками, обкуренными марихуаной. Слава богу, Хильберто, кажется, – не по части лесбиянок или «Samarian Gold», выращиваемой семьей Давила, а также не беглец от правосудия. Он, бесспорно, законный и единственный король долины Каука, а я веду себя с королями, как с пешками. С ним мы уже провели двести часов, разговаривая и смеясь над божественным и человеческим, над политикой и финансами, музыкой и литературой, философией и религией. С первым глотком виски я прошу его наконец поговорить о реальном мире, поскольку он импортер сырья и почетный химик, а не заслуженный банкир или кто-то в этом роде:

– И какая же формула у кокаина, Гильберто?

Он говорит, что это удар ниже пояса, а потом широко улыбается:

– А ты, оказывается, мафиози, любовь моя! И неужели за все это время… у тебя не было интенсивных курсов? О чем же вы тогда говорили с австралийцем, считали овец, или как?

– Нет, о теории относительности, которую я объясняла Пабло шаг за шагом, пока в голове у него не закружились звездочки, и в конце концов он ее понял! И никогда больше не спрашивай меня об этом психопате. Кстати, я зареклась говорить о мужчине, которого любила, с другим. Итак – твой кухонный рецепт… Обещаю не продать его никому меньше чем за сто миллионов долларов.

– Да, он так и не смирился, что в этом бизнесе, как и вообще в жизни, иногда выигрываешь, а иногда проигрываешь. У одного украли двести килограммов здесь, триста там, и он смирился… А что еще делать? Пабло – напротив, каждый раз, когда у него крали пять килограммов, оставлял пять трупов! С такими темпами он покончит со всем человечеством!

Тогда Хильберто дает мне интенсивный курс химии: столько-то кокаиновой пасты, столько-то серной кислоты, перманганата калия, эфира, ацетона, и т. д., и т. п. Закончив, он говорит:

– Ну, любимая, раз уж мы оба говорим на одном языке… хочу предложить тебе абсолютно легальный бизнес, благодаря

которому ты станешь мультимиллионершей. Как у вас с Гонсало El Mexicano?

Отвечаю, что все крупные боссы уважают меня. Я была единственной телезвездой, присутствующей на форумах против экстрадиции. Рано или поздно такие связи будут стоить мне карьеры, поэтому я согласилась работать в колумбийской «Grupo Radial»:

– Это единственная страховка, которая останется, когда у меня заберут остальные программы… Моя главная беда – я всегда знаю, что будет потом.

– Нет-нет, Вирхиния! Даже не думай об этом! Такая королева, как ты, родилась не для того, чтобы беспокоиться о подобных глупостях! Знаешь, поскольку я все чаще бываю в Боготе, и Гонсало там живет, мне хотелось бы с твоей помощью убедить его, что после их поражения в Яри ему намного лучше работать с нами, крупнейшими импортерами химикатов в стране. Он ведь сообразительный. В Лос-Анджелесе миллион отчаявшихся мексиканцев, которые работают где придется, и это самые хорошие и честные люди на свете! Те, кто продает товар, принадлежащий El Mexicano, не крадут у него ни грамма, а твоему другу, господину из Майами, приходится работать со всяким отребьем: «мариэлитос»[116], убийцами, нарушителями закона и грабителями, которых Фидель Кастро отослал к гринго в 1980 году. С ними можно говорить только по-плохому, они буквально свели его с ума! Я не настолько честолюбивый, мне не нужно всегда и везде быть первым. Я довольствуюсь рынком на Wall Street и богачами из Studio 54[117], чего вполне хватит, чтобы прожить спокойно всю оставшуюся жизнь. Я делаю это ради детей, малышка…

Знаю, Пабло Эскобар, Густаво Гавирия, Хорхе Очоа и Гонсало Родригес мыслят и действуют как единый и твердый союз. И уж тем более сейчас, когда весь мир обрушился на них. Мой бизнес не связан с продажей химического сырья, но моя страсть – сбор, переработка, классификация и хранение всех видов полезной и не очень информации. Не упускаю идеальную возможность и назначаю встречу Гонсало.

El Mexicano принимает меня в загородной резиденции «Club Millonarios» – «Клуба миллионеров», его футбольной команды. Он выходит и просит меня подождать, потому что у него в офисе генералы, и он не хочет, чтобы они меня видели. Я гуляю по невероятно красивым садам с прудами, где плавают утки, провожу время, изучая, как ведет себя с ними и своими соперниками альфа-самец, терпеливо дожидаясь, пока все уйдут, и Гонсало освободится, чтобы поговорить со мной. Союзники

Пабло всегда были ко мне очень благосклонны. Мне нравится, как Пабло улыбается, когда я заявляю, что с его партнерами мы ладим намного лучше. Гонсало уже не может спокойно разговаривать, даже в своем офисе, потому что любой может подсунуть ему жучок. Он страшный человек, начавший свою карьеру с самых низов, с добычи изумрудов. Рядом с ним Пабло кажется герцогиней Альба[118]. Он на два года старше нас, с очень темными волосами, худой, ростом около метра семидесяти, молчаливый, расчетливый и очень скрытный. У него семнадцать имений на восточных равнинах Колумбии, граничащих с Венесуэлой, стоимость их меньше, чем у «Асьенды Наполес», но некоторые намного больше по площади. Как любой колумбийский землевладелец, El Mexicano категорически против коммунистов и до смерти ненавидит партизан, которые выживают за счет похищений и кражи скота. По этой причине армии в его владениях всегда оказывают радушный прием, с сочной телятиной на углях и новыми ботинками для солдат, у которых они все пробиты из-за нехватки бюджета. Когда я передаю ему сообщение Хильберто, Гонсало надолго задумывается, а затем отвечает:

– Не знаю, что там у вас с Пабло, Вирхиния… Не могу лезть в чужие дела, он ведь мой друг, но этот человек сходит по тебе с ума с тех пор, как вы познакомились. Лично я думаю: у Пабло не хватает смелости ответить за свои поступки после всего, что произошло. Но ты должна понять: удар, нанесенный нам, был огромен, такого никто не прощает… И это не могло сойти им с рук, нужно было заставить себя уважать.

Потом он рассказывает мне все, что произошло в Панаме, и объясняет, почему, благодаря экс-президенту Альфонсо Лопесу, все скоро наладится, добавив, что почти все их самолеты уже в безопасности в странах Центральной Америки. В таких ситуациях нужно иметь при себе главу управления гражданской аэронавигации. Я перечисляю угрозы, которые получаю ежедневно после смерти министра Лары, вспоминаю весь ужас, в котором живу, и он предлагает предоставить парней в мое распоряжение, чтобы отследить вызовы и убрать людей, портящих мне жизнь. Тогда я отвечаю, что трупов, что на совести Пабло, уже и так достаточно. К моему сожалению, предпочитаю быть жертвой палача, возможно, поэтому прекрасно понимаю тех, кто в нашей стране берет правосудие в свои руки. El Mexicano уверяет: я всегда могу рассчитывать на него, тем более когда Пабло не станет. Он всю жизнь будет благодарен за программу «Медельин без трущоб» и за мое присутствие на форумах против экстрадиции. Я отмечаю: его друг никогда не благодарил меня, на

что Гонсало, повысив голос, категорически отвечает:

– Пабло ничего не говорит тебе, потому что очень горд. После того как завоевал тебя, он чувствует себя королем мира! Он очень часто упоминал, насколько ты важна для него, о твоей верности. Этот человек действительно нуждается в тебе, Вирхиния. Ты единственная воспитанная и взрослая женщина в его жизни, умеющая поставить его на место. Или, думаешь, найдется кто-то еще из твоего круга, кто рискнет всем из-за такого бандита, как он, не прося ничего взамен? Сменим тему… Как ты можешь быть такой наивной? Неужели не знаешь, что Хильберто Родригес – самый хитроумный враг Пабло Эскобара? Как этот мерзавец может заставлять такую принцессу, как ты, проворачивать свои мафиозные дела? Если он хочет стать моим партнером, пусть испачкает руки в крови с «MAS», убивает похитителей и коммунистов и прекратит вести себя как великий господин, он такой же «восставший индеец», как все мы, почтальон из аптеки с велосипедом! В отличие от него, я знаю, где моя территория и кто мои союзники! Передай, сырья мне хватит до 3000 года. Такой ангел не должен влезать в подобные дела: они – для подонков, как Родригес, но с мужеством, как у Пабло Эскобара! Знай, я даже не заикнусь об этой встрече своему другу, но напомни Шахматисту: на свете нет ничего опаснее, чем втыкать бандерильи в Пабло Эскобара!

Гонсало прекрасно знает: я тоже ничего не расскажу Хильберто. Поблагодарив за уделенное мне время и доверие, я прощаюсь. Это был один из самых ценных уроков за последние годы. Самый могущественный «профсоюз» наркоторговцев разделен гораздо глубже, чем можно было представить. Но где бы ни был Пабло, самые стойкие всегда встанут на его защиту.

Никогда не понимала, почему Эскобар вызывает такую ярую преданность и почтение остальных мужчин. Я видела Гонсало три или четыре раза в жизни. Когда в 1989 году его убили, я знала: дни Пабло сочтены. Они говорят о нем как об очередном психопате, покончившем с левой партией, как об ужаснейшем монстре, произведенном когда-либо в Колумбии. Многое из вышеперечисленного – горькая правда, но ради правды я также должна признать: невероятно страшный и жестокий человек, который в восьмидесятые годы с помощью колумбийской армии и службы безопасности послал сотни душ из «Патриотического Союза»[119] и своих кандидатов в президенты на Небеса, обладал качеством, которое редко можно встретить в Колумбии, – мужским стержнем. Гонсало Родригес умел быть другом. «Гача» («бастард»), как его называли, намекая на «нечистую кровь», был самодостаточным человеком.

Возвратившись к себе в квартиру, я звоню Луису Карлосу Сармьенто Ангуле[120], сообщая, что президент его «Западного банка» в Кали категорически против пополнения счетов семьи Родригес Орехуэла, на данный момент самой богатой в долине Каука (с парой тысяч миллионов долларов и десятком легальных предприятий, среди которых – «Banco de los Trabajadores» – банк трудящихся, панамский «First Interamericas» и несколько сотен аптек).

– Что, чтоооооооо? – взревел самый богатый человек колумбийской правящей элиты.

Я снова еду в Кали к Хильберто, поскольку он уверен, что мой телефон прослушивается и за мной постоянно следят. Сообщаю, что у меня для него две новости: одна – хорошая, а вторая – плохая. Вторая – Гонсало поблагодарил за предложение, но сырья ему хватит еще до 3000 года.

– Так, значит, он велел сказать, чтобы я убирался к черту… И сделал вид, что сотрудничает с «пайсас», а не со мной, верно? Уверен, он назвал меня уродом, потому что я не состою в «MAS»… Как долго вы беседовали?

Отвечаю: около четверти часа, потому что El Mexicano был очень зянят. Хильберто восклицает:

– Не лги мне, моя королева. Не поверю ни за что. С таким кладезем информации, как ты, он точно проговорил как минимум три часа, даже если очень спешил! Никто не говорит с тобой всего лишь пятнадцать минут! Что еще он сказал?

– Ну, сказал, что прекрасно понимает вашу с Мигелем либеральность при убийстве коммунистов и уважает идеологические различия… Что ты, ты удивительный человек, сам понимаешь, что это значит… Но ему очень жаль передавать это через такую принцессу, как я. Однако хорошая новость – Луис Карлос Сармьенто не против, чтобы твои аптеки стали клиентами его банков! Я рассказала ему, что ты всегда выплачивал государственной казне все до последнего сентаво, и не из патриотических соображений, правда? Это очень понравилось ему как главному налогоплательщику страны. Моя скромная теория: чем больше магнатов платят реальные налоги, тем меньше будет их налоговое бремя. Однако проблема в том, что помимо вас, богатейших мужчин Колумбии, остальные, услышав это, завопят: «Изыди, Сатана!» – Сармьенто попросил передать, что примет тебя, когда тебе будет удобно.

– Ты действительно чудо-женщина! О такой невесте, наверное, можно только мечтать! Нет-нет, не невеста, ты рождена для более важных вещей, любовь моя!

– Да, я родилась, чтобы быть ангелом-хранителем, делая

одолжения и не прося ничего взамен, а не для того, чтобы заниматься сырьевым бизнесом, Хильберто. Я прекрасно осознаю, что никто не может хранить два миллиарда долларов в одном-единственном банке. Сейчас, когда ты на правильном пути, не вздумай связываться с «MAS» и моими друзьями «пайсас», никогда.

Чтобы отпраздновать сделку, мы идем танцевать на дискотеку «Мигель». Этой ночью Хильберто очень много пьет. Замечаю, алкоголь его преображает: он полностью теряет контроль над собой. Вернувшись в «Интерконтиненталь», Родригес настаивает на том, чтобы проводить меня до номера, я чувствую себя ужасно неловко, пока мы идем по вестибюлю, потому что все в Кали знают его и вся страна знает меня. Когда мы подходим к двери, он снова и снова пытается открыть ее сам, подталкивая меня внутрь. Дальнейшие события войдут в историю. Черные бандерильи, которыми пытались тыкать в Пабло Эскобара, спровоцировали Троянскую войну.

Несколько дней спустя Хильберто приезжает в Боготу, извиняясь за произошедшее, говоря, что ничего не помнит. Я, в свою очередь, подыгрываю ему, отвечая, что, слава богу, тоже абсолютно ничего не помню. Однако это неправда. Я, как савант[121], запоминаю даже самые незначительные события. В доказательство того, что я очень важна для него, Хильберто хочет взять меня с собой в Панаму, на встречу с экс-президентом Альфонсо Лопесом, спросив, знаю ли я его.

– Конечно. В двадцать два года Хулио Марио Санто Доминго уже усаживал меня за главный стол на предвыборной кампании с президентами Лопесом и Турбаем. А поскольку Пабло Эскобар тоже располагал меня за почетным столом на двух форумах по борьбе с экстрадицией, которые ты успешно пропустил, думаю, я идеальный вариант, чтобы сохранить эту встречу в тайне.

В Панаме я познакомилась с управляющими компаний Хильберто и его партнерами. Кажется, он созвал всех на этот конклав, нет только Альфонсо Лопеса Микельсена. Одна половина – десяток мужчин из среднего класса, а другие, кажется, эксперты по бухгалтерии и финансам. Я постоянно думаю: в окружении Пабло всегда говорят о политике, а люди, окружающие Хильберто, обсуждают только деловые вопросы. Последнее, что могло бы прийти мне в голову, – он пригласил их, чтобы выставить меня напоказ. Но точно знаю: вернувшись в Боготу четыре дня спустя, я вернусь к началу истории, которая станет преследовать меня следующие двадцать лет и будет стоить мне карьеры.

В мое отсутствие в студию «Хорхе Барон ТВ»[122],

продюсирующую «Звездное шоу», названивал кто-то и голосом точь-в-точь как мой сообщал, что я не смогу участвовать в запланированных съемках, потому что мое лицо ужасно изувечено лезвием бритвы по приказу жены Пабло Эскобара. Якобы она хотела забрать у меня огромный черный внедорожник «Nissan SUV», который ее муж мне подарил! Когда я вхожу на звукозаписывающую студию, лучась идеально бронзовым загаром, сияя в своем длинном платье, то слышу, как работницы и техперсонал шепотом обсуждают, что я только что прибыла из Рио-де-Жанейро, где на выходных сделала себе пластическую операцию. Знаменитый хирург Иво Питанги сотворил чудо, чтобы спасти мне лицо. С миллионами Пабло нет ничего невозможного. Вся страна наслаждается пересудами, меняются модели и раскраска машины, которую у меня отобрали (другие говорят о сказочной коллекции драгоценностей). Почти все мои коллеги-журналисты и дамы на публике уверяют, что мы с Иво так сдружились с тех пор, как в 1982 году мне прооперировали нос. Однако с ним я стала выглядеть «моложе и лучше, чем прежде».

Прошло много дней, пока я наконец поняла, что жестокий Шахматист убил двух зайцев одним выстрелом. Хотя меня избили, запинали и обезобразили только в фантазиях злобной и больной женщины, в рассказах журналистов «El Tiempo» и «El Espacio», сотен коллег, с которыми я никогда даже кофе не пила, миллионов женщин, убежденных, что молодость и красота покупаются на консультациях пластических хирургов, я стала главной героиней самых грязных скандалов. Невинная жена Пабло Эскобара – самой опасной и мстительной преступницей, а он – глупцом и трусом, который позволил, чтобы его подругу избили и лишили его подарков, в то время как он и пальцем не пошевелил, чтобы предотвратить случившееся и наказать виновных.

Однажды ночью, вернувшись домой после запуска ролика для рекламного агентства, где все, досконально меня изучая в течение пяти часов, пришли к выводу, что в моем длинном белом костюме от «Mary Mc Fadden», с собранными наверх волосами, я выгляжу гораздо лучше, чем две недели назад, войдя в квартиру, я удивляюсь, потому что в гостиной горит свет. Заглядываю в комнату, а там – он, смотрит мои фотоальбомы. Спокойный, ведь там я выгляжу такой непорочной и совершенной. Он такой радостный, словно и не убивал министра Лару, улыбчивый, как будто не было месяцев угроз пыток и изнасилований, и пятнадцати дней, когда я опровергала истории об избиении и обезображивании. Счастливый, словно и века не прошло с последней нашей встречи, сияющий, как будто из восьми

миллионов колумбийцев он был единственным претендентом на меня, ожидая, будто я стану его Пенелопой[123], жаждущей возвращения Одиссея. Будто я должна была лететь в его объятия, растаяв в них, как мороженое из маракуйи с кусочками черешни, только потому, что он каждый день мелькает в газетах и на обложках журналов с лицом киношного злодея, убийцы, психопата, экстрадируемого и беглеца из центральной тюрьмы Боготы!

Я сразу догадалась: он ничего не знает о мимолетной интрижке с Хильберто, в его взгляде нет ни малейшего упрека – только восхищение и абсолютное обожание. Пабло тоже сразу понял: я уже не такая, как прежде, но не удержался от искушения осыпать меня банальными комплиментами, до которых раньше со мной никогда не опускался – дескать, он не видел никого прекрасней меня, и даже представить не мог, что в длинном костюме, с собранными волосами, я могу блистать, как богиня, спустившаяся с Олимпа, и т. д., и т. п. С глубоким вздохом я отвечаю, что всю жизнь старалась так выглядеть и говорить еще лучше. Он признается, что, просматривая журналы, спрашивал себя: почему ни на одной из пятидесяти обложек я не сияю, как в жизни. Я сообщаю ему, что у колумбийских журналов нет финансов, чтобы заплатить Эрнану Диасу, гению фотографии с совершенным вкусом, поэтому журнал «Semana» ввел в моду ставить на обложки серийных убийц и превращать их в современные легенды.

Его лицо мрачнеет по мере того, как я без остановки продолжаю:

– Как там в Панаме с папой владельца журнала? Правда, что твой «профсоюз» отдаст самолеты и пути перевозки и станет вкладывать деньги в страну, если Белисарио Бетанкур отменит договор об экстрадиции? И как Альфонсо Лопес собирается контролировать инфляцию после того, как он впрыснет в экономику сумму, превышающую внешний долг страны?

– Кто рассказал тебе это? И кто в такое время названивает тебе каждые пятнадцать минут, Вирхиния?

Прошу подождать следующего звонка. Если повезет, прослушаем полную сагу о пытках. Своим самым убедительным тоном он отвечает, что мне не нужно беспокоиться: угрожать способна только кучка безобидных сторонников Галана. Я молчу, и Пабло быстро меняет тон и тему:

– Кому ты подарила вещи, которые привезла мне из Рима? Беатрис сказала, что ты ничего не передавала, и Клара тому свидетель.

Я изумлена и раздавлена.

– Этого мне только не хватало, Пабло! На этот раз мои тебе подарки стоили больше десяти тысяч долларов. Думаю, ты на самом деле знаешь, насколько я великодушна и честна, но если хочешь оспорить это, пожалуйста. Ну, что это за ужас, какое-то проклятие?! Подумать только, перед тем как поехать в Рим, я подарила каждой из этих ведьм тысячу долларов на покупки в «Сакс»! Они думали, что ты уехал навсегда… или что мы с тобой не будем разговаривать… Поскольку обе торговки, то украли твой чемодан, чтобы продать вещи и бронзу за какие-то гроши!

Пабло просит ради нашей безопасности ничего им не говорить. Никто не должен знать о его возвращении и о нашей встрече. Добавляя, что уже пора признать: у такой, как я, не может быть подруг. Такие, как Клара и Беатрис, способны на все за десять тысяч долларов. Внезапно Пабло открывает чемоданчик и рассыпает по квартире полтора десятка аудиокассет, сообщая, что это мои разговоры, записанные полицейским подразделением (F2), которое на него работает, но их нельзя послушать, потому что они исцарапаны. Видя, что я не удивлена, не обеспокоена, не верю ему и слишком устала, чтобы разозлиться как следует, он угрожающе интересуется:

– Кто муж той бандитки, что звонит в СМИ, утверждая, что моя жена тебя изувечила? Мы оба прекрасно знаем: звонили не сплетницы из «высшего общества» Боготы, а жена какого-то мафиози!

– Пабло, думаю, это «галанисты» (сторонники Галана)… Не принижай себя так. Моим любовником всегда был, есть и будет самый богатый мужчина в Колумбии, а не «какой-то мафиози»! Можешь попросить оригиналы у (F2), чтобы узнать, как его зовут. Рада, что ты хорошо доехал, – я уже пять часов выслушиваю изощренные оскорбления, замаскированные под лесть, и очень устала, доброй ночи.

Эскобар заявляет, что я больше никогда в жизни его не увижу. Молча я поднимаюсь в свою комнату, слыша, как за моей спиной спускается лифт. Чтобы не думать о событиях сегодняшней ночи, я ставлю кассету с любимыми песнями и бросаю в ванну всю соль, какую только нахожу. Закрыв глаза, думаю: удачно, что в последний раз он увидел меня в длинном платье, а не в пижаме, с поднятой прической, а не с бигудями в волосах. Интересно, зачем мне сдался какой-то бандит, такой же серийный убийца, как он? Уверяю себя: абсолютно незачем. Безусловно, только если бы я хотела, чтоб кто-то помог мне покончить жизнь самоубийством!.. Но почему тогда я так плачу, слушая песню Сары Вон[124] «Дым у тебя в глазах» («Smoke Gets in Your Eyes») и «Что-то» («Something») Ширли Бэсси?[125] Убеждаю

себя: все из-за того, что я не могу никому доверять и приговорена к абсолютному одиночеству, к жизни в окружении гадюк – именно это из себя представляют толстые журналистки, жены, которые вечно на диете, отверженные мужчины и пара воровок, которых я считала своими лучшими подругами.

Что-то тяжелое падает в ванну – всплеск! Я в ужасе открываю глаза, там, в облаках пузырьков и пены – «Вихри Линда I», самая красивая лодочка в мире, с парусами в полоску и надписью белыми буквами.

– Это твоя первая яхта, и если не скажешь имя этого мафиози, я сейчас же заберу ее у тебя! Нет, лучше утоплю тебя в ванне, точно… Жалко, что стена не позволяет мне сесть напротив, чтобы схватить твои ноги и поднимать их одновременно… медленно… очень медленно… чтобы ты не могла ничего сделать. Нет, тогда бы намокла элегантная прическа, а мы все хотим, чтобы на посмертной фотографии в «El Espacio», рядом с другими трупами, истекающими кровью, ты выглядела божественно, под заголовком, который бы гласил… ну, допустим… «Прощание с богиней!» Такой тебе нравится? Лучше, чем «Умершая по вине мафиози!» – или нет? Что будем делать, чтобы ты призналась, кто этот подонок. Уже не терпится разрезать его на куски, послать кого-нибудь искромсать лицо его жене, чтобы запомнила, что с моей любимой и женой лучше не связываться!

– Браво, Пабло! Так ее, эту бандитку! Эту сторонницу Галана мы будем искать вместе по всей Колумбии, чтобы сделать из нее фарш, правильно! Найдем заодно и любовницу этого типа! – восклицаю я, подняв кулаки вверх, не сдерживая приступ смеха, пробуя достать свой парусник.

В ярости Пабло забирает его у меня одной рукой, а другой хватает магнитофон, становится на колени рядом с ванной и говорит, что это не шутка. Он вернулся, чтобы убить меня электрическим током, хотя будет сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. А я думаю: этот человек напротив, с руками палача, в ужасе от того, что потерял меня, от того, что я с другим. Это прослеживается в каждой его черточке, в каждом жесте и выглядит комично и жалко. Мне кажется, в его взгляде я могу разглядеть то самое отчаяние, которое только он (из сорока людей) прочитал в моих глазах в день с водоворотом. Вдруг, сколько бы я ни говорила, что прошлое и будущее – единственное, что есть на самом деле, я понимаю: он один наполняет настоящим мое существование. Он единственный, ради которого я живу, в ком смысл жизни, кто оправдывает прошлые страдания и все, что еще придется пережить. Я дотягиваюсь до него, тяну за рубашку, обвиваю руками за шею и

говорю:

– Знаешь, Пабло, а почему бы нам не умереть от электрического разряда вместе… и мы с тобой отправимся на небо, раз и навсегда… навечно?

Эскобар начинает покачиваться, на минуту кажется, что он поскользнется и упадет в ванну с радио, лодочкой и всем остальным. За секунды он роняет их на пол, достает меня из воды, уверяет, что его примут только в аду, заворачивает в полотенце и начинает яростно вытирать, будто все это – сон. Я начинаю подпевать в такт звучащей песне «Лихорадка» («Fever») [126], одновременно переводя ее. Я восхищаюсь маленькими деталями игрушки моей мечты, говоря Пабло, что «Вихри Линда II» точно должна быть достойна девушки мафиози, размером, по крайней мере, сто футов в длину… Тогда мы попытаемся наверстать каждое мгновение потерянного настоящего. Фантазии его демона и ночные кошмары моего бедного ангела-хранителя сливаются с «Кокаиновым Блюзом» («Cocaine Blues») и другими песнями Джонни Кэша с концерта для заключенных в тюрьме Фолсом[127], которые я даже не собираюсь переводить. Кто бы рискнул сейчас спеть Пабло Эскобару на родном языке:

«Я застрелил парня в Рино, просто чтобы посмотреть, как он умрет».

Только не эта свинья, что богаче меня!

«Лучше могила в Колумбии, чем тюремная камера в США!» – кричат повсюду листовки и плакаты новоиспеченной повстанческой группы «Экстрадируемые»[128]. Хотя СМИ заверяют, что имена членов неизвестны, личности ее основателей, их занятия, состояние и мстительность прекрасно знакомы даже последнему дураку на деревне, в самом отдаленном муниципалитете или богом забытом уголке Колумбии. Объявление войны наркомафии новым министром юстиции Энрике Парехо, сторонником Галана, ударило, подобно грому. Через несколько дней после своего прихода на смену Родриго Ларе, Парехо подписал экстрадицию Карлоса Ледера и Эрнана Ботеро, банкира и главного акционера футбольной команды «Atlético Nacional». Министерство юстиции Северной Америки потребовало выдать его в связи с отмыванием более чем пятидесяти миллионов долларов. Ледер убегает из страны, а Ботеро экстрадируют, все футбольные матчи отменены в знак траура, а фотография, где его со скованными ногами и руками тащат агенты ФБР, становится символом националистической борьбы «Экстрадируемых».

Хильберто Родригес и Хорхе Очоа переехали с семьями в Испанию. Оба думают уйти на покой, вложив основную часть капиталов в Европе. Родригес будет очень по мне скучать и хотел бы скоро увидеться вновь. Для него я, возможно, единственная женщина-журналист, с которой можно спокойно поговорить о делах, коллегах и «профсоюзных» проблемах, будучи на сто процентов уверенным, что не произойдет утечки информации. Зная все тонкости его профессии, особенно в настоящий момент, последнее, что мне нужно, – способствовать или усиливать уже существующие разногласия двух группировок. Я прекрасно сознаю: в такой кульминационный момент любой неверный шаг может стоить мне жизни, поэтому отношения с ними строятся на добровольном кодексе чести, в лучшем стиле коза ностры. Заметно, что Хильберто уезжает с некой грустью, вызванной привязанностью или любовью с его стороны. Но ведь мы никогда не были влюблены друг в друга. Хотя я говорю ему, что тоже буду скучать по нашим долгим разговорам, на самом деле я никогда не прощу ту мимолетную интрижку, ужасно неосмотрительную для такого предприимчивого человека, как он.

В течение следующих месяцев мы с Пабло возвращаемся к былым радостным дням. Поскольку теперь каждая наша встреча требует тщательной подготовки, мы используем каждую минуту,

чтобы побыть наедине и насладиться мгновениями счастья. Самолеты, на которых я путешествую, арендованы. Только двое мужчин, встречающих меня в аэропорту, вооруженных складными винтовками «R-16», знают, что я встречаюсь с Эскобаром. Так как моя квартира – где-то в ста метрах от садов резиденции американского посла в Боготе, Пабло ужасно беспокоит, что департамент безопасности может следить за мной или я могу попасть в руки спецслужб. Поэтому, ради его спокойствия, я никогда не спрашиваю его пилотов или охрану, куда они меня везут. Наши встречи проходят ночью, в маленьких недостроенных домиках. Пабло всегда приезжает после нескольких часов пути по ужасным, грязным и ухабистым дорогам. По мере приближения к финальному пункту назначения я всюду замечаю наблюдательные вышки. Парни говорят, мы направляемся в один из множества загородных домов, которыми Пабло усыпал всю Антиокью. Поскольку мы всегда оказываемся на шоссе за пять минут, я заключаю: все устроено так, чтобы до невозможности усложнить маршрут, одновременно облегчив бегство Пабло в случае, если он попадет в засаду. Только потом я узнаю: многие из незаконченных построек перевезли из асьенды «Наполес». Это единственное место на Земле, где Пабло чувствовал себя в полной безопасности, там он подготовил тайники, которые стали бы его убежищем в ходе постоянных войн. Эскобар уже знал, а я предчувствовала, что это место станет его единственным пристанищем на оставшееся время.

Хотя мы не признаемся друг другу, но оба знаем: любая из наших встреч может стать последней. У каждой – некий привкус расставания навечно. Когда я вижу, как он уезжает, то надолго погружаюсь в бесконечную грусть, думая о том, что со мной станет, если его убьют. Я до сих пор надеюсь на уход Пабло из бизнеса, тогда ему удастся договориться с правительством Колумбии или с США. Я скучаю по Фаберу, секретарю, который почти всегда отвечал за передачу денег накануне моих поездок. Но Пабло объясняет: его верный служащий хороший, мирный человек, а ему сейчас необходимо жить в окружении молодых, бесстрашных парней, которые не боятся убивать, потому что уже не раз это делали. Двое людей, забирающих меня и привозящих обратно в аэропорт, каждый раз меняются. Мы все вооружены: я – с моей «береттой», Пабло – с пулеметом «MP-5» или немецким пистолетом, а парни – с пистолетами-пулеметами «Mini Uzi» и автоматами «R-15» и «AK-47», такие же используют партизаны.

Я всегда жду его в маленьком домике, в полной тишине. Пистолет и лицензия лежат в кармане. Слыша, как подъезжают джипы, я гашу свет и смотрю в окно, чтобы удостовериться, что

это не секретная полиция, департамент безопасности или армия. Пабло сказал: не важно, кто это будет, – я должна застрелиться перед тем, как меня станут допрашивать. Он не знает одного: я морально подготовилась застрелить его, если задержание будет происходить у меня на глазах, ведь я точно знаю: менее чем за двадцать четыре часа он окажется в камере, откуда никогда больше не выйдет. Предпочитаю лишить его жизни собственными руками, чем дожидаться экстрадиции.

Я спала, когда приехал Эскобар, как обычно, в сопровождении армии мужчин, которые незамедлительно испарились. Все вновь погрузилось в тишину, слышится только пение сверчков и шепот бриза среди листвы. Кажется, за исключением двух парней, которые привозят и увозят меня, никто из остальных пятнадцати или двадцати мужчин не догадывается о моем приезде. Из окна я вижу людей, которые потом станут знаменитейшими наемными убийцами – «sicarios», как их называют в Колумбии. СМИ и журналисты, которым платит Пабло, зовут их «Военное крыло Медельинского картеля». На самом деле его наемники – лишь маленькая банда убийц, родом из коммун или маргинальных кварталов Медельина. Они вооружены автоматами и пулеметами, они способны поднять еще сотню тысяч разъяренных парней, которые растут в атмосфере внутренней ненависти к элите. Эскобар их идол, символ борьбы с империализмом, они готовы исполнить любые его приказы, с тайной надеждой приобщиться к легендарному богатству «хозяина». У некоторых убийц ужасные лица, у других ангельские и улыбающиеся, как у Пинины[129]. У Пабло нет заместителей – он очень любит всех, но не доверяет никому. Ему известно: как бы хорошо ни платили наемнику, он всегда продаст свое оружие, информацию, сердце и душу тому, кто лучше заплатит, тем более при таком прибыльном деле, как у Пабло. Однажды Эскобар с ноткой грусти признается мне: узнав о его смерти, все, конечно, перейдут на сторону убийцы. Не раз он говорит:

– Я не обсуждаю свою «кухню» с бухгалтерами, а бухгалтерию с «поварами», не говорю о политиках с пилотами, а с Сантофимио о моих торговых путях, никогда не обсуждаю свою девушку с семьей или служащими и никогда не буду говорить с тобой о проблемах в семье или о заданиях парней.

«Финансовое крыло Медельинского картеля» – звучит как сложный комплекс банков и корпораций на Багамских островах, Большом Каймане или в Люксембурге, но это всего-навсего его брат, El Osito[130] Эскобар, мистер Молина, Карлос Агилар, по прозвищу El Mugre, несколько финансовых аудиторов, и еще парочка доверенных лиц, ответственных за упаковку пачек с

деньгами в бытовые приборы, отправляющиеся в Майами. Отмыть сто миллионов долларов – намного сложнее, чем засунуть их в двести морозильников, холодильников и телевизоров, отправив из США в Колумбию, где вошедшая в поговорку «любезность» таможенников облегчает процесс и избавляет от одного из худших пороков колумбийского государства: бюрократической волокиты. Излишне упоминать, что оформление документов – для честных глупцов. Кто сказал, что богатым нужно стоять в очередях, разбираться с бумагами, открывать чемоданы на таможне и ящики с товаром из-за границы, как будто они контрабандисты?

Из десяти крупных боссов только Хильберто Родригес, мечтающий, что его дети однажды будут признаны обществом как дети предпринимателя, а не наркоторговца, выплачивает все налоги своих легальных компаний до последнего цента и хранит деньги в банке. В случае Пабло и Гонсало эти организации служат только, чтобы легализовать покупки недвижимости, самолетов и других транспортных средств, декларируя их. Когда речь заходит о солидных суммах, контрабанде оружия, жирафов и роскошных игрушек, оба веселятся в компании местных банкиров и швейцарцев в имениях размером в две тысячи пятьсот и десять тысяч гектаров, со взлетно-посадочными полосами. Всем известно: бочки под землей придумали для хранения денег на собственной территории, чтобы достать их в чрезвычайной ситуации, не прося разрешения у какого-нибудь директора банка, потратив их на подкуп или протекцию. Лучше вооружиться на случай возможной войны, а также повеселиться от души, без необходимости постоянно отчитываться перед казной.

На тот момент бедный начальник полиции Боготы зарабатывал пять тысяч долларов в месяц, а бедный полицейский где-то в деревне, в лесу, – около двадцати или пятидесяти. Ему не светила пенсия по инвалидности, старости и смерти, он не забивал себе голову карьерным ростом и тому подобными глупостями. Районы, забытые центральным правительством на протяжении веков, начинают развиваться головокружительными темпами, в них теперь полно дискотек со светомузыкой и веселых девушек. Там демократично беседуют глава полиции и местный наркоторговец, капитан армии с начальником незаконного вооруженного формирования, народный мэр с партизанским фронтом.

В журналах из Боготы рассказывают сказки о том, как подобные типы убивают друг друга по политическим или военным, идеологическим или националистическим причинам, юридическим или судебным поводам. Хотя в действительности

это происходит, когда по пьянке местные мачо не могут поделить очередную фривольную красотку, или из-за «серых» финансовых сделок «на доверии», которые не заверяют у нотариуса. На юго-востоке страны пьют виски «Royal Salute», деревни наводняют «нарко-тойоты», а жители сельвы проводят время не хуже, чем на дискотеках «Пелусы» Окампо в Медельине или чем Мигель Родригес в Кали. Здесь, очевидно, намного веселей, чем в Боготе, где постоянно идет дождь, а люди сходят с ума от пробок, очередей в государственные учреждения, карманников, ворующих часы, сумки и серьги, от тысячи автобусов, выбрасывающих черный дым днем, а белый – ночью.

Еще один недостаток столицы – табу на наркотики. Богота – не сельва, это столица. Торговцев наркотиками общество не любит не потому, что они нарушают закон – кого это волнует! – а потому, что они вышли из низших слоев: черненькие, низенькие, страшненькие, вульгарные, все в цепях, золотых браслетах, с бриллиантовыми кольцами на безымянном пальце или мизинце. В Боготе, как и в любой уважающей себя метрополии, высшие слои общества поощряют употребление «горок» чистого кокаина, и уже начали пробовать базуко[131] и крэк[132]. С наркотиками происходит то же самое, что с проституцией и абортами: предлагать их или производить – предосудительно, но употреблять – очень даже приемлемо.

Тайная любовница «кокаинового короля», сердца и основателя «Экстрадируемых» практикуется в стрельбе с полицейскими из отделения Эль Кастильо. Все более элегантная, она появляется в президентском дворце, на коктейльных вечеринках в посольствах и на бракосочетаниях своих кузенов в Боготе и Кали, а также в клубах «Джоки» и «Колумбия». Когда в ее квартире в три ночи рушится раковина, и струи воды, вырывающиеся отовсюду, угрожают затопить дом, четыре пожарных машины прибывают менее чем за три минуты, устраивая ужасный шум. В резиденции американского посла воют сирены, соседи думают, что это снова налет. Тем временем она спасена от потопа и до 4.30 раздает автографы своим героическим спасителям, в плаще от «Burberry» поверх пеньюара.

Следующей ночью кто-то очень презентабельный увозит ее на ужин на своем автомобиле. Мужчина за рулем интересуется: что это за красные и черные свертки ткани на заднем сиденье? Она отвечает:

– У тебя безупречный вкус и тонкое чувство геометрии, поэтому я хотела услышать твое мнение о новом флаге JEGA[133], самой жестокой партизанской группы в городе за всю историю!

Инсайдеры знают: некоторые незаурядные, привлекательные

и влиятельные женщины в СМИ – девушки командиров «М-19». Но ни одна из них не распространяется об этом, потому что всех обучили методам пыток Святой Инквизиции. Мы стараемся держаться на расстоянии. В 1984 году в колумбийских СМИ работают очень красивые женщины, некоторые из высшего общества, но очень немногие по-настоящему храбрые. Мужчины – наоборот: журналисты, актеры или наискучнейшие дикторы, тщеславные архиконсерваторы, довольно некрасивые, из среднего или среднего низшего класса. Никому из этих женщин не приходило в голову завести роман с кем-то из них, но одного у этих мужчин точно не отнять, как и у моих приятелей из правления колумбийской ассоциации дикторов – красивые, насыщенные, профессиональные голоса, лучшие из всех испаноговорящих стран. Никто из коллег не спрашивает меня про Пабло Эскобара, я, в свою очередь, не интересуюсь командующими Антонио Наварро[134] или Карлосом Писарро[135], ибо понимаю, что после похищения Марты Ньевес Очоа «Экстрадируемые» и «М-19» должны смертельно ненавидеть друг друга. Понимаю, девушки рассказывают своим парням обо всем, как и я своему. Пабло немного посмеялся над историей с пожарными, но потом резко стал серьезным, встревоженно спросив:

– И где была «беретта», пока ты раздавала автографы двум десяткам мужчин в пеньюаре от «Монтенаполеоне»?

Отвечаю: в кармане плаща, который я накинула сверху. Он просит не обманывать его, потому что прекрасно знает: когда я в Боготе, то храню пистолет в сейфе. Обещаю, с этого момента буду спать с «береттой» под подушкой, но Пабло успокаивается только, когда я повторяю это несколько раз, осыпая его поцелуями. Хотя нас прозвали «Кока-Кола»: Эскобар поставляет ингредиент для продукта, а я его рекламирую, почти никто не знает об этом тайном периоде наших отношений. Желающих что-то выяснить я убеждаю, что последний раз видела Пабло уже сто лет назад. Никогда не интересуюсь, что он говорит, так как не рискую услышать в ответ то, что меня ранит. Эскобар думает, что женщины страдают гораздо больше, чем мужчины. Так оно и есть, но только во время войны, поскольку в повседневной жизни женщиной быть легче.

Мы всегда знаем, что нужно делать: заботиться о детях, мужьях, стариках, животных, о засеянных полях, саде и доме. С выражением, полным сочувствия к противоположному полу, я добавляю: «Быть мужчиной – гораздо сложнее, это каждодневный труд», чтобы лишить его хоть капли несчастного полового превосходства. Пабло восхищается только другими мужчинами.

Женщин, которых он действительно уважает, можно пересчитать по пальцам рук. Он бы никогда мне в этом не признался. Знаю, Эскобар подразделяет женщин на три категории: семья – единственные, кого он любит, хотя они жутко ему надоедают; красавицы, которым он всегда платит за развлечения и любовь на одну ночь, перед тем как распрощаться с ними из соображений безопасности; и остальные – «страшненькие» или «курицы», они ему скорее безразличны. Поскольку я принадлежу к другому роду семей, то особо не восхищаюсь им: невысокий, некрасивый, простоват, умом не тянет на профессора. В то время как я – настоящая женщина, способная рассмешить его, да еще и хороша собой. Я защищаю его ценой своей жизни, как «вооруженная пантера», общаясь с ним, как мужчины, в их же манере. Поскольку Пабло восхищается только храбрыми и уважает их, думаю, по шкале привязанностей, я у него – где-то вместе с Маргарет Тэтчер, безусловно, не как женщина, но на почетном пьедестале среди мужчин.

Самым священным для Эскобара после семьи являются союзники. Хотя он никогда бы в этом не признался, мне кажется, мужчины в его семье, за исключением кузена Густаво и El Osito, наскучили ему своей традиционностью. А вот друзья: Гонсало, Хорхе и безрассудный Ледер – намного увлекательнее. Такие же смелые, богатые, отважные и беспринципные гедонисты, как и он. Знаю, банда Хорхе Очоа, которого Пабло любит, как брата, ударила его ниже пояса. Возможно, он никогда уже не вернется в страну. За исключением Ледера, никого из них не потребовали экстрадировать. США до сих пор не располагают неопровержимыми доказательствами причастности Эскобара и его людей к наркоторговле. Однако ситуация очень скоро изменится.

Спустя пару недель идеального счастья Пабло признается, что должен вернуться в Никарагуа. Уверена, «сандинисты» приносят одни неудачи, поэтому стараюсь отговорить его, прибегая к любым аргументам, приходящим мне в голову. Говорю: будь они просто коммунистами, а он наркоторговцем, это еще куда ни шло, но они – заклятые враги «Дяди Сэма», пытающиеся подпитать коммунистическую идеологию миллионами «кокаиновых» долларов. Настаиваю, что гринго не волнуют марксистские диктатуры, пока они не представляют для них реальной угрозы или пока они бедные. Но обогатившиеся на торговле наркотиками соседи Фиделя Кастро со временем стали бы неприемлемой угрозой. Уверяю, что он не может рисковать жизнью, бизнесом и спокойствием из-за Эрнана Ботеро и Карлоса Ледера. Тогда Пабло обиженно отвечает, что, пока жив, разделит

с «Экстрадируемыми» и каждым колумбийцем, в частности, большим или маленьким, богатым или бедным, борьбу за их общее дело. Эскобар обещает скоро вернуться, тогда мы снова увидимся или окажемся в каком-нибудь уголке Центральной Америки, чтобы провести пару дней вместе. Перед тем как попрощаться, он снова советует мне быть очень осторожной с телефонами, подругами и его пистолетом. На этот раз, видя, как он отъезжает, я не просто грустна, но еще и ужасно взволнована тем, что Пабло одновременно заигрывает с ультралевыми и ультраправыми. Спрашиваю себя: кто из партизанских колумбийских групп связал его с «сандинистами»? Каждый раз, пробуя затронуть эту тему, я слышала в ответ, что узнаю это, когда придет время. Ответ приходит внезапно – озарением, и я понимаю, что ситуация гораздо опаснее, чем казалась на первый взгляд.

Его зовут Федерико Воган, их фотографии с Эскобаром и Родригесом Гачей, загружающими семь с половиной тонн «коки» в самолет на правительственной полосе в Никарагуа, разлетаются по свету. Один из пилотов организации, которую американцы окрестили «Медельинским картелем», попал в руки Колумбийского управления по борьбе с наркотиками, которое обещало помочь ему скостить срок до минимума, если пилот вернется в Никарагуа, как будто ничего не случилось. В самолете установили скрытые камеры, чтобы документально доказать причастность Пабло Эскобара и его партнеров к наркоторговле и представить колумбийскому правительству официальный запрос на его экстрадицию. Однако у американцев есть интересы поважнее, чем бросить Эскобара, Очоа, Ледера и Родригеса Гачу в камеру и выбросить ключ, – им нужно свидетельство того, что «Совет сандинистов» замешан в наркоторговле. Это бы оправдало военную интервенцию в регион, который быстро перерастает в угрозу для американцев. Там формируется объединение диктаторских, коммунистических, милитаризованных и коррумпированных правительств, которые рано или поздно могут спровоцировать всеобщий хаос и вызвать массовую миграцию в США. В Мексике «вечная» институционно-революционная партия (PRI)[136] объявила, что поддерживает Фиделя Кастро и некоторых ультралевых правителей мира. Эта страна с самой крепкой культурной идентичностью во всей Латинской Америке, «такая далекая от бога и такая близкая к Соединенным Штатам», становится основным транзитером наркотрафика, одновременно обогащая не только крупных ацтекских боссов и самую коррумпированную в мире полицию, но и вооруженные силы.

Недавно была написана первая глава дела «Иран-

контрас»[137], с фотографиями Пабло и Гонсало в Никарагуа. Тогда и наступил закат эпохи генерала Мануэля Антонио Норьеги в Панаме. Видя Пабло во всех ежедневных международных выпусках новостей, я благодарю Бога, что он не взял меня с собой в Никарагуа в первую поездку, после убийства министра Лары и уж тем более сейчас. Его речи все больше наполнялись антиамериканской и антиправительственной риторикой, и во мне затаился глубокий страх, что со временем человек, которого я люблю, станет одним из самых разыскиваемых преступников в мире. Хотя его большое преимущество – уникальная способность предвидеть будущее и находить действенные контрмеры, давая неприятелю яростный отпор, его худший недостаток – полное отсутствие смирения. Эскобар не признает и не исправляет ошибок, поэтому не может до конца осознать последствий своих поступков.

Однажды Глориа Гайтан сообщает, что заглянет с римским журналистом Валерио Ривой. Они приезжают ко мне домой с кинооператорами, включают необходимое освещение, почти не спрашивая разрешения, и журналист берет у меня интервью для итальянского телевидения, по окончании, упомянув, что продюсеры Марио и Витторио Чекки Гори[138], вместе с господином Дино де Лаурентисом[139], самые влиятельные в Италии, заинтересованы в съемке фильма о жизни Пабло Эскобара. Я обещаю ответить, как только Эскобар возвратится из Австралии, собираясь встретиться с Ривой и продюсерами в Риме, куда планирую скоро отправиться. Точнее – в Рим и Мадрид, потому что обещанные дни расставания уже плавно перетекли в два месяца, без единой весточки от Пабло. Я решила: на этот раз чаша переполнена, не буду надеяться, что он устанет от «уродливых типов в форме» или очередной принцессси, поэтому принимаю приглашение поехать в Европу с Хильберто Родригесом, который очень соскучился и не может разговаривать со мной по телефону. А кто еще в Мадриде обсудит с ним Пинью Норьегу и Даниэля Ортегу, Джозефа Конрада[140] и Стефана Цвейга[141], «М-19» и «ФАРК», Петра Великого и Тосканини, El Mexicano и партию PRI, его любимые произведения искусства, Софи Лорен и Ренуара, осужденного банкира Хайме Микельсена и Альфонсо Лопеса Микельсена, Кида Памбеле и Пеле, Белисарио Бетанкура и его жену-фурию, а также правильный способ приготовления спаржи? А с кем еще мне поговорить о Карлосе Ледере, пилоте Барри Силе[142], о ЦРУ и еще куче разных припасенных тем, обсуждая которые, обычный слушатель потерял бы ход мысли?

За пару дней до поездки я прохожу мимо «Raad Automoviles»,

которой владеет мой друг Тедди Раад. Мы с Анибалом Турбаем были свидетелями у него на свадьбе. Как и художник Фернандо Ботеро[143], декоратор Сантьяго Медина и продавец вертолетов и картин Байрон Лопес, семья Раад обогатилась, продавая предметы роскоши недавно появившимся нуворишам, в их случае – «Мерседесы», БМВ, «Порше», «Ауди», «Мазерати» и «Феррари». Спускаясь, я с удивлением рассматриваю некоторые предложения за четверть миллиона долларов и выше, интересуясь у Тедди: как часто он продает такие машины.

– «Мерседесы» раскупают ежедневно, Вирджи. Другой вопрос – заплатят ли мне! Кто скажет этим типам, что не даст им машину в кредит, если на следующий день после погрузки товара они приходят и скупают полдесятка? Смотри, вот едет один из наших лучших клиентов, Уго Валенсиа из Кали.

Уго – типичное воплощение мелкого мафиози, презираемого всей элитой и честными людьми Колумбии. Ему двадцать пять лет, у него наглый взгляд, очень смуглая кожа, его рост метр шестьдесят, на шее семь золотых цепей, четыре – на запястьях, а на обоих мизинцах – перстни с огромными бриллиантами. Он абсолютно уверен в себе, выглядит счастливым, броским и очень приятным. С момента встречи мы с ним отлично поладили, но еще больше симпатизируем друг другу после фразы:

– Вирхиния, ты невероятно элегантна! Едешь в Рим? Оказалось… мне срочно нужен кто-то с безупречным вкусом, чтобы убедить владельца Бриони послать портного с миллионом образцов ко мне в Кали и снять мерки, поскольку я хочу заказать двести костюмов и триста рубашек. Не обидишься, если я сразу дам тебе аванс в десять тысяч долларов за подобное беспокойство? И, кстати, кто снабжает тебя драгоценностями, в которых ты блистаешь на обложках журналов? Хочу накупить целую кучу для своих божественных девушек! Не таких, как ты, конечно…

Я с удовольствием соглашаюсь оказать ему услугу, пообещав привезти в подарок несколько пар обуви от Гуччи. А так как хочу, чтобы все были довольны, то забываю о краже чемодана Пабло и посылаю Уго к Карле и Беатрис, чтобы они помогли ему усыпать подруг бриллиантами и рубинами, заработав на этом небольшое состояние. Все очарованы Уго и его огромным эго. Мы дали ему прозвище El Niño[144]. Не остался в стороне и покоренный его состоянием молодой президент «Западного банка», который раньше считал «королей наркотрафика» из долины «грязными мафиози». Когда El Niño стал другом выдающегося банкира, тот решил, что для его панамского филиала Уго Валенсия – подходящий успешный предприниматель, а не «отвратительный

наркоторговец», как Хильберто Родригес, сотрудничающий с банками-конкурентами в Колумбии и Панаме.

Перед тем как уехать в Мадрид, я заезжаю в Рим, чтобы встретиться с Валерио Ривой и продюсерами Чекки Гори, которых нигде нет. Но претендент на роль сценариста фильма «Колумбийский Робин Гуд» приглашает меня на воскресный обед на даче Марины Ланте де ла Ровере[145]. По слухам, она была подругой президента Турбая, дяди Анибала, который теперь представляет Колумбию в качестве посла в Ватикане.

На следующий день Альфонсо Хиральдо в ужасе показывает мне одно из главных ежедневных изданий, комментирующих мое интервью, где Валерио Рива выставил меня в качестве «любовницы латиноамериканских магнатов». И пока мы снова идем за покупками по улицам Кондотти, Боргонона и Фратинья, мой близкий друг, убежденный католик, просит исповедаться ему во всех грехах:

– Любимая, скажи мне наконец, кто они? Если те четверо, которых я знаю, магнаты, то я – кардинал Брунея! Только не говори мне, что твой дружок, хозяин сотен пони и тысячи аппалуз вдруг оказался владельцем стада жирафов, десятка боевых слонов и собственной армии! Ты на пути к гибели. Мы должны срочно пойти пообедать с принцем. Есть у меня один друг, Джузеппе, его замок в Палермо снимали в фильме «Леопард»[146]. Там останавливается королева Изабелла, когда едет в Сицилию.

Смеясь, я заявляю, что обладаю даром Мидаса[147]. Это заметно по журналам со мной на обложке и по любимым мужчинам. Однако мои бывшие вошли в список пяти самых богатых людей Колумбии без моей помощи, благодаря своим заслугам. Успокаивая Альфонсо, я уверяю, что уже бросила дикаря с пони и зоопарком, в Мадриде меня ждет владелец двух банков, очередной мультимиллионер, выращивающий чистокровных лошадей и першеронов, семья которого, согласно «Forbs» и «Fortune», – на шестом месте среди богатейших семей мира.

– Лучше и не придумаешь, «Пончо»!

Он спрашивает: «Костюмы от Бриони – для банкира?» – элегантные мужчины всегда одевались на Сэвил-Роу.

– Нет-нет-нет, оставь английских портных «Солнечному» Мальборо, Вестминстеру и Хулио Марио. Это – всего лишь услуга, которую я обещала El Niño из Кали, новоиспеченному нуворишу с толпой пятнадцатилетних девушек. Он – полная противоположность непослушному жеребенку, которому была абсолютно безразлична роскошная одежда, золотые часы и «бабские» шмотки.

Когда я рассказываю управляющему Бриони о щедрости El Niño и сотен его коллег, о легендарной красоте женщин в Кали, слабости моделей к итальянцам, работающим в мире высокой моды, невероятно элегантных специалистах по производству сахара из долины Каука, дискотеках в Кали, где танцуют сальсу, и климате соседнего Пансе, у него глаза на лоб лезут. Он утверждает, что я – сама Дева, усыпает меня подарками и бронирует билет в первый класс компании «Alitalia» на следующее воскресенье.

Мы с Альфонсо и принцем Сан-Винченцо обедаем на террасе в «Hassler», откуда в полдень Рим кажется облаченным в золотистую ткань, плывущую по старинному городу, окутанному вечно розоватой дымкой. На входе в ресторан все веселятся: сестры Фенди[148] справляют день рождения одной из них. Интересоваться у сицилийского принца о коза ностре – то же самое, что спросить немца о Гитлере или колумбийца о Пабло Эскобаре. Поэтому я принимаю решение поговорить с Альфонсо и Джузеппе о Лукино Висконти и съемках «Леопарда». Когда, прощаясь, очаровательный принц приглашает меня проехаться в выходные по Эмилии-Романья[149], я отвечаю, что, к сожалению, в пятницу должна быть в Мадриде, поскольку на следующей неделе мне необходимо вернуться на работу.

В пятницу я ужинаю с Хильберто и Хорхе Очоа в ресторане «Zalacaín» – «Салакаин», в 1984 году – лучшем ресторане Мадрида. Оба при встрече светятся от счастья, узнав, что ради них я отклонила приглашение принца, и слушают мои истории. А я рада слышать, что они отошли от дел и думают вложить свои огромные капиталы в предметы роскоши: выращивание боевых быков, недвижимость в Марбелье и не собираются растратить их на гиппопотамов и тысячные армии наемных убийц, вооруженных винтовками «R-15». Имя конкурента Хильберто и союзника Хорхе совсем не упоминается, словно его и не было. Однако, по какой-то необъяснимой причине, тревожное присутствие Пабло нависло над скатертями, чувствуясь в этой сибаритской атмосфере. Материализовавшись, оно могло бы засунуть нас в ускоритель частиц и запустить ядерный синтез.

В выходные у нас на обед молочный поросенок рядом с крепостью Алькасар, в Сеговии. Хильберто указывает мне маленькое окошко на высоте сотни метров, откуда много веков назад у мавританской рабыни выпал из рук маленький принц – и в следующее мгновение девушка бросилась вслед за ребенком. Весь оставшийся вечер я грущу, думая об ужасах, происходящих в сердце бедняжки перед тем, как она бросилась в окно. В воскресенье люди Хильберто везут меня в Толедо, посмотреть на

«Погребение графа Оргаса» Эль Греко, одно из моих излюбленных произведений искусства в стране лучших художников на Земле. Мне снова грустно, даже не знаю почему. Вечером мы с Хильберто ужинаем вдвоем, и он интересуется моей карьерой. Я отвечаю: в Колумбии слава и красота вызывают лишь огромную зависть, которая почти всегда выливается в СМИ, заканчиваясь телефонными угрозами людей, охваченных злобой. Он признается, что безумно по мне скучал, ему очень не хватало женщины, с которой можно все обсудить, да еще и на колумбийском. Хильберто берет мою руку и говорит, что хочет всегда быть со мной, но не в Мадриде, а в Париже. Он безумно обожает «Город Света»[150] и никогда не думал, что, несмотря на скромное происхождение, ему удастся там побывать.

– Я не предлагаю тебе бесконечную страсть, но, раз уж мы так хорошо друг друга понимаем, то со временем могли бы влюбиться и даже подумать о чем-то более серьезном. Ты бы могла начать собственное дело, а выходные мы бы проводили вместе, что скажешь?

Честно говоря, такое предложение очень неожиданно для меня. Правда, мы хорошо понимаем друг друга, и дело не только в том, что центр Парижа, очевидно, в тысячу раз красивее любых фешенебельных кварталов Боготы, но и в том, что «Город Света» (во всех смыслах), находится на расстоянии световых лет от Медельина, «города вечной весны». Я медленно начинаю перечислять условия, на которых могу согласиться стать парижской любовницей одного из самых богатых мужчин Латинской Америки, не жертвуя при этом своей свободой. Поясняю: не хочу жить в квартире с маленьким автомобилем, так как могу выйти замуж за любого занудного колумбийского министра с пентхаусом, «Мерседесом» и охраной или за любого француза из среднего класса. Поэтому Хильберто должен баловать меня, как все богатые мужчины балуют представительных женщин, которыми гордятся на публике и еще больше – в узком кругу. Моя утонченность может без особых усилий наполнить его жизнь радостью, а изысканные знакомства будут очень кстати и откроют любые двери. Если бы нам удалось влюбиться, он бы каждый день, проведенный со мной, чувствовал себя королем, не заскучав ни на минуту. Если однажды Хильберто решит бросить меня, я заберу только украшения, а если я решу оставить его и выйти замуж за другого, то возьму исключительно свой модный гардероб. В Париже – это обязательное условие для жены человека, который хочет, чтобы его воспринимали всерьез.

С улыбкой, полной благодарности, поскольку никто в мире не смог бы предложить человеку с более чем миллиардом долларов

настолько разнообразные и щедрые условия, он отвечает: как только обустроится в Испании, разобравшись с инвестициями, мы снова встретимся. Сейчас самое сложное – перевести капиталы. Из-за проблем с моим телефоном он не сможет звонить мне. Прощаясь, мы надеемся очень скоро увидеться вновь. Хильберто рекомендует срочно забрать сбережения из «First Interamericas» в Панаме, потому что американцы давят на генерала Норьегу и в любой момент закроют ему доступ к банку, заморозив все активы.

Я последовала совету Хильберто незадолго до того, как это действительно произошло. Две недели спустя еду в Цюрих, чтобы обсудить его предложение с «Дельфийским оракулом». На самом деле оно меня очень удивило, и я хочу знать, что думает об этом тот, кто знает все правила игры международной элиты. Видя, как Дэвид Меткалф входит в наш люкс отеля «Baur au Lac» в сапогах от «Wellingtons», с автоматами и боеприпасами, я спрашиваю: как «террорист из клуба “White’s”» путешествует по миру, переодевшись в охотника на фазанов. Он смеется, услышав такое описание, и сообщает, что прибыл с охоты с королем Испании, очень приятным человеком, не таким снобом, как эти английские королевские особы. Когда я объясняю Дэвиду причины, по которым собираюсь принять приглашение Хильберто, он в ужасе произносит:

– Ты, должно быть, сошла с ума? Станешь содержанкой мафиозного дона? Неужели ты думаешь, что на следующий день весь Париж не узнает о том, как разбогател этот тип? Сейчас, дорогая моя, тебе нужно лететь в Майами или Нью-Йорк, получить работу на одном из телеканалов, вещающих на испанском!

Спрашиваю: как бы он себя чувствовал, если бы женщина, которая не перестает смешить его, говорящая с ним на одном языке, с миллиардом долларов, предложила бы содержать его в Париже, в собственном отеле, отделанном, как дом герцогини Виндзорской, с порядочным бюджетом на приобретение произведений искусства на «Сотбис» и «Кристис», «Бентли» с шофером, самым востребованным шеф-поваром, прелестнейшими цветами, лучшими столиками в роскошных ресторанах, билетами с вип-местами на концерты и в оперу, путешествиями мечты в самые экзотические места…

– Лаааадно… все мы люди! Я бы тоже все отдал за такое! – отвечает Дэвид с фальшиво-виноватым смешком.

– Понимаешь, ты, словно принцесса Маргарет, восхищающаяся бриллиантом у Элизабет Тейлор на пальце: «Он уже не кажется таким вульгарным, правда, ваше высочество?»[151]

Пока мы ужинаем в ресторане «Baur au Lac», под мостом, я

рассказываю: Хильберто владелец нескольких лабораторий, а я всегда мечтала о косметическом бизнесе в южноамериканском стиле. Добавляю: с моей целеустремленностью и авторитетом в вопросах красоты я точно смогла бы создать очень успешное предприятие. Предельно серьезно и немного грустно Дэвид отмечает: очевидно, мне известно, что делать с миллиардером, но этот господин точно никогда не узнает, зачем ему такая женщина, как я.

На следующее утро, за завтраком, Меткалф подает мне «Zeitung». Сам он читает исключительно лондонские «Times», «Wall Street Journal» и «The Economist».

– Видимо, это твои друзья? Не представляешь, как тебе повезло, дорогая!

Вот они, фотографии Хорхе Очоа и Хильберто Родригеса, во всех швейцарских, американских и английских газетах. Их с женами задержали в Мадриде и, возможно, экстрадируют в США.

Я прощаюсь с Дэвидом, сажусь в самолет до Мадрида и направляюсь в тюрьму Карабанчель. На входе спрашивают, как я связана с заключенными, – я представляюсь журналисткой. Мне не позволяют войти. По пути обратно в отель люди Хильберто сообщают, что я должна незамедлительно вернуться в Колумбию, до задержания испанскими властями с целью допроса с пристрастием.

Около шести полицейских и агентов спецслужб следят в аэропорту за каждым моим шагом. Я успокоилась только, когда села в самолет. Честно признаться, с шампанским «Rosé» все кажется не так трагично. И плакать в первом классе лучше, чем в экономе, а в утешение любой плачущей женщине – невероятно элегантный мужчина, подсевший ко мне, один в один, как «Агент 007» в первых фильмах о Джеймсе Бонде. Несколько минут спустя он предлагает мне платок, робко интересуясь:

– Что же ты так горько плачешь, красавица?

За следующие восемь часов необыкновенный сорокалетний мадридский двойник Шона Коннери[152] вкратце расскажет мне об экономических группах «March» и «Fiero» (самых крупных в Испании)[153], с которыми он работает. В мгновение ока я становлюсь знатоком в области финансовых потоков, акций, «мусорных» облигаций, недвижимости в Мадриде и Марбелье (в Пуэрто-Банус), а также в сфере строительных подрядов. Узнаю все о сестрах Копловиц[154], короле Испании, Каэтане де Альба, Хейни и Тите Тиссен[155], Фелипе Гонсалесе[156], Исабель Прейслер[157], Энрике Сарасоле[158], тореадорах, Альгамбре[159], глубоком пении фламенко[160], организации «ЭТА»[161] и последних гонорарах Пикассо.

Вернувшись домой, я проверяю автоответчики. Меня сто раз угрожают убить, кто-то по десять раз вешает трубку, звоня с номера, который знают только трое. Чтобы отогнать мысли об ужасном завершении моего путешествия, я решила поспать. Оставляю оба телефона включенными: возможно, появятся новости о Хильберто.

– Где ты была? – спрашивает голос по ту сторону трубки, который я не слышала уже почти одиннадцать недель. Его обладатель говорит с хозяйскими интонациями.

– Дай-ка подумать… – отвечаю я полусонно. – В пятницу была в Риме, в «Hassler», а потом ужинала с одним сицилийцем – с принцем, не с твоим коллегой. В субботу – в Цюрихе, в отеле «Baur au Lac». Консультировалась с английским лордом – не наркобароном, насчет моего возможного переезда в Европу. В понедельник приехала в Мадрид, в отель «Villa Magna», обдумывая и анализируя эту перспективу. Во вторник я плакала на пороге Карабанчеля, потому что уже не смогу переехать в Париж, как было задумано. Поскольку меня не пустили в тюрьму, в среду я уже летела в самолете авиакомпании «Iberia», восстанавливая силы, пила шампанское «Perrier Jouët», восполняя литры слез. А вчера, чтобы не удавиться от такой ужасной трагедии, всю ночь протанцевала с мужчиной, как две капли воды похожим на Джеймса Бонда. Я истощена и обессилена, пойду посплю дальше, пока.

У Пабло шесть или семь телефонов, по которым он никогда не говорит более трех минут. Произнеся «прием» и положив трубку, вскоре он снова перезванивает.

– Какая у тебя сказочная жизнь, принцесса! Хочешь сказать, что теперь, потеряв двух самых богатых мужчин, можешь пополнить свою коллекцию знатным дворянином или хорошим парнем?

– Да, и эти качества сочетает в себе один мужчина. Ведь мы с тобой уже давно разошлись, с тех пор как ты уехал жить в страну Сандино с какой-то принцесской. Я всего лишь хочу сказать, что день был слишком суматошный, мне ужасно грустно, и я хочу только одного – спать.

Он снова звонит около трех часов дня.

– Я уже договорился, чтобы тебя забрали. Если не захочешь по-хорошему, они вытащат тебя силой в пеньюаре. Помни, у меня твои ключи.

– А у меня пистолет с рукояткой из слоновой кости, я их пристрелю и заявлю, что это была самооборона, пока.

Пятнадцать минут спустя, уже прибегая к обычному, убедительному тону, Пабло говорит, что одни его очень

влиятельные друзья хотят познакомиться со мной. Произнеся наш секретный пароль, состоящий из чисел и имен животных в его зоопарке, он дает мне понять, что хочет представить меня Тирофихо[162], главе «ФАРК», и другим партизанским командирам. Я отвечаю, что все: бедные и богатые, левые и правые, элита и бедняки мечтают познакомиться с телезвездой, и вешаю трубку. Но пятым звонком Эскобар намекает: они с партнерами активно сотрудничают с испанским правительством, чтобы его лучший друг и «мой любовник» отправились не в США, а в Колумбию, и хочет рассказать мне все подробности лично, потому что по телефону нельзя. Тогда я решила – месть должна быть сладка:

– Он не мой любовник, но почти им стал. Я над этим работаю.

Тишина по ту сторону трубки подтверждает, я попала в точку. Пабло предупреждает:

– Там льет как из ведра, возьми свои резиновые сапоги и пончо, ок? Это не Париж, любовь моя, а сельва.

Предлагаю ему перенести встречу на следующий день, я слишком устала после долгого перелета и не хочу промокнуть.

– Ну уж нет. Я видел, как ты купалась в реке, в водовороте, в море, в болоте… в ванне, в душе, в слезах… – сейчас немного чистой воды тебе не повредит, принцесса, до вечера.

Думаю, ради знакомства с Тирофихо нужно брать с собой не пончо, а парку от «Hermés», набросив шарф и захватив сумку от «Вуитон», и охотничьи сапожки от «Wellingtons». Только не ботинки в военном стиле, чтобы не показаться коммунисткой. Посмотрим, как ему это понравится.

Никогда не была в партизанском лагере, он похож на пустыню. Только где-то очень далеко, в сотне метров отсюда, слышится радио.

– Должно быть, партизаны рано ложатся. Им нужно вставать ни свет ни заря, чтобы красть скот, хватать полусонных *secuestrables*, забирать у Пабло «коку» до рассвета, пока не приехала полиция. Старики, опять же, встают рано. Тирофихо, должно быть, уже где-то шестьдесят пять лет…

Два незнакомца оставляют меня у маленького недостроенного домика и испаряются. Сначала я решила осмотреться, держа руку в кармане парки, удостоверившись: здесь и правда никого нет. Маленькая белая дверь совершенно обычная, из тех, что запирают на навесной замок. Войдя, я вижу комнату – где-то двенадцать-пятнадцать квадратных метров, дом построен из кирпичей, цемента и пластиковой черепицы. Вечереет, здесь холодно и темно, но мне удается разглядеть матрас на полу,

подушку, которая кажется совсем новой, и коричневое шерстяное покрывало. Я осматриваюсь, вижу радио, фонарик, рубашку, маленький пистолет-пулемет, висящий напротив, и потушенную керосиновую лампу. Когда я наклоняюсь к столику, чтобы попытаться разжечь ее своей золотой зажигалкой, из тени позади выпрыгивает человек, крепко хватая меня за шею правой рукой, словно хочет ее сломать. Потом левой рукой обхватывает за талию и прижимает к себе.

– Смотри, я сплю почти под открытым небом! Видишь, как живут борцы за правое дело, пока принцессы путешествуют по Европе с их врагами! Посмотри хорошенько, Вирхиния, – говорит Эскобар, отпустив меня и зажигая фонарь, – это не отель «Ritz» в Париже, а последнее, что ты увидишь в своей жизни!

– Ты сам решил так жить, Пабло. Как Че Гевара в боливийских джунглях, только у него не было трех миллиардов долларов. Никто тебя не заставлял, а мы с тобой уже давно расстались! Сейчас же скажи, чего ты от меня хочешь и почему в такой холод ты без рубашки? Я пришла не для того, чтобы провести с тобой ночь, и уж тем более спать на этом матрасе с клещами!

– Ясно, что ты пришла не спать со мной. Сейчас узнаешь, зачем ты здесь, родная. Жена босса не наставляет ему рога с врагом на глазах у друзей.

– А известной диве не наставляют рога с моделями у всех на виду, и прекрати уже звать меня твоей женой, я не Тата!

– Итак, моя дива, если сейчас же не снимешь тысячи долларов, навешанные на тебя, я позову своих парней, и они сдерут их, разрезав ножами.

– Давай, Пабло, смелей, это единственное, чего тебе не хватало! Убей и сделаешь мне огромное одолжение. Если честно, жизнь меня никогда особо не прельщала, и я не буду по ней скучать. А если обезобразишь меня, ни одна женщина больше никогда к тебе не приблизится. Давай, где там твои двести человек? Зови их, чего же ты ждешь?!

Он срывает с меня парку, разрывает блузку, бросает на огромный белый матрас в синюю полоску, трясет, как тряпичную куклу, так, что у меня перхватывает дыхание, и начинает насиловать, крича и рыча, как хищное животное:

– Однажды ты сказала, что променяешь меня на другую свинью, такую же богатую, как я… Но почему ты выбрала этого… именно этого? Хочешь, поведаю, что я сказал о тебе своим друзьям? Завтра же этот жалкий каторжанин узнает, что ты вернулась ко мне на следующий же день после того, как оплакивала его! А в тюрьме такое перенести еще сложнее! El

Mexicano во всем мне признался пару дней назад. Я прослушал пленки полицейской службы F2 и спросил, зачем ты ему звонила. Он не хотел признаваться, но пришлось. Я не мог поверить, что этот гадкий тип послал тебя к моему компаньону… тебя… мою девушку… втянул мою принцессу в свои грязные дела… мою прекрасную принцессу… А эта ведьма, мафиози, звонившая на радиостанции… – его жена, правда, любовь моя? Как же я сразу не догадался! Кто же еще это мог быть, как не она? Пока я был готов умереть за них, уничтожая свою душу, этот трусливый карьерист стремился украсть мою девушку, моего лучшего друга, моего компаньона, мои земли и даже моего президента!

Забрать тебя с собой в Париж… Как вам это нравится? Если бы он не был в тюрьме с Хорхе, я бы заплатил испанцам, чтобы они отдали его гринго! Ты даже представить себе не можешь, как я тебя ненавижу, Вирхиния. Все эти дни я мечтал убить тебя! Я тебя обожал, а ты все испортила! Почему я не позволил тебе утонуть? Вот что чувствуешь, когда задыхаешься, – почувствуй это сейчас! Надеюсь, тебе понравится, родная, потому что сегодня ты точно умрешь у меня на руках! Посмотри на меня, хочу видеть, как это божественное лицо испускает последний вздох в моих объятиях! Умри, сегодня ты отправишься со мной в ад, телом и душой!

Снова и снова вдавливает подушку мне в лицо, закрывает нос пальцами, а рот руками, стискивая шею. Этой ночью я узнаю все возможные варианты удушения, делая сверхчеловеческие усилия, чтобы не умереть и не испустить ни единого жалобного стона. На мгновение мне кажется, что я вижу свет в конце тоннеля, как умирающие, но в последний момент он возвращает меня к жизни, позволив глотнуть воздуха. Все это время слышится его голос, все более отдаленный, требующий, чтобы я кричала, умоляла и упрашивала сохранить мне жизнь – но я не отвечаю на вопросы, не говорю ни слова и не смотрю на него. Пабло приходит в бешенство. Внезапно я прекращаю сражаться и страдать, уже не знаю, жива ли или мертва, меня уже не волнует толстый слой вязкой и скользкой жидкости, объединяющей и разделяющей нас: его ли это пот, или влага от слез… И когда я уже почти потеряла сознание, а он закончил наказывать и оскорблять, пытать, унижать, ненавидеть и любить меня, мстить за другого мужчину, за весь этот ужас… Внезапно откуда-то доносится его голос, ни близкий, ни далекий:

– Ты ужасно выглядишь! Слава богу, я больше никогда тебя не увижу. С сегодняшнего дня у меня будут только молодые девочки и шлюхи! Мне нужно уладить нюансы насчет твоего отъезда, вернусь через час. И не дай бог ты не будешь готова,

прикажу выкинуть тебя в джунгли прямо так.

Начиная приходить в себя, я смотрюсь в зеркало, убеждаясь, что все еще существую. Интересуюсь: изменилось ли мое лицо, как в ночь, когда я лишилась девственности? Да, я ужасно выгляжу. Знаю, дело не в коже или лице, а в моих слезах, в его бороде… Когда Эскобар вернулся, я уже почти полностью пришла в себя, мне даже показалось, что я увидела проблеск вины в его мимолетном взгляде. За это время я решила: раз уж сегодня попрощаюсь с ним навсегда, последнее слово останется за мной. Мысленно я приготовила прощальную речь, которую не сможет стереть из памяти ни один мужчина на свете, тем более тот, ежедневная цель которого – быть самым мужественным двадцать четыре часа в сутки.

Эскобар медленно входит и садится на матрас, упершись локтями в колени, обхватывает голову руками, этот жест все мне объясняет. Я тоже могу его понять, но, запоминая почти все, что слышу или чувствую, я ничего не могу забыть. Может, мне бы и хотелось, но я знаю, что никогда его не прощу. Сидя на офисном стуле, наблюдаю за ним сверху, закинув ногу на ногу, так, что левый сапог лежит на правом бедре. Опершись о стену, он смотрит в пустоту, я тоже. Думаю: любопытно, что взгляды безумно любивших и глубоко уважавших друг друга мужчины и женщины всегда составляют идеальный угол в сорок пять градусов, когда оба готовятся сказать: прощай. Они никогда не посмотрят друг на друга в упор. Поскольку месть подают холодной, я решила выбрать самый нежный тон, интересуясь новорожденным ребенком:

– Как там твоя Мануэлита, Пабло?

– Она самая красивая на свете, но ты не имеешь никакого права говорить о ней.

– А почему ты дал твоей дочери имя, которым когда-то хотел назвать меня?

– Потому что ее зовут Мануэла, а не Мануэлита.

Восстановив самоуважение, я уже не боюсь потерять его, потому что сегодня он потерял меня. Я напоминаю Пабло цель своего визита:

– Правда, что вы сотрудничаете с Энрике Сарасолой, чтобы заключенных выслали в Колумбию?

– Да, но это не дело прессы, а частные проблемы моего «профсоюза».

Задав пару вопросов из вежливости, я начинаю атаковать, как и планировала:

– Знаешь, Пабло? Меня учили, что у честной женщины из ценностей должна быть только шуба. А единственный раз, когда я

что-то себе купила на заработанные деньги, был уже пять лет назад.

– Ну, у моей жены есть целые холодильники с шубами, а она намного честнее тебя. Если ты думаешь, что в такой ситуации я подарю тебе шубу, ты сумасшедшая! – восклицает он, удивленно поднимая голову, смотря на меня с абсолютным презрением.

Как будто это был именно тот ответ, которого я ожидала, я продолжаю:

– И кому-то не помешает узнать, что у честного человека не должно быть больше одного самолета… Поэтому, Пабло, я никогда больше не влюблюсь в мужчину с авиакомпанией, они ужасно жестоки.

– Знаешь, дорогуша, таких немного. Или, не знаю… сколько нас там?

– Трое, или ты думал, что ты единственный? Опыт показывает: для магната самое ужасное – быть брошенным ради соперника. Он будет постоянно мучиться, представляя женщину, которую любил и которая любила его… в постели с другим… как она смеется над его недостатками… над его ошибками…

– Вирхиния, неужели ты все еще не поняла, что именно поэтому мне так нравятся невинные девушки, – отвечает Эскобар, бросая на меня победоносный взгляд. – Я никогда об этом не упоминал, но я их так люблю, потому что у них нет магнатов или кого-нибудь еще, с кем можно сравнивать.

Глубоко вздохнув, примирившись с его словами, я беру свою дорожную сумку и встаю. Потом, как Манолете[163], готовый убить быка в затылок одним аккуратным ударом, с расчетливой точностью, тоном, который я так хорошо мысленно отрепетировала, я говорю Пабло Эскобару то, что, уверена, ни одна другая женщина не осмелилась бы сказать и не скажет ему за всю жизнь:

– Вот увидишь, таких, как я, тоже немного, дорогой. Всегда хотела сказать, не боясь ошибиться, – тебе нравятся девочки не из-за того, что они не сравнивают тебя с другими магнатами… а из-за того, что они никогда не сравнивают тебя с… секс-символом, каковым ты не являешься. Прощай, Паблито.

Я даже не удосужилась дождаться его реакции. Выходя из этого ужасного места, чувствую радость, которая ненадолго сменяет сдерживаемый гнев, смешивающийся с каким-то необъяснимым чувством свободы. Пройдя почти двести метров под первыми каплями дождя, я различаю Агилара и Пинина, как всегда встречающих меня с улыбкой. За моей спиной слышится характерный свист «хозяина». Представляю его жесты, как он приказным тоном инструктирует шестерых мужчин,

ответственных за сложный процесс возвращения меня домой. На этот раз он не сопровождает меня, положив руку на плечо, не целует на прощание в лоб. До тех пор, пока не пришла домой, я не отпускаю «беретту», лежащую в кармане. Только положив ее на место, я понимаю: это единственное, что Пабло у меня не отнял.

Несколько дней спустя «Профессии людей», одна из самых нашумевших программ колумбийского телевидения, посвящает мне целый час, рассказывая о жизни телеведущей. Я прошу ювелира одолжить мне самые броские драгоценности, а в ходе интервью высказываюсь против экстрадиции. Как только выпуск заканчивается, звонит телефон, это Гонсало El Mexicano. Хочет поблагодарить меня от всей души от имени «Экстрадируемых», заявляя, что я самая храбрая женщина в его жизни. А на следующий день звонит Густаво Гавирия, восхваляя мою смелость, примерно в тех же эпитетах, что и предыдущий собеседник. Отвечаю: это меньшее, что я могла сделать из-за простой солидарности с Хорхе и Хильберто. Директор утверждает: программа вызвала крупнейший резонанс за весь год, но ни Пабло, ни семья Очоа, ни Родригес Орехуэла не говорят ни слова.

* * *

Хорхе Барон сообщает о решении не продлевать мой контракт на «Звездном шоу» на третий год. Он, как и остальные, объясняет, что публика смотрит его шоу ради певцов и не хочет видеть меня на экране. Средний рейтинг программы – 54 %, самый высокий за всю историю колумбийских СМИ, потому что в стране до сих пор нет кабельного телевидения. Передачу смотрят в разных странах, и хотя мне платят всего тысячу долларов в месяц, а эта сумма уходит только на гардероб, она приносит еще несколько тысяч при запуске рекламных роликов. Я предупреждаю Барона: он может забыть о международном рынке. Так и вышло, за несколько недель зарубежные каналы расторгают с ним контракт, но он компенсирует потери, присоединившись к бизнесу футбольных предпринимателей его родной Толимы, где крутятся миллионы долларов. Со временем им заинтересуется генеральный прокурор Колумбии. В 1990 году мне позвонят и попросят дать показания в деле против Хорхе Барона и его нелегального обогащения, но под присягой я смогу лишь сказать, что за всю жизнь мы разговаривали ровно десять минут. Потом у меня попытаются узнать о наших романтических отношениях с Пабло Эскобаром – я раз и навсегда заявляю, что нас связывали исключительно

дружеские отношения и политика. Барон сообщил о расторжении моего контракта, его студия не в состоянии выплачивать мне тысячу долларов в месяц. Я прекрасно понимаю: этот ничтожный, бездарный директор не собирался пожертвовать североамериканскими зрителями ради ничтожной экономии – просто его новые партнеры потребовали мою голову на блюдечке.

Благодаря ужасным событиям 1984 года я в какой-то степени стану инициатором длинной и сложной череды исторических процессов, чьи главные герои под конец окажутся в могиле, в тюрьме или обанкротятся. А все по вине кармы и причинно-следственного закона, к которому я всегда прислушивалась с благоговейным трепетом. Возможно, с тем же восхищением или ужасом мой любимый суфийский поэт XIII века[164] превосходно описал всего в нескольких словах свое глобальное видение преступления и воздаяния, потрясая безупречным выражением абсолютного сострадания:

> Сорвав ириса лепесток,
> звезду заставишь покачнуться.

Под небом асьенды «Наполес»

Этот самолет вмещает в себя одиннадцать самолетов Пабло Эскобара. Человек, спускающийся по трапу в сопровождении экипажа и четырех молодых пар, похож на императора. Ему 65 лет, он вышагивает так, словно владеет всем миром, и несет на руках малыша.

Сейчас начало 1985 года. Из аэропорта Боготы мы с двумя дюжинами людей, приглашенными в Майами и Каракас, отправляемся на презентацию произведения «Любовь во время холеры» Габриэля Гарсии Маркеса, недавно удостоенного Нобелевской премии и премии «Мастер мировой литературы». Книгу издала венесуэльская группа «Блоке де Армас»[165]. Как гости ее колумбийского филиала мы беседуем с местными руководителями гиганта латиноамериканской прессы, которые поедут с нами, а также с теми, кто просто пришел поприветствовать шефа. Армандо де Армас издает большинство книг, опубликованных на испанском языке. Ему принадлежат десятки журналов, а также ежедневные газеты и радиостанции в Венесуэле. Этот малыш на руках – не внук, а последний из множества детей. Его мать, кажется, осталась в Каракасе.

Уже в самолете Де Армас узнает, что я – самая известная телеведущая Колумбии. Издание журнала «Cosmopolitan» со мной на обложке раскупили в первый же день. Незадолго до взлета Армандо отлучается поговорить по телефону. Вернувшись на место, он смотрит на меня, и я моментально понимаю, о чем именно его предупредил какой-нибудь прилежный служащий, оставшийся на земле. Очевидно, этот мужчина, на тридцать лет старше меня, ничего не боится. Ни одна женщина, особенно такая знаменитость, как я, полетев на пять дней в Майами и Каракас, с тремя чемоданами, в костюме за три тысячи, аксессуарами из крокодила за пять и драгоценностями за тридцать или сорок тысяч долларов, определенно, не осмелилась бы взять с собой наркотики, летя в самом большом самолете во всей Латинской Америке. С первым бокалом шампанского «Cristal Rosé» я прошу у Армандо выпустить со мной обложку журнала «Bazaar», единственную, которой не хватает в моей коллекции. Утверждая, что сплетни о такой красивой женщине его не волнуют, он отвечает: «Договорились!» В первые полчаса, на виду у десятка людей, которые ничего не заметили, установились правила странной и противоречивой дружбы, которая продлится годы.

Приехав в Майами, Де Армас и эффектная модель, летевшая с нами, садятся в сливовый «Rolls Royce», встречающий их у трапа

самолета. Этой ночью Армандо сидит во главе невероятно длинного стола. От разговорчивых служащих я узнаю, что «Carolina Herrera» – «Каролина Эррера», марка в собственности «Блоке де Армас», которая носит имя его элегантной соотечественницы, приносит значительные убытки. С дизайнером я недавно познакомилась в Нью-Йорке, за ужином у графов Креспи, на котором была с Дэвидом. Она замужем за Рейнальдо Эррерой, его дружба с богатейшими и элегантными людьми оказалась бесценной для такого влиятельного и амбициозного человека, как Армандо. Чтобы доказать, что у меня нет порезов и увечий, Де Армас поручает знаменитому модному фотографу Иран Иссе-Кхан, кузине персидского шаха, поместить мою фотографию на обложку, на первый план. Хотя на это уходят часы, конечный результат ужасно разочаровывает. Элегантное, но такое серьезное лицо совсем не похоже на мое. Уже в Каракасе, после продолжительного разговора вдали от остальной группы, Де Армас заявляет, что влюбляется в меня и хочет вновь увидеться как можно скорее.

Армандо звонит мне не просто каждый день. Он звонит утром, днем и вечером. Будит в шесть утра, и я не жалуюсь – в три часа ночи интересуется, с кем я обедала, поскольку меня приглашают почти ежедневно; и где-то около семи или восьми вечера снова звонит пожелать спокойной ночи, так как привык вставать в три, когда молодежь, с ее неисчерпаемым источником энергии, только ложится. Проблема в том, что именно это время выбрал для звонка один психопат-насильник, которому грозит экстрадиция, умоляя простить его, а заодно проверить, дома ли я, в объятиях Купидона. Я вешаю трубку, мимоходом произнося: «Раз не хочешь авиакомпанию, так пусть их у тебя будет две»[166]. А с такой разницей во времени и в возрасте мужчины, один в Каракасе, а другой в Медельине, в конце концов сведут меня с ума.

Сейчас я работаю в полуденном выпуске новостей, единственном в Колумбии, куда меня наняли в качестве ведущей. Ценой нечеловеческих усилий, с мизерным бюджетом, нам удалось поднять рейтинг с четырех до четырнадцати пунктов. Хотя опытному журналисту, владельцу и директору Артуро Абелье[167] все равно не хватает финансов, чтобы заплатить «Inravisión» (Национальному институту радио и телевидения Колумбии). Наш с Пабло роман, известный «профсоюзам», – секрет. О нем не знает ни общественность, ни дамы в Боготе или Европе, с которыми я обедаю в «Pajares Salinas» или «La Fragata». Мы оба при любых обстоятельствах категорически все отрицаем. За последние два года я просила коллег, которым доверяю,

называть Эскобара не «наркоторговцем», а, например, «бывшим парламентарием». Почти все неохотно согласились, возможно, тайно надеясь, что однажды Пабло даст им больше, чем просто интервью.

Каждую неделю мне поют серенады музыканты-«марьячис». На следующий день, не представившись, звонит какой-то душегуб, уточняя, что все это – заслуга El Mexicano, мирового авторитета в области музыки «ранчера»[168]. Он (Пабло) предпочитает тяжелый рок, а в фольклоре особо не разбирается. Я кладу трубку. Следующая попытка – обращение к моему сочувствию к бедным и страждущим: «Обрати внимание, у меня теперь осталось только восемь самолетиков, остальные они забрали!» – восклицает он, посылая восемьдесят орхидей. Я молча вешаю трубку. Потом: «Смотри, у меня осталось только шесть самолетиков!» – и шестьдесят цветов другого цвета. Я в ярости бросаю трубку, задумавшись: из чего делают телефоны, чтобы купить акции компании-производителя.

На следующей неделе слышу: «Видишь, сейчас я совсем бедный паренек, осталось только четыре самолетика», – тогда Пабло посылает сорок орхидей «фаленопсис». Как будто я не знаю: самолеты, которые не в полицейском ангаре – в Панаме, Коста-Рике и Никарагуа. И вовсе не догадываюсь, что ему хватит денег приобрести еще пару взамен, купив мне подарок в виде рубинового или изумрудного гарнитура вместо патриотичной орхидеи «каттлея»[169]. Да пошел он со своими «Кукуррукуку, голубка» («Cucurrucucú, Paloma»), «Я уже три месяца тебя не видел» («Tres meses sin verte, mujer»), «Красавица Мария» («María bonita») и песенниками Хосе Альфредо Хименеса, Лолы Бельтран, Агустина Лары и Хорхе Негрете[170]. Я неустанно повторяю:

– Зачем такой женщине, как я, насильник с авиакомпанией, когда у моих ног честный человек с одним самолетом и сотней журналов? Он постоянно окружен приятными людьми, оказывает финансовую поддержку Рейнальдо и Каролине Эррера, звонит по три раза в день, утверждая, что без ума от меня.

– Представь, если ты станешь директором «Каролины»! – добавляет, смеясь, Дэвид из Лондона.

Армандо сообщил: один канал в Майами ищет ведущую для нового выпуска новостей. Меня приглашают на пробы. Приехав, я устраиваю безупречную презентацию. Через пару месяцев мне сообщат, возьмут меня или нет. Этой ночью я ужинаю с Кристиной Саралеги и ее мужем Маркосом Авилой. Она работает на Армандо, а он радуется успеху своей музыкальной группы, возглавляемой Глорией Эстефан[171], превратившейся в современную сенсацию благодаря песне «Ла Конга». Прошли

месяцы телефонных ухаживаний, я наконец-то принимаю приглашение Армандо поехать в Мексику. На этот раз мы путешествуем вдвоем. В аэропорту от трапа самолета до таможни расстелена красная ковровая дорожка, как будто мы президент и первая леди Андского сообщества[172]. Поскольку очень богатые люди не проходят таможню, если только они не рок-звезды, чье вдохновение вызвано галлюцинациями, в окружении толпы подчиненных мы направляемся в его «мексиканскую империю». С нижнего балкона виднеется подобие супермаркета: тысячи книг и журналов расставлены на стеллажах высотой с башню. Я спрашиваю, что это, а Армандо отвечает: это книги, которые будут распроданы за эту неделю.

– За неделю?! – произношу я ошеломленно. – И сколько ты получаешь с продаж?

– Пятьдесят процентов. Автору достается где-то десять-пятнадцать…

– Вау! Тогда лучше быть тобой, чем Гарсией Маркесом или Хемингуэем!

Мы заезжаем в президентский люкс отеля «María Isabel Sheraton» с двумя спальнями. Там «король продаж» открывает мне истинную причину своей любви: он хочет, чтобы у нас было много детей, потому что обожает их, а мне посчастливилось стать кандидатурой на роль матери. Наши дети будут последними и непременно самыми любимыми из всех; в жизни Армандо, помимо детей от брака, присутствует еще много внебрачных.

– Проси у меня все, что захочешь! Ты сможешь жить, как королева, всю оставшуюся жизнь! – радостно заявляет он, глядя на меня, как на голштинскую корову[173], чемпионку с сельскохозяйственной ярмарки.

Я отвечаю, что тоже обожаю малышей, но внебрачных детей не рожу ни от Карла V[174], короля Испании и императора Германии, ни от Людовика XIV, «короля-солнца»[175]. Армандо спрашивает: хочу ли я выйти за него, тогда дети бы родились в браке. Внимательно глядя ему в глаза, я говорю, что, даже выйдя замуж, не стану рожать. Но мы наверняка отлично проведем время.

Армандо разозлился, повторяя то, что всегда писали обо мне в прессе:

– Мне уже говорили, что ты ненавидишь детей и не хочешь рожать, чтобы не испортить фигуру! Ты приносишь неудачи! Только что вспыхнула забастовка!

– Тогда, если завтра у меня не будет обратного билета в Колумбию, я присоединюсь к бастующим и прокричу перед камерами компании «Televisa»: «Долой иностранную

эксплуатацию!» Я больше не хочу ничего знать о магнатах с авиакомпанией или с самолетами, все вы тираны! Прощай, Армандо.

Неделю спустя он звонит из Каракаса в шесть часов утра, сообщая, что проезжал через Колумбию. Хотел увидеться со мной после того, как уладил забастовку, но должен был срочно уехать, потому что Пабло Эскобар пытался его похитить.

– У Пабло три миллиарда долларов, а не триста миллионов и один самолет, как у тебя. К тому же он мой сверстник, ему тридцать пять, а не шестьдесят пять. Не путай Эскобара с Тирофихо. Руководствуясь элементарной логикой, ты должен задуматься о его похищении, а не он. И прекрати уже звонить мне в такое время, я, как и Эскобар, встаю в десять часов утра, а не в три часа ночи, как ты!

– Ты вполне обоснованно не хотела быть матерью моих детей, потому что до сих пор любишь своего «кокаинового короля»! Мои люди уже доложили, что ты была любовницей этого преступника!

– Если бы я на самом деле была любовницей седьмого богатейшего человека в мире, то даже не ступила бы в твой самолет, не полетела бы в Мексику и на презентацию в январе, – заявляю я на прощание.

Не верю ни единому слову о предполагаемой попытке похищения. Два дня спустя вижу десять орхидей, вырезку из газеты с моим любимым фото и записку, которая гласит, что у Пабло остался только один-единственный самолетик и он не может провести остаток жизни, вновь не увидев моего лица на своей подушке. Снова звонок – я вешаю трубку. В следующие выходные решаю: пора прекратить страдать из-за одержимых преследователей, нужно возвращаться в привычное русло с традиционными ценностями. В Майами, в Фаунтинблю, меня ждет Дэвид Меткалф с ромовым пуншем, украшенным зонтиком, и с навесом от солнца. На следующий день приезжает Хулио Марио Санто Доминго, который обнимает меня при встрече и, два раза покружив в воздухе, восклицает:

– Посмотри на нее, Дэвид! Вот это – настоящая женщина! Она вернулась, вернулась! Она пришла из мира богатейших мужчин планеты к нам, беднякам! – и пока Дэвид наблюдает за нами с видом, похожим на первую вспышку ревности во всей его жизни, Хулио Марио, смеясь, поет:

Привееет, Долли!
Как здорово видеть тебя снова дома!
Ты выыыглядишь прекрааасно, Долли,
мы-то видим, Долли…

В такси до аэропорта, откуда мы полетим обратно с авиакомпанией «Avianca» (собственности Санто Доминго), они с Дэвидом радостно шутят над пациентками Иво Питанги, их общими подругами. Хулио Марио так счастлив, поскольку Дэвид сэкономил ему состояние, заплатив за номер, что «остался бы в этом чудесном такси, смеясь с нами, до конца своей жизни». Приехав в Боготу, я прощаюсь с ними и вижу около дюжины машин, отъезжающих на большой скорости, с армией телохранителей, ждавших на выходе из самолета. Они опять не проходят таможню. Какой-то служащий из компании Санто Доминго берет мой паспорт и быстро отводит к другой машине. Мне кажется, такие, как Хулио Марио и Армандо – не как Пабло и Гильберто, они истинные правители мира.

Пару дней спустя мой знакомый журналист просит встретиться, утверждая, что дело очень деликатное. Отвечаю: у меня запланировано официальное мероприятие, но я с удовольствием его приму. Его имя Эдгар Артундуага, в прошлом – директор «El Espacio», ежедневной вечерней газеты, описывающей криминальные происшествия. Со временем он станет всеобщим благодетелем. Эдгар просит уговорить Пабло оказать ему финансовую поддержку, учитывая помощь в распространении видеокассеты с чеком, переданным Эваристо Поррасом Родриго Ларе. Теперь никто не хочет нанимать его на работу, ситуация критическая. Я объясняю, что десятки журналистов просили оказать им подобное одолжение, а я всегда направляла их прямо в офис Пабло, чтобы тот разобрался сам. Меня не волнует нужда моих коллег, и мне не нравится выступать в качестве посредника в подобных делах, но в его случае я сделаю исключение. Эта ситуация не только глубоко взволновала меня, но и, кажется, требует срочного разрешения.

Пабло знает: я никогда сама не звоню мужчине, которым увлеклась, и даже не перезваниваю. Набрав его частный номер, я слышу, как Эскобар сам подходит к телефону. Сразу ясно: он рад меня слышать. Однако стоит мне упомянуть, что передо мной Артундуага, и объяснить, в чем дело, он начинает выть, как одержимый бесом, и впервые в жизни обращается ко мне на «вы»[176]:

– Выкиньте эту канализационную крысу из дома до того, как она все испачкает! Я наберу через пятнадцать минут, если он до сих пор будет там, я попрошу El Mexicano, живущего в десяти кварталах от вас, одолжить мне троих парней, чтобы те пришли и вышвырнули его оттуда!

Не знаю, услышал ли Артундуага вопли и эпитеты, которые Пабло употреблял на том конце трубки, сравнивая его с гадюкой, шантажистом, подлецом, гиеной, вымогателем и дрянным мошенником. Мне ужасно неловко. Повесив трубку, я едва могу объяснить, что Эскобар занервничал, так как обычно не разговаривает со мной о выплатах другим людям. Добавив: если он хочет, я завтра же могу поговорить с Артуро Абельей и попытаться договориться о должности политического редактора. Чтобы поднять Эдгару настроение, я уверяю: директор с радостью согласится, поскольку, предположительно, хочет продать пакет акций выпуска новостей очень богатым инвесторам.

Когда Пабло снова звонит, я уже ушла на ужин с Дэвидом Меткалфом. Там мы столкнулись с экс-президентом Лопесом, который поинтересовался, кто этот высокий англичанин, сопровождающий меня. Я говорю, что это внук лорда Керзона и крестник Эдуарда VIII, и знакомлю их. На следующий день Артуро Абелья сообщает: новый владелец новостной программы Фернандо Каррильо хочет пригласить нас поужинать в ресторан «Pajares Salinas», познакомиться с Артундуагой и сообщить, что его наняли. Абелья упоминает: Каррильо – главный акционер футбольной команды «Santa Fe» – «Санта-Фе-де-Богота», хороший друг таких непохожих друг на друга людей, как Тирофихо и Сесар Вильегас[177], правая рука Альваро Урибе из управления гражданской аэронавигации. Каррильо предложил предоставить нам его вертолет, чтобы мы с коллегой взяли интервью у легендарного партизанского командира лагеря «ФАРК». Что-то мне подсказывает, не нужно развивать эту тему перед Артундуагой. Пару часов спустя я прощаюсь с ними, предполагая, что Дэвид уже наверняка вышел с делового ужина и хочет увидеть меня перед тем, как вернуться в Лондон.

Абелья звонит и просит не идти домой, а зайти к нему в офис, у него для меня новости. Когда я прихожу, он вручает мне уведомление об увольнении и сообщает: Артундуага убедил Каррильо расторгнуть со мной контракт и назначить его ведущим новостей. Я не могу поверить своим ушам! Артуро благодарит меня за то, что рейтинг поднялся почти на десять пунктов, пока я была на экране, объясняя: расходы, связанные с правительством, его погубили. Со слезами на глазах он уверяет: у него не было другого выхода – только продать весь выпуск новостей «футбольным магнатам». Прощаясь, я предрекаю, что программа закроется через шесть месяцев, потому что никто не включит телевизор, тем более во время обеда, чтобы посмотреть на лицо Эдгара Артундуаги, «канализационной крысы», по словам знаменитого Пабло Эскобара. (Выпуск новостей обанкротится до

конца года, Каррильо потеряет свои многомиллионные вложения в уплату долгов программы.)

Одинокий скрипач играет напротив моего окна «Por una Cabeza» – «Потерявший голову», мое любимое танго. Исполнив его три раза подряд, он исчезает. Через два дня Пабло звонит снова:

– Видели, как ты выходила из самолета компании «Avianca» с Санто Доминго и иностранцем. В отличие от него, я не владею авиакомпанией, но у меня с тридцати лет есть собственный самолет! Знаешь, я не могу поехать за тобой в Боготу. Оставим уже всякие глупости, жизнь слишком коротка, нам ведь плевать на этого заключенного. Я умираю, думая о твоей смышленой головке, скрывающейся за красивым обликом, и совершенно точно не собираюсь уступать тебя другому! Если ты не поднимешься в последний оставшийся у меня самолет, чтобы рассказать, почему осталась без работы, то в день, когда ты наконец захочешь увидеть меня, тебе придется покупать билет в «Avianca» у Санто Доминго, и жадный старик станет еще на сто долларов богаче благодаря тебе!

В жизни не слышала более убедительного аргумента. Пабло может быть самым разыскиваемым преступником в мире, но правила наших отношений диктую я, радостно воскликнув:

– Уже еду, но только попробуй не встретить меня в аэропорту, вернусь обратно на первой попавшейся тачке!

В маленьком самолете летим только мы с пилотом. Спустя некоторое время начинается ливень, и мы остаемся без радиосвязи. Видимость нулевая, а я, с необъяснимым чувством умиротворенности, мысленно и духовно готовлюсь к возможной смерти. На минуту мне вспоминается самолет Хайме Батемана.

Парень предлагает сесть на место второго пилота, потому что четыре глаза – лучше, чем два. Я спрашиваю: можем ли мы приземлиться после шести вечера, когда аэропорт Медельина уже закроется и возможность столкнуться с другим самолетом будет минимальной. Он подтверждает: именно так мы и сделаем. Когда небо проясняется и удается визуально различить полосу, мы приземляемся без проблем.

Знаю, Пабло не может приблизитья к аэропорту, но два человека уже ждут меня, как всегда, на привычном месте. Сначала мы едем в офис, чтобы убедиться, что за мной никто не следит. Если бизнес Армандо де Армаса похож на супермаркет, то у «воинственного Армандо» (прозвище кузена и партнера Пабло) он похож на ресторан с фастфудом во время обеда. Радость Густаво Гавирии при встрече со мной сменяется на удивление от количества поступаемых ему звонков – похоже на кризис, вызванный переизбытком спроса:

– Как хорошо, что ты вернулась, Вирхиния! Сегодня просто сумасшедший день… Мне нужно загрузить полдюжины самолетов. Безусловно, арендованных… и продать товар. – Что произошло с семьюстами килограммами «негро» («Negro»)[178], а?

Четыреста килограммов «моны» («Mona»)[179], Святая Дева! Если они не влезут, эта женщина завтра меня кастрирует!.. – Пабло ни на кого не променяешь, но ты же не скажешь ему, что я тебе рассказал… – Так, шестьсот «яйдера» («Yáider»)![180] Последний уже заполнен?.. – Как тебе удается всегда быть такой отдохнувшей, а? Не представляешь, какой это стресс… – Черт, брат! Мне нужен еще самолет!.. – Дело в том, что этот бизнес кормит сто тысяч человек и косвенно – еще миллион… Даже представить не можешь, какая ответственность у меня перед всеми этими людьми. И какое удовольствие доставлять товар клиентам… – В этой стране уже закончились самолеты, или как? Нам придется арендовать «Jumbo» у Санто Доминго! О господи! Что будем делать с двумястами пятьюдесятью киллограммами «питуфина» («Pitufín»[181])?! Это же новый клиент, а я про него и забыл… – Смотри, Вирхиния, за тобой приехали… Мой кузен-неудачник, определенно, счастливчик! Не такой несчастный раб, как я!

Наконец я понимаю, почему Пабло послал за мной этот самолетик. Оказывается, он далеко не последний, а просто единственный, который остался в Колумбии! По дороге я задумалась: экономические группы магнатов создают тысячу или две тысячи рабочих мест каждая и кормят около десяти тысяч человек. Мне интересно, не меняют ли цифры, которые Густаво мне только что озвучил, масштаб ценностей… Миллион человек… Прошло несколько часов пути, откуда-то внезапно выезжают три автомобиля и окружают нас. Напуганная, я думаю, что это похищение, или Dijín (Национальная полиция Колумбии) преследовала меня. Кто-то берет мой чемодан и просит пересесть в другую машину. Пара секунд паники, и я вижу за рулем Пабло! Счастливый, он целует меня. Мы, как гоночный болид, срываемся с места в направлении асьенды «Наполес», и он произносит:

– Единственное, чего мне не хватало все эти месяцы – чтобы ты превратилась в Амелию Эрхарт! Пилот сказал, ты ни разу не пожаловалась, передавая абсолютную умиротворенность и спокойствие. Спасибо, любовь моя. Знаешь, я не позволяю арендованным самолетам приземляться на своей полосе. Меры безопасности с каждым днем все строже. Не представляешь, насколько осмотрительным теперь приходится быть, чтобы удостовериться, что за тобой не следят! Сейчас мы воспользуемся тем, что тебе не нужно на работу, проведем много времени

вместе, постараемся наверстать упущенное на всякие глупости время, так ведь? Обещаешь забыть то, что было в прошлом году? Мы больше не будем об этом вспоминать.

Сожалею, ничего не могу забыть, но уже долгое время не думала об этом. Позже, в его объятиях, я спрашиваю: не похожи ли мы на на Шарлотту Рэмплинг[182] и Дирка Богарда[183] в «Ночном портье»? Рассказываю Пабло сюжет фильма: через много лет после окончания Второй мировой войны красивая женщина тридцати лет выходит замуж за дирижера. Как-то Богард, охранник, который изнасиловал ее в концлагере, приходит на концерт знаменитого музыканта. Рэмплинг и Богард сталкиваются, узнав друг друга, и с того момента между элегантной дамой и почтенным экс-нацистом завязывается связь, полная одержимой и развращенной сексуальной зависимости. Я умолчала, что жертва и палач в конце концов поменялись местами. Это слишком сложно понять преступному уму, который за деньги спит с юными девушками, напоминающими ему тринадцатилетнюю жену, со стройной фигурой, в которую он когда-то влюбился.

– Какие ужасные фильмы ты смотришь… – отвечает Пабло. – Нет-нет, любовь моя, ты никогда не изменяла своим мужьям, а я не нацист-насильник! Завтра отвезу тебя в самое красивое место в мире, и ты узришь рай на Земле. Я относительно недавно обнаружил его и никому не показывал. Уверен, там ты потихоньку восстановишься и забудешь, что я сделал этой ночью. Знаю, я демон… не смог сдержаться… Но сейчас хочу только одного – сделать тебя счастливой, невероятно счастливой, обещаю.

Пабло просит рассказать ему все детали произошедшего с Хорхе Бароном и Артуро Абельей. Он слушает, не произнося ни слова. По мере того как я рассказываю свою версию недавних событий, его лицо мрачнеет:

– Думаю, это была месть Эрнесто Сампера за твое публичное заявление о чеках, выписанных на его имя в поддержку президентской кампании Альфонсо Лопеса. Сампер подослал Артундуагу, того еще проныру, узнать: правда ли, что я отвечаю за взятки журналистам. Об этом шепчутся мои толстые и уродливые коллеги, которые все бы отдали за то, чтобы залезть к тебе в самолет и в постель. Они притворяются моими подругами, чтобы разузнать о наших отношениях, но остаются ни с чем, потому что я никогда ни с кем тебя не обсуждаю. Поскольку ты ясно объяснил, что не дашь ему ни песо, Артундуага донес Самперу, что мы с тобой продолжаем видеться, и ты, как раньше, все мне рассказываешь. Эрнесто Сампер попросил своего близкого

друга Сезара Вильегаса сделать ему одолжение, тот, в свою очередь, – у своего (Фернандо Каррильо), который купил у Абельи сто процентов акций программы. Сампер и Артундуага оставили меня без работы. Один, потому что ты дал ему кучу денег, а другой, потому что ты ничего ему не дал. Не знаю, как тебе удается видеть людей насквозь, Пабло, но в итоге ты всегда оказываешься прав! И прекрати уже надеяться на свой «профсоюз», эти парни завидуют тебе больше, чем мои знакомые журналистки, которым не суждено влюбить в себя магната.

Пабло предлагает поговорить с Каррильо, чтобы Артундуагу уволили, и я вернулась на свое место, так как он всего лишь очередной клиент El Mexicano.

Поблагодарив его, я прошу понять: вернуться на телевидение с его помощью для меня неприемлемо. Я сделала карьеру сама, благодаря таланту, элегантности и независимости, и никогда не была протеже какого-нибудь политика, даже не ходила пить кофе, руководствуясь этой целью. Открываю Пабло глаза, насколько невероятно все происходящее: его «профсоюз» набирает силы, благодаря моему, мафиози конкурирующего картеля объединяются с политиками, которых подкупил и разоблачил главный босс, требуя мою голову на блюдечке. И в конце концов меня лишают профессии, которая кормила меня тринадцать лет:

– Они мстят тебе, Пабло, но с моей помощью тебе не следует вступать в схватку с несчастным бандитом, которого Доктор Варито оставил вам в управлении аэронавигации. Смотри, если уж незначительный партнер El Mexicano и приятель Альварито сделали такое, чего можно ожидать от остальных членов неблагодарного «профсоюза», который ты возглавляешь и защищаешь ценой своей жизни? Кстати, хочу поделиться с тобой новостью. Почти уверена, что в ближайшем будущем стану ведущей выпуска новостей, который скоро запустят на канале в Майами. Те, кто видел запись, говорят, что на данный момент я лучшая испаноговорящая ведущая. Думаю, мне нужно уехать из Колумбии, пока еще не поздно.

– Да что ты говоришь?! Любимая, как ты можешь оставить меня сейчас, когда только вернулась? Вот увидишь, совсем скоро тебе позвонят и с других программ. Как ты будешь жить в Майами, если не умеешь водить машину, а канал наверняка не предоставит тебе водителя? Вот увидишь, они возьмут кубинку! Если ты уедешь, я умру, я способен согласиться на экстрадицию, лишь бы ты могла видеться со мной в тюрьме Майами! Что скажут флоридские газеты, когда узнают, какого несчастного заключенного навещает телезвезда каждое воскресенье? Разразится настоящий скандал, тебя выгонят с канала,

депортируют в Колумбию и разлучат нас навсегда! Разве не понимаешь, родная, мы оба проиграем. Вот увидишь, завтра ты уже забудешь о страданиях… С этого момента мы будем очень счастливы, ты никогда ни в чем не будешь нуждаться. Клянусь той, кого люблю больше всего на свете, моей дочерью Мануэлой!

Запланированная часть прогулки на следующий день – единственные за всю жизнь двадцать четыре часа исключительного счастья в Колумбии. Все началось около полудня. За мной заезжает шикарный аппарат, управляемый одним из лучших мотоциклистов мира. Сначала я хватаюсь за его торс обеими руками, как будто приклеенная суперклеем, с распущенными волосами, закрыв глаза от страха. Потом, где-то через час, успокаиваюсь и уже только изредка держусь за его рубашку и ремень, широко раскрыв глаза, созерцая пейзаж, которым он еще ни с кем не успел поделиться.

С холма, покрытого прекрасными лугами и пастбищем, виднеется самое красивое место, созданное Богом на поверхности Земли. Тень дерева средних размеров как раз подходит, чтобы защитить нас от тропического солнца и спрятать от всех. Температура в тот день тоже идеальна, и даже внезапный слабый бриз, напоминающий, что время не остановилось в угоду двум любовникам, не может нам помешать. Здесь почти триста шестьдесят километров равнин, зеленых, как нефритовый бархат. Повсюду виднеются лужицы, в которых поблескивает солнце. Здесь нет ни следа присутствия человека: тропинки, маленького домика, какого-то звука или домашнего животного. Не похоже, что десять тысяч лет цивилизации прошли или вообще когда-либо существовали. Мы вместе изучаем это место, замечая повсюду интересные детали, представляя себе, будто мы в первом дне Создания, как Адам и Ева в земном раю, думая: насколько же беспощадной была судьба этой пары. Я утверждаю: если бог существует, он, должно быть, садист, поскольку проклял человечество, заставив его страдать без необходимости, ожесточил, вынудив эволюционировать. Спрашиваю Пабло: все, что тянется до горизонта, – часть асьенды «Наполес» или новое приобретение? Он улыбается и отвечает: на самом деле это ему не принадлежит. Потом, вглядываясь в горизонт, добавляет, что Бог поручил ему заботиться об этом месте, следить, чтобы оно осталось нетронутым, защищать обитающих здесь животных. Еще немного поразмыслив, Эскобар внезапно спрашивает:

– Ты действительно веришь, что мы прокляты? Думаешь, я родился таким, как Иуда… или, как Гитлер? И как ты можешь быть проклята, ты ведь ангел?

Замечаю, иногда во мне просыпается дьяволица, поэтому у

меня с собой игральные кости. Он улыбается – и пока нам в головы не пришла одна и та же грешная мысль, я добавляю: пока мы живем, мы прокляты, и ни одно живое существо на Земле не может избежать подобной судьбы. Глядя на окружающую нас красоту, я произношу:

– Знаешь слова песни «Представь» («Imagine») Джона Леннона? Он, скорее всего, написал ее в один из таких моментов… в похожем месте… но, в отличие от песни, за то, что мы сейчас видим, стоит убить или умереть, правда, Пабло?

– Да, а еще и за это небо… Я должен заботиться о нем. Думаю, с этого момента я уже не смогу часто отсюда выезжать…

Последние слова разрывают мне душу. Чтобы Пабло не догадался об этом, я напоминаю: у него столько паспортов, что он давно мог уехать из Колумбии и жить за границей с новой личностью, как король.

– Зачем, любимая? Здесь я говорю на родном языке, до сих пор отдаю приказы и могу купить почти всех, у меня самый доходный бизнес на свете, я живу в земном раю. Здесь ты со мной, на моей земле, и под моим небом. Где еще я смогу добиться, чтобы самая красивая женщина страны любила меня, как любишь ты, и говорила так, как ты? Где, скажи мне, где, умирая, единственным, что я смогу забрать с Земли в ад, будет совершенный образ трехсот шестидесяти километров равнин, помноженных на триллион триллионов?

Я всего лишь человек, а его нежный, бездонный взгляд мгновенно излечит самое израненное сердце. Тем майским днем все, даже воздух, прозрачно, даже кожа не может ничего скрыть. Восхищенно смотря в небо, я размышляю вслух:

– Знаешь как я назову роман с твоей историей, написанный мной однажды, когда мы уже будем старыми и объездим весь мир? – «Небо проклятых»!

– Ох нет! Какое ужасное название, Вирхиния! Звучит, как греческая трагедия! Не шути со мной, ведь мы работаем над моей биографией.

– Разве ты не понял, любой журналист может написать твою биографию, если постарается. Твоя история, Пабло, – другое дело. Это история разных ипостасей власти, тех, кто управляет страной легким движением руки. Думаю, я могла бы написать ее, потому что знаю всю поднаготную твоего «профсоюза», маленькие тайны парламентских семей… и остальных.

– Почему бы тебе не рассказать мне обо всем этом поподробней в ближайшие дни?

– Что ты дашь мне взамен?

Он еще немного подумал, потом, вздохнув, погладил меня по

щеке и произнес:

– Ты станешь свидетелем событий, о которых больше никто не узнает, потому что… если я умру раньше тебя… ты сможешь рассказать много правды. Посмотри вокруг, поскольку ты всегда такая рассеянная и никогда не знаешь, где находишься, могу тебе признаться: все это действительно мое. Дальше, за горизонтом, – тоже. Подступы ко мне закрыты. Сейчас посмотри вверх, что ты видишь?

– Небо… и птицы… там – облако, смотри! Огромный кусок неба, который Бог отдал тебе в защиту, чтобы ты оберегал его…

– Нет, любовь моя. Ты поэт, а я реалист. То, что мы видим вверху, называется воздушное пространство колумбийского правительства! Если я не отменю экстрадицию, это станет проблемой. Полагаю, мне нужно срочно задуматься над приобретением ракет…

– Ракеты? Ты прямо, как Чингисхан, Пабло! Пообещай, что больше ни с кем об этом не заговоришь, а то все подумают, что ты сошел с ума! Ладно… если бы у тебя получилось, ведь с твоими деньгами можно купить все, а со взлетно-посадочной полосой доставить прямо домой, все равно, любимый, думаю, тебе бы это особо не помогло. Насколько я знаю, ракету нельзя перезарядить… Итак, представим, одной или десятью ты сбил все самолеты ВВС, нарушившие твое воздушное пространство, – что ты сделаешь с гринго, которые на следующий день захватят нас, выпустят в тебя сто ракет и не оставят ни атома от рая?

Пабло на минуту умолкает, потом, как бы рассуждая вслух, очень серьезно комментирует:

– Кто-то же должен наконец попасть в стоящую мишень…

– Хватит уже выдумывать, это сумасшествие. Легче и дешевле выйдет заплатить сорока процентам бедных колумбийцев, чтобы они проголосовали за «Пабло-президента» и сокрушили экстрадицию! Хорошо, я стану свидетелем, но чего же и когда?

– Да, ты права… Забудь об этом, о сюрпризах не рассказывают заранее, родная.

Мы уже перестали быть единым целым – нас снова двое. Мы, как Адам и Ева. Становится холодно, мы укрываемся. Пабло опять углубляется в мысли, скрестив руки за головой, созерцая воздушное пространство. Я погружаюсь в раздумья, вглядываясь в «небо проклятых», положив ему голову на грудь. Пабло мечтает о своей ракете, а я о романе, он работает над стратегией шахматного поединка – я пытаюсь разгадать свою головоломку. Сейчас наши тела лежат буквой «Т», думаю про себя, что мы невероятно счастливы. Окружающее нас совершенство похоже на рай. Когда я умру, то поднимусь на небо, но зачем мне место на

небесах, если его не будет рядом?

За следующие месяцы мы с Пабло будем видеться один или два раза в неделю. Каждые сорок восемь часов место встречи меняется, и я теперь одержима вопросами безопасности даже больше, чем он. Пишу без остановки, а поскольку не смотрю телевизор, не слушаю радио и не читаю газет, то мне неизвестно, что Пабло убил судью, который открыл дело о смерти Родриго Лары Бонии и Тулио Мануэля Кастро Хиля. Прочитав мои рукописи, Эскобар делает заметки и пояснения, и мы сжигаем их. Понемногу я рассказываю Пабло о трех ветвях власти в Колумбии и жизни богатейших семей страны. Пробую заставить его увидеть: с таким количеством денег и земли, как у него, он должен мыслить более «династическими» критериями:

– Когда впервые знакомишься с колумбийскими богачами, узнаешь, насколько мелочны и жестоки некоторые из них. На их фоне ты порядочный человек, Пабло, так и есть, прошу тебя, не обижайся. Если бы не эта кровожадная партизанская война и нехватка величия, парламентские семьи и экономические группы давно бы задавили наш бедный народ. Мы можем сколько угодно ненавидеть войну, но это единственное, что их пугает и останавливает. У них всех за плечами багаж трупов и преступлений: своих, родителей, в ходе «Ла Виоленсии», их бабушек и дедушек – землевладельцев, прадедов – рабовладельцев или прапрадедов – инквизиторов и колонизаторов. Используй свои шансы с умом, любимый, хотя ты уже многое прожил, ты все еще ребенок, поэтому еще есть время исправить много ошибок. Ты богаче, хитрее и храбрее любого из них. Подумай, у тебя еще полвека жизни впереди, чтобы нести в эту страну любовь, а не войну. Пабло, не совершай больше ошибок, которые дорого тебе обойдутся, используй меня по назначению, ведь мы с тобой – нечто большее, нежели грудь или мужское достоинство!

Как губка, он впитывает и запоминает, анализирует и ставит под сомнение, сравнивает и заучивает, усваивает и обрабатывает, выбирает и отказывается, классифицирует и сохраняет. Я пишу для себя, вношу исправления для него. Сохраняю в сердце мемуары и диалоги последних счастливых дней, проведенных вместе, до того как наша Вселенная в триста шестьдесят гектаров разорвется сначала на два куска по сто восемьдесят атомов, потом на тысячу, и в конце концов на миллион, которые уже никогда не столкнутся и даже не узнают друг друга, потому что жизнь жестока и непредсказуема, а «пути Господни неисповедимы».

– Завтра приедет Сантофимио, – объявляет мне Пабло как-то

ночью. – Излишне упоминать, что он будет просить у меня кучу денег на президентские выборы в наступающем году. Умоляю тебя прийти и сделать сверхчеловеческое усилие, чтобы скрыть неприязнь, которую ты к нему испытываешь. Он всем заявляет, что не видел меня с 1983 года, и я хочу, чтобы так и продолжалось – почему? Сам не знаю, Вирхиния, но ты мне там нужна, прошу не обсуждать это ни с кем, просто слушай, наблюдай и молчи.

– Ты же знаешь, меня невозможно заставить молчать, Пабло, тебе придется вручить мне «Оскар»!

На следующий день мы встречаемся в одном из огромных домов, которые Пабло и Густаво постоянно арендуют и меняют. Уже вечер, мы, как всегда, одни. Когда Пабло ожидает важных гостей, телохранители уходят. Пока он разговаривает по телефону, я вижу, как в дверь слева входит Сантофимио в красной футболке, которая почти всегда мелькает на политических демонстрациях. Заметив меня, он сначала делает шаг назад, но сразу понимает: уже слишком поздно, входит в маленький офис, приветствуя и целуя меня. Пабло просит подождать в зале, потому что ему нужно разрешить один деловой вопрос. Кто-то приносит два виски и исчезает.

Сантофимио спрашивает: когда я приехала, я отвечаю – давно. Он, кажется, удивлен и пытается выяснить причины моего отсутствия на телевидении. Я рассказываю, что, как и он, заплатила высокую цену за связь с Пабло. Густаво присоединяется к нам. Знаю, когда придет время, его задачей будет занять меня, чтобы Пабло и Доктор смогли дальше обсуждать финансовые вопросы. До парламентских выборов 1986 года осталось каких-то десять месяцев. Потенциальным победителем считают официального кандидата от либералов Вирхилио Барко[184], инженера MIT[185] из богатой и традиционной семьи, женатого на американке. Два других кандидата – консерватор Альваро Гомес, яркий персонаж, ненавидимый левыми, не столько по своей вине, сколько по вине отца и «Ла Виоленсии»; и Луис Карлос Галан из партии «Новый либерализм», появившейся благодаря расколу мажоритарной партии, где заправляют экс-президенты Лопес и Турбай. Перед тем как уйти и оставить их рассуждать на любимые темы, спокойно выслушав прогнозы Пабло и Санто о голосовании в соседних с Медельином муниципалитетах, я решила завести разговор о том, что им больше всего не по душе:

– Артуро Абелья недавно упомянул: согласно одному его «очень достоверному источнику», Луис Карлос Галан думает уступить место Барко, чтобы его во второй раз не обвинили в расколе партии. Галан также может объединиться с руководством

правящей партии, чтобы помочь ее членам завоевать подавляющее большинство и победить консерваторов. Тогда в 1990 году, заручившись благодарностью и поддержкой бывших либеральных президентов, он избавится от соперников на президентском посту.

– В таком случае источник Абельи – явно сумасшедший! Либеральная партия никогда не простит Галана! – вскрикивают практически в один голос Эскобар с Сантофимио. – Возможно, ты не видела, что во всех опросах он на третьем месте, за световые годы от Альваро Гомеса? С Галаном покончено, а Вирхилио Барко не нужны его четыре голоса!

– Да-да, знаю, но политика – «царство повторов». На данный момент с Галаном покончено просто потому, что он противостоит «аппарату» Либеральной партии, но в 1989-м это для него уже не будет помехой, и вам придется решать, что делать. Эрнесто Сампер совсем еще зеленый, чтобы в 1990-м стать президентом, ему только исполнилось тридцать четыре года…

– Да я лучше буду финансировать Галана, чем этого козла! – заключает Пабло.

– Тогда Галан экстрадирует тебя через день после вступления в должность, – с тревогой отвечает Сантофимио. – Если уберешь его, то поставишь страну на колени! А ты должна убедить его в этом, Вирхиния…

– Нет, Альберто, если вы уберете Галана, вас обоих экстрадируют на следующий же день, даже не думайте, уже хватило Родриго Лары! Поймите, к 1990-му придется подыскать другого кандидата.

– Галан уже никуда не годится, а до 1990-го еще пять лет, любимая, – говорит мне Пабло с видимым раздражением. – Кого нужно начинать обрабатывать, так это Барко, поэтому Доктор здесь…

– Вирхиния, пойдем, хочу показать тебе последние бриллианты, которые мне прислали, – предлагает кузен Пабло. Я прощаюсь с Сантофимио и договариваюсь увидеться с Эскобаром на следующий день. Доставая огромные футляры из сейфа, Густаво говорит:

– Я уже сыт политикой по горло, Вирхиния, тем более я консерватор! Мне больше по душе бизнес, гоночные машины, мотоциклы и бриллианты, посмотри на эту красоту… Что думаешь?

Отвечаю, что тоже ненавижу политиков, но, к сожалению, от них зависит вопрос экстрадиции. Если она вступит в силу, единственная, кто здесь останется, – я.

– Бог даст, Барко благоразумнее Бетанкура. Если он отдаст

министерство юстиции Галану, не хочу даже думать о войне, которая тут развернется!

Отключившись от политики, я восхищаюсь сотнями бриллиантов, блестящими на бесконечной веренице подносов из черного бархата (тридцать на сорок сантиметров). Очевидно, Густаво предпочитает бриллианты холодильникам с пачками наличных и бочкам под землей. Меня никогда страстно не увлекали дорогие украшения или живопись, но, разглядывая их, я с некой грустью задумываюсь: почему, если легенда гласит, что «бриллианты вечны», человек с тремя миллиардами долларов, там, снаружи, заявляющий, что любит, хочет меня и так нуждается в моем присутствии, никогда не предлагал мне один, хотя бы один.

Дворец, объятый пламенем

Из всех моих знакомых у Пабло Эскобара самый современный образ мышления. Он подлинный эксперт в карибской геополитике, меньше чем за одно десятилетие выстроил огромное предприятие и твердо управляет им, как будто это настоящая многонациональная корпорация. В нем особый дар предвидеть будущее сочетается с веками накопленной мудростью, которая за секунды позволяет ему разобраться с насущными и срочными делами. У него под рукой всегда есть моментальное решение любых проблем. Кому угодно это могло бы показаться не просто невообразимым, но и вовсе невозможным.

Подлинная страсть Пабло – пользоваться своей властью. Вся его жизнь строится на этом принципе, что, очевидно, касается и меня. Поскольку я и люблю, и ненавижу его, поскольку я никогда не отдаюсь ему полностью, ему постоянно приходится меня завоевывать. На мне Пабло практикует навыки обольщения, которые уже пустил в ход на национальном уровне, в стране, что представляется ему чем-то вроде пристройки к асьенде «Наполес», в стране, которую он тоже пытается использовать в своих интересах. Я у него за всю жизнь единственная сверстница, а еще свободомыслящая и образованная женщина. Однако, в силу моей профессии, для него я навсегда останусь закулисной любовницей. Когда Эскобару необходимо оценить возможную реакцию других на его политическое выступление, он хладнокровно использует меня в качестве собеседника. Я выступаю в роли адвоката, прокурора, свидетеля, судьи и присяжных одновременно. Для него очевидно: пока он соблазняет свою добычу «женщину-трофей», другая женщина, женщина-журналист анализирует, допрашивает, систематизирует и почти наверняка сравнивает его с другими, равными по статусу мужчинами.

Эскобар – один из самых безжалостных людей за всю историю нации, где люди часто пропитаны ненавистью, завистью и местью. Но проходит время, любовь трансформируется. Теперь я смотрю на него, как на большого ребенка, бремя которого становится все более тяжким, полным воображаемой и бредовой ответственности за амбиции и алчность окружающих. В такой ситуации возникает желание контролировать все и вся – обстоятельства, окружение, даже судьбу тех, кто является частью твоего прошлого, настоящего или будущего.

Мой любовник не только самый осведомленный мужчина в стране, но и, как примерный сын учительницы, моралист в душе.

И тем, чьей любви и уважения он добивается, он демонстрирует свой строгий этический кодекс. Каждую неделю кто-то хочет увидеться со мной, чтобы я передала Эскобару предложение о продаже сказочной недвижимости за смехотворную цену. Приласкав меня с улыбкой, Пабло неизбежно отвечает: «Нет». Причина предельно ясна – как-то у него состоялся разговор с агентом министра Карлоса Артуро Маруланды[186]:

– Он предлагает тебе 12 000 гектаров на юге департамента Сесар всего за двенадцать миллионов долларов. В «Белья Крус» не так красиво, как в «Наполес», но подкупив кое-что по мелочи здесь и там, – говорю я, указывая на планы, которые мне оставили, – ты можешь потом объединить их, построив в центре страны гигантскую галерею, которая выведет тебя к побережью и до Венесуэлы. Скоро поместье будет стоить в несколько раз дороже. Всем известно, с запросами твоего «профсоюза» цены на землю и недвижимость в Колумбии будут заоблачные.

– Маруланда – шурин Энрике Сарасолы. Передай агенту: знаю, «Белья Крус» самое большое имение в стране после поместий El Mexicano на равнинах, где земля продается за гроши, но я не дам ему за нее и миллиона долларов. Я не такой жестокий, как отец министра. Понятно, что цена поднимется вдвойне, любимая! Но сначала ему придется подыскать кого-то другого, такого же бессовестного, как они с братом, чтобы выселить оттуда потомков бедняков, которых его отец безжалостно изгнал с наделов, воспользовавшись хаосом «Ла Виоленсии».

Пабло объясняет: «Белья Крус» – своеобразная пороховая бочка, которая рано или поздно взорвется, принеся много жертв. Отец министра, Альберто Маруланда Грильо, в сороковые годы купил первые 6000 гектаров, удвоив размер поместья. Все это он проделал с помощью полицейских и наемников-«чулавитас»[187] (вооруженных бандитов), поджигающих ранчо, насиловавших, пытавших и убивавших. Сестра Карлоса Артуро Маруланды замужем за Энрике Сарасолой, связанным с испанской фирмой «Ateinsa», принадлежащей испанским предпринимателям Альберто Кортине, Альберто Алькосеру и Хосе Энтреканалесу. Сарасола, близкий друг Фелипе Гонсалеса, получил 19,6 миллиона долларов комиссии, присудив так называемый «Инженерный контракт века» по проектированию метро Медельина испано-немецкому концерну «Metromed» и его партнерам, в числе которых была «Ateinsa». Диего Лондоньо Вайт – глава проекта метро и хороший друг Пабло. Он договорился о существенных комиссионных и выступил посредником при заключении контракта. Вместе с братом

Сантьяго Диего владеет особняками, которые Эскобар и Густаво используют под офисы. Инсайдеры свидетельствовали о невероятных хищениях и беззастенчивой алчности группы, возглавляемой Сарасолой. В итоге махинации вокруг подряда по строительству метро, позволившие многим бессовестным колумбийским адвокатам вроде Пуйо Васко и международным мошенникам наподобие немца Вернера Маусса[188] сорвать изрядный куш, больше смахивали на гангстерские фильмы, – с этим был бы полностью согласен любой настоящий социал-демократ вроде Пабло Эскобара.

«Пороховая бочка» в имении шурина Энрике Сарасолы взорвалась в 1996 году, в правление Эрнесто Сампера Писано, когда Карлос Альберто Маруланда был послом в ЕС. Из-за действия таких групп, как «чулавитас», которых его отец использовал еще полвека назад, почти четыре сотни крестьянских семей вынуждены были бежать из «Белья Крус» после сожжения домов, пыток и убийств их лидеров в присутствии армии. Маруланду, обвиняемого в организации вооруженных формирований и нарушении прав человека, арестуют в Испании в 2001 году и экстрадируют в Колумбию в 2002-м. Две недели спустя его выпустят на основании того, что преступления были совершены не миллионером, другом президента, а вооруженными группировками, действующими в департаменте Сесар. Для «Международной амнистии»[189] случившееся в имении «Белья Крус» стало одним из примеров вопиющей безнаказанности в новейшей истории Колумбии. Диего Лондоньо Вайт, как и его брат Сантьяго, впоследствии был убит. Почти все нажившиеся на афере с метро и на преступлениях в «Белья Крус» или их потомки теперь наслаждаются роскошной «ссылкой» в Мадриде или Париже.

– Думаю, настало время представить тебя друзьям, которые свели меня с «сандинистами», – говорит Пабло на прощание через несколько дней до моего отъезда в Боготу. – У нас важный проект, и я хочу узнать, как они тебе. Если все пойдет по плану, мы сможем жить спокойно. Ради обеспечения безопасности, на этот раз я даже не смогу тебе звонить десять или пятнадцать дней, ни до, ни после. Это сделает пилот, пригласив тебя пообедать в какой-нибудь ресторан, это будет пароль, тогда решай, когда захочешь полететь, только обязательно через два дня после звонка.

В Боготе я нахожу письмо с телевидения в Майами, они хотят провести второе собеседование и обсудить возможный контракт. Зарплата – пять тысяч долларов в месяц. Каждый день я должна быть в студии в пять утра, чтобы загримироваться, перед тем как

представить несколько выпусков новостей. Пару дней спустя Армандо де Армас звонит, утверждая, что это предложение – лучшая возможность заново начать карьеру на высшем уровне. Он настаивает, чтобы я ее не упустила. Отвечаю: в 1980 году, в Колумбии, в новостях «24 часа», я за один только каждодневный выпуск в семь вечера зарабатывала подобную сумму. Не могу никому признаться: мне страшно, что кто-нибудь пошлет в журнал из Майами мои фотографии с Эскобаром, тогда контракт с североамериканским каналом будет расторгнут и разразится огромный скандал. Возвращаясь в Медельин, я показываю Пабло письмо с предложением и ужасаюсь, убедившись, что он продолжает прослушивать мой телефон:

– Пять ежедневных выпусков за пять тысяч долларов в месяц? Что о себе возомнили эти кубинцы! – и, поджигая письмо, он добавляет: – Сделаем вот что, любовь моя, я буду давать тебе восемьдесят тысяч долларов, пока ты не найдешь работу на студии, которая действительно оценит тебя по достоинству, или на канале той страны, куда бы я мог часто ездить. Но я не отдам тебе все деньги сразу, потому что ты убежишь от меня в Майами с каким-нибудь венесуэльским миллионером и я никогда больше тебя не увижу. Хотя мы с тобой не сможем быть вместе каждую неделю, сейчас, раз уж ты вернулась, я нуждаюсь в тебе как никогда. Хочу, чтобы в следующие месяцы мы вместе прожили несколько важных событий, которые должны произойти в этой стране.

Армандо де Армас не врал. Эскобар застал его врасплох и переиграл! Но я сразу отмела абсурдную мысль о попытке похищения. Очевидно, Пабло уже догадался, кто стоял за предложением кубинского канала, и я решила больше не задавать вопросов, предпочитая рассказать ему о заинтересованности итальянского журналиста его историей и возможной съемке фильма продюсерами Чекки Гори. Представив, что его жизнь может перенестись в кино, Пабло очень горд. Хотя он и светится от счастья, Пабло Эскобар прежде всего – предприниматель:

– Понимаешь, для тебя есть и другая работа, намного престижнее и прибыльнее. Передай Валерио Риве: если хочет назначить мне встречу с твоей помощью, пусть заплатит тебе сто тысяч долларов за краткое содержание и аванс за сценарий к фильму. Если он не станет писать его с тобой, сделка не состоится, если откажется платить, значит, итальянские продюсеры-мультимиллионеры не руководят проектом, а этот тип просто хочет использовать тебя, заработав кучу денег на истории, которую всем не терпится узнать. Тем более с учетом того, что скоро произойдет, меня уже не посмеют экстрадировать. Мы с

тобой сможем свободно путешествовать вместе почти везде, кроме США, конечно. И в любом случае, ты всегда сможешь ездить туда каждый раз, как захочешь отдохнуть от меня… на пару дней.

Ровно две недели спустя, в середине августа 1985 года, я возвращаюсь в Медельин. Под вечер два парня встречают меня в скромном автомобиле и всю дорогу постоянно смотрят в зеркало заднего вида, убеждаясь, что за мной не следят. Не хотят, чтобы кто-то излишне целеустремленный обнаружил местонахождение Пабло. Я не спрашиваю, куда мы направляемся, а затем проваливаюсь в сон. Просыпаюсь, слыша голоса мужчин, предупреждающих по радио своего босса, что мы уже почти на месте. Когда мы подъезжаем к заднему входу асьенды «Наполес», оттуда пулей выносится маленькая белая машина с тремя мужчинами, скрываясь среди теней в ночной тишине. Парни сообщают, что это автомобиль Альваро Фаяда[190], командира «М-19».

Я очень удивлена, потому что была уверена: партизаны и «MAS» ненавидят друг друга до смерти. Я оборачиваюсь, глядя на машину, человек на заднем сиденье тоже поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и на мгновение наши взгляды пересекаются. Мы влетаем в имение и останавливаемся напротив главного входа. В конце коридора, под желтоватым светом, мне удается разглядеть двух или трех мужчин, которые сразу удаляются в сопровождении тех, с кем я приехала. Поскольку они ушли, когда вышел Пабло, мне не удалось никого разглядеть. Прихожу к выводу, что его гости не только располагают полным доверием, но и требуют конфиденциальности в отношении обсуждаемых тем, благоразумной дистанции подчиненных и исключительных мер безопасности.

Пабло – эксперт в области коммуникаций; его всегда моментально информируют обо всем, что происходит вокруг. Он немедленно выходит мне навстречу, открывает дверцу автомобиля и обнимает. Потом слегка отодвигает и гордо рассматривает, как будто я – произведение Ренуара, принадлежащее ему. Энтузиазм Пабло наводит на мысли: он что-то задумал и ждет не дождется представить меня гостю. Насколько я поняла, никого больше не будет. Эскобар просит угадать, кто это. Я спрашиваю: может, это саудовский принц из королевской семьи, который перевозит кучу денег на своем дипломатическом самолете, или какой-нибудь революционер из Центральной Америки, аргентинский генерал трех солнц?[191] Вождь ацтеков? Или он из Рио-де-Жанейро, а, может, посланник Стресснера[192], вечного парагвайского диктатора? Когда Пабло

объясняет, о ком речь, я не могу поверить своим ушам:

– Я хотел, чтобы ты познакомилась с двумя основателями и командирами «М-19». Мы уже давно дружим, но я не мог рассказать об этом, пока не был полностью уверен в тебе. После похищения Марты Ньевес Очоа мы заключили договор о ненападении. Альваро Фаяд недавно уехал, мне показалось, что его обеспокоила новость о встрече с тобой, но там, внутри, – Иван Марино Оспина, самый жесткий из командиров. Он не отреагировал, услышав твое имя, потому что годами живет в джунглях и не смотрит телевизор. Посмотрим по ходу событий, расскажем ли мы, кто ты, или сохраним инкогнито. Потом Пабло проводит рукой мне по плечу и тоном тореадора, к которому прибегает, когда счастлив, добавляет:

– Немного анонимности в данный момент не повредит тебе, правда, любимая?

– И сколько лет нашему герою XIX века, Пабло? – интересуюсь я.

Смеясь, он отвечает – где-то сорок три. Говорю: единственные колумбийцы в этом возрасте, не знающие, кто я, – мужчины из народностей в глубинах сельвы, которым неведомо о существовании испанского языка или бюстгальтера.

– Он пастух из долины Каука, который меня не боится. У него в ходу нет интеллектуальных словечек или грубостей! Обещай, что подыграешь мне и хоть раз в жизни будешь говорить на национальные или местные темы. Поклянись самым дорогим, что не заговоришь с ним о «чуме» Пол Пота[193] или о культурной революции![194]

– Пабло, намекаешь, что я не могу спрашивать колумбийскую знаменитость, главнокомандующего партизанским отрядом, о методах партизан «Монтонерос» и «Сияющем пути»[195], об «ИРА» и «ЭТА», «Красные бригадах» или «Баадер-Майнхоф», «Черных Пантерах» или «Тиграх освобождения Тамил-Илама», ХАМАС и ФАТХ?[196] – говорю я, поддразнивая его. – Зачем ты меня позвал? Чтобы поговорить о Движении 19 апреля, сандинистах и Белисарио? Можно хотя бы спросить про взятие казарм Монкада?[197] Гавана все еще там, между Картахеной и Майами…

– Пусть расскажет о Симоне Боливаре или о чем захочет. Сразу предупреждаю, он не заговорит с тобой о Фиделе Кастро… Я нуждаюсь в поддержке этого человека, чтобы покончить со всеми проблемами… Давай не будем заставлять его больше ждать. И, ради бога, не делай звездное лицо, этого платья уже и так достаточно! Ты очень простая и очаровательная, притворимся, будто ты всего лишь красивая и скромная девочка, ок?.. Кстати, должен предупредить, мой друг сильно «накачался»… Но мы с

тобой уже привыкли к… слабостям остальных, не так ли, любовь моя?

Представляю командующего с Амазонки в камуфляже, как армейского сержанта. Он сочтет, что мне не место на встрече сильных мужчин и очень тактично сделает все возможное, чтобы заставить меня удалиться и дальше обсуждать с Пабло финансовые вопросы. Иван Марино Оспина человек среднего роста, с крупными чертами лица, редкими волосами и усами, на его фоне Эскобар – Адонис[198]. На мне короткий шелковый костюм и туфли на высоком каблуке. Знакомя нас, Пабло очень горд. Я сразу заметила: легендарный партизанский командир на самом деле не боится ни Эскобара, ни кого бы то ни было, потому что с момента, как взглянул на меня, не отрывает пламенного взгляда от моего лица, тела, ног. Такого я до сих пор не замечала ни у одного мужчины.

Руководитель «М-19» одет в гражданское. Сообщает: он только что из Ливии, пробыл там несколько месяцев. Никто не поедет туда из Южной Америки «на экскурсию», как говорят туристы из колумбийского среднего класса. Оспина собирается торговать нефтью или оружием, а «М-19» совсем не похожа на нефтяную компанию «Standard Oil». Знаю, как Пабло восхищается диктаторами, поэтому вспоминаю, что Муаммар Каддафи[199] решил свергнуть с престола короля Ливии Идриса I, когда увидел, как тот за одну ночь в конце 70-х потерял пять миллионов долларов в казино Монте-Карло. Я спрашиваю Оспину: знает ли он Каддафи, он говорит: нет. «М-19» ездит в Ливию только затем, чтобы потренировать боевые навыки. Когда я пытаюсь выяснить, хорошие ли отношения у «Эль Эме» («М-19») с Лигой арабских государств[200], оба переглядываются, и Пабло предлагает больше не возвращаться к теме далеких африканских пустынь, а поговорить о том, насколько тяжело жить в колумбийской сельве.

Иван Марино рассказывает, что провел много лет на восточных равнинах Колумбии, по которым протекают двести главных притоков Ориноко. В сезон дождей равнинные реки достигают невероятных размеров. Их бассейн, занимающий часть равнин и джунглей Венесуэлы, Бразилии и Колумбии, составляет миллион квадратных километров. Вперившись в меня взглядом, подмечая каждую реакцию на его слова, Оспина начинает рассказывать о подводных угрях. Объясняет: по их вине, те, кто сражается против олигархии в Боготе и империализма в Вашингтоне, должны быть полностью защищены, проходя реки вброд, особенно по пояс и выше, даже если сапоги и промокшая одежда – дополнительные причины язв и страданий. Мы с Пабло в ужасе слушаем истории про шипастых угрей. Они срывают мясо

с жертвы кусками, пока медик хозяина территории титаническими усилиями пытается снять сопротивляющегося угря чем-то вроде щипцов. Я попадаюсь на крючок, спросив, как эти несчастные залезают внутрь: через рот, нос или уши.

– Бери ниже, они проникают через любые отверстия на теле, особенно те, что внизу! А для особ женского пола это – двойная проблема! – говорит Оспина, пожирая меня глазами, как будто хочет устроить очень убедительную демонстрацию.

Глориа Гайтан всегда говорила, что я слишком наивна для своего возраста и ума. И я решаюсь проявить это качество – широко раскрыв глаза, спрашиваю командира «М-19»:

– Иван Марино, а сколько угрей пришлось вытащить из вас за годы революционной борьбы?

Смотря на стену перед собой с толикой грусти, как будто вдруг вспомнив какую-то темную и печальную главу истории, которую хотел забыть, он отвечает: «Парочку, точно». Пабло испепеляет меня взглядом, и я ухожу в туалетную комнату, чтобы больше не подвергать его друга вопросам на выбранную им самим тему, пропагандирующую революционную идеологию.

Возвратившись, я останавливаюсь у приоткрытой двери, слыша, как партизанский командир что-то нетерпеливо требует у Эскобара:

– Нет, брат, нет и нет. Я люблю ее такой, какая она есть. Не хочу никого другого, и точка, только ее. Хочу, чтобы она ни в чем не нуждалась.

– Откуда она, такая затейливая? Ох, брат, как она сводит и разводит ноги… А как пахнет… Как двигается! Так же и в постели? Какая божественная куколка! Вот о такой умопомрачительной красотке я всегда мечтал! Нет, если хорошо подумать… Хочу двоих, как она! Да, двоих, в джакузи. Вычти их стоимость из миллиона, если хочешь!

– Из миллиона? Дай подумать, брат… Безусловно, заманчиво… Но у нас две проблемы, первая – Вирхиния самая знаменитая телеведущая в Колумбии… Она говорит, что «это как быть кинозвездой в стране без кинематографа». Посмотри, если не веришь: вот она, во всех газетах. И второе – поскольку она обо всем знает, то с ней можно поговорить на любые темы… Она мое сокровище. Чего бы я только не отдал, чтобы иметь двух таких!

– Почему сразу меня не предупредил, брат? Ладно, ладно, ладно… тогда, прости! Если хорошо подумать… Сможешь достать мне двух, похожих на Софи Лорен? Не важно, если они немые… И чем грубей, тем лучше! – восклицает Оспина, умирая со смеху.

– Конечно! Могу достать любую, какую хочешь: смуглую Софи Лорен, блондинку и даже рыжеволосую, если они

поместятся в джакузи! – говорит Пабло с огромным облегчением. – И не беспокойся, брат, ничего я вычитать не буду.

Меня так и манит оставить их вдвоем и уйти спать, но я решаю войти. Толкнув дверь, встречаюсь глазами с самым разыскиваемым преступником в мире, которые с ужасом глядят на самого разыскиваемого партизана Колумбии, как будто умоляя его молчать. Пабло ласково приглашает меня сесть рядом с ним, но я не обращаю внимания и присаживаюсь к столу, где оба оставили свое оружие. Видя, что Оспина рассматривает меня на обложке «Al Día», где я стою на коленях и, кажется, раздета, но на самом деле, на мне малюсенькое бикини бордового цвета, я говорю, что могу оставить автограф на память:

– Нет, ни за что! – протестует Пабло, собирая журналы и запирая их в ящик на ключ. – А если при очередном обыске их обнаружит армия, и потом Вирхинию начнут допрашивать, чтобы узнать местонахождение Оспины, а заодно и мое?!

Я спрашиваю у Ивана Марино, почему он вступил в революционную борьбу. Заглянув в воспоминания из прошлого, где все мы храним болезненные мгновения детства, он начинает рассказывать, как после убийства Хорхе Элиесера Гайтана, в 1948 году, в его родном Тулуа «стая» консерваторов из долины Каука убила трех его дядей. Одного из них зарубили мачете на глазах одиннадцати детей. После паузы я с глубочайшей грустью начинаю свое повествование о том, как моя семья потеряла все земли в Картаго, совсем рядом с Тулуа, по вине той же «стаи». В первые годы «Ла Виоленсии» мой дедушка, либеральный министр, женившийся на консервативной землевладелице, каждую неделю ездил в свои поместья и находил очередного управляющего мертвым, с отрезанными ушами, языком и гениталиями, а его молодую жену – посаженной на кол или с разрезанным животом. А если та была беременна, а с молодыми крестьянками это часто случается, очень часто – вырванный из ее тела плод запихивали в рот убитому мужу.

– Мы с вами знаем: единственное, что «стая» консерваторов не практиковала на сельских женщинах, – каннибализм. Мужчины в моей семье никогда не брали в руки оружие, не знаю, из-за того, что были трусами или католиками, предпочитая продавать свои земли за гроши семье мультимиллионеров Кайседо, владельцам сахарного завода, которые финансировали «монстров» и, очевидно, были их друзьями и соседями.

– Не надо равнять нас! – вскрикивает Оспина. – «Стая» убивала слуг олигархов в отсутствие хозяев. В крестьянской семье, как моя, они разрывали людей на куски на глазах у детей!

Я ужасаюсь, выражая сочувствие в связи с пережитыми

страданиями, испытывая глубокое уважение к истокам вооруженной борьбы в Колумбии. Замечаю: удивительно, что три такие непохожие истории, как наши, собрались здесь этой ночью, в самом значительном имении страны. История командира партизанского отряда, главы наркокартеля, и женщины без единого куска земли, родственницы половины олигархии и подруги другой половины. Я заставляю его понять, что жизнь изменчива. Теперь его друг Пабло – землевладелец, его владения в несколько раз крупнее, чем моего прадедушки и его братьев. Кроме того, имущество одного из его компаньонов с избытком превышает размеры состояния Пепе Сьерры, самого богатого землевладельца во всей истории Колумбии и друга моих предков. Так как они с Пабло хранят молчание, я спрашиваю у Ивана Марины, почему «М-19» в июне нарушила договоренность с правительством Бетанкура о прекращении огня. Он объясняет: после демобилизации его группы ультраправые начали убивать ее членов вместе с остальными мятежниками, находящимися под защитой амнистии. Я спрашиваю, говорит ли он о «MAS».

– Нет-нет-нет. Благодаря этому человеку, – отвечает он, указывая на Пабло, – мы друг с другом не связываемся. Правительство – наш общий враг… А, как вы знаете, «враг моего врага – мой друг»… Министр обороны, генерал Мигель Вега Урибе, и начальник объединенного штаба Рафаэль Самудио Молина[201], поклялись покончить с левыми. Если при правительстве Турбая нас сажали в тюрьму и пытали, Бетанкур не оставит в живых никого. Колумбией продолжают управлять «стаи» Лауреано[202] и его сына Альваро Гомеса. Только сейчас это военные, которые верят, что в наших странах все можно привести в порядок только действуя, как Пиночет, истребляя безоружных левых, как тараканов.

– Да, в моем кругу почти никто не скрывает своего восхищения чилийской моделью, но Альваро Гомес – не Лауреано, командир… Кстати, хотя вам и трудно будет в это поверить, в 1981 году я отказалась от самого высокооплачиваемого места на телевидении, потому что от меня требовали называть вас и ваших товарищей «группой душегубов», в выпуске новостей «24 часа», возглавляемом Маурицио Гомесом, сыном Альваро и внуком Лауреано.

Оспину, кажется, удивляет, что кто-то вроде меня мог стольким пожертвовать, отстаивая свою политическую позицию. Объясняю: поскольку теперь я принадлежу к тем, у кого ничего нет, мне тоже терять нечего. Пабло прерывает нас, обращаясь к Оспине:

– Вирхинию уже успели уволить из другого выпуска новостей

за поддержку создания «профсоюза»… И она только что отклонила предложение канала Майами, потому что я убедил ее остаться здесь, в Колумбии, несмотря на то, что все наши враги оставили ее без работы. Брат, эта женщина храбрее нас обоих. Поэтому она такая особенная, и я хотел, чтобы вы познакомились.

Пабло поднимается и подходит ко мне. Партизанский командир встает, чтобы попрощаться. Кажется, сейчас он смотрит на меня совершенно другими глазами. Оспина прилично под кайфом и напоминает гостеприимному хозяину, чтобы тот не забывал об обещанном одолжении. Эскобар предлагает ему поужинать, и они договариваются встретиться позже, в полночь. Перед тем как проститься с ним, я желаю успехов в борьбе за права слабых:

– Берегите себя и можете на меня расчитывать, когда понадобится микрофон, если мне его еще когда-нибудь вернут…

– Как тебе мой друг? – спрашивает Пабло, оставшись со мной наедине.

Говорю, что Иван Марино показался мне храбрым, смелым и убежденным в своем деле человеком. Он действительно ничего не боится.

– Но у тех, кто не боится абсолютно ничего, типаж самоубийцы… Думаю, ему не хватает влияния, Пабло. Не могу представить, если б Ленин просил у Арманда Хаммера[203] перед журналисткой двух проституток. Или чтобы Мао Цзэдун, Фидель Кастро или Хо Ши Мин, который говорил на десятке языков, был под наркотой. Кстати, зачем ему миллион?

– Чтобы избавиться от моих судебных дел и задать всем жару. Если они исчезнут, меня не смогут экстрадировать, – признается Эскобар, победоносно улыбаясь.

– Но, Пабло, ты так не восстановишь свое доброе имя и не докажешь невиновность! Судьи и гринго накопают что-то новое! Иван Марино навел тебя на подобные мысли?

– Знаешь, мне невозможно что-то навязать. Это единственный способ – другого нет. Пройдут годы, пока они что-то нароют… Думаешь, кто-то добровольно вызовется свидетельствовать против нас? Где они такого возьмут, из клуба анонимных самоубийц?

Пабло объясняет: их с партнерами судебные дела уже во Дворце правосудия. Апелляции, дошедшие до Верховного суда, были бессмысленны. Конституционный суд начнет следствие по удовлетворению требований североамериканского суда по их экстрадиции, это всего лишь вопрос недель.

– Значит, чтобы достать откуда-то пачку бумаг, ты согласен заплатить миллион долларов?

– Это никакая не пачка, любимая, это – 6000 исков. Скажем, это… – несколько ящиков.

– Думала, твое прошлое умещалось в несколько телефонных справочников, но не горы таких справочников, ради бога, Пабло!

– Ты меня недооцениваешь, любовь моя… Ты в руках самого крупного преступника в мире. У меня есть новость: через пару месяцев я стану обычным человеком без судебного прошлого, как и ты…

Смеясь, он целует меня, прежде чем я успеваю ответить.

* * *

Эскобар надевает кеды и говорит, что ему нужно оказать услугу своему другу, пока тот не свел его с ума.

– Пабло, «М-19» на самом деле обычно действует очень мощно, но это Дворец правосудия, а не доминиканское посольство…[204] Тогда все получилось, потому что посольство находится на спокойной улице, где много путей входа и выхода, но Дворец правосудия выходит на площадь Боливара, огромную и открытую. Два единственных прохода узкие, а на обратном пути – казармы батальона Президентского полка. Что, если партизаны случайно выстрелят, убив какую-нибудь несчастную секретаршу, мать троих детей, или одного из полицейских на входе? Это здание ко всему готово, любимый. Войти во дворец, должно быть, очень легко, выкрасть бумаги – слегка посложнее, но выйти оттуда – невозможно! Не знаю, как они собираются это сделать. И на самом деле – даже не хочу знать…

Эскобар садится на край кровати и берет мое лицо в свои руки. За мгновение, кажущееся вечностью, он пробегает пальцами, как будто стараясь запомнить его, пристально смотрит на меня, словно роясь в моих глазах, проверяя, что за очевидным неодобрением захвата дворца не скрывается опасность возможной огласки, и предупреждает:

– Ты никогда и ни с кем не должна говорить о произошедшем здесь этой ночью, ясно? Ты не знакомилась с Оспиной, не видела, как уезжает Фаяд. Если тебя спросят обо мне, мы тоже не встречались. Не забывай ни на секунду, что они запытывают людей на допросах до смерти, чтобы получить информацию о местонахождении таких типов, как мы… Тот, кто ничего не знает, заканчивает хуже всех, а тот, кто знает, «запоет» в первые десять минут! Мой друг – умелый стратег, и его доблесть в бою известна всем. Больше не беспокойся, это будет моментальный и чистый удар, они профессионалы и до настоящего времени никогда не

промахивались. Я умею выбирать людей в своем окружении и поэтому выбрал тебя… где-то из десяти миллионов женщин! – говорит он, целуя меня в лоб.

– Какая толпа претенденток… И зачем ты хотел познакомить меня с Иваном Марино, Пабло? – интересуюсь я.

– Потому что только такой влиятельный лидер, как он, может оказать мне подобную услугу. А ты должна по-другому взглянуть на реальность, не оценивая ее как твое окружение, поверхностная и фальшивая верхушка общества… Есть еще много причин, о которых мне нельзя рассказывать, – могу только ответить, почему я так редко звоню и не вижусь с тобой, как бы того хотел, но раскрывать секреты своих союзников я не вправе. А теперь постарайся отдохнуть, через несколько часов за тобой приедут и отвезут в отель, перед тем как рассветет. Вот увидишь, через пару недель мы уже будем праздновать успех операции, откупорив бутылку твоего любимого шампанского «Rosé».

Я погружаюсь в его спасительные объятия, Пабло целует мои волосы. Так ведут себя мужчины с той, которую боятся потерять, зная, что ей грустно. Он гладит меня по щеке и молча встает.

– Я позвоню тебе через несколько дней. И, ради бога, держи «беретту» в кармане, а не в сейфе. У меня много врагов, любимая.

Мы никогда не знаем, увидимся ли снова, но я всегда предусмотрительно не упоминаю об этом. Это как поставить под сомнение его абсолютную уверенность в том, что смерть, очевидно, обходит его стороной, в отличие от остальных. Открыв дверь, Пабло на мгновение оборачивается, чтобы послать мне последний поцелуй, а мне лишь удается произнести:

– Пабло, «М-19» приносит нам одни несчастья. Думаю, вы совершаете безбашенный поступок…

И снова я вижу, как он уезжает, тихо унося в темноту свой крест, о котором известно только мне. Слышится его свист. Пару минут спустя я наблюдаю из окна, как он отдаляется в сопровождении группы людей. Мне интересно: у кого-нибудь еще, кроме этого богатого и влиятельного, но такого беспомощного перед законной властью человека, таится в душе ужасный страх перед экстрадицией? Знаю: никто больше ему не посочувствует, а я никому не смогу признаться в накатывающем на меня беспокойстве. Я осталась одна, размышляя о деле всей жизни двух друзей, один из которых борется за права бедняков, а другой – за права богачей; о боли и ужасах, которые эти храбрые мужчины спрятали глубоко в сердце из плоти, свинца, камня и золота. Мне грустно и тревожно, я все думаю: действительно ли Пабло контролирует Ивана Марино, спонсируя его, или партизанский командир манипулирует мультимиллионером,

прибегая к уникальной способности оказывать услуги, от которых, возможно, будет зависеть вся оставшаяся жизнь Пабло и моя заодно…

С последней ночи в асьенде «Наполес» прошло уже десять дней. Сейчас 29 августа 1985 года. Открыв газету, я обнаружила, что Иван Марино Оспина убит в Кали во время столкновения с армией. С одной стороны, я искренне сочувствую потере грандиозного воина, а с другой – ощущаю сильное облегчение, потому что знаю: без его отваги и сильного духа абсурдный план отменили или, по крайней мере, отложили.

Я, как и Пабло, обожаю Симона Боливара, умершего в Колумбии с сердцем, разбитым неблагодарностью освобожденных им народов, и молюсь «Освободителю» за душу партизанского командира, жизнь которого пересеклась с моей на несколько коротких часов. Я задумалась: как долго армия преследовала Ивана Марино? Меня пробирает озноб при мысли, что убить могли Пабло. Я думаю о том, что он должен чувствовать, потеряв своего друга, зная: с этого момента меры безопасности усилятся до предела, мы наверняка не будем видеться неделями.

В середине сентября Эскобар преподносит сюрприз – мои любимые танго: «Ни одна» («Ninguna») и «Прогуливаясь на углу, где ты живешь» («Rondando tu esquina»). Кажется, эта песня, которая всегда так нравилась мне, теперь напоминает только, насколько я загнана в угол. На следующий день Пабло звонит, заявляя, что непрерывно по мне скучает, и просит всерьез поработать над анонсом фильма. Если итальянцы не возьмутся за его экранизацию, это сделает он. В начале октября Эскобару уже очевидно: суд одобрит его экстрадицию, поэтому придется исчезнуть на некоторое время. Он дал мне понять: план по захвату Дворца правосудия провалился, объясняя, что не может взять меня с собой, не подвергнув опасности. С надеждой на скорую встречу, когда станет безопасней, он прощается под серенаду марьячис, с романтическими обещаниями: «Если они нам позволят» («Si nos dejan») и «Октябрьская луна» («Luna de octubre»).

Сердце, которое ты сумела вынести
и полюбить, превозмогая боль…
Если я ухожу, не думай,
что я хочу быть далеко от тебя.
Я навечно сохраню в себе страсть,
которая зажглась во мне,
когда я увидел тебя в первый раз.
С тех пор, как я мечтал о том,

что ты создана для меня.

В течение следующих недель я стараюсь забыть все, что произошло той теплой августовской ночью. Но воспоминания об отваге Ивана Марино и победоносном тоне Пабло мелькают в моей памяти, как чернокрылая бабочка. До нас, журналистов, снова и снова доносятся слухи об угрозах судьям Верховного суда со стороны «Экстрадируемых» и «М-19», но никто не обращает на них внимания, потому что почти все работники СМИ уже к такому привыкли и убеждены, что в Колумбии «брехливая собака редко кусает».

* * *

6 ноября 1985 года. В вестибюле отеля «Хилтон» я встречаюсь с коллегой. Мы вместе ведем радиопередачу о национальном конкурсе красоты. Событие, которое год за годом собирает в Картахене известных персон и любого, кто хоть чем-то прославился в мире косметической и модной индустрии. Королевы прибывают в сопровождении свиты из своего департамента[205], с женами губернатора и мэра региональной столицы. За день до «Вечера коронации», проходящего в конференц-зале, после которого всегда организуют грандиозный официальный бал в клубе «Картахена», приезжает губернатор, его родственники и должностные лица из каждого департамента, а также главы СМИ со всей страны. Последние обычно хотят взять интервью у политиков и воспользоваться моментом полюбоваться таким количеством красивых женщин. На тот момент взаимосвязь наркоторговли с политикой ни для кого не секрет. Общеизвестно, что без поддержки босса департамента руководство и не мечтало бы оплатить расходы королевской свиты из ста или двухсот человек: в нее входят родственники и друзья, две дюжины господ из высшего общества, бывшие королевы красоты с мужьями и региональные чиновники. Кроме того, неудивительно, если сама мисс – девушка босса или его сына, а связь начальников полиции и армейского полка с местным «королем кокаина или марихуаны» гораздо более тесная, стабильная, продолжительная и прибыльная, чем у успешного предпринимателя с очередным президентом.

Кто еще усомнится в том, что «женщина-трофей» должна присутствовать на национальном конкурсе красоты в Картахене? Костюмы и украшения на голове похожи на те, что носят мулатки

из школы танца на карнавале в Рио-де-Жанейро, только они танцуют и поют полураздетые и счастливые, в то время как бедные королевы тащат украшенные перьями и сверкающие хвосты сирен весом в полсотни килограммов, при температуре сорок градусов по Цельсию, стоя на каблуках в двенадцать сантиметров. Шествие в парадных каретах и на тематических платформах, длящееся целую неделю, выматывает даже самых стойких морских офицеров, сопровождающих девушек.

Одиннадцать утра. До выборов и коронации пять дней. Огромный вестибюль кипит от возбуждения присутствующих радиожурналистов, фотографов, певцов, актеров, модных дизайнеров, президентов фирм, спонсирующих конкурс, бывших мисс Колумбия, с каждым разом все более красивых, уже с мужьями, которые гордо ведут их под руку. Члены жюри – иностранцы, единственные, кто скрывается от всех, чтобы потом никто не говорил, что ими манипулировала свита или их подкупил будущий тесть мисс. Королевы в своих комнатах готовятся к первому выходу в купальнике, в то время как прихожие на этажах, отведенные специально для них, заполнены некрасивыми мужчинами в зеленой униформе и красавцами в фирменных белых костюмах. Они с абсолютным презрением наблюдают за полчищем геев-визажистов и парикмахеров, которые, в свою очередь, с ярой ненавистью смотрят на первых и с абсолютным обожанием на вторых.

В 11.40 разражается буря. Интервью и передачи на радио прерываются: «М-19» захватила Дворец правосудия, кажется, судьи Верховного суда взяты в заложники! Мы с коллегой летим на всех парах в мой номер и вместе садимся перед телевизором. Сначала я не признаю, что происходящее как-то может быть связано с Пабло. Уверена: его нет в стране. Последнее, что могло прийти в голову моей подруге, – что я любовница Пабло Эскобара, а также что один из лидеров «MAS» мог финансировать партизанский захват. А я уж точно и представить не могла, что моя подруга – девушка одного из командиров «М-19».

Площадь Боливара – огромное пространство, в центре которого расположена статуя Симона Боливара, повернутая на восток, в сторону собора «Катедраль-Примада»; напротив нее – мэрия, рядом с которой Сенат и Дворец правосудия, выходящие на северную и южную стороны. За Сенатом – президентский дворец, «Каса де Нариньо», охраняемый батальоном президентского караула.

Двумя днями ранее охрана Дворца правосудия, резиденции Верховного суда и Государственного совета была поручена частной военной компании. Именно в этот день Конституционный

суд начал бы рассматривать материалы по экстрадиции Пабло Эскобара Гавирии и Гонсало Родригеса Гачи, наряду с другими делами. Взятие Дворца совершила группа Ивана Марино Оспины, «М-19», под лозунгом «Антонио Нариньо[206] за права человека». Под руководством командующих Луиса Отеро и Андреса Альмаралеса[207] тридцать пять повстанцев проникли во дворец. Семь из них вошли через главную дверь, как обычные граждане, а остальные в двух маленьких грузовиках прорвались через дверь подвала сбоку здания, выходящую на узкий, всегда заполненный проспект в центре Боготы. Партизанская вооруженная группа уже убила двух охранников и управляющего Дворца. Взяв в заложники более трехсот человек, среди которых судьи, персонал и посетители, представители «М-19» требуют позволить им выступить на радиопередаче с воззванием. Они хотят заявить о притеснении тех, кто искал защиты, надеясь на амнистию, а также напомнить о неэффективности правосудия в Колумбии, поддерживающего экстрадицию соотечественников, которых будут судить в других странах.

Участники движения требуют обнародовать их программу в ежедневных изданиях, хотят, чтобы правительство предоставило оппозиции эфирное время на радио, а Верховный суд учел право на подачу петиций, зафиксированное в Конституции. Они хотят заставить президента республики или его доверенное лицо предстать перед судом, чтобы осудить его за измену мирным соглашениям с демобилизованными группами «М-19», «Народной армией освобождения» (EPL)[208] и «Движением имени Кинтина Ламе»[209].

В двенадцать часов дня здание полностью окружено армией. Президент по прозвищу «большой поэт» приказал освободить Дворец правосудия любой ценой. К двенадцати ночи боевые танки въехали через подвал, вертолеты группы противодействия вымогательствам и похищениям (GOES) уже высадили боевые группы на террасе здания, в то время как танк «Каскабель» снес двери дворца, выходящие на площадь, пропустив еще два танка с десантом из батальона президентского конвоя и артиллерийской школы. Белисарио Бетанкур срочно созвал экс-президентов, парламентских кандидатов, членов Конгресса и президента сената, отказываясь слушать судей и партизан. Предложения иностранных государств выступить в качестве посредника между правительством и вооруженной группой даже не дошли до него, ведь президент не простил «М-19» нарушение перемирия, основы его президентской кампании. А также поддержку «Экстрадируемых», оказанную воззванием Ивана Марино Оспины в начале года, раскритикованном остальными командующими

«М-19»:

– За каждого экстрадированного колумбийца мы должны убивать гражданина США!

Танки открывают огонь, а радиостанции передают голос судьи Рейес Эчандиа, председателя Верховного и уголовного суда, который пару лет назад принял решение об экстрадиции колумбийцев в Соединенные Штаты, умоляющий президента Республики прекратить огонь, иначе убьют всех. Но начальник полиции не прислушивается к его воззваниям. Памятные слова молодого полковника Альфонсо Пласаса из артиллерийской школы, сказанные присутствующему на месте событий журналисту, достоверно описывают происходящее:

– Здесь защищают демократию, господин!

В Латинской Америке, когда глава правительства дает военным карт-бланш на защиту демократии, они знают, что делать. А все, что они могут – поквитаться по полной, выместив всю накипевшую ненависть, накапливаемую пяти– и десятилетиями борьбы с повстанцами. Наконец-то, отбросив все запреты, навязанные законами, разработанными цивилизованными людьми для защиты безоружных граждан. И тем более когда в колумбийском Дворце правосудия, среди множества следственных дел размером с телефонные справочники, содержащие судебное прошлое Эскобара и его союзников, покоятся другие коробки с 1800 исками против армии и государственных служб безопасности в связи с нарушениями прав человека. Пожар, объявший Дворец в шесть часов вечера, раз и навсегда покончил с проблемой не только дюжины экстрадируемых, но и нескольких тысяч военных.

Адские температуры вынуждают партизан и заложников отступить на четвертый этаж, к туалетам. Андрес Альмаралес приказывает выпустить женщин и раненых. Когда вечер уже подходит к концу, телефоны, по которым судья Рейес и командир Отеро связывались с президентским дворцом, умолкают. Когда Бетанкур принимает решение наладить контакт с предстедателем суда, это не удается. Технически произошел государственный переворот, возглавленный военными. Мероприятия национального конкурса красоты не отменяют и не откладывают, ссылаясь на то, что веселый и сильный дух колумбийского народа не будет сломлен трагедией. Картахенцы не позволят испортить праздник из-за событий, происходящих в Боготе.

Бой продолжается всю ночь. Когда в начале следующего дня представитель президента Республики и глава Красного Креста приезжают на переговоры с партизанами, военные не позволяют им войти во Дворец, разместив в историческом доме-музее 20

июля[210], вместе с двумя сотнями заложников, освобожденными Альмаралесом и военными, среди которых – государственный советник Хайме Бетанкур Куартас, брат президента Республики. Всех строго досматривает и допрашивает начальник военной разведки (B-2), полковник Эдильберто Санчес Рубиано, при участии служащих артиллерии и полицейского подразделения (F2). Некоторые из них путают невиновных с партизанами, дюжина служащих юстиции, включая судей и советников, спасены от ареста только благодаря прошениям их товарищей по службе. Каждого, кто вызывает хоть малейшее подозрение, сажают в военный грузовик и отвозят в кавалерийскую школу города Усакен на севере Боготы. Только два студента с факультета права, брошенные на отдаленном шоссе после серии пыток, позже были освобождены.

В два часа ночи весь мир с недоверием наблюдает по телевизору, как танк «Каскабель» одним выстрелом проделывает огромную брешь в стене на четвертом этаже, где прячутся оставшиеся партизаны и заложники. Потом через нее полицейские снайперы, размещенные на крышах окружающих зданий, без разбора обстреливают внутренний двор дворца по приказу начальника, генерала Виктора Дельгадо Мальярино[211]. Тем временем армия бросается гранатами, а над местом кружат вертолеты. Несмотря на то что боеприпасы заканчиваются, партизаны отказываются сдаться гуманитарной комиссии для последующего суда, который якобы предоставит им множество гарантий. В то время как артиллерийский дождь потихоньку сломил их сопротивление, пламя почти целиком поглотило остатки дворца. Приказ военным: не оставлять никого из группы в шестьдесят человек в живых. Все, включая судей, свидетелей насилия и резни, погибают. Среди выживших остались председатель Верховного суда и четверо свидетелей в делах об экстрадиции, среди которых – правозащитник Мануэль Гаона Крус. Министерство обороны приказывает раздеть и обмыть все без исключения трупы, смыв ценные доказательства. Вход судмедэкспертов для эксгумации тел запрещен.

По приказу министра связи и массовых коммуникаций, Ноэми Санин Посады, двоюродной сестры Марии Лии Посады, жены Хорхе Очоа, колумбийские телеканалы транслируют только программы про футбол и новости с конкурса красоты. Спустя почти двадцать семь часов после захвата слышится последний взрыв, и все внутри здания утихает. В два тридцать ночи генерал Ариас Кабралес частично признает победу за министром обороны. Генерал Вега Урибе[212] сообщает президенту, что захват предотвращен, а Дворец правосудия освобожден.

– Какой дворец – куча искореженного железа и сто обугленных трупов внутри? – изумляются все.

В восемь часов вечера Белисарио Бетанкур обращается к стране:

– Хорошо это или плохо, но ответственность беру на себя я, президент Республики.

– Какую ответственность, за что именно? За массовое убийство служащих юстиции, беспощадную бомбардировку армией и полицией? – думаю я, слушая верховного главнокомандующего вооруженных сил, в котором колумбийский народ в 1982 году, вечно обманутый иллюзией мира, которого не существует, ошибочно увидел будущего государственного деятеля.

Победителями из жертвоприношения вышли трое: военные, «Экстрадируемые» и две традиционные партии. Движение «М-19», как и другие вооруженные формирования, оказалось погребенным под пеплом судебной системы, провалившись в качестве политического проекта. Убиты одиннадцать судей, сорок три простых гражданина, тридцать три партизана, одиннадцать членов ВВС и департамента безопасности. Камеры репортеров зафиксировали, как армия вытаскивает из Дворца правосудия около десяти работников кафе, администратора и двух партизанок. На следующий день, когда семьи попросят информацию о местонахождении задержанных, им ответят, что они временно заключены под стражу в военных гарнизонах – никто не уточняет, в каких и где, и больше о них никто ничего не услышит.

12 ноября я возвращаюсь со зловещего конкурса, последнего, который я освещала за всю мою карьеру. На следующий день, 13 ноября этого ужасного года, в Колумбии происходит самая большая трагедия всех времен. Мировые СМИ забывают о ста жертвах Дворца правосудия в Боготе, переключившись на 25 000 погибших в Армеро, богатом рисовом и кофейном районе Толимы.

Задумываясь о невероятной удаче мясников на службе у государства, я утверждаю, что на моей бедной Родине, как и на всех нас, лежит проклятие. Мне любопытно: стал ли самый храбрый из мужчин трусливым монстром. Я меняю свой номер телефона и с душой, сжимающейся от страха, принимаю решение больше никогда не видеться с Пабло Эскобаром. В мгновение ока любовь к нему угасла.

Тарзан против Панчо Вильи

Тринадцатилетняя Омайра Санчес бьется в агонии перед телекамерами, транслирующими это по всему миру. Только ее голова и руки выступают из затверделой глины, под слоем которой бетонная опора сковала ей ноги. Опустошенный пейзаж, окружающий подростка, километры тины, из которой еле виднеются стволы деревьев или останки утонувшей коровы, кажется, простирается до бесконечности. Уйдут дни на то, чтобы достать оттуда Омайру и привезти в больницу, где ей понадобится ампутация ног. Пока газообразная гангрена расползается по телу, девочка вселяет надежду миллионам соотечественников и тем, кого потрясли ее страдания и храбрость на пороге смерти. За ней наблюдают из всех уголков планеты, не в силах что-либо предпринять. Колумбийцы знают: спасти ее уже невозможно. Мы можем только ухаживать за ней, облегчив последние часы агонии, и молиться, чтобы страдания скоро закончились. Шестьдесят часов спустя этот ангел покинул нас навсегда и возвратился на небо, где ее уже ожидали души других 25 000 жертв, и ста погибших десятью днями ранее (невиновных или преступников) в ходе захвата Дворца правосудия.

Омайра – одна из 21 000 раненых и пострадавших, которые пережили драму в Толиме. За считаные минуты извержение вулкана Руис заполнило лавой и вулканической породой спокойную реку Лагунилью, которая около полуночи сошла на Армеро, превратившись в водяной смерч, протянувшийся на километры.

Поток тины и обломков буквально стер с карты процветающий на протяжении девяноста лет населенный пункт. О всевозможных катастрофах в Колумбии сообщают заранее, и эта не была исключением. Уже несколько месяцев назад вулканологи предупредили, что обнаружили огромные трещины в кратере. По обыкновению равнодушное государство приняло решение проигнорировать эти заявления, поскольку оставалось неясным, как можно эвакуировать 50 000 человек и куда их расселить на несколько дней или недель.

Две катастрофы, одна за другой, погрузили страну в траур, вызвав глубокое чувство беспомощности. Но трагедия в Армеро стала настоящим благословением для военных. Теперь, в эпоху всеобщего бедствия, утомленные насилием, удушениями, освежеванием, сдиранием ногтей, купанием в серной кислоте, сжиганием, захоронением и выбрасыванием на свалку задержанных во Дворце правосудия, они могут вернуть образ слуг

народа, внезапно превратившись из злодеев в спасителей, помогая двумстам тысячам людей, оставшимся инвалидами, ранеными или без крыши над головой, используя все человеческие ресурсы, средства, самолеты и вертолеты.

Круглые сутки по телевизору – этот ужас. Множество историй, полных невыносимых страданий и невосполнимых потерь, я также проливаю реки слез и разделяю общую боль. Перед тем как наконец признать эгоизм, слепоту и безответственность любимого мной человека, я продолжаю винить себя за то, что жива, и жажду обрести покой с умершими.

* * *

Два месяца спустя моя подруга Элис де Расмуссен приглашает меня провести пару дней в ее доме на островах Росарио, маленьком архипелаге, расположенном в 55 километрах от Картахены-де-Индиас[213]. Национальный парк – собрание коралловых необитаемых островков в государственной собственности, но дюжины коренных, обеспеченных семей Картахены, Боготы и Медельина построили там свои дома и особняки, назвав все это «прогрессом». В Колумбии общепринятые нормы рано или поздно переходят в статус закона. Именно поэтому, хотя острова и принадлежат государству, земля на поверхности – собственность покупателей, которые облагородили местность, выстроив роскошные дома. Да и кого волнует, что нижняя часть острова в колумбийской туристической зоне для богачей принадлежит другому? К 1986 году уже не осталось заброшенных участков. Каждый отрезок земли стоит небольшое состояние, а цена самого скромного дома – не меньше четверти миллиона долларов.

Рафаэль Виейра Оп Ден-Бош – сын одного из белых колонистов островного парка Росарио и матери с карибско-голландскими корнями. Ему тридцать четыре года. Хотя у него нет зоопарка, он эколог, уважаемый туристами, соседями и даже самим директором парка, на территории которого они с семьей построили прибыльное предприятие: «островной Аквариум». Рафа, как его все называют, не богат, но за день ему удается продать восемьсот обедов. Он не низенький, страшненький и плотненький, а очень высокий, красивый и атлетичный. У него нет глиссера – только огромная, старая лодка для ловли рыбы. Рафа коллекционирует не жирафов и слонов, а барракуд и дельфинов. Единственное, что его объединяет с Пабло Эскобаром, – Панчо Вилья. Пока Пабло убивает людей и на фото в

шляпе и костюме наездника «чарро»[214] выглядит, как воплощение мексиканского бандита, Рафа, без шляпы, в своих неизменных маленьких плавках, похож на загорелую копию Криса Кристоферсона[215]. Он поймал свирепую лимонную акулу и назвал ее «Панчо Вилья».

Уже много месяцев мне грустно, я чувствую себя ужасно одинокой. Возможно, поэтому мне было совсем не сложно с первого взгляда влюбиться в такого красавца, как Рафаэль Виейра. А поскольку его вроде как сразу покорили мои улыбка и бюст, и он прозвал меня «кошечка», мы с первого дня начали жить вместе. С его рыбами, ракообразными, дельфинами, акулами и делом всей его жизни – сохранением морской фауны страны и национального парка. Все дело в том, что одна из древних традиций здешних мест – рыбная ловля с динамитом: так быстрее и прибыльнее. Единственно важная вещь для рыбаков – ром и сегодняшний день, а не будущее и дети.

На Сан-Мартин де Пахаралес, самом маленьком острове Виейры, нет ни пляжей, ни пальм, а пресная вода – настоящая роскошь. Кроме того, там живут полторы дюжины афроколумбийских рабочих, потомки первых островных поселенцев, и мать Рафаэля. Его отец с мачехой проживают в Майами, а братья в Боготе. На острове дюжина маленьких домиков, и наша дверь никогда не заперта. Рафа весь день работает над расширением своего аквариума, а я плаваю, ныряю и изучаю названия видов животных Карибского моря на латинском, английском и испанском языках. В лучших традициях Кусто, я стала настоящим экспертом в этологии[216] ракообразных и, отдавая должное Дарвину, узнала, почему у акул совершенное строение и триста миллионов лет эволюции, а у людей только пять и куча недоработок типа близорукости. Знаю: все из-за того, что люди произошли от обезьян, которые потратили миллионы лет, чтобы научиться ходить на двух лапах, и еще больше на то, чтобы стать охотниками, а не от морских обитателей, более любознательных, свободных и рискованных.

Рафа учит меня ловить рыбу, нырять с аквалангом и не бояться скатов и барракуд, которые иногда с нами играют, плавая поблизости. Он хочет, чтобы я изучила самого хищного и кровожадного обитетеля планеты, убеждая меня, что в море животные не нападают, если только кто-то случайно на них не наступит или не заденет гарпуном, но я отказываюсь учиться правильно им пользоваться, потому что мне не нравится убивать или наносить вред живым существам. Я предпочитаю обо всех заботиться. С каждым днем погружаюсь все дальше, без помощи дыхательной трубки, и мой объем легких увеличивается.

Поскольку я плаваю по шесть или семь часов ежедневно, на большие дистанции, то стала спортсменкой и выгляжу на несколько лет моложе. В конце рабочего дня мы с Рафой всегда что-нибудь пьем на маленьком пирсе, который он построил собственноручно (как и почти все на острове), любуясь, как раскаленное солнце заходит за горизонт. Мы говорим на темы, связанные с окружающей средой, обсуждаем его путешествия по Африке, животных и эволюцию. Рафу, как и Пабло, не особо увлекают книги, скорее – истории. По ночам я читаю ему Хемингуэя. Моя жизнь сейчас невероятно проста. Мы так счастливы, что думаем однажды пожениться и даже завести детей.

Каждые шесть недель я езжу в Боготу. Теперь она кажется мне негостеприимным и странным городом. Здесь всегда нужно ходить, вооружившись защитными женскими аксессуарами: длинными накрашенными ногтями, как у ведьмы, с ярким макияжем и прической, в костюме, пошитом на заказ, шелковой блузке, длинных чулках и в туфлях на шпильке-стилете. А также жить, соответствуя куче злобных людей-космополитов, которые постоянно сплетничают об изменах и заговорах, смотря на меня с глубоким сочувствием и одновременно огромной завистью, поскольку я оставила свою карьеру, путешествия и общественную жизнь, чтобы уехать на «микроскопический остров, влюбившись в пляжного мальчика с репутацией красавца-голодранца». Я заезжаю в свою квартиру, оплачиваю счета и быстро возвращаюсь к жизни на море, в любящие объятия Рафы. Однажды утром, в один из визитов в Боготу в середине 1986 года, проверяя почту, я обнаружила конверт из плотной оберточной бумаги. В нем, кажется, лежит журнал.

Абсолютно ничто в мире не могло предсказать, что в нем. Фотографии шестнадцати разорванных на части трупов возвращают меня в реальность континентальной Колумбии; текст-анонимка – к человеку, с которым я перестала видеться, которого уже давно не люблю, воспоминание о котором уже не оставляет горько-сладкий привкус запретного плода. Это обычный сборник мемуаров, все более смутных, наполненных неопределенностью и агонией, таких ценных и одновременно бесполезных. Очевидно, кто-то рассказал о нашей встрече с «М-19» агенту спецслужб или военной разведки, тому, кто, замешан в страшных пытках. Обвиняя Пабло и Гонсало в ужаснейших преступлениях, которые я только могу вообразить, аноним клянется заставить меня заплатить за них каждой капелькой крови и каждым миллиметром кожи. Проплакав пару часов, молясь душам жертв, чтобы они просветили меня, что

делать дальше, я решила сделать два звонка. Первый – моей знакомой, чтобы сказать, что я передумала насчет бриллианта в 72 карата, о котором она мне говорила. Хочу показать его коллекционеру (владелец просит за него миллион долларов и предлагает мне сто тысяч комиссии с продажи). И второй – своей подруге Сьюзаните, продавщице недвижимости, чтобы попросить ее выставить мою квартиру на продажу. Потом, вместо того, чтобы отправиться в Картахену, я первым самолетом вылетаю в Медельин.

Густаво Гавирия, как всегда добродушный и искренний, сразу принимает меня. Пока мы обсуждаем его бизнес, мои расторгнутые контракты и ситуацию в стране, в глубине его взгляда я замечаю зачатки глубокого разочарования в жизни. Поговорив пару минут, я показываю ему бриллиант, который, как мне сказали, принадлежал европейскому королевскому дворцу. Взяв лупу ювелира, которая позволяет ему разглядеть мельчайший уголек в относительно идеальном камне, Густаво начинает изучать хрустальное яйцо, что я принесла. Размером оно похоже на перепелиное:

– Это действительно один из самых больших камней, которые я видел в своей жизни, закрывает целую фалангу… Да, он точно королевский… Судя по цене, он явно краденый… Не совсем прозрачный, не желтоватый, не белый, не песочный… Он не особо дорогой, но цвет мне не нравится… и в нем есть угольки…

– Ради бога, Густаво! Мы оба знаем, что, если это «D-Flawless» или «Canary», то его стоимость в четыре или пять раз больше…

Кто-то стучит в дверь и, не дожидаясь разрешения Густаво, входит, закрывая ее за собой.

– Посмотрите, кто у нас здесь! Русалочка собственной персоной! Какая загорелая! Чем обязаны?

– Она приехала показать мне вот это, Пабло – объясняет Густаво, демонстрируя бриллиант. – С Вирхинией расторгли даже контракты на рекламу, ей нужны комиссионные с продажи.

Пабло берет сверкающую драгоценность между большим и указательным пальцем и изучает на расстоянии вытянутой руки, как будто это палец разлагающегося трупа его заклятого врага. Лицо Эскобара выражает такое отвращение, что на мгновение мне кажется, он выбросит миллион долларов в окно. Потом, словно сдержавшись, чтобы не сделать этого, он смотрит на своего партнера и восклицает:

– Это штаб-квартира наркокартеля, а не магазин Гарри Уинстона![217] Мы не будем вести с ней бизнес. Если нужны деньги, пусть договаривается со мной! И не забудь, брат, нас ждут на собрании.

Глубоко вздохнув, Гавирия говорит мне, что не покупает бриллианты такого размера, потому что в непредвиденном случае их невозможно обменять или продать по первоначальной цене. Я спрашиваю, как у кого-то с миллиардом долларов наличными может быть проблема с ликвидностью миллиона, на что Густаво со смиренной улыбкой, пожимая плечами, отвечает: богатые тоже плачут. Он прощается, целуя меня в щеку. Оставшись наедине с его кузеном, я вручаю ему конверт с фотографиями и анонимкой.

– Думаю, тебе стоит посмотреть, что пришло мне по почте. Хотела передать тебе это через Густаво. Похоже, из-за очередного вашего с El Mexicano поручения кто-то хочет сделать со мной то же, что с этими людьми. Пабло, кто еще знал о нашей встрече с Иваном Марино? И кто стоит за смертью Альваро Фаяда в марте?

Эскобар открывает конверт и высыпает содержимое на стол, он словно онемел и очень изумлен. Будто в оцепенении, он садится с каменным лицом. Но ничто на свете не заставит его побледнеть, ведь Пабло Эскобар никогда не боялся зрелищ, от которых обычный человек потерял бы сознание. Ювелирным пинцетом Густаво он подцепляет каждую из шестнадцати фотографий, молча изучая их, потом вслух читает какие-то отрывки текста, сопровождающего снимки, и наконец произносит:

– Думаю, нам с тобой нужно поговорить, и разговор затянется надолго… ты замужем?

Я отвечаю: пока нет, но Рафаэль ждет меня этой ночью в Картахене. Тогда он просит меня вернуть бриллиант, заверив мою подругу, что я уезжаю в путешествие, а самой ждать его в квартире, пока он не освободится. Речь идет о вопросе на грани жизни и смерти.

– Позвони уже своему парню, или кто он там, и скажи, что самолет улетел и ты прилетишь завтра. Успокойся, никто не причинит тебе вреда, я и пальцем тебя не трону. Пока оставляю фотографии себе, попрошу знакомых снять отпечатки пальцев и узнать, кто тот извращенец, который это сфотографировал, шизофреник, приславший их тебе, чертов самоубийца, обвиняющий меня и требующий расплаты за эту резню!

– Нет-нет, Пабло! На фотографиях уже сотни моих отпечатков, ты только все испортишь! Не показывай их никому и не пытайся узнать, кто их снял, умоляю тебя! Я живу на островке с мужчиной, похожим на ангела, и не виновата в преступлениях, которые вы совершили! – прошу я, разрыдавшись, пробуя забрать фото.

Пабло встает и гладит меня по плечу. Когда ему удается меня успокоить, он убирает фотографии в конверт и обещает все сжечь, как только тщательно все изучит, чтобы убедиться, что лица

соответствуют без вести пропавшим из Дворца правосудия, или тому, что осталось от них после действия серной кислоты. Он настаивает: этой ночью мне необходимо остаться в Медельине, и, когда я неохотно соглашаюсь, Эскобар прощается и быстро выходит. Следуя инструкциям, я звоню Рафаэлю и говорю, что приеду завтра, потому что рейс отменили из-за непогоды. Никогда не смогла бы передать ему тот ужас, который чувствую, и уж точно рассказать причины, по которым поделилась им с Пабло. Заходя в квартиру и поставив чемодан на кровать, чтобы распаковать кое-какие вещи, в крупной шерсти ковра я замечаю что-то блестящее – крошечный золотой браслет. Примеряю его. Мое запястье почти такое же тонкое, как у маленькой девочки, но, чтобы закрыться, эта недорогая драгоценная безделушка должна была быть на дюйм длиннее.

Несколько часов спустя, увидев, как входит Пабло, я замечаю: за этот год он постарел лет на пять. Ему еще нет тридцати шести, но походка уже более медленная и не такая уверенная. Отмечаю, что он располнел, а на висках проглядывает седина. Думаю, на моих тоже, но женщинам легче это скрыть. Он выглядит спокойнее, чем вечером, но кажется усталым и грустным, как будто ему необходимы крепкие объятия. В его лице читается вопрос – мое выражает обвинение. Видя порознь наши отражения в зеркале, в которое мы так часто смотрелись вместе, Пабло замечает, что я выгляжу на десять лет моложе его и похожа на статую из золота. Я вежливо благодарю за комплимент, за который год назад вознаградила бы его сотней поцелуев. Он хочет знать: почему я, не предупредив его, сменила номер телефона. Несколькими лаконичными и колкими фразами я все ему объясняю. Задумчиво помолчав, он вздыхает, поднимает взгляд и говорит, что все понимает.

Глядя на меня с некой ностальгией по рассыпавшейся мечте, он грустно улыбается и добавляет, что на самом деле очень рад меня видеть, рад, что может снова поговорить со мной, хотя бы несколько часов. Пабло спрашивает, не против ли я, если он немного отдохнет в кровати, и когда я отвечаю: нет, грузно падает на нее, скрещивает руки на затылке и начинает рассказывать мне истории из реальной жизни. Недавние события, как, например, 6 ноября прошлого года:

– Секретаршу судьи Карлоса Медельина с ожогами третьей степени привезли в больницу Симона Боливара. Когда люди в форме приехали за ней и начальник ожогового отделения попробовал им противостоять, они угрожали обвинить его в пособничестве партизанке, задержать и отвезти на допрос в казарму. С невинной дамы сдирали кожу на протяжении

нескольких часов в армейском кавалерийском училище. Она умерла, потому что эти животные буквально разорвали ее на клочки. У женщины, которая родила в армейском грузовике, украли ребенка, и прямо там, после родов, запытали ее до смерти. Разодранный на части труп другой беременной женщины был выброшен на помойку в Мондоньедо. Пилар Гуарин, девушку, которая в тот день подменяла кого-то в кафе, насиловали в течение четырех дней в военных гарнизонах, затем ее и нескольких мужчин затолкали в чан с серной кислотой, а других захоронили на кладбище кавалерийской школы, где покоятся сотни тысяч без вести пропавших в правление Турбая. И знаешь, зачем они все это сделали? Чтобы получить информацию о семи миллионах долларов, которые я якобы отдал «М-19», чтобы их разделили между военными и службами безопасности. Пытки были не для того, чтобы узнать, кто финансировал захват (они уже и так это знали), а с целью вычислить местонахождение Альваро Фаяда и денег, включая и те, которые я уже отдал Ивану Марино Оспине.

– Сколько ты на самом деле заплатил «М-19», Пабло?

– Я отдал Ивану Марино миллион наличными, пообещав еще миллион оружием и дальнейшую экономическую поддержку. Благодаря полосе в «Наполес» мы смогли доставить взрывчатку, но оружие и боеприпасы не прибыли вовремя, и это оказалось трагедией. Пришлось начать захват раньше, потому что в этот день в суде начинали изучать дела по экстрадиции, и доказательства против нас были неопровержимыми. Члены «М-19» просто хотели огласить воззвание и потребовать объяснений от президента, но все пошло наперекосяк. Военные начали обстреливать Дворец и убили судей, чтобы не осталось свидетелей того, что происходило внутри. Об этом рассказали Гонсало, а он уже рассказал мне. Тебе я могу признаться, что этот миллион долларов – мое лучшее вложение в жизни. Но, как бы близко ни была военная разведка и как бы я ни ненавидел левых, мы с El Mexicano не стали бы платить армии за убийство шести командующих «М-19»! Это самое низкое и подлое, что я слышал в своей жизни! Фаяд и Оспина были не только моими друзьями, но и нашим связующим звеном с Норьегой, «сандинистами» и Кубой. Мне нет смысла тебе лгать, Вирхиния, потому что ты меня хорошо знаешь, и тебе известно, что так и было. Теперь можно признаться: той ночью я хотел представить тебя главнокомандующим «М-19», потому что знал: они потребуют у правительства предоставить им эфиры на радио, и подумал, что ты могла бы на них работать.

Интересуюсь: кто еще знал о его встрече с Оспиной и Фаядом.

Пабло отвечает: только самые надежные люди.

– Сколько из них знало о моем приезде в середине августа 1985 года?

Он, кажется, удивляется, и отвечает: как всегда, только двое, те, что увезли и привезли меня в гостиницу. Я заявляю: среди его людей – предатель. Вероятно, кто-то сболтнул одной из подруг о нашей встрече, а та позвонила в органы безопасности, чтобы обвинить меня, стереть с лица земли и вынудить уехать из страны. Теперь некто с ужасно извращенным умом хочет заставить меня поверить, что Эскобар и El Mexicano заплатили армии за убийство судей и партизан, дабы не платить «М-19», если бы захват прошел успешно. Пабло отмечает: если это так, армия и службы безопасности «доили» бы его всю оставшуюся жизнь, вышло бы куда дороже, чем заплатить «М-19».

– Пабло, мне не интересно знать, кто говорил о нашей встрече с Оспиной. Ты должен присмотрется к собственным людям и девушкам, которых постоянно покупаешь. У тебя есть армия, которая встанет на твою защиту, в то время, как я сдаюсь на милость твоих врагов. Я одна из знаменитейших женщин этой страны, когда меня разорвут на части или заставят исчезнуть, детали нашей связи выйдут на свет. Они обвинят тебя в моей смерти, и все твои принцессски, модели и проститутки разбегутся.

Я бросаю ему золотой браслетик и говорю, что он слишком большой для его дочери Мануэлы.

– Он же на ребенка! Ты совсем свихнулся со своей марихуаной, ты – не просто жертва своего собственного изобретения, но и скоро станешь настоящим извращенцем! Что ты стремишься найти во всех этих девственницах? Особенный идеал женщины, бесконечные копии той, что однажды, в тринадцать лет, была девушкой твоей мечты, той в которую ты влюбился?

– Не позволю никому так говорить со мной! Что ты, черт возьми, о себе возомнила? – кричит Эскобар, вставая и бросаясь на меня, как дикий зверь. И пока он, потеряв самообладание, трясет меня, как тряпичную куклу, я вскрикиваю:

– Думаю, я твоя единственная лучшая подруга, Пабло! Единственная женщина, которая никогда ничего от тебя не требовала, не просила, чтобы ты меня содержал, мне даже не приходило в голову требовать, чтобы ты оставил жену! Я не хотела от тебя детей! Я единственная представительная женщина, которая любила тебя и будет любить, пока ты жив. Которая потеряла все, что заработала в жизни, из-за любви к тебе, единственная, которую седьмой самый богатый человек мира оставил с пустыми руками, без возможности зарабатывать на жизнь! Тебе не стыдно? И когда я подумала, что наши

отношения – уже в прошлом, и я могу быть счастлива с хорошим человеком, мне присылают вот такой подарок от профессионального маньяка! Я принесла эти фото, чтобы показать, что сделали с невинными женщинами по твоей вине. Хотела поговорить о том, что никто больше не осмеливается обсуждать. Я единственный человек, который не боится тебя, единственная в твоей жизни, кто справедлив! Знаешь, пытки ужасают, Пабло. Убей меня раз и навсегда до того, как я попаду в руки извращенцев! Сделай это сам, ты же «удавил» двести человек и являешься экспертом мирового масштаба по техникам удушения! Но на этот раз сделай это быстро, прошу тебя!

– Нет-нет-нет! Не проси меня, это кошмар. Ты же ангел, а я убиваю только бандитов, еще чего не хватало услышать! – говорит он, стараясь успокоить меня и заставить замолчать. Пабло обнимает меня, пока я, не останавливаясь, бью его кулаками. Уже усталая и побежденная, всхлипываю у него на плече. Он целует меня в волосы и спрашивает: люблю ли я его еще хоть немножко. Отвечаю: думала, что давно перестала, но буду любить до смерти, так как он один хорошо обращался со мной… и с нищими. В продолжительной тишине слышится только мой плач. Потом, пока я успокаиваюсь в его объятиях, как будто разговаривая сам с собой, Пабло произносит с огромной нежностью:

– Возможно, даже лучше, что ты какое-то время поживешь на островах, любовь моя… Я чувствую себя спокойнее, чем если бы ты была одна в Боготе… бог знает, что делает… Но тебе скоро это наскучит, поскольку тебе нужен большой размах… и настоящий мужчина… Ты – слишком женщина для такого ребенка, как он… Ты… – Джейн с Тарзаном из «Аквариума»! Кто бы мог подумать!

Замечаю, что после Тарзана из зоопарка в моей жизни нет ничего невозможного. Мы примирительно смеемся, Пабло садится рядом, осушая мои слезы. Подумав немного, он внезапно заявляет:

– Предлагаю сделку: поскольку сейчас у тебя столько свободного времени, почему бы тебе не вписать в сценарий фильма всю правду о событиях во Дворце правосудия? Если итальянцы не заплатят сто тысяч долларов, я дам их тебе в качестве аванса.

Отвечаю, что итальянский журналист уже подтвердил: продюсеры не заплатят такую сумму, и добавляю:

– Кроме того, мне пришлось бы уехать из страны и попрощаться с Рафаэлем. В любом случае, ты должен понять: на данный момент я не могу написать версию в защиту произошедшего…. или описать твои экзистенциальные мотивы,

Пабло.

Он обиженно смотрит на меня и с глубокой грустью в голосе спрашивает: смотрю ли я на него теперь, как на простого преступника, обыкновенного бандита с кучей денег.

– Если тот, кого я больше всего на свете любила, был просто бандитом, пусть и «успешным», кем бы тогда была я? Знаю, события во Дворце вышли у Белисарио и «М-19» из-под контроля, однако также ясно: эта резня поможет «потопить» экстрадицию. Но не надейся на поздравления, Пабло. Последствия твоих сделок и поступков пугают меня. Могу только сказать: сейчас, когда ты поставил страну на колени, не имеет смысла продолжать убивать людей. Не хвастайся этой победой ни перед кем и всю оставшуюся жизнь отрицай какую-либо причастность к захвату. Посмотрим, сможешь ли ты тогда наконец отдохнуть от окружающего тебя ада, позволив остальным жить в мире. Я сохраню секрет, но все это останется на твоей совести. Рано или поздно каждый из этих «мясников» будет держать ответ перед Господом. Ирландцы говорят, что история доказала – проклятие за «грехи отцов…» всегда исполняется. Долг переходит на следующие поколения.

Возможно, чтобы не думать о своих детях, Пабло меняет тему и решает поведать мне о боли, которую он почувствовал, потеряв Ивана Марино Оспину. Рассказав, что армия убила его в Кали, в доме, принадлежащем Хильберто Родригесу. Заключенный под стражу глава картеля Кали оплакал его смерть.

– Твой друг и союзник по захвату погиб в доме Хильберто?

Когда я узнаю, что основатель «MAS» и боссы обоих картелей скорбят по командиру партизанской группы, думаю, единственное, чего мне не хватает в Колумбии – увидеть обнявшихся Хулио Марио Санто Доминго и Карлоса Ардилу Лулле, оплакивающих Тирофихо, погибшего после бутылки «рефахо»! (Смесь 50 % пива «Bavaria» и 50 % газировки «Postobón»).

Пабло спрашивает, почему со мной расторгли даже контракты на рекламу. Я объясняю: согласно Фабио Кастильо, журналисту журнала «El Espectador», «Пабло Эскобар подарил мне фабрику колготок «Di Lido» и телестудию, чтобы я могла, не выходя из дома, записывать свои программы». Семья Каплан почувствовала себя оскорбленной и расторгла контракты, аргументируя это тем, что знаменитость из СМИ выходила им очень дорого. Они заменили меня моделью, товары перестали покупать, и марка обанкротилась. Я добавляю: практически все журналисты в стране знают: в моей квартире не поместилась бы телестудия, но никто из них не выступил в защиту правды. И,

хотя все мои коллеги в курсе, что меня никогда не били, и у меня идеальная кожа, женщины, годами плетущие интриги в надежде убрать меня с телевидения, прежде всего кузина Сантофимио и ее дочь, невестка экс-президента Альфонсо Лопеса, твердят всем, кто к ним прислушивается, что, после того как я с помощью кучи пластических операций восстановила жутко изуродованное лицо, я ушла из СМИ, чтобы стать содержанкой Пабло Эскобара.

– Они похожи на сводных сестер «Золушки»… El Espectador и Фабио Кастильо подло инициировали твой уход с работы. Мне уже рассказали, что медийные воротилы сговорились сделать с тобой то, на что бы не осмелились, когда мы были вместе. Полковник полиции, который сдал управлению по борьбе с наркотиками лаборатории в Яри, – тот же человек, что передал этому несчастному журналисту кучу информации для книги, полной лжи. Но я ими займусь, любимая, «сядь на пороге дома, чтобы увидеть, как несут труп твоего врага». Твои враги – прежде всего мои.

Я встаю со стула и сажусь на кровать в ногах у Пабло, вспоминая китайские пословицы: «Удар, который не ломает тебе спину, выпрямляет ее» и «То, что происходит сейчас – самое лучшее». Добавляю: если он покончит с экстрадицией, то должен пообещать распланировать полвека своей будущей жизни и перестать так остро реагировать на новости в СМИ. Я настаиваю: мы оба не судьи, не палачи и не боги. Привожу сотню аргументов и уверяю: вдали от этих развращенных людей я сейчас так несказанно счастлива, что не скучаю ни по славе, ни по общественной жизни, ни по карьере телеведущей.

Эскобар слушает меня молча, вперясь в глаза, губы, исследуя каждую черточку, каждое выражение, со взглядом знатока, который он приберег для остальных и редко использует при разговоре со мной. Затем, властным тоном, который придает ему уверенности в том, что он знает меня лучше всех, Пабло утверждает: я обманываю сама себя, убежав на остров, прячась от причиненной мне боли в объятиях Рафаэля, чтобы постараться забыть наше прошлое. Пабло задумчиво гладит меня по щеке, добавляя: «Странно, у тебя такая чистая душа. Моя, например, чернее угля, а за все эти годы, проведенные бок о бок, ты не запятнала свою». Вдруг он вскакивает, целует меня в лоб, благодарит, что заехала в Медельин и привезла ему доказательства тяжких преступлений. Перед тем как попрощаться, он заставляет меня пообещать, что каждый раз, меняя номер телефона, я буду сообщать ему об этом. Он хочет, чтобы я была рядом, когда потребуется, не исчезнув из его жизни насовсем, как и он, всегда очень близкий и надежный.

– Обещаю, но только до тех пор, пока снова не выйду замуж. Ты должен понимать: с этого момента мы с тобой уже больше не сможем общаться.

Из Медельина я уезжаю уже почти успокоившись. Теперь я уверена: если экстрадицию отменят, Пабло сможет начать восстанавливать свою жизнь на основе великодушия и убеждений, присущих мужчине, в которого я влюбилась почти четыре года назад. Летя в Картахену, я молюсь о душах женщин, подвергшихся пыткам, чтобы они поняли, почему я молчу. Не знаю, кому я могла бы поведать о преступлениях глупого человечества, совершенных убийцами и ворами на службе государства. Знаю, если бы я заговорила об ужасах, подтвержденных Пабло, пресса, связанная с органами власти, потребовала бы бросить меня в тюрьму за соучастие бог знает в чем, – возможно, это удовлетворило бы жажду мести страны, где трусы обычно охотятся на женщин, когда им не хватает храбрости противостоять таким мужчинам, как Эскобар.

Чтобы постараться стереть из памяти картины жутких пыток и кошмарных сцен, к которым даже Пабло в день с «береттой» не смог меня подготовить, я ныряю в морские воды и пытаюсь доплыть до Сан-Мартин де Пахаралес – большого острова, сохранившегося нетронутым благодаря фонду семьи Эчаваррия, которая купила его, но не застраивала.

Это примерно шесть морских миль туда и столько же обратно. Шесть часов вплавь, если на море штиль. Я не поделилась с Рафой своими планами, потому что плохо плаваю кролем. Решила: чтобы научиться, в следующее путешествие в Боготу сделаю себе операцию на глаза и смогу обойтись без контактных линз.

В первый раз я достигла цели благодаря ластам, маске и дыхательной трубке, с помощью которых можно двигаться вперед, не прилагая особых усилий, плыть, без необходимости вытаскивать лицо из воды, чтобы вдохнуть. Я поздравляю себя, ликуя и бешено размахивая руками. Из дома я вышла в семь утра, поскольку на островах жизнь начинается сразу после рассвета, а приплыла в десять. Во время своего одиночного заплыва я не встретила акул или больших животных. Прихожу к выводу: во всем виновата рыбная ловля с динамитом и моторы туристических лодок, разрушающие коралловый риф. Это – единственная реальная угроза на маленьком архипелаге. Отдохнув пару минут на пустынном пляже, который туристы наводняют только по воскресеньям, я собираюсь обратно, уже гораздо увереннее, и добираюсь до Сан-Мартина к часу, как раз во время обеда. Когда Рафа спрашивает, почему я такая

довольная, я не рассказываю правду. Знаю, его бы хватил удар. Предпочитаю сказать, что пока перестану плавать, чтобы начать писать в заброшенном сарае на необитаемом островке, что в нескольких метрах от нас. Объясняю Рафе: в двояком положении человека, которому закрыта дорога в СМИ, и в будущем – слепого, я всегда мечтала, чтобы мои коллеги по студии записывали книги на аудио, когда останутся без работы. Тогда слепые смогли бы слушать их чудесные голоса. Рафа отвечает: людям, которым лень читать, они бы тоже сильно понравились. Но он хочет слушать истории, которые я рассказываю.

– И о чем ты собираешься писать, кошечка?

Я говорю: истории о мафиози, типа «Крестного отца», об охотниках и рыбаках, как персонажи Хемингуэя.

– Вау! Про акул и животных, это чудесно! Но не вздумай писать о выродках мафиози, которые губят нашу страну! Такого наркоторговца видно сразу, даже если на нем надет один халат: его самодовольное поведение… походка… манера заглядываться на женщин… есть… говорить – все! Они омерзительные и грязные, а также способны заказать тебя. Тогда я останусь без моей прекрасной кошечки!

В следующее воскресенье, спускаясь по веревочной лестнице со второго этажа, где расположены наша спальня и терраса, чтобы узнать, чья это огромная яхта стоит напротив дома, я неожиданно сталкиваюсь с Фабито Очоа, братом Хорхе, компаньона Пабло, и его женой. Они восхищенно рассматривают маленький аквариум в столовой, пока Рафа рассказывает детям о беременных самцах морских коньков и «монстрике», моем домашнем животном неопределенного вида. Понимаю, для семьи «королей наркоторговли» из Антиокьи Рафа сделал исключение, потому что истинное призвание Очоа – любовь к животным и разведение прекраснейших пород лошадей и быков. Другая деятельность – просто… очень прибыльное хобби.

Практически все приезжие посещают «Аквариум». Те немногие, кто не знаком с Рафой Виейра, обычно знают меня, а это влечет за собой более активную общественную жизнь, чем мы могли себе представить. Как-то в воскресенье, пока мы обедаем с Орнеллой Мути[218] и Паскуалино Де Сантисом[219], которые снимают в Картахене фильм по мотивам книги Гарсия Маркеса «Хроника объявленной смерти», главный художник картины все время смотрит на меня, утверждая, что я «на самом деле кинодива». Он не может поверить в мой уход с телеэкрана. Знаю, и другие интересуются моим исчезновением с телевидения и из журналистики, но только нам с Пабло известны истинные на то причины. В любом случае, я несколько дней хожу,

осчастливленная словами легенды итальянского кино, и еще больше радуюсь, когда на следующей неделе мне удается повторить подвиг в двенадцать морских миль.

Мы с Рафой часто ездим на соседние острова на праздники, чаще всего на те, что устраивает Херман Леонгомес, сестра которого замужем за адмиралом Писарро. Их сын, Карлос Писарро Леонгомес[220], после смерти Ивана Марино Оспины и Альваро Фаяда стал новым командующим «М-19». Писарро всем известен как «командир-папочка». Он – единственный партизанский предводитель в истории, выглядящий на фото как Че Гевара, а не как беглец из главной тюрьмы Боготы. В ходе жизненных перипетий его богатый дядя Херман, который, как мне известно, был претендентом на руку вдовы Расмуссен (гораздо богаче его), вскоре станет ухажером единственной колумбийской женщины-конгрессмена, Ингрид Бетанкур[221], которая могла бы построить политическую карьеру во Франции.

Спустя пару месяцев я возвращаюсь в Боготу, чтобы узнать, сделают ли мне операцию на глаза. На две недели придется отказаться от линз, поэтому я решила провести это время в своей столичной квартире, а не на острове, где может случиться все, что угодно, вплоть до печального конца в плавниках «Панчо Вильи III». Несмотря на то что мой телефон сейчас знают только двадцать человек, а остальные считают, что я живу в Картахене, на автоответчике – сотни сообщений. Как всегда, начиная со звонков Дэвида Меткалфа и Армандо де Армаса, заканчивая дюжиной тех, кто угрожает изнасилованием и пытками, а потом вешает трубку, не представившись. Через пару дней после моего прибытия звонит Пабло:

– Наконец-то ты вернулась! Уже устала от жизни с Тарзаном?

– Нет, я не устала от Рафаэля. Приехала узнать, могут ли мне сделать операцию на глаза, до того как я окончательно ослепну. А ты уже устал от повседневных забот?

– Нет-нет, любимая, я каждый день все больше наслаждаюсь, делая пакости! Ну, что же ты весь день делаешь на этом острове, помимо того, чтобы плавать и загорать? Ты работала над моим сценарием или романом?

– Роман у меня не выходит… Каждый раз заканчивая главу, я ужасаюсь, представляя, что кто-то может это прочесть, и рву ее. Думаю, ты – единственный человек, которому мне не стыдно показать написанное…

– Ой, мне так хочется послушать! Это настоящая честь для меня, родная! Я буду звонить тебе каждые три минуты с разных телефонов, ок? Прием!

Позвонив больше двенадцати раз подряд, Пабло говорит, что

хочет предложить мне заняться лучшим бизнесом в мире – уникальная возможность, которую мы можем обсудить только с ним. Это совершенно секретно, и он пока не может разглашать подробности. Чтобы ни о чем не беспокоиться, он хочет раз и навсегда гарантировать мне стабильное будущее. Пабло очень печалят мои заявления о том, что моя карьера улетела в трубу по его вине. Я благодарю за предложение и отвечаю, что на самом деле не стремлюсь разбогатеть. На следующий день он снова звонит, настаивая на возмещении всех моих убытков, и просит представить, что будет со мной, если по какой-либо причине я завтра расстанусь с Рафаэлем, и никто не захочет нанять меня на работу, и, боже упаси, – врачи не смогут спасти мое зрение.

– Понимаешь, если бы ты согласилась на предложение канала в Майами, то не была бы сейчас так счастлива. Представь, если учесть еще и то, что я хочу тебе предложить, ты бы уже вытащила кинжал, который вонзили тебе в спину, и обеспечила себе будущее! Сейчас или никогда, любовь моя, потому что на следующей неделе… я могу быть уже мертв! Пообещай: перед тем как вернуться в Картахену, ты заедешь сюда. Не заставляй меня страдать, ради твоего же блага… и твоих детей… Ты, кажется, упомянула, что хочешь иметь детей… Не так ли?

– Не знаю… Ты собрался открыть телеканал и хочешь, чтобы я на нем работала, да?!

– Нет-нет-нет! Еще лучше! Но я пока не могу раскрыть секрет.

– Хорошо, я приеду. Но если дело того не стоит, я никогда в жизни больше не скажу тебе ни слова и прекращу писать твою биографию. Пусть ненасытные журналисты напишут свою историю, заявляя, что ты настоящий психопат, да еще и с жирафами.

– Так их, любовь моя! Напиши, что ты, лучше чем кто-либо, знаешь, что я – безжалостный психопат, чтобы они уважали меня и еще больше боялись!

* * *

Врачи сообщают, что не могут меня оперировать, а мое состояние не настолько тяжелое. Думаю, уже бесполезно продолжать носить линзы. Жду не дождусь, когда снова обниму Рафу, который ежедневно звонит, чтобы сказать, как он по мне соскучился. По дороге в Картахену я на несколько часов задержалась в Медельине, исполняя данное Пабло обещание. Он послал надежного человека, который детально спланировал нашу встречу. Когда я уже в квартире, Эскобар звонит, предупреждая,

что задерживается, и просит подождать пару часов. Когда два часа плавно переходят в четыре, я понимаю: он вынуждает меня остаться в Медельине на ночь. Приехав, Пабло извиняется, объясняя: каждый раз при встрече со мной он должен полностью убедиться, что все в порядке. Оказывается, в связи с анонимными материалами ему пришлось снова прослушивать мой публичный телефон, но он мог рассказать мне об этом только лично. Эскобар оправдывается, уверяя: в случае похищения идентификация угрожающих голосов позволит вычислить, где меня держат, и спасти. Я, в свою очередь, осведомляюсь, до каких пор Пабло Эскобар будет продолжать следить за мной. Надеюсь, дело, которое он хочет мне предложить, – на самом деле что-то стоящее, и я смогу привести в порядок свою новую жизнь, в один прекрасный день сообщив, что я обручена с Рафой и мы не можем больше видеться.

Пабло предлагает мне «травку» – он хочет выкурить несколько «косяков». Я удивлена, ведь он никогда не курил передо мой. Отвечаю: с удовольствием бы попробовала, если бы марихуана производила на меня какой-нибудь необычный эффект, но от нее меня клонит в сон, и я глубоко засыпаю до следующего дня. Эскобар интересуется, откуда я это знаю, а я вспоминаю своего аргентинского мужа, который часто курил. Я пробовала пару раз, но меня не зацепило.

– Тот старый чувак? Какой сюрприз!

Рассказываю, что «Клан Стивель», может быть, самая выдающаяся и блестящая группа аргентинских актеров, в семидесятые годы проводила коллективный психоанализ, принимая ЛСД[222] под надзором психиатра, еще более сумасшедшего, чем все они, вместе взятые. Это единственный наркотик, который мне хотелось бы попробовать, чтобы открыть «двери восприятия», которое описывает Олдос Хаксли[223] в своей одноименной работе.

Не перестаю восхищаться британским философом, учеником Кришнамурти[224], и его исследованиями мескалина[225], добавляя: на смертном одре Хаксли попросил жену сделать ему инъекцию ЛСД, чтобы перешагнуть порог в другой мир, который ему удалось неоднократно смутно разглядеть, с полным отсутствием боли и абсолютной ясностью. Туда, где время, пространство и материя исчезают. Спрашиваю у Пабло, смог бы он достать мне лизергиновую кислоту[226], хочу как-нибудь попробовать и сохранить немножко до дня моей смерти.

– Неужели ты предлагаешь мне начать импортировать галлюциногены? Какое неслыханное предложение, моя незапятнанная душа! Я поражен!

С того дня Пабло всегда будет так меня называть, когда захочет подразнить или подшутить над той, которую окрестил «моя четырехкратная совесть по части наркотиков». А все это из-за моей врожденной ненависти к кокаину, крэку и героину; глубокого презрения в отношении его любимой конопли; интересу к ритуалам с мескалином и отваром «аяуаски»[227]. Кроме того, меня всегда тайно восхищала идея, которая заключается в следующем: по пути в царство Аида по мифологической реке Стикс определенное вещество может помочь заменить боль и страх неким абсолютным осмыслением, превосходящим весь разумный опыт, описанный Хаксли. Появляется ощущение, что ты плывешь в легком и прозрачном эфире, выходя за пределы удовольствий и самых изысканных наслаждений.

Эскобар интересуется, много ли на островах принимают наркотиков. Я отвечаю: все, кроме Рафы, курят и пихают в себя что попало. Он хочет знать, люблю ли я Виейру, как раньше любила его. Чтобы не отвечать то, что он хочет услышать, я поясняю: любовь бывает разной, так же, как существуют разные виды ума. В доказательство этому – что-то такое изысканное, как улитки, было создано и выстроено элементарными существами на основе золотого сечения[228] 1:618033, которое также было задействовано в великих работах эпохи Возрождения. Потом шаблон повторялся в самых успешных произведениях архитектуры, неординарных и впечатляющих образах природы, включая многие человеческие лица. Добавляю: меня всегда завораживала гипотеза, что такие разнообразные умы, как, например, у бога, гениев и моллюсков, смогли, рационально или инстинктивно, применить одинаковую пропорцию прямоугольных структур, чтобы в итоге получить идеальные геометрические формы.

Пабло слушает меня молча, лежа на кровати, погрузившись в какую-то идиллическую умиротворенность. Здесь он когда-то связал меня, лаская револьвером. Я хладнокровно созерцаю «наркокороля» под эффектом галлюциногена, разработанного кем-то другим. Эскобар внезапно встает и подходит ко мне, как в замедленной съемке. Берет мое лицо в свои руки, нежно, словно намеревается поцеловать, но не хочет пугать, тщательно изучает его, отмечая, что, возможно, пропорции золотого сечения вселяют в него это очарование, которое он всегда чувствовал, смотря на меня. Мне неловко, я отвечаю, что этого мне никогда не приходило в голову и, пытаясь освободиться, спрашиваю, о чем он хотел мне рассказать. Пабло гладит меня по щеке, заявляя, что хочет знать, рассказывала ли я другим богачам об ирландских

проклятиях и геометрии. Удивленно я говорю: нет, от них я только набиралась опыта. Очень пристально глядя на меня, при этом не отпуская, он спрашивает, чувствую ли я какую-нибудь привязанность к этим магнатам. Поскольку мы говорили о больших экономических группах, а не об остальных мужчинах, я отвечаю: нет, настаивая на том, чтобы он уже сказал наконец, зачем заставил меня приехать в Медельин. Пабло спрашивает, хочу ли я поживиться и «срубить» много денег с жадных стариков. Когда я смеюсь, замечая, что одна только мысль об этом доводит до оргазма, он триумфально восклицает: именно об этом он хотел со мной поговорить:

– Я собираюсь похитить самых богатых мужчин в стране, и мне понадобится твоя помощь. Предлагаю двадцать процентов… двадцать процентов от сотен миллионов долларов, родная…

Значит, Армандо де Армас не лгал!

Пабло попал ко мне в руки еще совсем ребенком. Поскольку в том же возрасте я уже была состоявшейся женщиной, то привыкла заботиться о нем. Он до сих пор не знает этих мужчин так хорошо, как знаю их я. Произношу с недоверием:

– И зачем тебе похищать бедных парней с двумя, тремя или пятистами миллионами долларов, если у тебя три миллиарда и даже больше? Ты богаче, чем все они, вместе взятые. Если станешь похитителем, твои враги скажут, что ты не только сошел с ума, но еще и бедняк, и съедят тебя заживо! То, что ты курил – не «Samarian Gold», а «Hawaiian Platinum», Пабло. Ради всего святого, насколько богаче ты еще хочешь стать?!

– Я выкурил всего лишь три «косяка», а если продолжишь разговаривать со мной в таком тоне, больше не буду предлагать тебе участвовать в прибыльном бизнесе. Видишь ли, мне нужны наличные, потому что законы против отмывания активов превратили нашу жизнь в ад. Почти вся прибыль остается за границей. Деньги уже не провезешь в бытовых приборах, как раньше. Ботеро тоже не справляется, корпорация «De Beers» не может добывать за неделю больше бриллиантов, а «Феррари» уже не помещаются в гаражах. Экстрадиция точно рано или поздно наступит, но пока гринго заведут на нас дела в США, за наши головы (особенно за мою) уже назначат цену. А значит, для грядущей войны мне понадобятся миллионы долларов, здесь, в Колумбии, а не миллиарды за границей. Нет ничего дороже войны. Мои друзья из «М-19» научили меня всему, что нужно знать о похищениях, а ты у меня эксперт в области крупных магнатов и одна из немногих, кому я полностью доверяю. Мне всегда казалось, что ты очень одаренная и в моем мире добилась бы невероятных успехов, если бы не была такой совестливой.

Хочешь услышать план или предпочитаешь притворяться святошей?

Пабло, кажется, не понимает, теперь он тоже один из магнатов из прошлого. Ослепительно улыбаясь, я спрашиваю, что он задумал. Попавшись в ловушку, Пабло воодушевляется:

– Моя первая цель – двое предпринимателей. Санто Доминго в несколько раз богаче Ардилы Луллы. Я бы похитил его в Нью-Йорке, где он разгуливает без телохранителей, или в одной из поездок. Видели, как ты с ним и твоим английским другом сходила с самолета… где-то год назад, помнишь? У Карлоса Ардилы есть преимущество: он не сможет убежать, потому что прикован к инвалидному креслу. Луис Карлос Сармьенто звонит тебе и назначает встречу… Прости меня за то, что прослушиваю твои разговоры, родная… Что касается еврея с маслом и мылом, близкого друга Белисарио и твоего соседа, Карлоса Хайме, чтобы установить за ним слежку, мне нужно, с твоего позволения, воспользоваться квартирой, пока ты в Картахене.

По мере того, как он раскрывает все детали похищения четырех богатейших мужчин Колумбии, я вижу, что у Пабло для меня идеально продуманный план. Объясняю: у Санто Доминго, Сармьенто Ангулы, Ардилы и Гута есть частные армии в сто или сто пятьдесят человек, такие же смелые, как его, натренированные в Соединенных Штатах и Израиле. Их задача – любой ценой не допустить похищения партизанами членов их семей и шантажа, не отдав при этом ни цента.

– Разговаривать о похищениях – их излюбленная тема. Особенно когда здесь, в Колумбии, похитили Камилу Сармьенто, Глорию Лару и Адриану Сармьенто, а в Аргентине Хуана и Хорхе Борн[229]. Пока что богачи решили оставить тебя в покое. Втайне они одобряют создание «MAS», хотя никогда бы не признались в этом публично. Но если ты похитишь хоть одного из них, все сразу забудут какие-либо разногласия и объединятся против тебя. А ты и представить себе не можешь, какая преторианская гвардия у Карлоса Ардилы, или каким пожизненным врагом может стать Хулио Марио Санто Доминго! Перед толпой народа он убил гадюку в клетке всего тремя плевками, чтобы покончить с тобой, ему понадобится четыре или пять, Пабло!

– Ваааааау… бедное маленькое животное! Ну, неужели тебе они так дороги? Они никогда ничего тебе не давали, а теперь приказали убираться восвояси, чтобы ты умерла с голоду!

– Да, но одно дело – ненавидеть их по той или иной причине, и совсем другое – сделать им больно. Относительно Луиса Карлоса Сармьенто тебе бы лучше объединиться с ним. Этот человек лучше всех в Латинской Америке разбирается в

банковском деле. Он мог бы разработать какую-нибудь формулу, чтобы разрешить проблемку твоих «лишних миллионов». Ты предоставил ему свою армию, когда похитили его дочь. Лучший бизнес для тебя – союзничать с ним, а не враждовать. Разве не понимаешь, лучше отмыть миллиард долларов, чем пытаться вытянуть из кого-либо пятьдесят? А поскольку ты слушаешь мои телефонные разговоры, то уже знаешь, что мне было не сложно помочь Хильберто Родригесу.

В глазах Пабло сверкнула молния.

– В отличие от этого каторжанина, я люблю не банки или кредитные карты, а запах денежных купюр! И ненавижу налоги почти так же, как Санто Доминго, поэтому я, он и «ФАРК» самые богатые в стране! Забудем про твоих бывших, мне кажется, ты пытаешься их защитить… Перейдем на следующий уровень: ты знакома с Эчаваррия, производителями сахара из долины Каука, цветоводами из саванны? Ты же раньше дружила со всеми этими богачами? Их женщины повернулись к тебе спиной из-за наших отношений… Моя родная, я всего лишь хочу преподнести тебе на блюдечке возможность отомстить каждому, одному за другим, всем до одного!.. Есть еще одна золотая жилка – еврейская колония…

Убеждаю Пабло: когда на него насядут американское правительство, колумбийские власти и пресса, он не сможет пойти против всех богачей и уж тем более против партизанских групп, которые волей-неволей не конфликтуют с ним со дня похищения Марты Ньевес Очоа:

– Ты – Пабло Эскобар, самый богатый магнат Латинской Америки, основатель группы «Смерть похитителям», а не Тирофихо! Похищениями занимается «ФАРК»! Каково тебе будет, если Тирофихо захочет стать новым «кокаиновым королем»?

– Не сомневайся ни минуты, моя любимая, он бы обанкротился на следующий же день! Но ты должна признать: похищения настолько прибыльны, что «ФАРК» богаче меня. И я – не магнат, ясно? Я самый крупный преступник в Латинской Америке. Поэтому думаю, говорю и действую, как таковой. Не путай меня с несчастными эксплуататорами, во мне с рождения заложены другие ценности!

Пытаюсь доказать Эскобару, что никто, каким бы храбрым, внушающим страх и богатым он ни был, не может одновременно противостоять гринго за границей и всем остальным у себя дома, это просто самоубийство. Когда у меня иссякли все логичные доводы, я просто говорю, что его смерть разбила бы мне сердце, ведь я любила его больше, чем всех своих бывших. В день, когда с ним покончат, как и со многими другими, я бы застрелилась.

Пабло глядит на меня молча, с былой нежностью гладит мое лицо. Внезапно он обнимает меня и счастливо восклицает:

– Это была проверка, моя незапятнанная душа! Сейчас я знаю, если ты перестанешь любить меня всем сердцем и даже возненавидишь, ты никогда, ни за какие деньги не войдешь ни с кем в сговор, чтобы сдать меня гринго, какую бы цену ни назначили за мою голову!

Он отодвигает меня обеими руками и, упершись мне в плечи, добавляет:

– В любом случае хочу напомнить… Есть единственый способ проверить преданность человека: рассказав ему что-то, о чем никто больше не знает, не важно, правда это или ложь. Если секрет вернется обратно через месяц, год или двадцать лет, это потому, что тот человек тебя предал. Никогда не забывай этого урока, ведь я тебя тоже очень сильно люблю.

Я только успеваю ответить, что, если бы однажды рассказала кому-то о нашем разговоре, меня бы не просто отправили в лечебницу, но еще и все мои друзья, семья и даже уборщица разбежались бы в панике. Мне бы пришлось всю оставшуюся жизнь провести на необитаемом острове, а не у Рафы. На прощание я говорю:

– Пабло, ты очень изобретательный, знаю, ты найдешь способ перевезти деньги, не нападая одновременно на богачей и партизан. Ради бога, «ступай с миром и больше не греши». Один раз ты уже сжег записи – и хватит этого!

– Я всегда знаю, что будет дальше… – ты не останешься с Тарзаном до конца своих дней, и у вас не будет детей. Не могу тебе ничего предложить, Вирхиния, но не пройдет и трех месяцев, как ты будешь здесь, со мной. Хотя ты этому и не веришь, тебе придется смотреть на меня и слышать мое имя каждый божий день…

В самолете до Картахены я думаю: насчет проверки – все неправда. Хотя Эскобар, кажется, отказался от идеи похищения руководителей крупнейших экономических групп Колумбии, знаю, рано или поздно он станет похитителем, причем самым успешным. Именно я когда-то открыла для него выражение: «любимцы богов умирают молодыми», как Александр Македонский. И, хотя я не совсем уверена, но мне кажется, Пабло намеренно рискует жизнью, играя в русскую рулетку, тщательно спланированным способом, опережая время, исходя из более глубинных мотивов, чем борьба против экстрадиции и контроль над империей.

Как скоро ты забыла о Париже!

Уже два часа я пытаюсь проплыть через косяк медуз. Их, кажется, сотни тысяч или даже миллионы. Был бы это вид «луна», я бы уже была мертва. Но, слава богу, на них коричневые пятнышки и они безвредны. Там куча «ушастых» медуз, но от них можно ускользнуть. Кроме того, сегодня, чтобы избежать постоянных укусов, я в первый раз надела лайкровый гидрокостюм, купленный в Майами, а также часы с компасом, неотъемлемый аксессуар в море. Я вышла из дома в девять утра, и хотя сейчас уже полдень, я все еще далека от цели, которой достигла бы в среднем за три часа при других обстоятельствах.

– Может, дело в том, что я не в форме, потому что всю ночь не смогла сомкнуть глаз… Мне не следовало так поздно выходить из дома… Сколько родственников Рафы приехало провести Рождество на острове!.. И я уже так устала от туристов. Они заходят в дом, постоянно что-то вынюхивая, хотят сфотографироваться, а когда я отказываюсь, заявляют, что я избалованная. Как будто мне не известно, зачем этим мужчинам нужны фото со мной в бикини… Даже у моих бывших нет моей фотографии в купальнике… Ну, ради бога, сколько миллионов медуз в Карибском море? Ладно, я почти на месте… Сегодня воскресенье, могу попросить какую-нибудь лодку с туристами подбросить меня обратно… Но я не устала – не хочу так быстро сдаваться. Нужно быть осторожней, чтобы моторы от лодок не превратили меня в фарш.

Еще недавно пустынный пляж сегодня полон людей, приплывающих на лодках и заходящих пообедать в «Аквариум». Я избавляюсь от лайкрового костюма и немного загораю на солнце, размышляя, чем заняться. Капитан одного из судов узнает меня и предлагает подвезти до Сан-Мартина. Я отказываюсь, так как хочу вернуться вплавь. Он отмечает, что никогда не слышал о подобном подвиге, и советует мне выплыть как можно скорее. После трех будет сложнее из-за отлива. Через двадцать минут я чувствую себя вполне отдохнувшей, чтобы отправиться в путь. Думаю, если почувствую усталость, то уже около Сан-Мартина попрошу какую-нибудь лодку подобрать меня.

– Ну, это же просто чудо… Нет ни одной медузы! Куда все подевались? Кажется, их унесло течением. Как мне повезло! Сейчас точно не возникнет препятствий, я вернусь менее, чем за три часа…

Немного погодя, высунув голову из воды, я вижу, что Сан-Мартин как будто дальше, чем обычно. Оборачиваюсь назад:

большой остров тоже немного отдалился. В любом случае не имеет смысла возвращаться, потому что лодки с туристами уже уплыли. Я не понимаю, что происходит. Думаю: неужели из-за бессонницы у меня оптические иллюзии? Решаю плыть изо всех сил, высовывая голову каждые пять минут, но оба острова отдаляются все больше. Вдруг я понимаю, что плыву не по прямой линии между двумя островами, а по верху сильного течения, того же, что за двадцать минут унесло миллионы медуз, и теперь тащит меня в открытое море. В поле зрения нет ни единого судна, потому что сейчас время обеда, и ни одной рыбацкой лодки, так как сегодня воскресенье.

Сейчас уже три часа дня, дует бриз, а волны высотой под два метра. Прикидываю, что теперь мне понадобится пять часов, чтобы доплыть до Сан-Мартина. Поскольку темнеть в тропиках начинает около половины седьмого вечера, через три часа зажгутся первые фонари. Возможно, позже я смогу поплыть на их свет. Знаю, никто не тонет с дыхательной трубкой и ластами, ведь они позволяют плыть не уставая, без остановки. Но в открытом море всегда есть акулы, и если только не попадется яхта, сбившаяся с привычного курса, мне останется жить семьдесят два часа. Я уже настроилась, что умру от жажды. Как ни странно, совсем не чувствую страха, снова вспоминая, что «любимцы богов умирают молодыми». Спрашиваю себя, зачем Пабло спас мне жизнь.

– И снова Пабло… Когда же он прекратит убивать тех, кто причиняет ему вред? Сегодня он убил полковника, который привел управление по борьбе с наркотиками в «Транкиландию», и директора журнала, преследовавшего его четыре года! Это как вечно ноющая рана. Каждый раз, когда я открываю газету, там снова он… с лицом мерзавца. Какие еще угрозы появятся на моем автоответчике?! Возможно, Бог хочет, чтобы я умерла в море, а не от руки «мясников»… Покончить со страданиями – настоящее облегчение… Я очень люблю Рафу, но в латинских странах замуж выходят не только за мужчину, но еще и за семью… А семьи – это кошмар… Обычно отец – злобный старик… Думаю, мне нужно передохнуть, бесполезно сражаться против такого сильного течения, а если появится хоть одна лодка, мне понадобится собрать все свои силы, чтобы плыть за ней…

В 16.00 оба острова – точечки, едва виднеющиеся вдали. Издали я наконец различаю красивую яхту, очень медленно плывущую по морю, кажется, в моем направлении. Думаю, мне невероятно повезло. Когда через некоторое время она проплывает мимо, мне удается разглядеть на носу пару обнимающихся и целующихся влюбленных и лоцмана, посвистывающего на корме.

Я начинаю быстро грести к лодке, но никто меня не видит. Теперь я поняла, что зря купила черный лайкровый костюм, чтобы выглядеть стройнее, а не оранжевый или желтый, как советовал Рафа. Следующие два часа, оставшись совсем без голоса, я кричу, но из-за шума двигателей никто меня не слышит. Знаю наверняка: если подплыву ближе, с меня может винтом сорвать маску, а без дыхательной трубки и контактных линз я еще больше потеряю ориентир. К шести часам вечера я почти теряю сознание, поскольку очень измотана после сотен прыжков в волнах под два с половиной метра. Похоже, лоцман поймал мой взгляд. Он выключает моторы, а я из последних сил делаю финальный рывок. Он кричит паре, что за ними следует дельфин, и они подходят к корме посмотреть на него. Когда я снова прыгаю и еле слышно прошу о помощи, они не могут поверить, что посреди океана плавает женщина, и поднимают меня на яхту. Говорю, что живу в Сан-Мартин де Пахаралес, не умею плавать кролем, но уже девять часов провела здесь и больше пяти часов в открытом море, так как меня отнесло течением. Они недоверчиво смотрят на меня, а я обрушиваюсь на лежак из белого пластика. Думаю, ради чего Бог спас меня от смерти на этот раз, в последнюю секунду, уже четырнадцатый раз в жизни.

Когда я уже в Сан-Мартине, Рафа заталкивает меня в душ и дает несколько пощечин, якобы чтобы привести в чувство. Потом он звонит отцу и соседу Херману Леонгомесу, дяде партизана Писарро из «М-19». Трое мужчин учиняют надо мной военный суд, решив, что я должна улететь первым же самолетом. Я снова и снова объясняю им, что меня унесло течением, умоляю Рафу позволить мне отдохнуть до завтра, но его отец кричит, что не верит мне, и приказывает немедленно выгнать с острова, даже не позволив собрать вещи. В это время Леонгомес постоянно твердит, что я пыталась покончить с собой и представляю угрозу для его друзей.

За рулем своей старой лодки, спиной ко мне, Рафаэль в полной тишине везет меня в Картахену. Созерцая серое свинцовое море, я думаю: человек, с которым я жила десять месяцев, оказался очередным «папенькиным сынком», которому такие же трусы указывают, что делать с его женой. Думаю, Пабло был прав: Рафа – не мужчина, а тридцатипятилетний ребенок. В его возрасте Эскобар уже создал империю и пожертвовал сотни домов тысячам людей. Когда Рафа пробует поцеловать меня на прощание, я отворачиваюсь и быстро удаляюсь по направлению к самолету, приехав в Боготу в десять часов вечера, дрожа от холода в своем летнем костюме. Ни Виейра, ни его сосед Леонгомес даже не позволили мне сделать глоток воды. Я

засыпаю на десять часов и, встав утром на весы в ванной, обнаруживаю, что за один день потеряла шесть килограммов, почти двенадцать процентов от массы тела.

Никогда больше не заговорю с Рафаэлем Виейрой. Пытаюсь узнать имена лоцмана и пары, вытащивших меня из открытого моря, чтобы поблагодарить их и пригласить поужинать, но толком о них никто ничего не может сказать. Несколько месяцев спустя кто-то расскажет: «Это были мафиози, их убили». Тогда я отвечу: «мафиози – это и те, кто строит особняки и предприятия на земле, украденной у простого народа».

Через несколько дней после своего возвращения я подхватила респираторный вирус и пошла к знаменитому оториноларингологу Фернандо Гарсии Эспинозе:

– Вирхиния, вы что, провалились в канализационную трубу? У вас три вида стрептококков, которые можно найти только в человеческих фекалиях! Один со временем может серьезно повлиять на сердце. Мне придется годами лечить вас, назначая вакцины.

Эти «злачные растения», желто-зеленые необитаемые островки от восьми до двенадцати метров диаметром, которые я ежедневно находила, плавая в море, брезгливо уворачиваясь от них, формируются разлагающимися растениями, смешанными с детритом[230] и рассеивают повсюду миллионы микробов. В начале 1987 года инфекция стала только началом целой эпопеи, последовавшей за чудесным спасением из открытого моря. Всю ночь я прорыдала, зная: чтобы любой ценой помешать моему возвращению на телевидение, пресса, принадлежащая президентским семьям, заставит меня заплатить за смерть убитого директора журнала. И если Пабло уже не мой любовник и защитник, то государственные службы безопасности могут сделать со мной то, на что не осмелились бы, пока мы с Эскобаром были вместе.

Через несколько дней после моего возвращения в Боготу звонит Фелипе Лопес Кабальеро, приглашая меня на ужин. Издатель журнала «Semana» одержим Хулио Марио Санто Доминго, Пабло Эскобаром и Армандо де Армасом. Я единственный человек, знакомый со всеми, однако всегда наотрез отказываюсь обсуждать эту тему. Фелипе высокий, красивый мужчина, с сефардистскими[231] чертами лица, как и его брат Альфонсо, постоянный посол в какой-нибудь крупной столице мира. Хотя он любезен и, очевидно, робок, Фелипе будто сделан изо льда. Ему совершенно непонятно, почему он, такой могущественный, элегантный и респектабельный, не вызывает во мне любовь, которую я чувствую к такому страшненькому и

низенькому парню, отпетому преступнику по имени Пабло Эскобар.

Сначала приглашение на ужин удивляет меня. Хотя у Лопеса всегда были «свободные отношения», он никогда бы не рискнул появиться в ресторане с той, которая на протяжении многих лет была объектом самой лютой ненависти его жены и тещи, внебрачной дочери дяди Сантофимио. За ужином в «Библиотеке» гостиницы «Charleston» Фелипе рассказывает, что последние скандальные события, о которых судачит вся Богота, переполнили чашу его терпения. Он принял решение развестись, временно поселившись у своего брата Альфонсо, и приглашает меня посмотреть квартиру. За очень длинным деревянным столом с двумя огромными серебряными канделябрами, Фелипе спрашивает, хочу ли я выйти за него замуж. Этот вопрос я слышала уже неоднократно, всегда благодарила претендентов, но он уже давно прекратил производить на меня должное впечатление.

– «Semana» не прекращая твердит, что я любовница Пабло Эскобара. Поскольку ты всегда был сторонником «свободных отношений», может, хочешь разделить меня с ним?

Лопес просит не обращать внимания на подобные глупости, поскольку не может контролировать все, что пишут обо мне его журналисты.

Я лишь добавляю: «Если в браке с самой страшной колумбийской женщиной ты был похож на «предводителя оленей», каково будет, если женишься на самой красивой? Я не наставляю рога своим мужьям или парням, Фелипе, и уж тем более на публике. А кроме того, думаю, я знаю, кто тот единственный, за которого я бы снова вышла замуж».

Он интересуется, кто это, а я говорю – европейский интеллектуал, на одиннадцать лет старше меня, из благородной семьи. Самая большая его прелесть – он пока еще игнорирует тот факт, что однажды станет единственным разумным выбором за всю мою жизнь.

* * *

Цель любым способом помешать мне найти работу не совместима ни с журналистской этикой, ни с логикой. Радио «Караколь», возглавляемое Ямидом Аматом, главным журналистом Альфонсо Лопеса, и остальные радиостанции Колумбии трезвонят, что я бросилась в море, желая покончить жизнь самоубийством, потому что болею СПИДом. Другие

клянутся, что я уже мертва и тайно захоронена пристыженной семьей. Актриса и диктор, имитирующая мой голос, звонит в консультации знакомых врачей, плача и заявляя, что я страдаю самыми постыдными и заразными заболеваниями. На всех коктейльных вечеринках, без зазрения совести, направо и налево повторяют, что у меня сифилис, и я на лечении.

Радио, надрываясь, требует от меня выйти к микрофону, если я еще жива, и появиться перед камерами. А я спокойно обедаю в «Шанель» и «Salinas» с женой руководителя IBM, владелицей сети видеосалонов, которая предлагает мне вместе поехать на видеофестиваль в Лос-Анджелесе, чтобы забыть произошедшее на островах и не переживать из-за сплетен. Беатрис Анхель, хорошая подруга Фелипе Лопеса, говорит, что он тоже приедет обсудить прокат своего фильма «Ребенок и Папа Римский» («El niño y el Papa»). Лопес воспользовался визитом Иоанна Павла II в Колумбию, чтобы снять полнометражный фильм на средства «Focine»[232], которой руководит его близкая подруга Мария Эмма Мехиа. Совокупность ссуды в восемьсот тысяч долларов (с 1986 года на неопределенный срок) плюс два часа бесплатного выступления самого Святого Отца обещают принести небывалые в католической Латинской Америке кассовые сборы, уступая разве успеху фильма «Девочка с синим рюкзаком» («La niña de la mochila azul»).

Когда я, опаздывая, бегу на самолет, полторы дюжины фотографов и журналистов преследуют меня по коридорам аэропорта. Их послал журнал, возглавляемый Дианой Турбай, дочерью экс-президента Турбая. Заголовок следующего издания со мной на обложке в темных очках и пальто гласит:

«Вирхиния Вальехо убегает из страны!»

Содержание статьи наводит на мысль, что я бегу не от папарацци, а от правосудия.

Мы с Беатрис приезжаем в отель «Beverly Wilshire». Фелипе Лопес, поселившийся в дешевой гостинице, звонит с просьбой позволить ему появиться на знаменательном событии в качестве моего мужа, чтобы не платить пятьдесят долларов за вход. У меня нет другого выхода, и я соглашаюсь. Как же не помочь сэкономить такую сумму кинопродюсеру в центре Голливуда? Через некоторое время, когда мы с Лопесом беседуем, он говорит:

– Джон Войт[233] вот уже полчаса не сводит с тебя глаз, ты самая красивая девушка на празднике. Сейчас, когда я наконец свободен, ты действительно не хочешь встречаться со мной?

Смотрю на Джона Войта и, смеясь, отвечаю Фелипе: если верить журналу «Semana», устрашающий и мрачный босс Пабло Эскобар Гавирия не готов делить меня с сыном экс-президента,

сделавшим из него легенду.

* * *

Пока я распаковываю чемоданы, вернувшись в Боготу, звонит телефон:

– Что же они с тобой делают, любовь моя? Почему болтают, что у тебя СПИД, ты беглянка и у тебя сифилис? Правда, что ты пыталась покончить жизнь самоубийством? До такой степени тебя замучили? Сделаем вот что: ничего мне не говори по телефону, завтра пришлю за тобой самолет, расскажешь, что натворили Виейра, что скрывает эта свора собак. Я прикажу убить этих «мясников» и эскулапов, кастрирую убийц с микрофонами! И Тарзана с папой!

Кто из женщин в моем положении не затанцевал бы от счастья от такой новости, да еще и от серенады марьячи этой ночью: «Любовь души» («Amor del Alma») и «Любимая голубка» («Paloma Querida») – бесспорное доказательство того, что святой Георгий всегда спасет девушку от змия[234]. Следующей ночью я чувствую себя самой защищенной женщиной во Вселенной. Пабло, кружа меня в воздухе, говорит, что самое важное – мое возвращение, наконец я снова в его объятиях. Уже никто и ничто не сможет мне навредить. На несколько дней я забываю про угрозы и анонимные звонки, сводных сестер и душегубов, магнатов и гадюк, экстрадицию и покойников, о том, ненавидит или любит меня остальное человечество. Ничего на свете не волнует меня больше, чем он, хочу лишь вновь прижаться к его лицу, груди, сердцу, оказаться в руках Пабло Эскобара. И пока он клянется, что когда вот так меня обнимает, остальные женщины уходят на второй план, я первая, единственная и последняя, а время, проведенное со мной, – настоящий райский уголок в его криминальной жизни, я плаваю в легком эфире, о котором говорил Хаксли. Рядом с этим мужчиной для меня не существует времени, пространства и страха, нет ни малейшего намека на страдания. Когда мы с Пабло вдвоем, то теряем рассудок и здравый смысл. Остается только мужчина, преследуемый правосудием, и женщина, за которой следит пресса. Они знают друг друга, нуждаются и заботятся друг о друге, несмотря на долгие разлуки, на его преступления и ее грехи. Сейчас они за пределами всех печалей.

– Так значит, Виейра заставили тебя сесть в самолет после того, как ты сражалась против течения в открытом море и сбросила шесть килограммов за один вечер?! Они настоящие

душегубы, а ты – героиня! Я взорву лодку папенькиного сынка, она разлетится в щепки! Есть у меня один знакомый из «ЭТА», эксперт по взрывчатым веществам, который хочет приехать из Испании и поработать со мной. Говорят, он гений, вот и проверим, правда ли это.

– Но, Пабло… «ЭТА»… не слишком ли будет для Тарзана? Все-таки Сан-Мартин де Пахаралес – не какой-нибудь Кремль или Пентагон!

– Нет, Виейра просто сборище трусов… Но мне нужно, чтобы парень уже начал практиковаться, поскольку грядет война. А для Пентагона у меня другие планы, чего бы это ни стоило, я достану ракету, даже если придется идти за ней на край света.

Интересуюсь, о какой ракете идет речь, а он напоминает: о той, которая, по его замыслу, изначально предназначалась для защиты воздушного пространства «Наполеса». Так как ракету можно использовать только один раз, он передумал, решив направить ее на действительно важную цель, а не на самолеты ВВС или президентский дворец в Колумбии, который, вместе с батальоном президентской охраны, можно нейтрализовать парой выстрелов из базуки, без необходимости растрачивать впустую неимоверно дорогую ракету, которую невероятно сложно достать. Если выстрелить прямо в центр Пентагона, уничтожатся все защитные системы США, прервется их связь с союзниками. Поэтому Пабло пытается связаться с Аднаном Хашогги[235], самым богатым торговцем оружием в мире, который тоже ничего не боится.

– Пентагон… Ваааау… ваааааау… Неужели ты не смотрел фильм «Розовая Пантера», где бриллиант в тысячу карат был защищен кучей перекрестных лучей, которые можно было разглядеть только с помощью специальных очков? Как тебе не пришло в голову, что в Пентагоне все именно так и устроено! Или думаешь, русские уже давно не послали бы к гринго ракеты, если бы все было так просто? Там несколько тысяч километров воздушного пространства, огражденного невероятным экраном из невидимых лучей, кажется, они называются лазерными! Вот так вот! В Белом доме и на базе Форт-Нокс[236] должно быть то же самое. Ох, любимый! Ты становишься похожим на злодеев из фильмов о Джеймсе Бонде, таких, как Голдфингер, готовых покончить со всем человечеством, чтобы достичь цели. Думаю, экстрадиция – уже не так страшно…

Пабло взбешенно уставился на меня. Мне кажется, он меня задушит.

– Вот как, Вирхиния?! Экстрадиция – это все, это конец! Абсолютно все, и не вздумай больше произносить такие безумные

вещи, потому что я выкину тебя в окно! А Пентагон не защищен никакими лучами! Я ломал голову, думая, как заслать им ракету… Люди уверены, что гринго неуязвимые и самые умные, но это не так. Как думаешь я тогда пропихнул им миллионы тонн кокаина, цена за килограмм которого уже упала с 50 000 долларов до 14 000, со времени, как мы познакомились? Возможно, ты все еще не поняла, мы, колумбийцы, гораздо более предприимчивые, чем американцы.

Эскобар заявляет, что Рейган спит и видит, как бы покончить с ним, а Нэнси – с его бизнесом. Поэтому и придумали фразу «Скажи наркотикам: нет!»[237]. Он не по зубам ни им, ни кому бы то ни было. Я клянусь, что видела фильм, где русская ракета, направленная против Пентагона, достигла границ воздушного пространства США, а потом обернулась против террориста, пославшего ее. Пытаюсь убедить Пабло: если его ракета отрикошетит от воздушного пространства Соединенных Штатов и вернется в Медельин, то оставит полмиллиона умерших, как в Хиросиме или Нагасаки.

– О боже, какой ужас! Пабло, из-за тебя начнется третья мировая война!

Он отвечает, что голливудские фильмы сняты кучкой евреев-республиканцев, которые смотрят на мир глазами Рейгана. Ему кажется, я стала трусихой, как и все остальные женщины:

– Я думал, ты моя вторая половина, и только ты меня понимаешь, но ты оказалась не просто незапятнанной душой, но еще и моралисткой, да и империалисткой в придачу! Так нельзя… Однако, погоди секунду… Всего секундочку… Ты сказала – Хиросима?… Нагасаки?.. Ох, невинная моя душа… Ты же просто чудо, гений! С какого неба ты спустилась, любовь моя?! Я-то думал, придется создавать военную базу в какой-нибудь банановой республике, а все оказалось так просто!

И, будто только что решив теорему Таниямы-Симуры или великую теорему Ферма[238], Эскобар танцует, кружа меня в воздухе, счастливо напевая:

– Выпьем за тот день, любимая голубка, когда ты появилась в моей жизни!

Отмечаю: однажды на него наденут смерительную рубашку и отправят в лечебницу. Прошу перестать наконец думать о разных кошмарах, это меня пугает.

– Мы с тобой всегда обсуждали политику и историю, но с тех пор как я уехала на острова, ты то и дело твердишь о взрывах, похищениях и бомбардировках. Обезвредить Пентагон! Ты что, возомнил себя министром обороны СССР? В жизни столько прекрасного, Пабло, подумай о Мануэле и Хуане-Пабло…

Прислушайся к своим мыслям, к сердцу. Они даны тебе, чтобы создавать, а не разрушать. Мне тоже хочется отдохнуть от подлости и угроз…

Пабло на миг задумался, а потом ответил:

– Правда, тебе нужно на время отдохнуть – путешествуй сколько хочешь, при условии, что всегда будешь возвращаться ко мне… Но не в Европу, она полна соблазнов, ты там и останешься… В Соединенные Штаты, они ведь ближе, ок? Хотя мы с тобой не сможем видеться месяцами. Я схожу с ума каждый раз, когда ты исчезаешь. К твоему возвращению я уже разберусь с Тарзаном. Виейра должны запомнить: тебя тоже нельзя обижать… Уже не могу смотреть на твои мучения, бедняжка!

Счастливая, я уезжаю в Майами, а когда возвращаюсь, Пабло просит меня поехать в Медельин. Он рассказывает, что постоянно следил за членами семьи Виейра и все подготовил, чтобы взорвать лодку Рафы.

– Я размещу бомбу на берегу, где Тарзан держит лодку для поездок в Картахену! Это намного легче, чем в открытом море. Там флот мог бы схватить моих парней.

В ужасе я восклицаю: на воздух взлетят дюжины скромных работяг, туристов из рыбацкого клуба и сотни яхт. Он отвечает, что так и задумано:

– Я говорил тебе, больше всего на свете мне нравится делать пакости, так что не заставляй меня прикидываться святошей. Заодно решим проблему с психами, годами изводящими тебя по телефону. Убьем двух зайцев одним выстрелом, тогда ни «мясники», ни гадюки и даже сводные сестры не смогут задеть тебя. В жизни нужно уметь заставить других тебя уважать, и точка!

Около часа я пытаюсь уговорить Пабло не подкладывать бомбу, подумать о невинных людях, яхтах Очоа и той паре, которая спасла мне жизнь, но он непреклонен. Несколько раз затянувшись марихуаной, Эскобар постепенно успокаивается, а я осознаю, что бомба устраняет четыре цели сразу. Она не только накажет семью Виейра, а в частности Рафу, и не просто послужит предупреждением злодеям или журналистам, но станет уроком любому, кто попытается украсть меня у него. Со времени «кокаиновых горок» для Анибала и моего экспресс-развода Пабло устранил двух соперников-мультимиллионеров, пытался похитить моих бывших парней и использовал любой предлог, чтобы отомстить тому, кого он винил в наших разлуках, таких долгих, что они больше походили на расставания. Теперь он ненавидит всех, кто составляет часть моего прошлого. Когда Пабло спрашивает, можно ли положить голову мне на колени, я

разрешаю, глажу его по лбу, а он, смотря в пустоту и словно говоря сам с собой, продолжает:

– Чаша уже переполнена. Не могу больше спокойно смотреть, как по моей вине тебя унижают и преследуют. Они хотят, чтобы ты навсегда исчезла из моей жизни… А ты моя единственная близкая подруга… единственная женщина, которая никогда ничего у меня не просила… Только с тобой я могу говорить о вещах, которые обсуждают не с мамой или с женой, а с компаньонами… Теперь я доверяю только троим: El Osito, Гонсало и Густаво. Всех что-то не устраивает, любимая, El Mexicano живет в Боготе, а мой компаньон очень изменился. Все трое похожи на меня, а мне нужен кто-то любящий и одновременно противоположный… с другими ценностями, при этом понимающий и не осуждающий. Ты спасла меня от многих промахов, и я не могу позволить тебе снова уйти… Как после событий во дворце, когда я так нуждался в тебе и нигде не мог найти… Ты всегда уходила к кому-то богаче меня… владельцу двух дельфинов и акулы! И как тебе?

Уверяю его: «Панчо Вилья III» совсем не оправдывает теракта с участием «ЭТА» и «Панчо Вильи II». Наконец мне удается убедить Пабло забыть о бомбе и вместо нее сделать пару звонков, как он это умеет. Неохотно Эскобар обещает, что так и будет, но только потому, что взрыв на берегу может обернуться против меня. Вспоминая недавние события, я интересуюсь:

– Пабло, тебе никогда не приходило в голову убить человека ударом кулака?

Он с удивлением спрашивает, что я имею в виду. Я, в свою очередь, рассказываю: как-то на ужине у известной аргентинки и театрального антрепренера Мигель Счастливчик Лора[239] попросил у меня телефон, а я дала ему номер консьержа, чтобы удивить швейцаров и шофера, когда Лора внезапно захочет позвонить. Довольная, я добавляю:

– Вся страна бы заплатила, чтобы посмотреть на эту схватку: Малыш Пабло Эскобар против грозного Счастливчика Лоры! Думаю, при драке в двенадцать раундов ставки в пользу чемпиона мира были бы… около… ста к нулю?

– Нееееет, родная, даже не мечтай! Сто к нулю в пользу Малыша Эскобара! А иначе… для чего, думаешь, изобрели пистолеты?

Мы смеемся, переходя на других персонажей общественной жизни Колумбии. Пабло признается: с помощью Габриэля Гарсиа Маркеса он хочет связаться с Фиделем Кастро. Единственный беспрепятственный способ завезти наркотики во Флориду – через Кубу. В случае Фиделя он готов расщедриться и пойти на уступки

больше, чем в случае с Норьегой или Ортегой.

– Пабло, надеяться на то, чтобы обладатель Нобелевской премии в области литературы помог тебе наладить наркобизнес с Кастро – как попросить художника Фернандо Ботеро предложить Горбачеву продвигать публичные дома! Спустись уже с небес, любимый, ни Гарсия Маркес, ни Кастро не послушают тебя и просто посмеются в лицо. Ввози свой товар с Северного полюса или из Сибири, но забудь о Кубе. У Фиделя там Гуантанамо, а с учетом твоего сотрудничества с «сандинистами» и того, что происходит с «контрас»[240], он не будет подвергать страну риску вторжения и не позволит, чтобы весь мир называл его «тираном-наркоторговцем»!

– Знаешь, что гринго снабжали «контрас» деньгами, полученными с конфискованных товаров – не с «коки», а с крэка, который на самом деле вызывает привыкание и губит людей… Я старался перекрыть каналы его поступления, но не смог. Если это не двойные стандарты, тогда что? Почему Нэнси Рейган не скажет Оливеру Норту[241]: «Просто скажи “нет!”, Олли!»?

Этот тип ради убийства коммунистов сговорился с «Пиньей», заключенными наркоторговцами и с самим дьяволом!

Я настаиваю: идея с Кастро – просто самоубийство. Советую не смешивать политику с бизнесом. Пожав плечами, Пабло спокойно отвечает:

– А кто сказал, что единственный вариант – президент какой-нибудь страны? Благодаря мексиканским генералам я уже понял, что военные долго не раздумывают. И если президент не пойдет мне навстречу – генералы в его подчинении – наоборот. В бедных странах любого военного можно купить, для этого и нужна репутация богача, любимая. Все без исключения убьют за возможность работать со мной… А Куба – не Швейцария, правда? Это всего лишь вопрос логики, если это не будет Фидель или Рауль Кастро, то будут их подчиненные, и точка.

Убеждаю его: если Кастро узнает, что кто-то на Кубе работает с Пабло Эскобаром, то прикажет расстрелять его.

– И в этот день гринго направят «контрас» не против Колумбии, а против тебя! Черт бы тебя побрал, Пабло, ты ведь не похититель и даже не коммунист, ты наркоторговец. Не совершай политических ошибок, ты же владеешь империей, это и должно тебя волновать. Иначе все деньги уйдут на войны, и в конце концов ты станешь еще беднее, чем был когда-то. Ты кормишь деньгами диктаторов и карибских генералов, убирая любого соотечественника, который встанет у тебя на пути. Если намереваешься войти в историю как идеалист, ты делаешь все неправильно, поскольку «милосердие начинается дома».

– А кто тебе сказал, что я хочу войти в историю в качестве идеалиста, любимая? Ты до сих пор не представляешь, сколько всего я запланировал!

* * *

Густаво Гавирия просит зайти к нему в офис, чтобы поговорить об очень личном деле. Когда я приезжаю, он закрывает дверь, признаваясь, что я – единственный человек, которому можно доверить терзающий его секрет. Мне кажется, он хочет рассказать о преступлениях или опасных связях его компаньона. Знаю, они серьезно влияют на прибыльность бизнеса.

– Вирхиния, я устал… Пабло и El Mexicano уже практически ушли в подполье, Хорхе Очоа в тюрьме, а Карлоса Ледера недавно экстрадировали. Ответственность за организацию практически полностью легла на мои плечи. Иногда я спрашиваю себя: стоит ли игра свеч… Слава богу, каждый раз, как ты приезжаешь, Пабло на время приходит в себя, но потом вы опять расходитесь, и у него не остается никого, кто бы привел его в чувство. Он курит траву, погружаясь в мир наемных убийц и молодых девочек… находясь в окружении семьи, считающей, будто он всемогущий Бог… И знаешь что? Я понял: единственно важное в жизни, когда ты уже обеспечил будущее себе, детям и внукам, но не можешь выехать за границу и потратить там деньги – не коллекционировать бриллианты, а быть счастливым с красивой женщиной, которая любила бы тебя, как ты любишь Пабло. Это единственное, что может его остановить… Ты понимаешь, о чем я…

Я интересуюсь, в кого он влюблен. Густаво признается: в одну телеактрису, которую я наверняка знаю. Он клянется: она нужна ему, он хочет боготворить ее, позвать замуж, если она согласится, и быть верным ей до конца своих дней, твердя, что она – самое красивое создание во Вселенной. Густаво ужасно страдает, представляя ее отказ. Ради такой любви он ушел бы из дела, став честным человеком. Густаво предлагает мне все, что угодно, если я смогу убедить девушку поехать в Медельин и познакомиться с ним. Он не может выехать оттуда по соображениям безопасности.

– Густаво, я даже не хочу знать ее имя. Не желаю ни одной женщине того, что пережила за все эти годы, – прежде всего той, что работает в СМИ. Я никогда не была сводницей. Твой брак удался, не проси у меня этого, ради бога, мне уже хватает недавних предложений Пабло. С болью в сердце: я тобой очень

дорожу, но не могу оказать эту услугу и причинить девушке такой вред.

Тогда он спрашивает, чего бы мне хотелось больше всего на свете, какова моя самая заветная мечта. Я отвечаю: моя жизнь превратилась в ад, полный угроз. Открою ему один секрет: я бы хотела уехать в Швейцарию на учебу в Женевскую школу синхронного перевода, а если придется остаться, то открыла бы собственную косметическую компанию. Однако Пабло настаивает, чтобы я стала свидетелем, сценаристом или автором хроники, включающей длинную череду событий, которые с каждым днем все больше пугают меня.

– Вирхиния, если познакомишь меня с Анной Боленой Меса[242], обещаю, ты никогда об этом не пожалеешь. Клянусь, я вытащу тебя из страны, чтобы ты смогла начать новую жизнь, вдали от всего этого. Ты не заслуживаешь всего, что с тобой делают по нашей вине… Грядущие события – хуже тех, что ты видела… Не могу вдаваться в подробности. Пообещай, что попробуешь. Хочу наконец избавиться от неопределенности, не позволяющей мне спокойно заснуть. Ты же знаешь, я не разменяваюсь женщинами, как Пабло. Я верен только одной, но умираю от любви к этой девочке и просто хочу сделать ее счастливой. Помоги мне, у тебя ведь золотое сердце, ты даже не представляешь, как я страдаю!

Эти слова меня так растрогали, чувствую, что Густаво искренен со мной, и обещаю подумать.

На сей раз еду в Сан-Франциско полюбоваться тысячелетними гигантскими секвойями в национальном заповеднике «Мюир Вудс»[243] и снова увидеть город Саусалито[244]. Этот райский уголок на Земле когда-то принадлежал моему предку, генералу Вальехо, который не оставил мне ни метра калифорнийской земли. По возвращении из «далекого запада», когда я уже собираюсь сесть в самолет в Майами, два федеральных агента останавливают меня, осведомляясь, везу ли я с собой наличные. Пока они показывают значки, я наблюдаю, что рука того, кто помоложе, дрожит. Заключаю: Пабло вызывает ужас даже у ФБР. Открывая чемоданы и доставая вещи, я вижу, что весь мой багаж перевернут, как будто его досконально досматривали в поисках денег. Поскольку, выезжая из любой страны, я никогда не беру с собой больше тысячи долларов, то делаю вывод, что такое может случиться с каждым, особенно если ты много путешествуешь и говоришь на таможне, что ушел с работы от усталости.

Недавно мне позвонила подруга Хоакина Буилеса. Едва не плача, она сообщила, что Уго Валенсия задолжал ей более двух

миллионов долларов драгоценностями, и не хочет платить. Она просила поговорить с ним, потому что на ее звонки он уже не отвечает, а меня El Niño очень уважает и любит. Я набрала Уго и объяснила, что у моей подруги серьезные проблемы с поставщиками, и она, взывая к его щедрости и благородству, надеется, что он заплатит хоть сколько-нибудь в счет долга. Уже два года я не разговаривала с El Niño, но его реакция привела меня в ужас:

– Не могу поверить, что вы звоните мне, требуя выплатить кому-то долг! Почему бы вам не обратиться к своим любовничкам, старая неудачница? Шизофренику Пабло Эскобару или зэку Хильберто Родригесу? Как вы смеете говорить со мной в таком тоне?

– Если хочешь, чтобы люди обращались с тобой подобающе, заплати по счетам, как делают все порядочные богачи. И тебе прекрасно известно, я никогда не была любовницей Хильберто.

– Неужели? А у его жены есть дружок-гей, который ходит по разным радиостанциям и платит журналистам, чтобы они об этом говорили! Неужели вы не знали? Вы либо оглохли, либо уже не живете в Колумбии!

Пару минут Уго вопит, выкрикивая выражения, которые не осмелились бы высказать нам даже самые лютые враги. Потом он разъяренно бросает трубку. Два дня спустя звонит продавщица из ювелирного, она вне себя от счастья и благодарит меня. El Niño недавно с ходу выплатил ей миллион долларов. Услышав об оскорблениях, которые мне пришлось вынести, чтобы оказать ей услугу, она ответила, что такая, как я, не должна обращать внимания на подобные глупости. Угито – всего лишь El Niño, и у него наступили тяжелые времена.

По случаю поездки в Кали для съемок рекламы я решила навестить Клару. Войдя, я вижу, что она очень изменилась. Выслушав мою историю о произошедшем на островах, она идет к себе в комнату и возвращается с футляром от «Cartier». Открывает его и показывает мне ожерелье и изумрудные серьги с бриллиантами, достойными Элизабет Тейлор. Потом, со смесью гнева и боли, произносит, словно обвиняя меня в чем-то:

– Знаешь, что твой Паблито порезал на кусочки Уго Валенсию? Да, нашего друга El Niño, который покупал драгоценности на миллионы долларов для своих подруг! А теперь, Вирджи, хорошо присмотрись к размеру этих изумрудов и угадай, кто заказал их Беатрис… А это был Пабло! Угадай, для кого? Для своей очередной принцессски! Да, это украшение за двести пятьдесят тысяч долларов Пабло купил как-то в выходные проституточке с короной из консервной банки! А тебе, самой

элегантной и востребованной телезвезде этой страны, знаменитой красавице, встречавшейся только с элитой и мультимиллионерами, не только ничего не подарил, но еще и оставил без работы, бросил всем на растерзание, поставил твою жизнь под угрозу! Посмотри, что твой бывший любовник с лицом шофера подарил неприметной плутовке за то, что она провела с ним несколько ночей! А чем этот несчастный убийца наградил тебя за все эти годы? Что этот головорез оставил тебе? Ты ведь была, как королева на троне! Вглядись хорошенько – четверть миллиона долларов для невежественной служанки, которая никогда не сможет блистать такой роскошью перед камерами или на балу в Монте-Карло, а надо будет – продаст их за пять тысяч! Посмотри, Вирджи, и хорошенько запомни: Пабло Эскобару нравятся дорогие шлюхи из его социального класса!

Никогда и ни у кого я не просила драгоценностей и даже не надеялась, что мне их подарят. Те, в которых я появлялась на экране, были немыслимо дорогими: Шанель, Валентино или Сен-Лоран, – те, в которых я сияла на обложках журналов, одалживала Беатрис. Мне всегда казалось, что Пабло, по сравнению с жадными магнатами, был самым щедрым из мужчин, единственным прекрасным мультимиллионером, которому было важно сделать и видеть меня счастливой. Но вид изумрудов, достойных императрицы, характеристика той, кому они предназначены, в совокупности с тем, что случилось с El Niño, и горькими словами той, которая на протяжении многих лет была моей лучшей подругой, словно пробуждают меня ото сна, в котором я жила, и возвращают к реальности. Глотая слезы, я признаю: сегодня чаша действительно переполнена, решив, что настал момент последовать совету Глории Гайтан и начать искать источники финансирования своей собственной косметической фирмы. Назначаю встречу тому, кто владеет половиной лабораторий в Колумбии. Он только что вернулся из продолжительной поездки в Испанию и сообщает, что примет меня незамедлительно.

Я еще никогда не была в тюрьме. Это полная противоположность тому, что я себе представляла. Здесь, как в старших классах школы, счастливые люди поднимаются и спускаются по лестнице, охранников почти нет, вместо них улыбающиеся и одетые с иголочки адвокаты, повсюду звучит ритм сальсы. В тюрьме Кали заключенный номер 1 обладает почти такими же правами, как папа в Ватикане. Никто не спрашивает, как меня зовут, не ставит печать на руке, не проверяет сумку, не обыскивает. Один из служащих проводит меня прямо в офис директора и уходит.

– Дева Милосердия явилась поприветствовать «Экстрадируемых»! – восклицаю я, подобно Скарлетт О'Хара, когда та в знаменитом костюме из бархатных занавесок из дома в Таре пришла навестить заключенного Ретта Батлера в романе «Унесенные ветром»[245].

– Оооох, моя королева, что за призрак, спустившийся с небес! – удивляется Хильберто Родригес, ласково обнимая меня.

– Если общественность узнает, что тебя тут содержат в таких условиях, полстраны выстроится в очередь на вход! Это отличный отель! Как думаешь, меня примут на полгода, когда я наконец скоплю состояние, как у тебя?

Хильберто смеется, с ноткой грусти отмечая, что я совсем не изменилась. Мы садимся друг напротив друга за длинным столом и заводим беседу. Он рассказывает: хотя ему очень повезло вернуться на родную землю, на свою территорию, годы в европейской тюрьме были ужасными. Постоянно приходилось думать, не сдадут ли их испанцы гринго. В ответ на действия Белисарио Бетанкура и Фелипе Гонсалес предприняли различные меры, они с Хорхе Очоа добились того, что на них завели менее тяжкие дела в Колумбии, чтобы национальная судебная система подала иск раньше североамериканской, это и спасло их от экстрадиции в США.

– Сюда мне приносят домашнюю и ресторанную еду. Но в Испании все было по-другому. Это не первый плачевный опыт, моя королева, но ты не представляешь, каково каждый день есть макароны без соли… и слышать шум железных решеток, опускающихся с адским скрипом, не дающих спать, утром, днем и вечером… Но самое тяжелое – все это время думать о том, что твоя женщина тебе изменяет…

– Но с кем же будет изменять тебе La Fiera? Уверена, хоть она и ведьма, но верная!

– Да нет же, любовь моя, я не ее имею в виду… Я говорю о том, что было между нами… Париж, помнишь… Или ты уже обо всем забыла? – спрашивает он с нескрываемой грустью.

Никогда бы не смогла рассказать Хильберто, что сделал со мной Пабло, узнав о том, что было в Париже. Этот ужасный эпизод – один из наших самых сокровенных секретов. В любом случае, я отплатила Эскобару сполна, теперь мы квиты, и боль уже практически полностью забыта. Кроме того, я поклялась никогда в жизни об этом никому не рассказывать. Нежно глядя на Хильберто, я отмечаю, что за три года получила от него всего лишь одно письмо, и спрашиваю, когда его выпустят. Он отвечает: через пару месяцев, настаивая, что хотел бы снова увидеться. Потом рассматривает мои волосы, делает комплимент и

предлагает выпустить шампунь с моим именем. Я благодарю его, уточняя, что скорее бы запустила линию косметики и средств по уходу за кожей, но у меня нет денег. Он обещает, что, когда выйдет на свободу, мы это обсудим. Я, сменив тему, спрашиваю, зачем они убили Уго Валенсию, который должен был несколько машин моим друзьям из семьи Раад и много денег знакомой ювелирше.

– Угито не платил по счетам и обзавелся в Медельине очень опасными врагами. Слава богу, здесь, в долине, не происходит таких ужасных вещей… Но, давай не будем об этом, я уже не знаю, что творится с бизнесом, поскольку ушел на покой. Правда! Ты мне не веришь?

Мне кажется, это вынужденный… и временный уход. Кроме того, стало заметно, что Хильберто уже не так безмятежно смеется. Он словно потерял некое лукавое обаяние, свою отличительную черту. Однако, думаю, почти для всех женщин, мужчины, временно потерпевшие поражение, обладают особым шармом, нежели те, которые кажутся неуязвимыми. Я убеждаю Хильберто, что он самый везучий в мире. Он повторяет: годы тюрьмы оставили глубокий след, жизнь никогда не станет прежней. Клеймо известного бандита скажется и на детях. Уверяю: это цена, которую они должны заплатить за наследство в тысячи «запятнанных» миллионов долларов, его дети должны быть очень благодарны за жертвы, принесенные во имя их блага.

Глубоко погрузившись в ностальгию, Хильберто объясняет, что уже никогда не сможет выехать из Колумбии. Есть риск, что за границей его задержат по требованию американского правительства и экстрадируют в США. А это значит – даже с таким состоянием он уже не сможет вновь увидеть Париж. Мы обсуждаем его занятия, а также, что он читает в тюрьме – «Сердце Тьмы» Джозефа Конрада, Стефана Цвейга, его любимого автора; мечту стать дирижером оркестра – знаю, что это возможно. Прощаясь спустя пару часов, Густаво обещает на следующий день после освобождения навестить меня. Вернувшись домой к Кларе, я прохожу рядом с бархатным футляром, где лежат холодные бриллианты и изумруды, которые одинаково могут стоить копейки или миллионы, и напоминаю себе: «Пути Господни неисповедимы» – как счастливо пела Дина Вашингтон:

«Как все меняется за день,
за каких-нибудь двадцать четыре часа…»

* * *

Армандо де Армас предлагает мне возглавить газету «Мировые знаменитости». Я отказываюсь, зная, что он плохо обращается с директорами других журналов, а со мной вообще будет безжалостен. А поскольку все вокруг меня, похоже, обзавелись личными империями, я начинаю работать над созданием своей, изучая биографии Элены Рубинштейн, Элизабет Арден и Эсте Лаудер[246]. Думаю, пришло время открыть латиноамериканскую марку с практичными косметическими средствами, цветами в тон кожи, сочетающимися с чертами лица латинских женщин, и доступными ценами. Дорогой косметика становится только из-за рекламы и упаковки. Я прошу Эрнана Диаса сделать мне новые фотографии, отметив, что в тридцать семь лет мои лицо и фигура явно выглядят лучше, чем когда-либо. Уверена, с минимальными вложениями со стороны Хильберто и его огромными рынками сбыта, я смогу основать по-настоящему успешный бизнес. Если мне удается убедить женщин покупать все, что я рекламирую, то им точно должны понравиться кремы, стирающие порезы от ножей, и витамины, лечащие сифилис и СПИД. Я скупаю разные виды продуктов, чтобы детально их изучить и решить, какие проще имитировать или улучшить. Думаю, рано или поздно точно выпущу средства для мужчин. Мне кажется, я готова начать и жду не дождусь, когда мой потенциальный компаньон выйдет на свободу. Решаю не посвещать его в свои планы, пока окончательно не удостоверюсь, что он разделяет мой энтузиазм. Несколько недель спустя нам снова удается поговорить:

– Я уже очень скоро выйду, но деловые проблемы еще до конца не разрешены, моя королева. Теперь этот господин, твой друг из Медельина, угрожает нам войной, так как мы с партнерами не хотим сделать ему одолжение… Не могу сказать какое, потому что это мужские дела. Но ты тоже должна быть осторожна, Пабло потихоньку сходит с ума… И способен приказать убить тебя.

Уверяю, что это нелепая мысль. Хотя, учитывая, что мы с Эскобаром уже не встречаемся, он все равно считает меня своей лучшей подругой и очень любит. Прошу позволить мне попытаться уладить конфликт. Теперь, когда Луис Карлос Галан примкнул к либеральному правительству и станет будущим президентом, Пабло и Хильберто нужно задуматься над созданием мирного, объединенного фронта против экстрадиции.

– Не хочу видеть, как вы убиваете друг друга, или как вас экстрадируют, мы уже все изрядно настрадались… Прекратите, это разбивает мне сердце. Позволь мне попытаться достичь перемирия, ладно?

Хильберто утверждает, что это маловероятно, ситуация уже накалена до предела, но он не против, если я передам Пабло его желание договориться.

В тот момент я не знала, какую услугу требует Эскобар у Родригеса. У Хильберто и Мигеля есть два основных компаньона – Чепе Сентакрус и Пачо Эррера (один из немногих наркоторговцев, предпочитающий молодых юношей принцесскам). Пабло хочет, чтобы ему отдали Пачо, его злейшего врага, в уплату за сделанное Чепе одолжение в начале года, когда разрезали на кусочки Уго Валенсию. Такое делают только в Медельине – не в Кали.

Несколько дней спустя в салоне красоты я встречаю Анну Болена Меса. Ответ, который дала эта милая девушка, научил меня, как нужно сохранять достоинство. Этот урок я никогда не забуду. Мы едва перебросились парой вежливых фраз, но ее огромные синие глаза сказали мне больше любых слов. В глубине души я чувствую глубокое облегчение из-за своей неудачи, смешанное с необъяснимым, странным и радостным чувством: в мире все еще есть люди, которых нельзя купить.

* * *

Хильберто Родригесу не терпится меня увидеть. Вчера он вышел из тюрьмы, а сегодня уже приехал в Боготу. Сейчас пять часов вечера, я в гостиной, проверяю, все ли на месте: шампанское, музыка, цветы, вид из окна, книга Цвейга, которую он еще не читал. Открывается дверь лифта, я удивляюсь, слыша смех. Когда входят двое мужчин, одетые с иголочки в темно-синие костюмы, сияя от счастья, я не могу поверить своим глазам. Хильберто Родригес решил похвастаться передо мной Альберто Сантофимио, а кандидат Пабло Эскобара решил, в свою очередь, показаться на глаза с Хильберто. Они сообщают, что задержатся только на час, так как едут на встречу с экс-президентом Альфонсо Лопесом Микельсеном. Он с Эрнесто Сампером Писано ждет их в своей резиденции, чтобы отметить возвращение Хильберто на свободу.

Всю свою жизнь я провела перед камерой, пережила годы публичных оскорблений, поэтому мне удалось скрыть огромную неприязнь, испытываемую мной к Сантофимио. Оба прощаются. Я знаю: Родригесы покончат с Пабло, но уверена, сначала Пабло прикончит половину человечества. Если бы во всем мире остались только он и Хильберто, думаю, я бы выбрала Пабло, хотя он и безжалостный, но с определенными людьми умеет вовремя

остановиться. Как и я, Эскобар очень самодостаточен. За пять лет я звонила ему около шести раз, ни разу не упомянув, что соскучилась или хочу встретиться, но сегодня решила прислушаться к своему сердцу и в первый и последний раз набрать его. Говорю, что нам срочно нужно увидеться и обсудить события в Кали. Вылетаю обычным самолетом, не говоря ни ему, ни Густаво, что собираюсь попрощаться с обоими, и на этот раз – навсегда.

За прошедшие пять лет я стала всего лишь беспомощным наблюдателем поступков этих мужчин. Завтра сделаю все возможное и постараюсь отговорить Пабло от войны. Планы, вынашиваемые в его голове, меня пугают. Я недавно осознала, что присутствую на закате двух недавно появившихся «гигантов» мира властных людей. Когда Пабло с Хильберто покончат друг с другом, а правительство добьет их, в нашей стране ничего не изменится. Останется только горстка привычных интеллигентов, управляемая армией, обогатившейся за чужой счет. Завтра я в последний раз увижу единственного мужчину, которому удалось сделать меня бесконечно счастливой, кто всегда относился ко мне, как к равной, ценил по достоинству. Только он один заботился обо мне, позволяя чувствовать себя защищенной. Глядя в зеркало, я говорю себе, что через пару часов навсегда попрощаюсь с тем, что нас объединяло, и плачу. На мгновение мне кажется, словно в отражении пробежал персонаж с картины «Крик» Мунка.

Бриллиант на прощание

Уже прошло несколько месяцев с тех пор как, ввиду процедурных дефектов, договор об экстрадиции провалился. Пабло вернулся на работу в свой офис. Когда я пришла, мне сообщили, что они с Густаво на встрече, и просят подождать пару минут, пока освободятся. Кажется, это первый раз, когда мне приходится ждать в приемной, но, слава богу, – последний. Пока я ожидаю, один из его шоферов или наемных убийц пожирает взглядом мои ноги и достаточно громко, чтобы я могла слышать каждое слово, комментирует приятелю, что моя последовательница не такая представительная, как я. После рекламной кампании колготок «Di Lido» многие мужчины перестали обращать внимание на мое лицо, теперь они беспрестанно глазеют на ноги, ведь простой народ всегда предпочитает верить не своим глазам, а тому, что транслируют СМИ.

Я наблюдаю за парнями: их взгляд мрачен, они нецензурно ругаются и не скрывают своего презрения к обществу и женщинам в частности. Думаю, станет настоящим облегчением навсегда попрощаться с криминальной элитой, с каждым разом все больше погружающейся в сумрак. Вчера вечером я решила: впервые за время нашего знакомства с Пабло я попрошу у него денег. За пять лет я дюжину раз успела съездить за границу, он всегда давал мне приличные суммы на расходы, которые я принимала как знак проявления любви и щедрости. Но с тех пор как Пабло оплатил долги моей студии в обмен на рекламную кампанию в январе 1983 года, мне не приходилось ничего у него просить, поскольку у меня всегда хватало средств, которые я зарабатывала сама. Я никогда не отличалась алчностью. Пятнадцать лет я была одним из наиболее высокооплачиваемых профессионалов на колумбийском телевидении и никогда бы не подумала, что в моем возрасте останусь без работы. Все просто: моих сбережений хватит всего на двенадцать месяцев.

Вчера я так ждала встречи с Хильберто, чтобы наконец поговорить с ним после трех лет тюрьмы, но визит Сантофимио насторожил меня. Интуиция подсказывает: не нужно сильно обнадеживаться по поводу косметического бизнеса с Родригесом. Поэтому я решила попросить помощи у Пабло и поехать изучать языки в Европу, устроиться на работу туда, куда с детства мечтала, пока первое замужество, а потом и карьера на телевидении не встали у меня на пути. Однако первая цель – сделать все возможное, чтобы предотвратить неизбежную войну

между картелями из Медельина и Кали, а именно, между их главными боссами: Пабло Эскобаром и Хильберто Родригесом.

Дверь офиса Пабло открывается. Он выходит в сопровождении девушки в черной юбке и красном свитере из колумбийской шерсти, на вид ей где-то двадцать семь лет, на груди висит золотая цепочка с большим медальоном с изображением Девы. Хотя она вполне привлекательна, с хорошей фигурой и красивой прической – моделью или королевой красоты ей никогда не быть. Она похожа на продавщицу косметики в элегантном магазине или на складе декораций. Пабло представляет ее как свою девушку, я желаю ему счастья с такой красавицей. Она нежно смотрит на меня, во взгляде нет ни капли зависти из-за моего дорогого красного костюма от «Thierry Mugler», привлекающего всеобщее внимание. В нем я выгляжу, словно сирена, когда вхожу в какой-нибудь ресторан Боготы. Я выбрала его из более чем ста пятидесяти дизайнерских костюмов из Милана, Парижа и Рима, потому что где-то прочла, что мы запоминаем человека таким, каким видели в последний раз. И как бы сильно еще ни любила Пабло, сегодня я решила попрощаться с ним навсегда. Не только потому, что любовь уже проходит, скорее из-за того, что наша дружба превратилась в неистощимый источник проблем, страданий и опасностей для такой известной, но такой незащищенной женщины, как я. Улыбчиво и добродушно я прощаюсь с девушкой и обращаюсь к Пабло:

– Надеюсь, твоя подруга извинит нас, если мы ненадолго отлучимся. Я приехала из Боготы только чтобы передать тебе сообщение от Хильберто Родригеса. Советую немедленно его выслушать.

Сказав это, я направляюсь в его офис, не дожидаясь, пока Эскобар пригласит меня войти. Он перекинулся с девушкой парой фраз и вошел вслед за мной, закрыв дверь и усаживаясь за рабочий стол. Заметно, Пабло в ярости. Накануне вечером я упомянула о картеле Кали, и теперь в наказание он представил меня продавщице со склада. А сегодня перед женщиной, которая ничего не значит ни для него, ни для меня, такая известная персона, как я, пожертвовавшая всем ради любви, не колеблясь произнесла имя его злейшего врага. Пабло смотрит на меня, и в мгновение ока в глазах, как у медведя гризли, промелькнуло все мое будущее, моя жизнь без него. Я останусь абсолютно ни с чем.

– Предупреждаю, у меня есть только пара минут, меня ждет моя девушка. Что ты хотела мне сказать?

– Гильберто и Сампер сотрут тебя в порошок, Пабло. Но за несколько минут это трудно объяснить, потому что покончить с

тобой не так уж просто. И проявляй уважение, иначе я улечу на следующем же самолете.

Уставившись в пол и подумав пару секунд, он поднимает взгляд и отвечает:

– Хорошо, завтра тебя заберут из отеля в девять тридцать утра, встретимся в десять, и не гримасничай, теперь я встаю рано. Да, в девять часов! Весь день заполнен встречами. Приходится быть пунктуальным. Густаво ждет тебя. До завтра, Вирхиния.

Его любопытство на многое мне открыло глаза. Человек, потративший двести пятьдесят тысяч долларов на изумруды за выходные с очередной принцесской, при одном только упоминании о Кали выдает какую-то неизвестную особу за свою девушку. Похоже, Пабло теряет чувство меры, а следовательно, становится уязвимым. Если четверо крупных боссов из картеля Кали объединятся, то у них будет больше власти и средств, чем у Эскобара. Тем более он одинок, поскольку компаньоны не разделяют его врожденной ненависти к противникам и прежде всего к Хильберто Родригесу. Абсолютно хладнокровный Эскобар скорее похож на вычислительную машину, а не на человека. Но стоит ему завестись, он теряет здравый смысл и следует порывам необузданных страстей. Я всегда знала: у Пабло огненная душа бойца, а у его соперника, как и у всех банкиров, – ледяная. Мне лучше всех известны сильные и слабые стороны Пабло Эскобара. Этот неустрашимый, гордый, неудержимый храбрец нетерпелив, высокомерен и упрям, как потенциальные самоубийцы, которые в один прекрасный день решают атаковать всех своих врагов одновременно и несвоевременно. Я глубоко сочувствую нам обоим, чувствуя глубочайшую и болезненную ностальгию по тому, кем этот потрясающий и уникальный человек мог стать и уже никогда не будет. Ему еще нет тридцати восьми. Мне казалось, он был создан для более глобальных подвигов.

* * *

Сильный человек не перестает быть мужчиной, даже проронив одну скупую слезу из-за потери сына, отца, близкого друга. Или из-за невыносимой женщины. Где-то в четырех стенах некто так похожий на Эскобара, но диаметрально противоположный всем своим подчиненным, что стоят снаружи, не может скрыть своей боли. Теперь он знает: единственное существо в мире, за которое он отдал бы жизнь и бросил все, – та женщина, с которой ему быть не суждено. Густаво Гавирия просит рассказать ему все как есть, как бы тяжело это ни было.

Благодарю за доверие, оказанное человеком, казавшимся мне сделанным из стали, льда и свинца. Признаюсь: едва я только упомянула его имя и родство с Пабло Эскобаром, Анна Болена Меса убежала, перед этим возмущенно ответив:

– Вирхиния, ты была легендой этой страны, а этот наркоторговец покончил с твоей карьерой, запятнав доброе имя. Я всего лишь актриса, честно зарабатывающая себе на жизнь. Передайте Гавирии: ни за какое золото мира я бы не согласилась пройти через то, что сделали с тобой эти злодеи и продолжает делать пресса. Такие женщины, как я, их презирают. Лучше выберу смерть, чем позволю хоть одному накоторговцу приблизиться ко мне!

Густаво просит повторить каждое слово, сказанное этой недоступной женщиной, в которую он безумно влюблен. Он никак не может понять, почему эта красивая девушка с огромными, ясными глазами так его презирает. Тогда я напоминаю, что́ обо мне пишут газеты и о чем вопят радиостанции: истории о любовниках-наркоторговцах, беспощадно избивающих меня в попытке отнять яхты и особняки; женщины, приказывающие изрезать меня ножами, чтобы забрать машины и драгоценности; власти, обыскивающие меня, чтобы изъять наркотики и оружие; врачи, лечащие от сифилиса и СПИДа. Добавляю: чтобы воспрепятствовать моему возвращению на экран и к микрофону, представители СМИ, кажется, пытаются всеми средствами – ударами, ножами и пинками – лишить меня оставшегося достоинства, таланта, элегантности и красоты. Мне отказано в каких-либо правах на личную жизнь, работу или честь.

Уже не сдерживаясь, без остановки, зная, что рано или поздно Густаво поделится информацией с лучшим другом, я начинаю рассказывать ему обо всем, в чем никогда бы не призналась Пабло. Не только о цене, которую заплатила, поддержав националистическую позицию против экстрадиции его неблагодарного «профсоюза», но и о многом другом. Поражаясь, как бедный дьявол может спать с женщиной, которая действительно его любит, когда в глубине души все мультимиллионеры до единого знают, что не достойны быть любимыми, и всю жизнь обречены платить красавицам за иллюзию любви. Я цитирую Библию: «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями»[247]. Мужчины, как Пабло, достойны любви дорогих проституток, которые так ему нравятся. Подвожу итог, заявляя: моя ошибка в том, что сразу не назначила себе цену, когда Эскобар предлагал все, что угодно, а я ответила, что не нуждаюсь ни в чем. Ведь представительные и воспитанные женщины, подобные принцессам, любят своего единственного

человека не за то, что он богат или беден, и даже не за подарки. Они просто хотят сделать его счастливым и защитить от любых угроз.

Густаво выслушал меня молча, смотря в окно. С грустью в голосе он признал, что я, безусловно, достойна роли жены выдающегося человека, а не любовницы бандита. Он говорит: все они тоже женаты на любящих и заботливых женщинах, которым не важно, богатые они или бедные.

А я отвечаю: эти женщины выносят публичные оскорбления только потому, что их усыпают бриллиантами и мехами, в противном случае они бы давно ушли. Описываю украшение в четверть миллиона долларов, которое Пабло заказал не для девушки с золотым медальоном на груди, и прошу Густаво помочь мне убедить кузена дать мне всего лишь сто тысяч долларов. А пока я продам квартиру, чтобы наконец оставить позади враждебную страну, ставшую персонажем скверных анекдотов. Устроюсь на работу в Европе, о чем я всегда мечтала. Ну а устное и письменное владение шестью языками и базовое знание северных языков, похожих на немецкий, уж точно мне пригодится.

Гавирия объясняет, что им понадобится очень много наличных ввиду грядущей войны, и предупреждает: я должна быть готова, что его компаньон откажет в сумме, которую бы отдал не задумываясь еще пару лет назад, если бы я попросила. Густаво предполагает: Пабло, скорее всего, плохо воспримет то, что его лучшая подруга уезжает насовсем. Ему необходимо знать, что я в любом случае буду рядом, ведь он не может поговорить по душам ни с кем другим, даже с семьей.

Густаво совсем маленького роста. Он то и дело убирает прядь спадающих волос со лба. Как и его кузен, он тоже часто отводит взгляд. Последовала короткая пауза и глубокий вздох. Густаво направляется к сейфу, достает подносы с бриллиантами, размещая их на кофейном столике, напротив дивана, где мы беседуем. Открывая футляры с сотнями камней, размер которых колеблется от одного до двух карат, он говорит, что хочет подарить мне один на память, потому что благодарен за все, что я для них сделала.

Взволнованно поблагодарив его, я отказалась. Но потом, взглянув на сияние тысячемиллионной части огромного богатства, я передумала. Взяв «Клинекс», чтобы высушить слезы, я заявляю, что хочу самый большой из всех. Я не столько заслужила его, сколько просто настало время, чтобы хоть один магнат подарил мне драгоценность! Густаво радостно смеется, отмечая, что польщен быть первым. Он настаивает на том, чтобы я выбрала

самый чистый камень, меньше одного карата. Я заявляю: «Лучше оставим чистоту Святой Марии Горетти. Угольки видно только под лупой, а я хочу самый крупный, но у которого меньше дефектов».

Наконец выбираю один, необычной овальной формы – большинство бриллиантов имеют круглую или квадратную огранку, и сижу с ним в одной руке и салфеткой в другой. Дверь внезапно открывается:

– Но… что ты тут делаешь?! Думал, ты уже давно ушла! Что здесь происходит? Брачная клятва звезды? Неужели она у нас выходит замуж за… дона Хильберто?

Густаво смотрит на меня удивленно, раскрыв рот, а я не могу ничего с собой поделать и начинаю смеяться. Говорю, что на его партнера нужно надеть смирительную рубашку. Пабло в бешенстве кричит:

– Ей не нужны бриллианты! Она другая! Бриллианты ее не интересуют!

– Как это «другая»? У нее что, усы, как у тебя? – отвечает Густаво. – Я до сих пор не знаю ни одной женщины, которая бы ненавидела бриллианты! Тебе они так противны, Вирхиния?

– Я обожаю их и в течение пяти лет обманывала твоего кузена, присутствующего здесь, чтобы он не подумал, что я любила его за его грязные деньги! Но ему, видимо, кажется, что я годами изменяла ему с заключенным. Как Елена из Трои, я вынуждена была приехать, чтобы остановить войну до того, как они поубивают друг друга и женская половина погрузится в скорбь!

– Понимаешь, что она – за Кали, брат? – яростно кричит Пабло, обращаясь к Густаво, пока я очарованно созерцаю свой первый большой бриллиант, готовая защищать его ценой своей жизни. – Так вот, бриллианты – для королев, которые на нашей стороне!

– Не говори глупостей, брат, если бы Вирхиния была на стороне Кали, она не приехала бы сюда! – говорит ему Густаво с упреком. – Все хотят заморить ее голодом, а я подарю ей то, что можно сохранить, а в будущем продать в случае острой необходимости. Я не должен просить разрешения у тебя или еще кого-нибудь, а кроме того, бриллиант оберегает. Единственная настоящая королева, которая была в твоей жизни, – эта женщина. Перед тем как вы познакомились, миллионы мужчин сохли по ней!

– Так пусть лучше пишет, чем тратит время на газеты и фотографов! – отвечает Пабло, разглядывая мое кольцо, будто собрался отрезать мне палец и отдать его санитару.

– Точно, лучше ей писать книги, вместо того чтобы столько болтать! Рассказывать истории, в этом ее дар!

– Ой, какой ужас! Обещай мне, Вирхиния, если будешь писать, то ничего о нас не расскажешь… И не пиши о бизнесе, ради бога! – встревоженно умоляет Густаво.

Я клянусь, что так и будет, а он разъясняет Эскобару предназначение подарка:

– Мы ее больше никогда не увидим, Пабло. Вирхиния приехала попрощаться с нами навсегда.

– Никогда? – спрашивает в замешательстве его двоюродный брат. Потом, с выражением лица и тоном, которые явно использует при допросе какого-нибудь бедолаги, виновного в краже ста килограммов «коки», он заявляет: – Как это навсегда?.. Это правда, Вирхиния?.. Ты выходишь замуж или что? Почему ты мне ничего не рассказала?

Продолжаю игнорировать его, обещая Густаво: каждый раз, находясь на грани жизни и смерти, как сейчас, я буду тереть его бриллиант, словно лампу Аладдина, и никогда его не продам. С ним меня и похоронят.

Пабло говорит, он думал, я не такая, как остальные женщины. Счастливо размахивая руками, я восклицаю, что он ошибался. Я точно такая же, как и все, оказалось, меня тоже завораживают бриллианты! Густаво смеется, а его кузен закрывает дверь, недовольно, но смиренно произнося:

– Я разочарован в тебе, «чистая душа»! Ладно… увидимся завтра.

Место нашей последней встречи – маленький сельский домик с белыми стенами и геранью в цветочных горшочках, в тридцати минутах от отеля «Интерконтиненталь» в Медельине. Двое из его парней забрали меня из отеля. Несколько минут спустя подъехал Пабло в маленьком автомобиле, за которым следовали двое телохранителей, которые сразу же уехали.

Женщина, подметающая гостиную и столовую, с любопытством меня разглядывает. По опыту знаю, люди, которым приходится рано вставать (в его случае, в девять утра) – всегда в плохом настроении. Пабло не утруждается попросить уборщицу удалиться. Войдя, я сразу вижу, что он вышел на тропу войны:

– Я не могу уделить тебе более двадцати минут, Вирхиния. Знаю, ты здесь как посредник твоего любовника. Мне уже доложили, что ты будешь просить у меня денег. Можешь не рассчитывать ни на один цент, и насчет первого пункта тоже не обольщайся, я сотру его в порошок!

Женщина внимательно нас слушает. Я говорю ее работодателю, что он единственный, кого мне хочется защитить.

Поясняя, что человек, отсидевший три года в тюрьмах Кадиса и Кали, не может быть любовником жительницы островов Росарио и Боготы. Я приехала не брать уроки игры на гитаре. Прошу Пабло вытащить меня из страны до того, как его враги разорвут меня на части. Рассматривая бриллиант на руке, я очень спокойно добавляю:

– Думаю, Родригес и Эрнесто Сампер покончат с тобой. Если хочешь знать как, я посвящу тебя во все детали прямо перед сеньорой.

Пабло просит уборщицу выйти и вернуться позже. Женщина бросает на меня яростный, неодобрительный взгляд и исчезает. Он присаживается напротив меня на маленький двухместный диван, сделанный из бамбука и обшитый ситцем с коричневыми цветами. Я рассказываю ему о визите Хильберто и Сантофимио:

– Они пробыли у меня всего час, потому что собирались к Альфонсо Лопесу праздновать освобождение Хильберто с экс-президентом и Эрнесто Сампером. Они выглядели очень элегантно, и я не могла поверить тому, что вижу и слышу! Пабло, если развяжешь войну с картелем Кали, то ты больше не можешь продолжать верить Сантофимио. Помни, его кузен женат на дочери Хильберто, а его компаньон в «Chrysler», Херман Монтойа, теперь тайно сотрудничает с правительством Вирхилио Барко.

Прошу, не забывай высказывания Макиавелли: «Разделяй и властвуй», – и умоляю, не ввязывайся в войну, которую хочет развязать департамент безопасности, чтобы покончить с двумя главными боссами. Эта война оставит сотни погибших и закончится тем, что экстрадиция возобновится, а вы оба понесете серьезные убытки.

– Он понесет убытки, со мной все не так просто!

Напоминаю Пабло, если бы он был таким богатым, как говорит, и обладал достаточным количеством наличных, то не просил бы помочь ему похищать магнатов. Слава богу, секрет остался между нами. Эскобар рассерженно смотрит на меня. Но я продолжаю, не изменившись в лице:

– Родригесам не приходится содержать армию в тысячу человек, Пабло. Их семьи тоже не бедствуют. Я уже слышала это как минимум от шести тысяч человек…

– Ты просто схватываешь на лету, Вирхиния! Я впечатлен! А что там насчет армии Хильберто? Сотни конгрессменов и журналистов обходятся дороже, чем все мои парни, вместе взятые! Кажется, в плане расходов, мы с ним на равных. Я делаю ставку на привязанность людей, и это самое выгодное вложение в мире! Или думаешь, какой-то сенатор отдаст свою жизнь за Родригеса?

Я снова и снова повторяю, что на своей территории Хильберто находится под защитой губернатора, полиции и армии, у него тысяча таксистов-информаторов. Даже «М-19» не суется к нему. Помимо того, что Родригес друг Ивана Марино Оспины, он всю жизнь был очень близок семье командующего Антонио Наварро, о котором всегда говорил: «он очень любит деньги». Предупреждаю, его враг – близкий друг нескольких президентов. Выбирая между деньгами Родригеса и свинцом Эскобара, не трудно догадаться, кому отдадут предпочтение. Убеждаю Пабло: он разделяет изначально объединенный вокруг него «профсоюз». Теперь он распался на дюжины маленьких, кровожадных и лишенных величия картелей, способных на все ради того, чтобы составить ему конкуренцию.

– Многие предприимчивые люди стремятся получить выгоду от сложившейся ситуации, надеясь, что вы перебьете друг друга и освободите им место. Но если вы с Хильберто объединитесь, расходы снизятся вполовину, силы удвоятся, и вы оба выиграете финальную битву против экстрадиции. Если Галан станет президентом, на следующий день после его вступления в должность договор об экстрадиции вступит в силу. Хильберто знаком со всеми влиятельными колумбийцами, ты тоже вызываешь уважение, только по-своему, никто в здравом уме не осмелится поставить это под сомнение. Прекратите тратить миллионы, пытаясь переубивать друг друга, и позвольте остальным колумбийцам жить в мире, ведь Колумбия все прощает. Пабло, ты всегда знал, каково предназначение людей, используй меня, чтобы остановить эту войну. Давай, протяни руку, подай пример величия. И на следующий день я уеду из страны, ни один из вас больше никогда меня не увидит.

– Пусть тогда Хильберто сделает первый шаг. Он в курсе почему. Тебе нет необходимости знать об этом, это мужские дела, с тобой они не имеют ничего общего.

Я пытаюсь убедить Пабло: не важно, из-за чего разгорелся конфликт, важнее – к чему приведет объединение его картеля с Кали.

– Если этот сеньор кажется тебе таким богатым, важным и могущественным, почему не попросишь у него денег на поездку?

Никогда в жизни не чувствовала себя более оскорбленной. Я набрасываюсь, как пантера, отвечая: во-первых, мне бы не хватило смелости просить денег ни у кого, кроме него, а, во-вторых, с Хильберто Родригесом у меня не было романтических отношений. Напоминаю: моя карьера завершилась, поскольку Пабло Эскобар был моим любовником на протяжении пяти лет, а не из-за пятиминутной интрижки, о которой знают только три

человека. Правда, ей предшествовало множество долгих разговоров, которые открыли мне глаза на то, насколько продажными могут быть президенты, губернаторы и половина Конгресса. Видя, что все тщетно, я напоминаю Пабло, что он очень занятой человек, а мы беседуем уже почти час.

Он спрашивает, когда у меня самолет. Я отвечаю: в пять часов вечера, в три мне нужно выехать из отеля. Он встает с дивана и, опираясь руками о перила балкончика, справа от меня, смотрит вдаль.

– Зачем же тебе уезжать… навсегда?

Объясняю, что хочу изучать синхронный перевод в Женеве. Хороший переводчик зарабатывает тысячу долларов в день. Мне нужны всего сто тысяч долларов взаймы, квартиру я бы продала или сдала какому-нибудь дипломату в аренду с мебелью. Добавляю, что переводчик с пяти или шести языков будет ему очень полезен. Он всегда сможет оставлять мне записи или официальные документы, которые не хотел бы доверять посторонним.

– Вот что, на мои деньги ты не уедешь! Переводчиков миллионы, и ты не выйдешь замуж за какого-нибудь обрюзгшего банкира, потом ужиная где-нибудь в Швейцарии, пока у меня тут душа разрывается. Мне уже не важно, любишь ты меня или ненавидишь, Вирхиния, но ты останешься здесь, проживешь все грядущие события, чтобы в будущем написать о них, и точка.

Я пытаюсь переубедить его, говоря, что в день, когда я решу описать произошедшее, коррумпированные политики и его враги разрежут меня на кусочки. Его эгоизм приговаривает меня к голодной смерти в стране, которая уже не может предложить мне ничего нового – сплошной каждодневный ужас. Я спрашиваю, куда подевалось его величие. Он обиженно смотрит на меня, отвечая: туда же, где зарыта моя карьера. Потом, как бы в оправдание, Пабло глубоко вздыхает и говорит:

– Неужели, ты думаешь, что мы с тобой можем сами выбирать судьбу? Нет, любимая моя! Каждый выбирает только одну половину. Вторая половина уже предопределена кем-то другим!

Встав со стула, я выглядываю на балкон, откуда виднеется сельский пейзаж, красота которого при других обстоятельствах точно изумила бы меня. Я заявляю: человек, у которого есть несколько миллиардов долларов, которому скоро исполнится тридцать восемь лет, не имеет права называть себя жертвой судьбы. Я ведь могла догадаться, что однажды его жестокость обернется против меня.

– Я руководствуюсь причинами, которые не могу тебе объяснять сейчас, но однажды ты поймешь. Оказывается, ты

знаешь и понимаешь меня как никто другой, а я, в свою очередь, знаю тебя лучше, чем кто-либо. Поэтому убежден, даже если ты меня разлюбишь и перестанешь уважать – ты всегда будешь судить благородно и никогда не предашь память обо мне в мемуарах. Мою истинную историю не смогут написать журналисты, политики, семья или ребята, потому что ни один из них не провел и не проведет со мной сотни ночей, обсуждая наши личные дела, в которые посвящены только мы с тобой. Я выбрал тебя за целостность и великодушие. Думаю, только ты способна точно передать мои мысли и чувства… А также рассказать, почему я такой, какой есть, или каким однажды стану… Хотя ты уже будешь с другим, а не со мной и не захочешь видеть, слышать или говорить со мной, мне необходимо знать, что там, где-то вдали, ты наблюдаешь за происходящим сумасшествием с присущей только тебе объективностью.

Даже не знаю, что ответить на такое признание. Лишь осмеливаюсь произнести, что мы оба прекрасно знаем, как поднять самооценку другого, когда он разваливается на кусочки. Но это – только лишний предлог, чтобы не дать мне ни цента. У него есть жена и любые женщины, каких он только пожелает, а я ему абсолютно не нужна. До сих пор не понимаю почему, если я действительно так важна для Пабло, он не может покончить с моими страданиями одним росчерком пера, как сделал это пять лет назад с долгами моей студии. Когда он отвечает, что скоро начнется война, я недоверчиво смеюсь, признаваясь, что мои хорошие подруги продемонстрировали украшение за четверть миллиона долларов для женщины, которую он почти наверняка уже забыл. Пабло подходит ко мне, взяв за подбородок большим и указательным пальцами. Настолько иронично, насколько это возможно, он, то ли угрожая мне, то ли с упрекая, произносит:

– И на следующий день ты пошла повидаться с ним в тюрьму, не так ли, моя родная?

Эскобар быстро отпускает меня и меняет тему, интересуясь, как мне его новая девушка. Я рада, что такая милая красавица заботится о нем и любит. Но напоминаю о проверенном факте, который он уже испытал на себе:

– Не забывай, когда в этой стране женщина из низшего среднего класса понимает, что такой, как ты, ее любит, то думает только об одном: хочу сына, хочу сына, хочу сына. Как будто человечество без них вымрет! Помни: по колумбийским законам каждый твой ребенок, рожденный в браке или вне его, обойдется тебе в миллиард долларов. Знаю, внебрачные дети пугают тебя почти так же, как и меня. Думаю, поэтому мы с тобой уже столько времени вместе. Мне бы никогда не пришло в голову присвоить

тебя, разбогатев на этом.

Эскобар надолго задумался. Знаю, что напомнила о Венди. Повернувшись, чтобы взглянуть на него, замечаю, что ему очень грустно, как будто он внезапно остался один в мире и ему некуда идти. Пабло подходит ко мне, проводит рукой по плечам, придвинув к себе, смотря куда-то далеко-далеко, и начинает говорить с ностальгией, которой я раньше в нем не замечала:

– Нет, не поэтому. Ты давала мне по-настоящему ценные уроки любви. Ты была мудрой любовью… с головой и сердцем, куда помещается вся Вселенная… с уникальным голосом, кожей… С тобой я был так счастлив. Думаю, ты станешь последней женщиной, в которую я был безумно влюблен… Прекрасно осознаю, что таких, как ты, больше не будет. Мне не удастся заменить тебя кем-то другим, Вирхиния, а ты тем временем выйдешь замуж за более представительного мужчину…

Его слова затронули каждую клеточку моей души. Слышать их от человека, которого я любила больше всего на свете, – бесценный подарок, который я навсегда сберегу в самом сокровенном уголке моего сердца. Но я забыла, что Пабло Эскобар всегда взимает плату за свою откровенность. Словно окатив меня ледяной водой, он абсолютно хладнокровно сообщает, что именно поэтому решил не давать мне ни гроша.

– Таким образом, когда напишешь мою историю, никто не сможет упрекнуть тебя в апологии, утверждая, что я купил твои душу и сердце. Мы ведь оба знаем: они всегда будут говорить, что я купил тебя и твою красоту…

Не могу поверить своим ушам. Говорю: после таких признательных, памятных, возвышенных фраз, проявленного великодушия по отношению ко мне, выражающегося в словах, времени и деньгах, это самая обыкновенная месть, порождаемая беспочвенной ревностью. Не глядя на меня, голосом, полным грусти, Пабло отвечает, что никогда не был ревнив. Он уверен: однажды я отблагодарю его за такое решение, ведь ему все известно наперед. Я окончательно перегорела, хочу остаться в одиночестве, чтобы вдоволь поплакать. Мне едва удается произнести, что мы проговорили уже два часа, а его наверняка уже ждут.

Наклонившись вперед и опершись о перила балкона, он молча смотрит вдаль, как будто вглядываясь в свою судьбу. Не обращая внимания на время, Пабло начинает рассказывать, что идет по пути, откуда нет возврата, готовясь к войне против государства, в ходе которой он скорее всего погибнет. Но перед тем как умереть, он нацелился покончить с картелем Кали и с любым, кто встанет у него на пути. С этого момента проблемы

будут решаться не свинцом, а динамитом. Так праведники заплатят за свои грехи. Стоя рядом с ним, тоже глядя в пустоту, я в ужасе слушаю Пабло. Вся в слезах, я думаю, откуда у такого невероятно богатого человека в сердце столь огромная ненависть, свирепость, отчаяние и желание наказать всех нас. Почему он никогда не устает… Его сдерживаемая ярость, которая вот-вот взорвется, как вулкан, по существу – не что иное, как неспособность изменить общество, манипулируемое другими, почти такими же безжалостными и бессовестными, как он. Внезапно Эскобар поворачивается ко мне:

– И прекрати рыдать, как Магдалина, тебе ведь уже не быть моей вдовой!

– Неужели ты думаешь, что я буду плакать из-за такого, как ты? Я оплакиваю себя, состояние, которое ты оставишь вдове, а она не поймет, что с ним делать! Зачем тебе столько денег с таким образом жизни? Я оплакиваю нашу страну! Использовать динамит против несчастного народа, руководствуясь эгоистичными намерениями? Какой же ты злобный, Пабло! Вместо того чтобы просто понадежнее обезопасить себя и жить спокойно. Неужели думаешь, какой-нибудь отряд храбрых солдат осмелится прийти за тобой?

Пабло отвечает: да. Целые полчища рано или поздно придут за ним, поэтому нужно добыть динамит и ракеты. Я отмечаю: если бы кто-то это услышал, его отправили бы не в тюрьму, а в психушку. И, слава богу, до сих пор у него была я. Со мной он мог делиться разными навязчивыми идеями, приходящими в голову. Добавляю, что ужасно беспокоюсь о нем. С каждым днем Пабло все больше похож на Хуана Висенте Гомеса[248], венесуэльского мультимиллионера и тирана, правившего в начале века:

– На смертном одре мать Гомеса заставила его поклясться, что он простит всех своих врагов, прекратит пытать и убивать противников. Когда старушка издала последний вздох, бессменный президент вышел из комнаты и рассказал своим агентам об этой просьбе: «Естественно, я мог поклясться богом, потому что бедная старушка ничего не смыслила в политике. Последний мой враг уже двадцать лет как под землей!» Различие между тобой и им, Пабло, состоит в том, что правление Гомеса продлилось почти восемьдесят лет, а ты с такими темпами не протянешь и пяти.

– Ты сейчас похожа на престарелую жену, которая только и делает, что ноет!

Абсолютно спокойно я отвечаю, что такая вот престарелая жена всегда оказывается права, поскольку ее старый муж грубый и упрямый. Напоминаю: Жозефина была на десять лет старше

Наполеона, а мы с ним престарелые ровесники, хотя я выгляжу на десять лет моложе, с талией в шестьдесят два сантиметра, а он ест слишком много и скоро станет совсем как Сантофимио. Я подвожу итог нашему разговору, вспоминая, что Хильберто Родригес предупреждал: однажды Пабло прикажет меня убить. Прямо как Хуан Висенте Гомес, ведь, по его мнению, я выбрала сторону врага, не одобряю его поступков и постоянно ною!

– Убить тебя, любовь моя? Да он еще подлее, чем я думал! Молю Бога, чтобы в тот день, когда я покончу с ним, тебя там не было. Если увижу тебя рядом с ним в морге, мне захочется застрелиться! – Повисла пауза. Он спрашивает:

– Хильберто что-то тебе пообещал? Скажи мне правду, Вирхиния.

Я отвечаю: производить и продавать шампунь с моим именем, а он восклицает:

– Шампунь?! Конечно, только педик обратил бы внимание на твои волосы! С собственными лабораториями, таким красивым лицом и волосами, как у тебя, я бы создал империю! Этот тип – трус, любовь моя. Он боится своей жены-ведьмы больше, чем меня. Ты очень скоро в этом убедишься…

Прошу не вынуждать меня просить одолжения у его врага, у единственного человека, который готов нанять меня и предлагает оказать финансовую поддержку. Пусть это будет и небольшая сумма. Напоминаю, что панически боюсь бедности, у меня уже практически не осталось ни семьи, ни друзей – никого. Я снова и снова умоляю Пабло, чтобы он не заставлял меня быть свидетелем ужасов, которые он описывает:

– Почему ты не избавишь меня от страданий, Пабло? Лучше уж прикажи одному из головорезов, которые подчиняются тебе, словно Богу, поскорее убить меня. Мы оба знаем, ты этого хотел. Почему бы уже не завершить начатое, любимый. До того, как кто-то опередит тебя?

Кажется, вышеупомянутая просьба наконец затронула какую-то ниточку его свинцового сердца. Услышав это, Пабло нежно улыбается и подходит к краю балкона, где я стою. Встав за спиной, он обнимает меня и шепчет в ухо:

– Никто не убивает своего биографа, любимая! Я не смог бы вынести вида твоего красивого трупа… с талией в шестьдесят два сантиметра! Неужели ты думаешь, что я сделан из камня? Вдруг я захочу прожить этот момент заново и не смогу? – целуя меня в волосы, он добавляет: – Наша трагедия точно превзошла бы «Ромео и Джульетту»! Это было бы, как у Отелло и Дездемоны! Да, трагедия Яго, Яго Сантофимио!

Узнав, что Пабло выяснил, кто такой Яго, я не могу

сдержаться от смеха. Облегченно вздохнув, Эскобар отмечает, что за эти годы мы действительно многому друг друга научили и заметно выросли вместе. Я говорю: мы с ним, как два бамбуковых деревца, думая про себя: в последний раз он обнимает меня, в последний раз мы вместе смеемся, в последний раз он видит, как я плачу… Знаю, что бы ни случилось, что бы он ни сделал, мне всю жизнь будет не хватать нашего счастья. И, чувствуя необъяснимую боль, из-за того, что покидаю его, страх, что не смогу его забыть или стану ненавидеть, я настаиваю: пусть он прикажет убить меня одним выстрелом, я ничего не почувствую, а он может бросить мои останки в водоворот, украсив дикорастущими цветами. Тогда с неба я бы могла лучше заботиться о нем, чем в Боготе, наладив отношения со всеми, кого он туда «отправил». Пабло нюхает мой парфюм, на некоторое время умолкает и потом заявляет, что никогда не чувствовал себя таким оскорбленным. Он ни за что не оставил бы меня без хорошего надгробия! Роскошного, краденого, надпись на котором бы гласила:

Здесь покоится дивная плоть,
Чьи изысканно сложены кости –
Украшение дивной Красавицы с чистой душой,
Ну, а ангел, ее охранявший – Чудовище просто,
С демонически-темной душой.

Восхищаюсь уникальным талантом Пабло так быстро слагать стихи и эпитафии, его генетической предрасположенностью ко всему, что связано с похоронным бизнесом. Он объясняет: это уже привычка. В день он пишет дюжины смертельных угроз врагам и отправляет их по почте с отпечатком пальца, чтобы никто не пытался оспорить его интеллектуальную собственность. Интересуюсь: могу ли я оставить себе его «беретту»… хотя бы на время, ведь кто-нибудь из его врагов может рано или поздно попытаться зарезать меня.

– Я всегда говорил тебе, что ты не должна расставаться с ней даже в душе, любимая.

Чувствую огромное облегчение. Решила не просить у него мой брелок с золотым сердечком до тех пор, пока он не попросит обратно свой пистолет. Пабло гладит меня по лицу и клянется: пока он жив, никто не коснется даже волоса на моей голове. В довершение приводя очень лаконичный аргумент, лучше, чем на любой мраморной плите:

– Тому, кто осмелится хоть пальцем тронуть это личико, я отрежу обе ручки бензопилой! А потом сделаю то же самое с его

мерзкими дочерьми, матерью, женой, девушкой, сестрой, с папой и братьями тоже. Главное, чтобы ты не беспокоилась!

– Вот это награда в утешение, Пабло! «Чудовище с демонически-темной душой»… – идеальное имя для главного героя моего романа, разбойника, такого же, как ты, но с лицом Тирофихо…

– Тогда я точно брошу тебя в водоворот, Вирхиния! Если же у него будет лицо «командира-папочки» из «М-19», ты продашь больше книг, а итальянцы снимут кино. Потом пришлешь мне именной экземпляр: «Моему фею-крестному, который вдохновил меня на написание этой истории. Ваша Золушка».

Мы оба смеемся. Эскобар смотрит на часы и говорит: «Поскольку сейчас как раз два, я отвезу тебя в отель, а мои парни заедут за тобой в три». Но сначала мне нужно припудрить свой красный нос, после стольких слез он похож на клубнику. Иначе служащие отеля будут шептаться, что Пабло Эскобар бил меня, пытаясь отнять бриллиант.

Поскольку мы уже больше не увидимся, теперь я могу спросить у него, почему я была единственной женщиной, которой он никогда не дарил меха или драгоценности. Пабло обхватывает меня руками, целует в губы и говорит на ушко: «Я хотел сохранить иллюзию, что не купил самую красивую, храбрую и верную (хоть и не до конца) женщину в мире…» Довольно улыбаясь, я припудриваю нос, а он гордо наблюдает за мной, добавляя, что макияж – настоящее чудо. Жаль, что у него нет косметических лабораторий, как у этого гада из Кали, – только лаборатории с кокаином. Пабло говорит, если бы я украла формулу кокаина и назвала ее своим именем, то стала бы богаче его. Смеясь, я спрашиваю, когда он наконец займется легальным бизнесом. Звучно хохоча, Пабло отвечает:

– Никогда, любовь моя! Никогда! Я всю жизнь буду самым великим бандитом на свете!

Перед тем как уехать из домика, Эскобар, со странным блеском в глазах, объявляет, что приготовил мне сюрприз, чтобы я не уезжала грустная. Он предложил мне провести целый месяц в Майами, отдохнуть от угроз.

– Там сейчас Карлос Агилар, El Mugre, и остальные мои поверенные. Они встретят тебя в аэропорту и отвезут обратно, чтобы ты у меня не сбежала в Швейцарию! Наслаждайся, а когда вернешься, я позвоню, и мы обсудим то, что они покажут тебе. Думаю, тебе понравится. Мне хочется услышать, что ты думаешь.

Пабло сел за руль, мы уезжаем. За нами следует еще одна машина, там едут только двое его парней. Меня удивляют минимальные меры предосторожности. Пабло объясняет, что

теперь в Медельине его настолько уважают, что никто не осмелился бы сунуться к нему. Я отмечаю: на моем языке «уважение» иногда называют террором и спрашиваю, кого на этот раз он убьет в мое отсутствие. Ущипнув меня за щеку, он отвечает, что ему не нравится, когда я так с ним разговариваю.

Уточняю: до меня дошли слухи, что истории о наркоторговцах, отбирающих яхты, вышли из его офиса вскоре после случившегося с Виейрой. Пожав плечами, Пабло отвечает, что не может контролировать все, что говорят его парни. И если уж жена господина из Кали разработала план, выставив себя с мужем психопаткой и глупцом, то это не его вина. Теперь любой может позвонить на радиостанцию, заявив, что Тарзан – наркоторговец, его старая лодка – яхта, а несчастный случай в открытом море – попытка самоубийства.

– Признай теперь, благодаря этой гадюке СМИ будут называть каждого, кто приблизится к тебе, наркоторговцем.

– Нет, Пабло, не будь таким оптимистом! Пару месяцев назад Фелипе Лопес сделал мне предложение. Тебе должно быть это известно, поскольку мой телефон на прослушке. Он – сын самого могущественного экс-президента Колумбии, высокий, статный красавец из «Гражданина Кейна»[249]. А в журнале «Semana» о тебе всегда отзывались подозрительно хорошо, считая, что ты больше, чем… очередной соперник хозяина.

Я даже не повернулась посмотреть на его выражение лица. Через секунду Пабло спрашивает, что ответила «Золушка». И я дословно повторяю:

– «Поскольку ты всегда был сторонником «свободного» брака, может, хочешь разделить меня с Пабло Эскобаром, которого ты превратил в легенду? Мои мужья не были похожи на «предводителя оленей», в отличие от тебя, женившегося на самой страшной женщине Колумбии, каково же тебе будет, если женишься на самой красивой?»

Пабло хохочет от души, отмечая: Фелипе Лопес способен на все ради того, чтобы скрыть свои секреты… и тайны жадных магнатов. Уточняю: скорее тайны щедрых вложений обоих наркокартелей в продвижение его папы. Рассказываю Пабло, что семья Лопес продолжает строго следовать предписаниям Уинстона Черчилля Георгу VI[250]. Однажды король спросил у премьер-министра: зачем держать в кабинете министров «этих ужасных лейбористов».

Черчилль, говоривший на том же языке, что и король, ибо был внуком герцога Мальборо, – да и разговор был публичным – ответил, изящно описав руками два полукруга по бокам:

– Ваше величество, затем, что лучше держать их внутри,

чтобы они отсюда гадили наружу, чем оставить их снаружи, чтобы они гадили внутрь – сюда!

Мы снова смеемся, а Пабло говорит, что больше всего будет скучать по моим историям. Отмечаю: его истории лучше, поэтому он хочет оставить меня «при себе». Пабло уверяет, что я была единственной женщиной, распахивающей настежь двери лифта, как «Супермен»; он никогда не забудет, как я ревела от слезоточивого газа (и не только), не беспокоясь о косметике, добавляя, что еще не встречался с женщиной, у которой двадцать жизней. Тогда я напоминаю: он всегда должен помнить, что у него только одна жизнь. В день, когда он потеряет ее, мне захочется застрелиться. Мы, как обычно, перебрасываемся фразами. Получается некий словесный пинг-понг. Внезапно на светофоре загорается красный, и мы останавливаемся. Мы никогда раньше так не делали, ночью он всегда ехал как беглец от правосудия, не так медленно, как сегодня вечером. Повернувшись направо, я вижу, что женщина за рулем соседнего автомобиля узнала нас, и не может поверить своим глазам. Мы оба приветствуем ее, а Пабло посылает огромный воздушный поцелуй. Она радостно улыбается. Я говорю, что, раз уж теперь он стал настоящим секс-символом, то ему необходимо больше заниматься любовью, а не войной. Пабло смеется, взяв мою руку, целует ее, как бы благодаря за подаренное мной счастье, и с хитрым взглядом обещает, что с этого момента попытается меньше есть. Тогда я произношу:

– Этой ночью, когда счастливая женщина расскажет мужу, что ты с ней флиртовал, он просто посоветует ей обратиться к психиатру или окулисту. Усмехнувшись, не отрывая глаз от газеты, он воскликнет, что она – обычная нимфоманка, которой не помешало бы сесть на диету. Или что ты – неверный муж, а я грешница. Поэтому мужья такие скучные…

А поскольку с ним мне уже терять нечего, я воспользовалась радостным настроением, вернувшись к первоначальной цели своего визита:

– Пабло, Луис Карлос Галан станет президентом и на следующий день снова введет экстрадицию. Тебе необходим мирный союз с Хильберто, нужно разработать единый план перемирия с «М-19», они же умные ребята и ваши общие друзья.

– Нет, любимая, Галан никогда не станет президентом!

– Перестань обманывать себя, его выберут в 1990-м. Но у всех есть своя цена, и лучше всех это известно тебе.

– Возможно, его и выберут, но он не вступит в должность! Ты что, предлагаешь мне подкупить его?

– Нет, тебе бы не удалось. Думаю, цена Галана – достижение

мира. Вот бы El Mexicano забыл о слепой ненависти к коммунистам и попробовал организовать перемирие с «Патриотическим союзом» и «ФАРК», а ты бы прекратил глупую войну с картелем Кали, чтобы объединиться с Гильберто и «Эль Эме» («М-19»)… Если убьешь Галана, история сделает из него нового Хорхе Эльесера Гайтана, а ты станешь очередным Роа Сьерра. Ты не такой, любовь моя, не желаю тебе подобной гибели, ты этого не заслуживаешь. У тебя выдающиеся лидерские качества, ты участвуешь в жизни общества, управляешь СМИ, обладаешь авторитетом. Многие нуждаются в тебе, Пабло, тысячи бедняков. Ты не можешь оставить их на произвол судьбы.

– Все гораздо сложнее, чем ты думаешь. Мной заинтересовались полиция и департамент безопасности (АДБ), заручившись поддержкой из Кали. Нам с El Mexicano нужна армия. По сравнению со службой разведки (B2), которая на нашей стороне, полиция и секретная служба – просто безобидные монашки! У «Санто» тоже много связей в органах безопасности и высшем военном командовании. Я прекрасно знаю, он оказывает услуги обоим картелям (поскольку политики не верны никому), и использую его так же, как это делают Родригесы. Произойдут ужасные события, Вирхиния, и ты абсолютно ничего не можешь поделать, чтобы это изменить.

Убеждаю его: злобные колумбийские политики должны довольно потирать руки. На их стороне Административный департамент безопасности (АДБ), Родригесы помогают им деньгами, а его и Гонсало политическая наивность позволят этим политиканам использовать их для того, чтобы избавиться от любого кандидата на пост президента, угрожающего их сытому непотизму, посольским карьерам и рекламным кампаниям принадлежащих им СМИ.

– Вы оба окажетесь идиотами, которых правящие семьи и финансовые воротилы просто используют. Когда тебя убьют, Хильберто присвоит твой бизнес, а Альфонсо Лопес и Эрнесто Сампер укоренятся во власти. Мне тоже известно, что с тобой произойдет.

Пабло снова повторяет, что ему не нравится, когда я так с ним разговариваю. Глядя на него, я вижу, он выглядит уставшим, словно внезапно постарел. Мы проговорили четыре с половиной часа, я поведала ему правду, которую раньше не осмелилась бы рассказать, постоянно напоминая ему о его сопернике. Я прощаюсь с ним навсегда. Уточняю: их общая проблема именно в том, что нет никого, кто бы сказал им правду. За каждым неприлично богатым мужчиной скрывается либо союзница, либо рабыня. Он поворачивается, смотрит на меня и удивленно

спрашивает, что это значит. А поскольку я знаю, что мои слова будут эхом повторяться в его голове и останутся в памяти, я объясняю:

– Это значит, что твоя жена святая, а жена твоего врага – гадюка. Нутром чую, они принесут вам гибель. Не спрашивай почему. Могу только сказать, что на всю оставшуюся жизнь сохраню мысли о тебе в своем сердце. Теперь ступай с богом, любовь моя.

Мы останавливаемся в нескольких метрах от двери отеля и прощаемся навсегда.

Мы оба знаем: это последний раз, когда я вижу его живым.

Он берет меня за шею и в последний раз целует в лоб.

В полной тишине мы в последний раз гладим друг друга по лицу.

С глазами, наполненными предвкушением бесконечных расставаний, мы смотрим друг на друга в последний раз.

Он глядит на меня пару секунд, его глаза таят в себе море опасностей и возвещают о трагедиях.

Его грустные черные глаза, вынесшие бесконечную усталость и приговоры.

И перед выходом из машины, чтобы у него навсегда осталось обо мне лишь хорошее воспоминание, глотая слезы, я делаю сверхчеловеческое усилие и в последний раз ласково похлопав его по плечу, дарю Пабло свой последний мимолетный поцелуй и последнюю из своих лучезарных улыбок. В это мгновение мои глаза обещают ему простые радости, о которых поет Билли Холидей своим завораживающим голосом: «Я еще увижусь с тобой».

* * *

Мы приехали в аэропорт, двое из его парней указывают на молодого человека, стоящего с важным видом. Увидев меня, тот улыбается и немедленно подходит с двумя сопровождающими, горячо нас приветствуя. Уже несколько лет я не видела этого многообещающего политика с умным взглядом и лицом ученого. Рада, что могу поздравить его с назначением на сенаторскую должность. Мы разговариваем пару минут. Сердечно обняв меня на прощание, он говорит людям Пабло:

– А вы двое, передавайте от меня привет хозяину!

Человек, севший рядом со мной в самолете, один из многих знакомых Анибала Турбая. Есть свои прелести в том, чтобы снова лететь среди людей, а не на частном самолете.

– Я видел как вы с парнями Пабло Эскобара разговаривали с Альваро Урибе Велесом. Без него Пабло не стал бы мультимиллионером, а без Пабло Альварито не был бы сенатором! Урибе – кузен Очоа и дальний родственник Эскобара, ты не знала? В каких облаках ты витаешь, Вирхиния? Здесь, в Медельине, все происходящее – отечественная история!

И он начинает рассказывать мне о жизни «профсоюза»: кто такой Альберто Урибе Сьерра, отец Альварито, когда начнется война, кто победит, а кто проиграет, сколько килограммов один привозит в Кали, а другой – в Медельин, сколько потерял первый, и удачно продал второй. И каким образом он сбежал от федералов в суде Манхэттена во время перерыва между двумя слушаниями, и как на втором суде стукнул молоток, а судья прокричал: «Виновен!», приговорив его к пожизненному заключению. Год спустя после этой грандиозной эпопеи он приехал в Колумбию, поцеловал родную землю и поклялся, что никогда больше не уедет. Теперь они с женой счастливо живут в маленькой усадьбе, он – единственный бывший наркоторговец в истории, у которого нет ни гроша!

Этот невероятно приятный, искренне смеющийся человек, с улыбкой, как у «Мэкки-Ножа»[251], раньше продававший «товар» итальянским мафиози из Нью-Йорка, как мне кажется, – настоящий самородок. Самое большое из всех сокровищ, которые когда-то искал Манолито де Арнауде. В следующие пять с половиной лет, до самой смерти Эскобара, этот разговорчивый собеседник станет моей собственной, домашней версией «Глубокой глотки»[252], загадочного персонажа из реальной жизни, книг, с телеэкрана и из фильма «Вся президентская рать».

В день, когда я навсегда попрощалась с Пабло, я во второй и последний раз говорила с первым в истории Колумбии переизбранным президентом (2002–2006–2010). Никогда больше не увижу ни Эскобара, ни Доктора Варито. Мне снова удастся поговорить с Пабло только по телефону. Однако, благодаря странной гримасе провидения, благодаря «Глубокой глотке», в следующие пять лет мне станет известно абсолютно все, что происходило с Пабло Эскобаром. Я окунусь в ужасающий, чарующий и полный превратностей мир «банды двоюродных братьев».

Часть III
Дни уединения и молчания

Я не ругаюсь и не спорю.
Я наблюдаю и жду.

Уолт Уитмен

«Листья травы»

Кубинский трафик

Однажды я научила Пабло тому, что, принимая важные решения, желательно ставить перед собой хотя бы три цели. Таким образом, если одна или две из них не будут достигнуты, останется утешение, что план хоть в чем-то сработал, а значит, овчинка стоила выделки, и усилия были потрачены не напрасно. В противном случае к горечи разочарования примешивается сожаление об ошибке, часто дорогостоящей.

Подарив мне прощальное путешествие, он поставил перед собой целую дюжину целей. Во-первых, ему удалось украсить наше расставание чем-то вроде золотой броши, которая гарантирует мое хорошее к нему отношение, но не позволит мне уехать слишком далеко от Колумбии. Во-вторых, так удобнее всего изолировать бывшую возлюбленную от ненавистного соперника, который на другой же день после выхода из тюрьмы, всем напоказ, ходил под ручку с ЕГО президентом и ЕГО кандидатом. Скоро мне предстояло узнать и другие причины моего путешествия, чтобы убедиться в невероятной способности этого дьявольского мозга к самым чудовищным комбинациям.

Через несколько недель после своего визита в сопровождении Сантофимио, Хильберто Родригес позвонил мне из Кали, чтобы узнать ответ «этого сеньора, твоего друга», на мое предложение помочь урегулировать существующие между ними разногласия. Двумя неделями ранее Пабло задал мне точно такой же вопрос. Я ответила ему, что еще не разговаривала с «тем сеньором из долины». Однако, если он вдруг снова позвонит, мне бы не хотелось упоминать, что Пабло намеревается стереть его в порошок или сделать из нас обоих инсталляцию в морге наподобие Бонни и Клайда. Мои слова напомнили Пабло, как Глория Гайтан однажды сравнила нас с этими персонажами. Он попросил меня передать ей привет, и мы договорились, что пообщаемся после моего возвращения.

Я уверена в том, что Эскобар продолжает прослушивать мой телефон, и поэтому стараюсь говорить осторожнее. Я говорю Хильберто, что он, всегда славившийся своим благородством, должен первым протянуть руку «сеньору с гор», который сейчас совсем не против урегулировать с ним проблемы. Я также сообщаю, что мы с Пабло расстались навсегда, что он предложил мне отправиться в Майами на долгий срок, и я собираюсь уехать через несколько дней, чтобы окончательно завершить этот этап моей жизни.

На другом конце провода воцаряется молчание. Затем, с

некоторым недоверием, Родригес восклицает:

– Если бы он хотел диалога, мы бы встретились у тебя дома. Вместо этого он отсылает тебя из страны. Не знаю, что ты ему сказала, моя королева, но он совсем с катушек съехал. Настолько, что мне пришлось отсиживаться в Кали. И вряд ли мне удастся вернуться через Боготу. Когда снова будешь дома, приезжай, поговорим о наших делах. Пригласи свою подругу, Глорию Гайтан, потому что я очень хочу познакомиться с ней. Скажи ей, что я преклоняюсь перед ее отцом. Хорхе Эльесер Гайтан! Этот человек в моей душе на третьем месте после Бога и мамы!

Я отвечаю, что она наверняка примет приглашение и что сразу же после возвращения я отправлюсь в Кали. Я надеюсь выяснить, почему у нашего друга такое плохое настроение, ведь когда мы прощались, он сказал, что очень ценит Хильберто и желает всяческих успехов в нашем предприятии. Хильберто ответил, что в таком случае, чтобы мое путешествие удалось, когда я прибуду в отель, один из его служащих во Флориде принесет мне двадцать «кусков» (20 000 долларов США), и я могу потратить их так, как сочту необходимым.

Я была очень удивлена и обрадована и подумала, что это хорошее предзнаменование. Я оставила деньги, полученные от Пабло, в сейфе вместе с «береттой». Половину подарка Хильберто я положила на свой банковский счет, а оставшееся решила потратить. Счастливая, я отправилась в Майами, чтобы постараться забыть о Пабло Эскобаре и накупить побольше хороших деловых костюмов.

Никогда раньше мне не доводилось встречаться за границей с людьми, связанными с наркобизнесом. В Колумбии, если я и пересекалась с приятелями Пабло, то лишь для того, чтобы обменяться парой вежливых фраз. Карлос Агилар – статный молодой человек приятной наружности. Он абсолютно не похож на преступника, но при этом носит кличку Эль Мугре. Я не в силах обращаться так ни к одному живому существу, поэтому, по созвучию с фамилией, я зову его «Áгила», что значит «Орел». Другой – высокий, худой, нескладный юноша, с несколько угрюмым выражением лица. Он никогда не улыбается, а взгляд прозрачных глаз из-под сросшихся бровей будто предостерегает: «Осторожно! Наемный убийца!» Я так и не смогла вспомнить его имени. Но по прошествии нескольких лет я увидела его фото в газете среди сотен других, погибших в войне за жизнь Пабло.

Я спросила, почему их не задерживают при въезде и выезде из США? Снисходительно улыбаясь, они ответили, что для этого существуют паспорта (именно так, во множественном числе). Далее последовало объяснение, что на этот раз патрон приказал

им перевезти 800 килограммов из одного тайника в другой. Нужно быть начеку. Тучи сгущаются. В любой момент на след товара могут выйти люди из Управления по борьбе с наркотиками или федералы.

– Восемьсот килограммов! Ничего себе! – воскликнула я, восхищенная хорошо оплачиваемой храбростью этих ребят. Я представила себе цену, за которую товар можно продать, и ту цену, которую они сами заплатят, если будут пойманы. И как вы их перемещаете? По сотне за раз?

– Не будь такой наивной, Вирхиния! В каком мире ты жила все это время? – Агилар смотрит на меня с нескрываемой жалостью. – Для Пабло Эскобара восемьсот кило – всего лишь дневной заработок! Мы перемещаем тонны каждую неделю, а я отвечаю за отправку денег в Колумбию: десятки миллионов долларов наличными! Миллион-другой пропадает по пути, но бóльшая часть доходит по назначению.

Я прекрасно понимаю, что без разрешения патрона его люди вряд ли бы посмели обсуждать объемы поставок с журналистом, да и просто с непосвященным, а тем более с женщиной. Мой бывший любовник очень хорошо меня знает. Он предвидел, что я почувствую, слушая откровения его подчиненных. Думаю, что именно в тот день я перестала любить Пабло и начала ненавидеть Эскобара. За то, что, будучи седьмым в списке самых богатых людей планеты, он поручил своему казначею указать мне мое место, место наказанной нищенки. За то, что заставил меня просить милостыню у своего врага. За то, что выставил меня из страны, прежде чем эту милостыню смогли мне дать. За то, что он использовал меня в качестве груши для битья, чтобы обрушить свой гнев на картель Кали. И за то, что хотел заставить меня почувствовать себя виноватой за развязанную им войну, в которой погибнут многие сотни его врагов и сторонников.

Однажды я рассказала Пабло о Кирки Дэйзи Гэмбл, героине бродвейского мюзикла «В ясный день увидишь вечность». Дэйзи знала то, чего не знал никто в мире, и могла делать то, что для других было недоступно[253]. Я рассказала ему сюжет, и, отсмеявшись, мы пришли к выводу, что в те дни, когда на небе не слишком много облаков, только я смогу разглядеть, что именно замышляет Пабло.

Через несколько дней после моего приезда в Майами Карлос Агилар объявил мне: «Шеф приказал нам покатать тебя на самолете, чтобы ты могла полюбоваться Флоридой с высоты птичьего полета. Он велел тебе передать, что в ясный день оттуда хорошо различимы берега Кубы. Мы выберем солнечный денек на следующей неделе и заедем за тобой».

«Эль Мугре» и его товарищ, который, как он мне сам продемонстрировал, носит по пистолету на каждой щиколотке, забирают меня из отеля и везут в авиашколу. Она находится в часе езды от того места, где живу я. Там меня знакомят с тремя юношами, которые проходят обучение для работы на Эскобара. Они очень молоды: от двадцати трех до двадцати пяти лет. Все небольшого роста, худые и смуглые. Я замечаю, что взгляд у них слишком жесткий для их возраста. Они даже не стараются скрыть удивления от моего прихода. И чувствуют себя в моем присутствии крайне неуютно. Я знавала около дюжины пилотов картеля. И поэтому сразу же поняла, что эти молодые ребята не похожи на наемников, обыкновенно людей гражданских, высококлассных профессионалов, происходящих из обеспеченного среднего или высшего классов. Обычно такие люди абсолютно уверены в себе и на их лицах всегда присутствует вежливая улыбка. Эти же, напротив, выглядят как оловянные солдатики, выходцы из простого сословия. Мне кажется маловероятным, что они готовятся поставлять кокаин на Кубу. Но, возможно, они будут вывозить его с Кубы?

Правда, для того чтобы завозить тонны наркотиков с Кубы во Флориду, Пабло располагает целым штатом опытных пилотов из США или Колумбии, новички ему не слишком нужны. Далее товар развозится по назначению по земле. В любом случае, дистрибуцией на территории США, насколько мне это было известно, занимались клиенты Медельинского картеля, а не Эскобар и его приближенные.

Внезапно меня озаряет догадка. От осознания истинной цели моего путешествия мне вдруг становится тошно: Пабло хочет показать, что и в грош не ставит все мои советы и предупреждения. Что любой магнат (такой, например, как мой бывший жених) всего лишь король чего-либо. Что какой-нибудь Хильберто может даже со временем превратиться в короля «коки». Сам же Пабло, прежде чем умереть, планирует стать легендой. Да, он готовится к тому, чтобы войти в историю как король не чего иного, как Террора. Он хочет, чтобы я знала об этом. Прежде чем наши пути навсегда разойдутся, он продемонстрирует мне, на что способно его изуверское мышление. Он покажет своему будущему биографу все, что было скрыто от его любовницы. Той, которая старалась держать его в узде, которая могла даже отчитать его, но мыслями которой он научился прекрасно манипулировать.

Эль Мугре сообщил мне, что эти молодые люди только что прибыли в Соединенные Штаты из Никарагуа. Они попали в страну через «дыру», то есть незаконно пересекли границу с

Мексикой. Становится ясно, что передо мной сандинисты, вполне вероятно, солдаты и почти наверняка фанатики-коммунисты, готовые на все ради Революции. Пабло хочет показать мне, что при больших деньгах и грамотном планировании все задуманные им злодейства могут стать явью. Он хочет, чтобы я своими собственными глазами увидела, как эти молодые летчики с серьезными лицами и скромными манерами готовятся совершить то, на что американский или колумбийский пилот не пошел бы за все золото мира.

Пабло также хочет показать мне, что он более не нуждается в одобрении Фиделя Кастро для ведения дел с Кубой. Когда диктатор ни в грош не ставит свои собственные обещания, потому что боится американцев или контрас, он забывает, что его генералы имеют цену, которую человек, не стесненный в средствах, может легко заплатить.

Мой инстинкт подсказывает мне ни в коем случае не подниматься на борт этих самолетов, чтобы посмотреть с воздуха на реализацию замыслов, которые только мы с Пабло способны разглядеть в ясный день. Позже, сидя за чашкой кофе в большом торговом центре, куда мы заехали за покупками, я тихо радуюсь, что так поступила. Неожиданно нас ослепляют вспышки фотоаппаратов. Мы стараемся определить их происхождение, но безрезультатно. В первый раз, с тех пор как я знаю Эскобара, я вижу, что его люди по-настоящему напуганы. Оба просят меня уйти из торгового центра немедленно. Я также решаю, что две недели – вполне достаточный срок для Майами и что мне лучше вернуться в Колумбию на следующий же день.

11 октября 1987 года. В отеле меня уже встречают два агента ФБР. Они просят ответить на несколько вопросов. Я подумала, что на этот раз вопросы будут касаться дружков Пабло или пилотов, с которыми мы общались накануне. Но меня спрашивают лишь о том, везу ли я наличные деньги. Я вздыхаю с облегчением и отвечаю, что деньги путешествуют в Колумбию в тех же контейнерах, в которых поставляются наркотики. А не в сумочке телеведущей, пусть и с «докторской степенью» по вопросам наркоторговли. Ледяным тоном я сообщаю, что, по-видимому, Управление по борьбе с наркотиками информирует пограничные службы каждый раз, как я выезжаю за пределы страны. Я также уверена, что именно специальные агенты УБН сфотографировали меня накануне, чтобы расспросить у своих колумбийских коллег, кто меня сопровождает.

Подойдя к стойке регистрации, я узнаю, что международный аэропорт Боготы закрыт: адвокат Хайме Пардо Леаль, кандидат на пост президента Колумбии от партии Патриотического

единения, был задержан военным патрулем и убит, когда ехал по дороге на своем скромном автомобиле.

Для страны, которая обеспечивает бронированными автомобилям и охраной любого третьеразрядного чиновника, скромный автомобильчик и небрежение со стороны спецслужб по отношению к кандидату в президенты от левых сил является предупреждением для всех, кто не разделяет взгляды экс-президентов двух традиционных партий и их протеже, призванных прийти им на смену.

Президентские семьи Колумбии – те, кто распределяют места в посольствах и серьезные административные должности – поручают всю грязную работу генералу Мигелю Масе Маркесу, директору Административного департамента безопасности, отвечающему также за охрану кандидатов. Он, в свою очередь, перепоручает ее Военной разведке. А B2 передает ее El Mexicano Гонсало Родригесу Гаче, тому самому, который уничтожил сотни активистов Патриотического единения. Для небольшой кучки представителей пожизненной, наследуемой «монархии», которая контролирует как общественное мнение, так и ресурсы государства, главы картелей представляют собой прекрасный инструмент для устранения оппозиции и позволяют не запачкаться в крови. И все это для того, чтобы сохранить за собой власть, которая будет переходить к их потомкам из поколения в поколение.

Я знаю, что Эскобар не причастен к смерти Пардо Леаля, потому что он свободомыслящий либерал, который никого не убивает из идеологических соображений. Он расправляется только с теми, кто у него крадет или преследует его в течение многих лет. Когда мы прощались, он сказал мне, что я ничего, совсем ничего не смогу поделать, чтобы изменить ход истории. Я знаю, что Пабло никогда никому не признается в своем бессилии, слабости или поражении, и понимаю, ЧТО на самом деле он хочет мне этим сказать: что он абсолютно ничего не сможет сделать при всей своей жестокости и миллиардах с объединенными усилиями государства, сил безопасности и навязчивой манией его друга и партнера уничтожить все, что хотя бы отдаленно напоминает коммунизм.

Я написала Пабло на следующий же день после возвращения. Письмо было зашифровано, и в качестве подписи я использовала одно из ласковых прозвищ, которые он для меня придумал. Я посоветовала ему не забывать об огромном влиянии, которое имеет Фидель Кастро в странах движения неприсоединения и во всем мире. Я предупредила Пабло, что в тот день, когда Кастро обнаружит, ЧТО собираются делать или уже делают его

подчиненные, он расстреляет их без всяких сантиментов и, как всегда, использует ситуацию для укрепления своего имиджа. Я напоминаю, что рано или поздно ему придется бежать из Колумбии со всей семьей. Ни одна крупная держава не захочет их принять, а Кастро заблокирует ему доступ во все диктатуры третьего мира, которые выдали ему свои паспорта. Если же ему и позволят въехать, то только с одной целью: чтобы передать его в руки гринго за соответствующее вознаграждение. Если он хочет в одиночку бросить вызов картелю Кали, государственному аппарату Колумбии, Фиделю Кастро и американцам, это значит, что он потерял всякое чувство реальности и лишился здравого смысла – а его терять ни в коем случае нельзя, даже если расстался со всем прочим, – и прямой дорогой идет к самоубийству. Заканчивая письмо, я упомянула, что устала от преследований его врагов и спецслужб одновременно. Что я не хочу рисковать тем, что мне аннулируют американскую визу. Что мы перестали быть друзьями. Что я не хочу исполнять в его жизни роль наблюдателя-соучастника. Я постараюсь забыть обо всех тех причинах, по которым я когда-то давным-давно влюбилась в этого человека с сердцем льва, и с этого момента планирую стать наблюдателем-судьей.

– Если откроешь рот, можешь считать себя мертвой, любовь моя, – в три часа утра слышу я шепот в телефонной трубке и понимаю, что он курил марихуану.

– Если я заговорю, мне никто не поверит. А еще, чего доброго, посадят заодно с тобой. Так что, убив меня, ты совершишь большое благодеяние и избавишь меня от последующих унижений. Если же решишь изуродовать меня, я обращусь в СМИ, и ни одна женщина не приблизится к тебе до конца твоей жизни. По этим причинам, а также потому, что уже ничего от тебя не жду, я могу позволить себе быть единственным беззащитным существом, которое тем не менее не испытывает перед тобой страха. Считай, что мы никогда не были знакомы. Забудь меня и никогда мне больше не звони. Прощай.

* * *

В ноябре я встретилась в Кали с Хильберто Родригесом Орехуэлой. Каждый раз, когда мы видимся, он поразительным образом меняется. В тюрьме он был печален и подавлен. В тот день, когда ехал в сопровождении Сантофимио к Альфонсо Лопесу, он имел вид счастливого триумфатора и самого успешного мультимиллионера на планете. Сейчас же он очень

взволнован. Если и есть кто-либо в мире, кто так же как и я, не боится Эскобара, так это Хильберто. Он не менее, а может даже и более богат, чем Пабло. Но Медельин уже объявил ему войну. И это всего лишь вопрос времени, дней или недель, когда одна из банд выпустит первую пулю. В моем присутствии Хильберто звонит своему человеку, заведующему лабораториями:

– Хочу, чтобы вы знали, что я очень люблю Вирхинию Вальехо, которая находится здесь рядом со мной и слышит каждое мое слово. Она вам скоро позвонит. Я прошу, чтобы вы помогали ей во всем, когда она к вам обратится.

Он не говорит больше ничего. Только добавляет, что, как только решит парочку проблем, мы снова вернемся к этому разговору. Он знает, что у меня за душой ни гроша. Я понимаю, что это значит: все будет зависеть от того, случится или нет война с Эскобаром. А на данный момент я являюсь еще одним поводом для конфликта между ними. Причем довольно чувствительным поводом. И не потому, что Эскобар все еще любит меня: он просто не может позволить, чтобы все его секреты и слабые места, вся эта драгоценная информация, которая хранится в моей памяти и сердце, попала в распоряжение его злейшего врага. Я понимаю, что Пабло продолжает прослушивать мой телефон. Тем или иным способом он уже дал понять Родригесу, что в этом конкретном случае он может оказаться гораздо бóльшим собственником, чем все его гиппопотамы, вместе взятые.

В декабре Хильберто пригласил нас с Глорией Гайтан в Кали. Мне показалось, что обе стороны были рады знакомству. На следующий день я встретилась с ним наедине. Он подтвердил, что мои предчувствия верны и что рано или поздно должно произойти то, о чем Пабло предупреждал меня еще очень давно.

– Каждый раз, когда La Fiera видит тебя на экране телевизора, она зовет нашего одиннадцатилетнего сынишку со словами: «Иди сюда, посмотри на свою мачеху!» О тебе мечтает каждый богатый человек. Ты – золотая жила хозяев косметических лабораторий, но ты слишком поздно появилась в моей жизни.

Я замечаю, что если он имеет в виду мой возраст, а это, очевидно, так, то я нахожусь в своей лучшей форме.

– Нет, нет, речь вовсе не об этом. Я хочу сказать, что я был дважды женат на женщинах еще более безродных, чем я, а ты ведь принцесса, Вирхиния. Видишь ли, вчера вечером La Fiera попыталась убить себя. А очнувшись, сказала, что если я снова увижусь с тобой хотя бы однажды, даже для того, чтобы просто выпить чашечку кофе, она отберет у меня навсегда моего дорого мальчишку, моего маленького чемпиона в гонках на картах. А я

люблю его больше всего на свете. Мой сын – единственная причина, по которой я все еще с этой женщиной. И единственная истинная причина моей не вполне законной деятельности. Я вынужден выбирать между своим сыном и бизнесом с тобой.

Я отвечаю, что, если он профинансирует мой косметический бизнес достойным вкладом, я построю свою империю таким образом, что никто никогда не узнает, что мы партнеры. До конца своих дней он сможет получать доход от этого легального бизнеса. А такая необходимость может возникнуть, потому что новые законопроекты, направленные на борьбу с незаконным обогащением – в том числе конфискация имущества, – в скором времени резко ужесточены. Снисходительным тоном он отвечает, что у него уже сотни легальных компаний, которые платят уйму налогов.

Попрощавшись с ним навсегда, я думаю о том, что этот двуличный тип гораздо опаснее, чем Пабло Эскобар и Гонсало Родригес, вместе взятые. Только бог знает, что у него на уме! Вернувшись в Боготу, я разглядываю себя в зеркало и решаю подбодрить себя знаменитой фразой, которую произносит Скарлетт О'Хара в «Унесенных ветром»: «Лучше я подумаю об этом завтра. Ведь завтра будет новый день!» Посмотрим, что произойдет в 1988-м. Пусть они поубивают друг друга, если им так нравится. Я ничего не могу с этим поделать. Хильберто – обычный человек, а когда Пабло встает у кого-либо на пути, даже самые храбрые и самые богатые отступают. На моем счету в банке лежат двенадцать тысяч долларов и еще тридцать в сейфе. У меня хорошая фигура, мне идут дизайнерские платья, и я решаю, что могу себе позволить съездить в Карейес: на фотографиях рекламных проспектов тамошние пляжи выглядят весьма заманчиво.

Карейес, курорт на Тихоокеанском побережье Мексики, стал одним из райских местечек для самых изысканных богачей планеты. Меня пригласила туда красавица-модель Анхелита, чтобы не скучать одной среди французов и итальянцев, пока ее жених, парижанин и игрок в поло, руководит строительством новой спортивной площадки. Мы даже не упоминаем Пабло, который пять или шесть лет назад был ее воздыхателем. Мы не обсуждаем мою жизнь последних лет. В первый же вечер меня знакомят с Джимми Голдсмитом[254]. Он восседает во главе километрового стола, за которым собрались его дети, друзья и подружки его детей. Все загорелые, красивые и счастливые. Когда легендарный франко-английский магнат пожимает мне руку и радушно улыбается, я думаю, что это, пожалуй, самый привлекательный мужчина из всех, кого я встречала в своей

жизни. Такие, должно быть, друзья у Дэвида Меткалфа. Именно Голдсмиту принадлежит знаменитый афоризм: «Мужчина, который женится на любовнице, берет в приданое рога»[255].

Сэр Джеймс успел продать все акции своей компании незадолго до падения биржи. Он заработал на этом шесть миллиардов долларов. Кроме того, он был женат на дочери Антенора Патиньо[256]. Глядя на бунгало, где веселилась семья Голдсмита и слушая превосходное выступление марьячис на дне рождения его дочери Аликс, я спрашивала себя, почему жадные нувориши не могут привнести в свою жизнь немного стиля, как сказал бы Меткалф. Пабло и Хильберто на треть младше этого человека и, к слову, в два или в три раза его беднее. Так почему бы им не наслаждаться жизнью, нежась на солнце возле теплого моря, и не обживать уютные бунгало с панорамными бассейнами? Почему они только и думают о том, как бы поубивать друг друга?

Почему El Mexicano не слушает песни марьячис, вместо того чтобы расстреливать кандидатов в президенты? Почему Пабло предпочитает общаться с королевой красоты от департамента Путумайо, а не с этими прекрасными девушками? Почему Хильберто не видит потенциала в этих землях, которые сейчас продаются за гроши, а через несколько лет будут стоить целое состояние? Богатые, знатные и хорошо осведомленные европейцы уже все разведали и приехали разобрать куски этого лакомого пирога, пока он не закончился.

Я прихожу к выводу, что для того чтобы воспитать хороший вкус и приобрести некоторый шарм, избавляющий от клейма парвеню, необходимы усилия нескольких поколений. А судя по тому, как обстоят сейчас дела с продолжительностью жизни, потомкам наших нуворишей придется подождать лет эдак пятьсот, чтобы стать похожими на сидящих передо мной людей.

Однажды вечером, уже в Боготе, я вернулась домой часов в одиннадцать, после ужина с моими подругами. Через пять минут позвонил консьерж и сказал, что некто Вильям Аранго пришел ко мне со срочным поручением от своего шефа. Этот человек был секретарем Хильберто Родригеса Орехуэлы. Хотя меня удивил столь поздний визит, я попросила впустить его. Я предположила, что его патрон находится в Боготе и что он, быть может, изменил свое решение по поводу нашего совместного бизнеса. Возможно, это касается войны картелей, и поэтому Хильберто не хочет говорить по телефону. Двери лифта открывались непосредственно в фойе моей квартиры. Я нажала на кнопку, и, услышав, что лифт начал движение вверх, как всегда, уже машинально, положила «беретту» в карман пиджака.

Вильям Аранго сильно пьян. Войдя в гостиную, он валится на

софу. Я сижу напротив него на банкетке. Уставившись осоловевшим взглядом на мои ноги, он просит у меня стакан виски. Я отвечаю, что в моем доме виски пьют только мои друзья, а не их шоферы. Он говорит, что его шеф смеется надо мной в присутствии своих друзей и подчиненных. А психованный дегенерат Пабло Эскобар поступает так же в разговорах со своими подельниками. Хильберто Родригес прислал его поживиться тем, что осталось от пиршества двух «капо»: и у бедных случается праздник. Спокойным тоном я объясняю ему, в чем его проблема: на том месте, где он сидит, за последние семнадцать лет сиживали шесть самых богатых мужчин Колумбии, четверо из них были еще и писаными красавцами. Так что нищий карлик с лицом, похожим на свиное рыло, ну никак не вписывается в этот ряд. Он восклицает, что донья Мириам права и я настоящая шлюха. Кстати, его визит – это подарочек и от нее. Бесстрастно я сообщаю ему, что если эту простолюдинку он называет доньей, то уж меня, шофер, коим он является, должен называть не Вирхинией, а доньей Вирхинией. Потому что я принадлежу к аристократии в двадцатом колене. Но я не испанская инфанта и не состою замужем за доном мафии.

Прорычав, что сейчас я получу по заслугам и узнаю, что почем, он пытается подняться с низко расположенной софы, судорожно шаря по карманам. Его шатает, и чтобы не потерять равновесие, он опирается на кофейный столик. Два серебряных канделябра с полудюжиной свечей каждый опрокидываются с чудовищным грохотом. Он опускает глаза в поисках источника шума. Когда он снова фокусируется на мне, девятимиллиметровая «беретта» уже смотрит ему прямо в лоб с расстояния в полтора метра. Очень спокойным тоном я говорю ему:

– Подними руки, грязный шоферишко, не заставляй меня стрелять и пачкать твоими мозгами мебель.

– Такая высокородная дама, как вы, Вирхиния, не в состоянии никого убить! Разве не так, бедняжка? А этот пистолетик наверняка выдан с разрешения правительства? – говорит он, посмеиваясь, хладнокровно, как человек, понимающий, что находится под защитой своего «капо». – Готов поспорить, что это всего лишь игрушка. А если и нет, то он не заряжен. Сейчас мы это и проверим. А потом я заявлю в АДБ, чтобы вас отправили в тюрьму за незаконное ношение оружия и за связь с Пабло Эскобаром.

Когда он встает на ноги, я снимаю «беретту» с предохранителя и говорю ему, что он никуда не пойдет. Я приказываю ему сесть рядом с телефоном. Он подчиняется. Да, он

абсолютно прав: у меня нет лицензии на ношение оружия. Пистолет не мой, он остался здесь, так как его хозяин сегодня был у меня с визитом. Двое его ребят уже едут сюда, чтобы забрать эту милую игрушку.

– Здесь на рукоятке написано PEEG. Произносится Pig! («свинья» – англ.) Словечко, которое произносит его владелец каждый раз, когда нажимает на курок. Так как вы, по всей вероятности, английского не знаете, я вам переведу: имена Чопо, Томате, Арете, Кика, Гарра и Мугре вам что-нибудь говорят?

Лицо Аранго заливает мертвенная бледность.

– Видите, как легко угадать имя владельца? А вы не так глупы, оказывается! Раз уж вы так хорошо соображаете, а руки у меня заняты, я прошу, побудьте моим секретарем. Наберите вот этот номер и скажите нашим ангелочкам, чтобы они поторапливались. Я уже дома, а мы договорились, что они заедут между одиннадцатью и двенадцатью за этим предметом, который забыл психованный дегенерат Пабло Эмилио Эскобар Гавирия, пока занимался любовью со своей шлюхой, а не бывшей шлюхой, на этом самом диване, где ты сейчас расселся. Надо будет диван завтра в чистку отправить. Ну и чего мы ждем?

И я диктую ему телефон в Боготе, который мне выдал El Mexicano несколько лет назад на случай непредвиденных обстоятельств. Я знаю, что телефон отключен.

– Нет, донья Вирхиния! Вы не позволите, чтобы сообщники дона Пабло прикончили меня! Вы всегда были доброй синьорой!

– Что-то я не пойму: неужели такой разумный человек может ожидать, что шлюха, из-за которой вот-вот начнется война между автомобильным воришкой и курьером из аптеки, будет хорошей девочкой? Продолжай набирать. Если занято, значит, психопат-дегенерат разговаривает с Пиньей Норьегой. К счастью, они никогда не болтают слишком долго. И разве я могу допустить, чтобы вас растерзали прямо здесь? Нет, боже упаси! И не дай мне бог увидеть, что эти милые мальчики сделают с вашими детьми, женой и сестрами. Полагаю, то же самое, что вы собирались сделать со мной. Надеюсь, они уже скоро будут. Потому что завтра мне рано вставать, чтобы отвезти в аэропорт одного безумного злого гения, который, видимо, собирается показать мне свой новый самолет.

– Нет, синьора Вирхиния! Вы не позволите этим бандитам, пардон, этим синьорам, дотронуться до моей семьи.

– Я бы, может, и хотела вам помочь, но у хозяина этого пистолета есть ключи от моей квартиры. Когда его помощники увидят, что я держу на мушке человека Хильберто Родригеса, вряд ли они поверят, что глава картеля Кали прислал пьяного

придурка раскурить трубку мира с главой Медельинского картеля. Или, может, так и есть? Для вас у меня тоже прекрасные перспективы. Вы можете выбирать: парочка бензопил, которые плотник-садист только что получил из Германии, – у него руки чешутся их опробовать – или же с полдюжины львиц, несколько дней сидящих на голодной диете, потому что они разжирели от переизбытка пищи, поступающей в зоосад асьенды «Неаполь». Хватит звонить. Ребята уже давно выехали и с минуты на минуту будут здесь.

Наконец, я устала описывать ему все то, что сделают с его женой, этой бедной женщиной, вынужденной спать с такой отвратительной свиньей, как он, и рожать ему поросят. Я сказала ему молиться обо мне как об ангеле-хранителе его семьи, потому что я выпровожу его из моего дома до того, как мясники Эскобара прибудут и четвертуют его у меня на глазах. Наставив на него «беретту», я приказываю, чтобы он шел к лифту. В последний момент мне очень хочется наподдать ему под зад ногой, но я сдерживаюсь: я боюсь выйти из себя, а Пабло научил меня, что когда у тебя в руках оружие, голова должна быть не просто холодной, а ледяной.

* * *

Неисповедимы пути господни! Когда этот урод, подосланный Хильберто Родригесом, чтобы отомстить Пабло Эскобару – или его женой, чтобы отомстить мне, – убрался, я закрыла на ключ все двери в своей квартире. Затем поцеловала «беретту» и благословила тот день, когда мужчина, который украл мое золотое сердце, взамен отдал мне пистолет, на случай, если его враги придут за мной. Я обещаю Господу Богу, что ни один наркоторговец больше никогда не переступит порог моего дома и не узнает номера моего телефона. Я проклинаю их всех. Да не будет у них ни одного счастливого дня в жизни! Пусть их порочные жены плачут кровавыми слезами! Пусть потеряют они все свои богатства! Пусть их потомки вечно зовутся Проклятыми! Я обещаю Матери Божией, что в благодарность за ее защиту, начиная с сегодняшнего дня, я буду сотрудничать с иностранными властями, которые борются с наркотрафиком, если смогу быть им полезной. Я сяду на пороге своего дома, чтобы посмотреть, как понесут мимо тела наркобаронов и их детей, а оставшихся в живых поведут в наручниках к самолету Управления по борьбе с наркотиками США. Даже если мне придется ждать этого целую вечность.

На другой день я звоню единственной подруге, которая наверняка никому ничего не расскажет. Сольвейг – шведка. Она элегантна, как снежная королева. Сдержанна и тактична, в отличие от большинства женщин-журналисток, которых Пабло обычно именовал змеями. Мы с ней никогда не откровенничали, потому что за последние годы я научилась не доверять никому и старалась держать все переживания при себе. И сегодня я хочу поговорить о случившемся не потому, что мне нужно выговориться. Просто я уверена, более, чем когда-либо, что Эскобар прослушивает мой телефон и записывает все разговоры, чтобы знать, встречаюсь ли я с его врагом. Я также знаю, что, хотя я ненавижу его, а он меня больше не любит, Пабло всегда будет меня хотеть и будет прослушивать мой телефон. Моя изумленная подруга недоверчиво спрашивает меня, как такая женщина, как я, могла связаться с людьми подобного сорта и почему я позволила этому типу войти в мой дом. Я отвечаю, что все еще надеялась, что смогу остановить войну, которая приведет к гибели сотен людей. Подручные никогда не действуют без одобрения патрона. Я не называю Сольвейг имя Вильяма Аранго, потому что знаю, что Пабло на следующий же день распилит его на кусочки, а я не хочу быть в ответе за еще одно убийство. Мной движет лишь желание, чтобы Эскобар еще больше возненавидел того, кого он всегда звал не иначе как боровом-выскочкой, и его больную от ревности жену. La Fiera периодически названивала в средства массовой информации, обвиняя Марию Викторию, жену Эскобара, в том, что та резала лица соперницам, чтобы завладеть подарками. Вот кто на самом деле был причиной войны между картелями!

Через какое-то время я получаю по почте конверт с вырезкой из газеты: убит некий парикмахер из Кали. На его теле насчитали сорок шесть ножевых ранений. Не десять, не двадцать, не тридцать, а ровно сорок шесть. Он был убит во время гомосексуальной оргии. В тысячу раз более виновны отдающие приказы, чем головорезы, их исполняющие. Я обращаюсь с молитвой за упокой его души и открываю Богу мое исполненное болью сердце, многократно униженное этой дьявольской преступной «элитой». Ни по происхождению, ни по своей морали они ни в чем не отличаются от своих наемников и обслуги. Я прошу Бога, чтобы он использовал меня в качестве катализатора процессов, которые покончат с ними и с их состояниями, нажитыми на позоре моей страны, крови жертв и слезах наших женщин.

13 января 1988 года начинается война. Пока Пабло находится в асьенде «Неаполь», мощная бомба разрушает до основания

здание «Монако» – резиденцию жены Эскобара и двоих его детей, расположенную в одном из самых элегантных районов Медельина, – и все окрестные здания. Виктория, Хуан Пабло и маленькая Мануэла, которые занимали несколько комнат в пентхаусе, остаются целыми и невредимыми, но два телохранителя убиты. Глубокая Глотка сообщил мне, что это дело рук Пачо Эрреры, четвертого человека в иерархии картеля Кали, с которым Пабло хотел поступить так же, как он поступил с El Niño по просьбе Чепе Сантакруса, третьего в иерархии после Хильберто и его брата Мигеля. От здания, которое почти целиком занимали семья и телохранители Эскобара, остался только бетонный остов; коллекция старинных автомобилей, принадлежавшая Пабло, и произведения искусства, собранные его женой, утеряны безвозвратно.

Война уносит по тридцать жизней в день. И нет ничего удивительного, что и в Кали, и в Медельине начинают находить тела молоденьких моделей со следами пыток: война идет и в салонах красоты, где картели нанимают информаторов. Враги Пабло знают, что мы расстались, но полагают, что я все еще дорога ему. Это ставит меня в еще более уязвимое положение, потому что я уже не могу рассчитывать на его защиту. Угрозы неотступно преследуют меня. Смена телефонов не помогает. С каждым разом все меньшему количеству людей известен мой номер. Я начинаю избегать любого общения. Деньги в банке быстро заканчиваются, потому что необходимо платить за квартиру. Я надеюсь продать какую-нибудь картину из моей коллекции. Стоимость ни одной из них не превышает нескольких тысяч долларов. Но в Колумбии продажа произведения искусства, которое не принадлежит кисти шести самых известных национальных художников, может занять месяцы, если не годы.

Когда я приношу свои немногочисленные драгоценности в ювелирные магазины, чьей клиенткой я была с двадцати лет, они дают мне лишь десять процентов стоимости изделий, фактически то же самое, что и в ломбарде. Я решаю, что не буду продавать мою квартиру, которая стоила мне двадцати лет работы и множества жертв. Ведь тогда мне пришлось бы впустить в свою жизнь десятки любопытных и отвечать на сотни бестактных вопросов.

Чтобы хоть чем-то заняться, я начинаю делать записи для романа, который опубликую когда-нибудь, если чудом останусь жива. Так я стараюсь зафиксировать в памяти воспоминания обо всем, что было мною утеряно с тех пор, как проклятие в лице Пабло Эскобара вошло в мою жизнь, запятнав ее позором. Менее чем через неделю после взрыва бомбы в его доме Пабло уже

похитил Андреса Пастрану, кандидата в мэры Боготы и сына экс-президента Пастрана Борреры. Затем он безжалостно расправился с прокурором Карлосом Мауро Ойосой. Государство возобновило действие закона об экстрадиции, и Пабло вознамерился поставить его на колени. Сейчас он платит пять тысяч долларов за каждого убитого полицейского. Война становится все более жестокой: количество жертв перевалило уже за восемь сотен. Чтобы продемонстрировать, что у него хватит средств и для разборок с картелем Кали, и для войны с государством, в некоторых из жертв выпускают до сотни пуль. Очевидно, что времена дефицита наличных средств – впрочем, неизвестные широкой публике – для Пабло давно в прошлом, и что торговля с Кубой оказалась очень прибыльной.

Демонстративный террор, угрозы и сообщения о сотнях убитых погружают меня в глубокую депрессию. Меня уже почти ничего не интересует. Я редко выхожу из дома и решаю, что, как только закончатся деньги в сейфе, я покончу с собой, приставив пистолет к уху, как когда-то научил меня Пабло. Нет больше сил терпеть страх нищеты, которая уже маячит на пороге моего дома. Моя семья меня презирает. Их голоса слышны в общем хоре оскорблений, которые я вынуждена сносить даже когда иду в супермаркет. Я знаю, что ни один из трех моих вполне обеспеченных братьев не поможет мне. Они ненавидят меня за то, что по моей вине вынуждены подвергаться насмешкам в Жокейском клубе, в ресторанах и на семейных праздниках.

Я отправляюсь проститься с Деннисом, астрологом из США. Он возвращается домой в Техас, потому что ему угрожают похищением. Я спрашиваю его, когда закончится мучительное состояние, которое я переживаю. Он смотрит мои астральные карты и специальные таблицы, которые позволяют узнать, где будут находиться планеты в будущем и говорит мне, слегка встревоженный:

– Это только начало… И это продлится еще долго, дорогая моя.

– Да, но сколько месяцев?

– Лет… лет… И тебе нужно быть очень сильной, чтобы вынести все то, что тебе предстоит; но если ты проживешь достаточно долго, то унаследуешь большое состояние.

– Ты хочешь сказать, что я буду очень несчастна и потом стану вдовой богатея?

– Я только знаю, что ты будешь любить человека из далекой страны и навсегда будешь с ним разлучена… Не вздумай совершать преступлений, потому что у тебя будут проблемы с законом в другой стране, которые продлятся годы, но в конце

концов решение будет вынесено в твою пользу. Ты обречена на одиночество, а в конце жизни можешь лишиться зрения. Ты будешь страдать до тех пор, пока Юпитер не выйдет из дома тайных врагов и ограничений. Но, если ты будешь достаточно сильной, через тридцать лет ты сможешь сказать, что все это было не напрасно! Судьба человека записана в небесных сферах, и мы ничего не можем с этим поделать, *my dear*.

– Разве то, что ты мне описал, это судьба? Это же Крестный путь! – говорю я, глотая слезы. И ты полагаешь, что это только начало? Ты уверен, что в таблицах нет путаницы? Может, самое худшее уже позади?

– Нет, нет и еще раз нет. Тебе придется расплачиваться за свою карму, потому что ты родилась с Хироном в Стрельце. Как и мифологический кентавр, ты захочешь умереть, чтобы избежать боли, но не сможешь.

Тем же вечером я рассказываю Глории Гайтан по телефону, что хочу покончить жизнь самоубийством, чтобы избежать мучительной голодной смерти. Я говорю ей, что думаю застрелиться. Так как она подруга и почитательница Фиделя Кастро, я не говорю ей о том, что таким образом хочу избежать тридцатилетнего заключения в американской тюрьме в ожидании, пока подтвердится моя (и Фиделя Кастро) непричастность к наркотрафику. Или же мне придется провести эти годы в специализированном санатории, рядом с Пабло – кентавром-Стрельцом – до того момента, пока он не уверится в моем благоразумии и на смертном одре не оставит мне свое состояние за то, что я тридцать лет буду подавать ему судно.

Спустя две недели я принимаю приглашение одной моей знакомой провести выходные за городом. Так как я уверена, что мне недолго осталось в этом мире, я хочу попрощаться с природой и последний раз взглянуть на животных. По возвращении домой, где обычно царит идеальный порядок, я понимаю, что в мое отсутствие у меня побывали воры. Бумаги на письменном столе перевернуты. Исчезли первые семьдесят восемь страниц романа, переписанных набело от руки: печатной машинки у меня нет, а компьютеры еще не изобретены. Украдены кассеты, где были мои самые первые интервью с Пабло, карточки, которые приносили от него вместе с цветами, и два его письма. Предчувствуя беду, я бросаюсь в комнату, где стоит сейф и вижу, что он открыт. Тридцать тысяч долларов, все, что оставалось мне на жизнь, исчезли. Сейф пуст. Если не считать пары запасных ключей от квартиры. Мои драгоценности не тронуты. Но бархатные футляры открыты и лежат на письменном столе. Вор забрал мой золотой брелок для ключей и унес мой игрушечный

кораблик, мою яхту «Вирхи Линда I». Но хуже всего то, что этот расхититель гробниц забрал мою «беретту». Я никогда ему этого не прощу. Да, это была его собственность. Но он понимал, что она уже стала частью меня и что это была последняя надежда, которая мне оставалась.

Меня лишили всех моих денег, результатов месяцев писательской работы. Украли пистолет, который в последнее время стал мне лучшим другом. Все это погрузило меня в глубочайшую депрессию. Жестокий человек, которого я так любила, потерял выдержку и приговорил меня к многомесячной агонии. Моя мать уехала в Кали, где у нее заболела сестра, и не оставила мне телефона, ведь для моей семьи я не существую. Кроме нее я не отважусь ни у кого просить денег. Я не могу поговорить о своей нищете с друзьями, которые с каждым днем все дальше от меня, или с дальними родственниками, с которыми мы никогда особенно не общались. У меня даже нет сил, чтобы выйти из дома и продать что-нибудь. Я принимаю решение, что не буду ждать тридцать лет, чтобы отработать свою карму, и лучше умру с голоду, как сделал это великий греческий математик Эратосфен Киренский, когда понял, что скоро ослепнет.

Я знаю, что где-то далеко в космосе находятся бессмертные души всех великих людей и они могут слышать мольбы несчастных смертных. Я прошу этого великого мудреца античной Греции, чтобы он дал мне силы выдержать три месяца, которые меня ожидают, если не случится чудо. Я читала, что труднее всего пережить первые дни, а затем наступает период необычайного просветления, когда мучения отступают. Сначала вообще ничего не чувствуешь, но на пятый или шестой день начинаются боли. Они усиливаются с каждым часом. Гнетет ощущение покинутости и отчаяния. Начинается такая агония в сердце, что человек, уже совершенно истерзанный и обессиленный, – как если бы все, что от него осталось, это бесформенные лоскуты плоти, объятые огнем, – начинает думать, что это не жизнь навсегда покидает бренное тело, а оставшийся разум в ужасе бежит в преисподнюю. И чтобы не растерять остатки благоразумия и утешиться, я обращаюсь к той части моего существа, которая еще не потеряла способности сопереживать.

В этот самый момент почти миллиард человек испытывают ту же агонию, что и я. Я видела, как живут самые богатые люди планеты, и видела тех, кто влачат жалкое существование подобно крысам, на кучах мусора. Теперь я знаю, как умирает каждый пятый родившийся в этом мире ребенок. Если в моей жизни

произойдет чудо, через тридцать лет я смогу вложить всю боль моего сердца в маленькую книжечку, которую назову «Эволюция против сострадания». Или же когда-нибудь появятся настоящие филантропы, и я сделаю телевизионную программу о таких людях и назову ее «On Giving».

Со своего Олимпа сострадательный Эратосфен услышал меня: через одиннадцать дней позвонила вернувшаяся из Боготы мать. Когда я рассказала, что у меня нет денег даже для того, чтобы сходить на рынок, она отдала мне то немногое, что у нее было. Еще через несколько недель происходит чудо, и продается одна из картин. Тогда я решаю, что для восстановления миллионов дендритных клеток, пострадавших во время голодовки, мне необходимо занять чем-нибудь свой мозг.

Да, я начну изучать немецкий язык, чтобы перевести на шесть языков «Комментарии» Николаса Гомеса Давилы[257], потому что это чудо мудрости и стихотворного ритма: «Настоящий аристократ любит свой народ всегда, а не только во время выборов». Если верить этому колумбийскому мудрецу из стана правых, Пабло Эскобар, тот, с которым я познакомилась несколько лет назад, был бóльшим аристократом, чем любой из Альфонсо Лопесов[258].

Три месяца спустя моя подруга Ирис, невеста советника немецкого посольства в Боготе, сообщает мне:

– В берлинском Институте журналистики появился грант для специалиста со знанием английского и базовым владением немецким. Похоже, это как раз то, что тебе нужно. Тебе же нравится писать на экономические темы. Соглашайся, Вирхи.

И в августе 1988-го, повинуясь замыслам Божественного провидения, знаки которого, согласно астрологу Деннису, начертаны в звездном небе и хитросплетениям судьбы, лишь наполовину, если верить Пабло, данной человеку от рождения, я, счастливая, уезжаю в Берлин. Счастлива я не по одной причине, а по миллиону причин. Я бы даже сказала, что причин у меня столько, сколько звезд на небосводе.

Король террора

– Люди в Восточном Берлине одурели от тоски и безысходности… Они не хотят больше терпеть. В любой момент они сломают эту стену! Мне кажется, меньше чем через год этот огромный проспект вновь станет единой улицей, – говорю я Давиду, который, стоя рядом со мной, смотрит на Рейхстаг и Бранденбургские ворота с обзорной вышки.

– Ты с ума сошла? Эта стена будет стоять здесь дольше, чем Адрианов вал или Великая Китайская!

Судьба забросила меня в Западный Берлин в последний год существования двух Германий и за год до падения «железного занавеса». Мощное цунами часто невозможно увидеть с поверхности земли. Невидимые глазу тектонические процессы уже происходили в том месте, которое через пятнадцать месяцев станет эпицентром развала коммунизма в Европе. Но моя персона вызывает интерес спецслужб международного аэропорта вовсе не по политическим соображениям. УБН знает, что крупнейший в мире наркобарон вывозит из страны тонны товара в контейнерах и перевозит наличность в промышленных холодильниках. Ему пока что нет необходимости использовать свою бывшую возлюбленную в качестве «мула» (так называют курьеров самого низшего ранга в иерархии постоянно растущей и теперь уже многонациональной корпорации, построенной Эскобаром и десятком партнеров и друзей-миллионеров). Я понимаю, что внезапный интерес ФБР и европейской полиции к моей скромной персоне вызван тем фактом, что, по странному совпадению, каждый раз, когда я путешествую из Боготы за границу, люди, связанные с элитой наркобизнеса, занимают бóльшую часть первого класса самолета.

Также я заметила, что всякий раз, когда мы, стипендиаты немецкого правительства, возвращаемся в Берлин после небольших поездок в другие города, в комнате пансиона, где я живу, бумаги и пузырьки с косметикой оказываются не в том выверенном до миллиметра порядке, в котором я их оставляла. Чиновники института журналистики начинают смотреть на меня с подозрением и задавать странные вопросы: почему, например, я ношу деловые костюмы, а не одеваюсь как все студенты? Я знаю, о чем они думают. Власти, скорее всего, уже справлялись обо мне. Я понимаю, что за мной следят, и догадываюсь почему. И при этом я абсолютно счастлива.

В один из дней я набираюсь храбрости и звоню в консульство Соединенных Штатов в Берлине – в 1988 году посольство

находилось в Бонне – из телефона-автомата и предлагаю им сотрудничество. Я сообщаю, что у меня есть информация о возможном взаимодействии Пабло Эскобара с кубинцами и сандинистами. Ну другом конце провода меня переспрашивают: «Пабло?.. Какой такой Пабло?» Затем меня информируют, что сотни диссидентов-коммунистов названивают целыми днями с сообщениями о том, что русские хотят взорвать Белый дом. После этой неожиданной тирады раздаются гудки. Я поворачиваюсь, чтобы отойти от телефона, и встречаюсь взглядом с человеком, которого, как мне кажется, я видела днем ранее в зоологическом саду, в «Европа-Центре», неподалеку от института, где я учусь. Я частенько захожу туда, чтобы полюбоваться на животных и потешить себя мыслью о том, что по сравнению с берлинским зоопарком, зоопарк асьенды «Неаполь» выглядит как Берлинская стена в сравнении с Великой китайской.

Через несколько дней, когда я поднимаюсь в самолет, мне преграждает дорогу какой-то человек, который представляется чиновником из отдела по борьбе с наркотиками Федерального ведомства уголовной полиции Германии (или Интерпол Висбаден). Когда он говорит мне, что хотел бы задать несколько вопросов, я спрашиваю, не его ли ведомство следило за мной в зоологическом саду, когда я звонила в американское консульство, но человек уверяет, что это были не они.

Далее следует встреча с его начальником. С самого начала мне сообщают, что я имею полное право предъявить иск за вмешательство в свою личную жизнь: они еженедельно обыскивали мою комнату, прослушивали мои телефонные разговоры, вскрывали мою личную почту и разрабатывали всех без исключения людей, с которыми я общалась. Я говорю, что я не собираюсь предъявлять им никаких исков. Наоборот, я хочу сообщить им имена и места в иерархии всех, абсолютно всех наркоторговцев и людей, помогающих отмывать наркодоллары. Я намерена поведать все, что я знаю или слышала, потому что испытываю глубокую ненависть к уголовникам, которые втоптали в грязь мое доброе имя и доброе имя моей страны. Но для начала они должны сказать мне, кто информирует спецслужбы каждый раз, как я пересекаю границу. Несколько дней проходят в поистине византийских дискуссиях, после чего мне наконец сообщают имя: Герман Кано из АДБ.

И вот тогда я начинаю говорить. Например, о том, что в первом классе того же самолета, которым летела я (в хвосте, с багажом студентки), путешествовал один из видных членов Медельинского картеля. Его сопровождал партнер, отвечающий за отмывание денег, происходящий из одной богатейшей еврейской

семьи, проживающей в Колумбии. Приземлившись во Франкфурте, оба они беспрепятственно миновали таможню, в то время как все полицейские сбежались проверять мои чемоданы. А вдруг подружка или экс-любовница седьмого в списке самых богатых людей планеты везет с собой килограмм-другой кокаина, рискуя получить десятилетний тюремный срок для того только, чтобы заработать лишние пять тысяч долларов на новое платье от Валентино или Шанель?

Если Герман Кано до сих пор не знает главных «капо» и людей, отмывающих для них деньги, значит, секретные службы Колумбии не расположены делиться с ним этой информацией. Полагаю, что иностранные отделения Административного департамента безопасности имеют своих информаторов в авиакомпаниях, которые сообщают нужным людям, когда я полечу. Те передают эту новость дружественным торговцам наркотиками и в назначенный день они превращают меня в приманку, чтобы отвлечь иностранные спецслужбы. Так происходит всякий раз, когда я вылетаю из страны, и вряд ли может быть простым совпадением.

Я добавляю, что колумбийские полицейские-борцы с наркотрафиком в течение многих лет состоят на зарплате в Управлении по борьбе с наркотиками США. Я не собираюсь выспрашивать, получает ли УБН материальное пособие от Интерпола. Но я обращаю их внимание на то, что, вполне вероятно, полиция одной рукой берет деньги от своих европейских коллег, а другой – у наркобаронов.

– Скажите, чем я могу вам помочь. И прошу, чтобы мне выдали паспорт или иной документ, с которым я могла бы выезжать за границу так, чтобы в АДБ не знали точных дат. Все это я делаю по убеждению, исходя из своих принципов, и не собираюсь просить у вашего правительства убежища, работы или денег, ни цента. Единственная проблема в том, что я поклялась никогда не видеть никого из этого бизнеса, а источником новых данных может для меня стать только один человек, бывший наркоторговец. Но он очень хорошо осведомлен.

Вот так действия глав двух крупнейших наркокартелей и обвинения секретных служб Колумбии подталкивают меня к сотрудничеству с международными организациями по борьбе с наркотиками. Вместо того чтобы обшаривать мои чемоданы в поисках десяти тысяч долларов, которые я, предположительно, везу бедненькому Пабло, оставшемуся без наличности, ФБР действовали бы куда эффективнее, занимайся они слежкой за El Mugre и пилотами-сандинистами. Они бы за несколько недель раскрыли планы так называемого «кубинского трафика»

Медельинского картеля и всю его финансовую структуру. И если бы вместо того, чтобы следить за мной и за моими вполне безобидными знакомыми в Европе, Интерпол взялся за разработку глав наркокартелей и их финансистов, которые летали одним со мной рейсом, они смогли бы не допустить возникновения «европейского трафика», который активно заработал уже в следующем году.

Для полицейских всего мира их коллеги всегда будут ценнее, чем информаторы.

Поэтому я сообщаю этим европейским друзьям колумбийского Административного департамента безопасности имена наркодилеров и их партнеров, но предпочитаю умолчать о карибском трафике и подождать удобного случая, чтобы напрямую связаться с американцами. Однако в этом вопросе мое сотрудничество не понадобилось. Налаженный Пабло контакт перестает существовать 13 июня 1989 года, а уже 13 июля Фидель Кастро приказывает расстрелять генерала Арнальдо Очоа – героя Революции и войны в Анголе – и полковника Тони де ла Гуардиа. Я восприняла известие о смерти генерала Очоа с искренней болью, потому что это был человек необычайной храбрости. Он не заслуживал такой смерти – быть поставленным к стенке за измену Родине.

Война – дорогое удовольствие. Необходимо покупать тонны оружия и взрывчатки. Нужно щедро платить не только солдатам, но и всяческим шпионам и доносчикам, а в случае с Пабло, также властям Медельина и Боготы, дружественным политикам и журналистам. Затраты на эти сотни, а может, и тысячи людей сравнимы с выплатой зарплаты членам огромной корпорации. И даже продажа многих тонн наркотиков не может компенсировать это ежедневное обескровливание системы. Я знаю, что к настоящему моменту у Эскобара есть две главные проблемы. Первая – о ней знает широкая публика – это борьба с законом об экстрадиции. Но те, кто более осведомлен, Глубокая Глотка и я, понимают, что истинная беда Пабло – нехватка денег. После того, как кубинский трафик прекратил свое существование, Эскобару перестало хватать наличности для ведения войны, которая сплотила всех его недругов: картель Кали, АДБ и полицию. Эта война уже стоила ему сотен убитых сподвижников, а ведь Пабло никогда не оставляет без помощи семьи отдавших за него жизнь. Каждый погибший наемник – это несколько голодных ртов, которые нужно кормить. Но хуже всего то, что эта война спровоцировала поспешное бегство многих из партнеров Пабло в Валье де Каука, так как он начал взимать с них налоги на борьбу против экстрадиции. Те, кто не хотел платить деньгами, товаром,

машинами, самолетами или иной собственностью, платили своей жизнью. Устав от жестоких методов руководства и вымогательств, многие боссы мафии перешли в ряды клана Кали.

Я знаю, что в отчаянных поисках денег Эскобар будет все чаще прибегать к похищению людей. А для того чтобы поставить государство на колени, он сотрет с лица земли половину Боготы и все циничнее будет использовать прессу. Он презирает средства массовой информации, которые бичевали его, когда он был со мной (и потому что он был со мной). Из-за этого он даже назвал один из своих домов «Марионетас» – марионетки. Из круга своего одиночества я молчаливо наблюдаю, как мои коллеги, которые осыпали меня оскорблениями за мою любовь к Робин Гуду пайса, встали на колени перед Королем Террора. Все так и прыгают вокруг него словно помешанные. Но на самом деле это он в них отчаянно нуждается. Безумец, страдающий манией величия и одержимый славой, вымогатель и шантажист, как никто знающий цену президентам, он учится манипулировать ими, чтобы продавать свое эго, с каждым днем все более устрашающее и всемогущее, особенно потому, что с каждым часом он становится все уязвимее и все беднее. Марионетки этого кукловода исторических масштабов представляют читателям «Чопо», «Арете», «Томате» и «Гарру» как «военное подразделение Медельинского картеля», а El Mugre – как финансовое. В иностранной прессе Пабло приписываются заслуги борца за независимость родины, возглавляющего организации, подобные ООП, ЭТА или ИРА. Но, в то время как эти организации сражаются за право существования Палестины, независимой Страны басков или отдельной страны Ирландии, военное и финансовое подразделения Медельинского картеля сражаются только за одно «правое» дело: за то, чтобы патрона не экстрадировали.

И пока гибнут тысячи полицейских, наше колумбийское правосудие, карающее с двадцатилетним опозданием, эта вечная игрушка в руках палачей, превращается в жертву своего собственного равнодушия к остальным жителям страны: в 1989 году наркобароны убивают двести работников правосудия. С тех пор ни один судья не отваживается вынести наркоторговцу обвинительный приговор.

В 1989 году я возвращаюсь в Европу со всей информацией, которую мне удалось собрать для Интерпола. Мне кажется, что в вопросах наркотрафика немцы предпочитают работать с ФБР и АДБ, а колумбийской полиции оставляют общение с УБН, к которой не испытывают особой приязни. Честно говоря, в августе того года я не слишком интересовалась политическими

событиями в мире и в Колумбии. Мой отец был при смерти, и я очень переживала за свою мать. Только спустя некоторое время я узнала, что 16 августа мой бывший любовник приказал убить судью, который завел против него дело за убийство директора ежедневной газеты. 18-го числа того же месяца он сделал то же самое с комендантом полиции Антиохии, полковником Вальдемаром Франклином Кинтеро, за то, что тот очистил провинцию от людей Пабло, и несколько часов допрашивал Тату и Мануэлу, чтобы узнать, где находится Пабло. 19 августа умер мой отец. В ту же ночь я сообщила матери, что не прилечу в Колумбию на похороны, потому что он никогда меня не любил, а с 1980 года вообще перестал со мной разговаривать.

У меня есть еще одна причина, по которой я не могу в этот тяжелый момент находиться рядом с моей матерью. И этот ужас я не могу разделить ни с кем. В ночь накануне смерти моего отца Пабло совершил преступление, одно из тысяч в его перечне, но от этого не менее ужасное: 18 августа 1989 года 18 головорезов с удостоверениями разведывательного управления В-2 убили человека, который должен быть стать президентом Колумбии. В 1990–1994 годах он наверняка бы набрал шестьдесят процентов голосов, и он, возможно, был единственным действительно честным политиком в те давние дни. За месяц до этого генерал Маса Маркес заменил проверенную охрану на людей, подчиняющихся приказам некоего Хакобо Торрегроса. Я понимаю, что, если я приеду на похороны отца, меня наверняка будут ждать в аэропорту, чтобы допросить относительно Эскобара и частых поездок в Германию. А затем я окажусь в одном из подвалов АДБ или Военной школы верховой езды, в руках дюжины зверей в человеческом обличье. Я также знаю, что СМИ, жаждущие мести, поверят всему, что скажет генерал Маса. Они с восторгом примут любое зверство, которое сотворят со мной АДБ или В-2. И вряд ли они ограничатся избиениями и обезображиванием. Потому что убитого кандидата в президенты звали Луис Карлос Галан. Для Пабло Эскобара он был первым и последним, самым ненавистным и самым главным в его обширном списке врагов, накопленных за всю жизнь, прошедшую под знаком ненависти и самой безжалостной мести.

Через три месяца после убийства Луиса Карлоса Галана по приказу Пабло Эскобара был взорван самолет авиакомпании «Авианка», на борту которого находилось сто семь человек. Этим рейсом должен был лететь галанист Цезарь Гавирия – позже он станет официальным кандидатом в президенты от Либеральной партии Колумбии и займет президентское кресло в 1990 году. К счастью, в последний момент он поменял свои планы. За это

преступление подельник Пабло Ла Кика (начальник безопасности Медельинского картеля) будет приговорен к десяти пожизненным заключениям в суде Нью-Йорка. Следствие установило, что взрывчаткой послужил семтекс – проверенный рецепт ближневосточных террористов. Детонатор очень походил на тот, что использовал Муаммар Каддафи для взрыва самолета авиакомпании «Пан Американ» с 270 пассажирами на борту над шведской деревней Локерби в декабре 1988 года. За этот теракт Ливия заплатила миллионные компенсации семьям погибших. Похоже, Маноло эль Этарра все-таки научил Пабло и его людей делать мощные бомбы. Именно так я убедилась в очередной раз, что террористы связаны между собой так же, как наркокартели в моей стране связаны с людьми власти и их окружением.

В ноябре 1989 пала Берлинская стена. Это стало официальным концом эпохи железного занавеса и правления коммунистов в Восточной Европе. В декабре этого же года Джорж Буш отправил войска в Панаму. После свержения генерала Норьеги его переправили в США и судили за торговлю наркотиками, создание преступных группировок и отмывку денег. Ключевым свидетелем по обвинению экс-диктатора в связях с наркотрафиком стал Карлос Ледер, в результате чего срок его заключения был уменьшен с трех пожизненных до пятидесяти пяти лет.

В декабре того же года автобус, начиненный восемью тоннами динамита, разносит в пыль здание Административного департамента безопасности. В живых остается только генерал Маса, и то только потому, что его кабинет был заключен в железобетонную коробку. Результат: сто погибших и восемьсот раненых. Это непрекращающееся действо в стиле Данте заставляет меня сопереживать не погибшим, а оставшимся в живых. Две недели спустя, попав в ловушку, организованную военными, гибнет Гонсало Родригес Гача. Пока страна ликует, что Медельинскому картелю нанесен такой удар, в родном поселке Гонсало, находящемся неподалеку от Боготы и в абсолютном подчинении у El Mexicano, тысячи людей оплакивают своего благодетеля. Я знаю, что с этого момента генерал Маса и картель Кали начнут выступать единым фронтом, наподобие железобетонного блока, что спас генералу жизнь. Пабло же, напротив, остался без своего единственного верного друга и союзника одного с ним уровня. А ему противостоят левые экстремисты, враги Гонсало, объединившие свои усилия с правыми экстремистами, которые со временем превратятся в страшный катализатор ненависти, посеянной Пабло.

Военные действия идут по нарастающей. Если считать

Бернардо Харамильо[259], следующего кандидата на президентский пост от Патриотического объединения и Карлоса Писарро Леонгомеса, набирается уже четверо кандидатов на президентский пост, заплативших жизнью за политические амбиции. Но никто не отваживается просить объяснений у человека, который все это время отвечал за безопасность всех кандидатов: бессменного главы Административного департамента безопасности.

Кроме учебы и общения с Интерполом, была еще одна причина, по которой я провела в Германии бóльшую часть из четырех лет, прошедших после моего расставания с Пабло в 1987 году.

В июле 1981 года я была единственным колумбийским журналистом, аккредитованным на свадьбу Карлоса и Дианы, принца и принцессы Уэльских. После шестичасового репортажа, который я провела одна, я возвращалась на родину счастливая и гордая: Би-би-си и пресс-центр Королевской семьи предложили мне работу. Я отказалась, потому что мечтала о собственной программе, которую мы задумали сделать вместе с Марго. Эта мечта была для меня слаще любого голливудского фильма и предложения любого из ведущих международных каналов. Прилетев из Лондона в Париж, я несколько часов провела в ожидании своего рейса в Боготу. Рядом со мной сидела очаровательная девушка, с которой мы разговорились о королевской свадьбе. После посадки в Париже она представила мне своего брата, который встречал ее в аэропорту имени Шарля де Голля. Затем они собирались отправиться вместе на юг Франции. Пока она угощала племянника мороженым, мы разговорились с братом девушки. Мне показалось, что, как и я, этот сын немецкого аристократа и красотки из Ломбардии также не нашел счастья в семейной жизни. Попрощавшись, мы оба знали, что очень скоро увидимся вновь. Когда в первый же вечер после моего возвращения в Боготу Дэвид Стивел заявил мне, что собирается уйти к одной из своих актрис, я спокойно ответила:

– Уходи прямо сейчас, потому что вчера я познакомилась в Париже с человеком, за которого хочу выйти замуж. Он красив, моложе тебя на 10 лет и в сто раз элегантнее. Только подпиши документ, который мой адвокат пришлет тебе через пару дней и дай тебе бог быть таким же счастливым, какой собираюсь стать я.

Я влюбилась в Пабло, потому что он подарил мне свободу: в понедельник, в январе 1983 года, он сказал мне, что в ближайшую пятницу, как только я освобожусь от своего экс-супруга, я должна поужинать с ним прежде, чем следующий поклонник умыкнет меня. И, начиная с того вечера, я полюбила

этого человека, своего соотечественника, и уже едва вспоминала того, из дальней страны. Прекрасный человек, за которого я когда-нибудь выйду замуж и которого, согласно прогнозу Денниса, я полюблю, придет в мою жизнь, чтобы подарить мне на короткое время все формы счастья, которые, как я думала, могут быть доступны только для праведников в раю. И вернется, чтобы сыграть самую странную роль в смерти Пабло и в моей жизни.

К тому моменту он уже около двух лет был в разводе и, узнав от сестры, что я нахожусь в Германии, поспешил приехать ко мне. Бавария, на мой взгляд, является воплощением сельского рая на земле, а Мюнхен – рая городского: неоклассическое совершенное творение безумного короля и его композитора, автора тетралогии «Кольцо нибелунга». За несколько недель мы обходим Старую пинакотеку, где собраны сокровища многих столетий и Новую пинакотеку, полную шедевров наших современников. Мы гуляем по окрестностям Баварии – этой живописнейшей пасторали, созданной самим Богом. И мы невероятно счастливы. Через некоторое время он просит меня выйти за него замуж. Я обдумываю это предложение в течение нескольких дней и соглашаюсь. Он надевает мне на палец кольцо с бриллиантом в восемь карат – число вечности – и назначает дату свадьбы на май следующего года. Его мать говорит мне, что скоро мы поедем в Париж, чтобы заранее, за шесть месяцев, заказать свадебное платье от Пьера Бальмена. Это будет подарок моей будущей свекрови нам на свадьбу. В первый раз за всю мою жизнь все близится к прекрасному финалу, достойному самого избалованного из эпикурейцев или же моего обожаемого суфийского поэта XIII века.

Через несколько недель моя будущая свекровь присылает за мной шофера. Когда я приезжаю, она кладет передо мной брачный контракт: в случае развода или в случае смерти ее сына – одного из основных наследников ее второго мужа-мультимиллионера – за мной будет признано право лишь на небольшой процент от наследства моего будущего мужа. Я воспринимаю все происходящее как оскорбление, чем это, безусловно, и является. Ледяным тоном эта дама сообщает мне, что если я не подпишу бумаги, она лишит сына наследства. Когда я прошу у нее объяснений по поводу такого резко изменившегося ко мне отношения, она вынимает из секретера конверт, полный моих совместных с Пабло фотографий и анонимное письмо. Я спрашиваю ее, знает ли мой жених о том, что здесь происходит. С иронией она отвечает, что не хочет препятствовать счастью своего сына, но в течение часа он будет информирован о причинах, побудивших ее и ее мужа принять такое решение. Я отвечаю, что

ее сын уже знает о моих отношениях с Пабло Эскобаром и что она разрушает все наши надежды на счастье, потому что я никогда не выйду замуж за человека, с которым мы не будем равны в горе и в радости. И добавляю, что если меня не будет рядом, ее сын никогда не будет счастлив.

Уговоры моего возлюбленного не помогают. Я даю ему срок в несколько дней, чтобы убедить мать поменять решение. Вернув ему кольцо, я в ту же ночь возвращаюсь в Колумбию с разбитым сердцем.

* * *

Дома я узнала об убийстве двух человек. Они находились по разные стороны баррикад, и я была лично знакома с обоими: Густаво Гавирия Риверо и Диана Турбай Кинтеро.

Смерть первого очень сильно опечалила меня. Не столько из-за него самого, сколько из-за понимания того, что без этой скалы, которая защищала его столько времени, Пабло озвереет еще больше, а платить по счетам будет вся страна. Он потерял поддержку, так сказать, основоположников этого бизнеса. У него остался только его брат Роберто. И хотя ему можно было полностью доверять в вопросах финансов, El Osito не мог так же хорошо руководить бизнесом, как это делал Густаво, помешанный на абсолютном контроле и обладающий достаточной твердостью для управления преступной империей. В особенности в ситуации, когда другой партнер почти всегда отсутствует и требует все больше и больше средств на войну со всем государством. Я знаю, что, несмотря на безусловную преданность и неоспоримые таланты родного брата, без кузена Густаво бизнес Пабло стремительно покатится вниз, а его враги не преминут этим воспользоваться. Пабло прекрасно понимает, что следующий в очереди он сам. А раз так, чем более жестоким он будет, тем вернее он проложит себе путь в историю.

Пабло всегда знал, что женщины страдают больше, а женщины в качестве жертвы вызывают куда больше сочувствия, чем мужчины. Поэтому он выбрал Нидию Кинтеро, бывшую супругу президента Хулио Цезаря Турбая, в качестве вынужденного посла своей воли. Тысячи людей сгинули в тюремных застенках во время правления Турбая Аялы. Но объемы социальных программ, которые проводила его жена Нидия, сделали ее одной из самых почитаемых женщин Колумбии. Ее дочь, Диана Турбай, ехала на интервью для новостной программы преподобного Мануэля Переса, главы Армии национального

освобождения. Люди Эскобара похитили ее. Самая уважаемая женщина Колумбии заклинала нового президента Цезаря Гавирию, чтобы он остановил войну, послушал «Лос Экстрадитаблес» и спас жизнь ее дочери. Но Гавирия не захотел бросать правовое государство под ноги убийце своих предшественников, взорвавшему самолет, на котором должен был лететь он сам. Правительство яростно бросилось в атаку: в попытке освободить Диану женщина-полицейский, ослепленная яростью по отношению к людям Эскобара и желая отомстить за смерть сотен своих коллег, перепутала жертву с одним из похитителей. Диана погибла в перестрелке, а вся страна обвинила военных в том, что они сначала стреляют, а потом задают вопросы. Президент в глазах народа предстал человеком, лишенным сострадания к мольбам матери, игнорирующим мнение прессы, Церкви и всей страны, уставшей от круглосуточных трансляций похоронных процессий. К тому времени Эскобар уже произнес свою знаменитую фразу:

– Единственное, в чем проявляется демократия в нашей стране, так это в смерти. Раньше только бедняки умирали преждевременно. Теперь эта привилегия доступна и властям предержащим!

Но есть боль, которая останется со мной навсегда: судьба подруги одного из лидеров «М-19», чье имя я не назову никогда. Она, рыдая у меня на плече, рассказала, как, ворвавшись среди ночи к ней домой, ее изнасиловали агенты АДБ. Они предупредили ее, что, если она на них донесет, они запытают ее до смерти. Перед уходом, пока она рыдала в ванной комнате, они подбросили ей в квартиру оружие. Через несколько минут появилась полиция с ордером на обыск, после чего ее бросили в тюрьму по обвинению в незаконном ношении оружия и сотрудничестве с боевиками.

– Вирхиния, тебя спасает только ужас, который внушает всем Пабло Эскобар, – предупреждает меня она. – Никогда, заклинаю тебя, никогда не говори о нем плохо. Ты в безопасности только потому, что все думают, что, когда ты ушла к немцу, Пабло тебя вернул. Иначе они бы уже давно надругались над тобой целым батальоном, а потом «повесили» на тебя незаконное оружие или наркотики. Если с тобой случится то же, что со мной, СМИ с ликованием подхватят эту новость. Средства массовой информации в этой стране серьезно больны. Они знают, что тебе известна цена половины из них, и выжидают удобный момент, чтобы четвертовать тебя. Еще лучше для них, если ты сдашься и покончишь с собой, унеся в могилу все секреты. Я не понимаю, зачем ты вернулась. Те немногие, кто хорошо к тебе относятся,

полагают, что ты могла вернуться в этот ад только из любви к Эскобару. И не вздумай это отрицать! Когда тебя будут о нем спрашивать, просто отвечай, что на эту тему ты говорить не желаешь.

Вместе с Дианой Пабло похитил двух кинооператоров, одного немецкого журналиста и двух моих давних знакомых, журналистку Асусену Льевано и издателя Хуана Витту, которые впоследствии будут освобождены. Смерть Дианы превращается в очень эффективный и мощный инструмент давления на новое правительство. Но Пабло на этом не останавливается. В следующий раз, чтобы оказать давление на самые высшие круги галанистов, Эскобар похищает невестку Луиса Карлоса Галана, а затем его помощника. Вслед за этим приходит черед Марины Монтойи, сестры председателя правительства Барко и партнера Хильберто Родригеса по фирме «Крайслер». Женщина будет хладнокровно убита в отместку за попытку освобождения пленниц. В сентябре он похищает Франсиско Сантоса, сына одного из владельцев «El Tiempo», чтобы заставить главную газету страны высказаться в пользу Конституционной Ассамблеи, которая могла бы внести поправки в Конституцию и запретить экстрадицию.

Такова ситуация в стране, куда я возвращаюсь, оставив своего иноземного возлюбленного. Дочь Нидии, она же кузина Анибала, убита по вине человека, которому сам же Анибал меня представил. Моя подруга изнасилована недругами Пабло и «М-19». Мои коллеги Рауль Эчеварриа и Хорхе Энрике Пулидо убиты человеком, которого я так любила. Дорогие мне люди, такие как Хуан и Асусена, мой друг по колледжу Франсиско Сантос и мой родственник Анрес Пастранья также похищены Робин Гудом пайса.

Все они, от имени СМИ, обещают Пабло замолвить за него словечко, чтобы переломить общественное мнение в стране, где люди эмоционально подавлены и уверены в том, что он все еще занимает седьмое место среди самых богатых людей планеты. Только мы, те, кто когда-либо знал его близко, понимаем, что вся эта волна похищений объясняется его отчаянным положением. Пабло катастрофически не хватает наличных. Четверка самых богатых магнатов Колумбии труднодосягаема из-за целой армии телохранителей, и Пабло переходит к следующему уровню колумбийских богатеев: он похищает Руди Клинга, зятя Фернандо Масуэры, богатого человека и большого друга моей семьи. Почти все новые жертвы Пабло в той или иной мере являются моими знакомыми: это либо друг, либо сын моих друзей, коллега или родственник, одноклассник или человек, с которым я была когда-

то знакома.

Мне позвонили из редакции «El Tiempo» от имени отца Франсиско Сантоса, и попросили, чтобы я похлопотала за его сына. Когда я ответила, что не знаю где и как найти Пабло, они дали понять, что не верят мне. Каждый раз, когда я иду в ресторан, я читаю презрение на лицах присутствующих. Моя единственная защита состоит в соблюдении дистанции. Я прячусь за вежливой холодностью, которую мне удалось так хорошо отшлифовать за последние несколько месяцев, чтобы соответствовать высоким требованиям моей будущей свекрови. Но все это лишь усиливает ненависть ко мне, потому что публика объясняет мое поведение гордыней и привычкой к роскоши.

Мой бывший жених звонит мне постоянно, так как его беспокоит атмосфера враждебности и всеобщей безнаказанности, в которой я живу. Я отвечаю, что, к сожалению, это моя родина и другой у меня нет. Он обещает мне, что через несколько недель он приедет навестить меня, потому что жизнь в разлуке ему невыносима. Я прошу его не делать этого: я не подпишу брачного контракта. А без этого я не смогу выйти за него, зная, что из-за меня он лишится наследства. Жить с ним, не будучи его женой, я не хочу, и поэтому, ради нашего общего блага, он должен постараться забыть меня.

Я продала одну картину Видемана[260] и свою машину. Этих денег мне хватило на первоочередные расходы. Мне удалось избежать продажи квартиры, но мое финансовое состояние было критическим – и уже не в первый раз.

Когда-то, много лет назад, я работала на радио «Караколь». Его директор Ямид Амат, один из журналистов, прикормленных Пабло Эскобаром еще со времен признания в любви к Маргарет Тэтчер, резко отказал, когда я обратилась к нему с просьбой о работе. Точно так же повели себя руководители Национальной радиовещательной компании и телевидения Карлоса Ардилы, «лимонадного» магната. В конце концов глава телевизионного канала «Караколь» Хулио Марио Санто Доминго вызвал меня и сообщил, что у них есть для меня замечательная работа. Я предположила, что они хотят предложить мне место ведущей, потому что, по правде говоря, очень многие хотели, чтобы я вернулась на телевидение. Известие о моем возвращении в страну спровоцировало целую волну слухов и домыслов. Больше всего мне понравилась история о том, что с миллионами, подаренными Пабло, я ездила в Бразилию, и знаменитый пластический хирург Иво Питангуй переделал меня с ног до головы, потому что я сильно испортила фигуру, пока вынашивала и рожала близнецов, которых оставила в каком-то приюте в Лондоне. А так как моя

подруга и бывший партнер Марго Риччи всегда говорила мне, что люди в Колумбии, если и включают телевизор, то только затем, чтобы посмотреть, во что одета Вирхиния Вальехо, я, счастливая, в платье от Валентино отправилась на встречу с директором канала. Я уверена, что ведущая такого уровня и с таким гардеробом как у меня – это находка для любого телеканала любой развивающейся страны. На вопрос, кто меня обшивает, я, ни секунды не колеблясь и одарив собравшихся самой ослепительной из своих улыбок, уверенным голосом сообщаю: Валентино в Риме и Шанель в Париже!

Не зная почти ничего о последних событиях в стране, я забыла, что канал «Караколь» – это не «Televisa» «Тигра» Аскарраги, и не «OGlobo» Роберто Маринхо. Для этой женщины, возглавляющей канал, я всего лишь бывшая, а может, и не бывшая, подружка самого злостного убийцы всех времен. Да, да, именно так! Подружка пиромана, спалившего загородный дом человека, которому она обязана своей работой: Августо Лопеса, президента группы «Санто Доминго».

Она предлагает мне главную роль в сериале. Я отвечаю, несколько удивленная, что я не актриса. Пожав плечами, она говорит, что для человека с двадцатилетним стажем работы перед камерой наличие или отсутствие актерского образования не имеет особого значения. Ей известно, что мне даже поступали предложения из Голливуда.

– Телесериалы проникают во все слои общества. Их смотрят даже дети. Это продукт экспорта в десятки стран. Можно прославиться на весь континент! – убеждает она меня.

Я подписываю контракт. Через несколько дней начинают названивать СМИ. В общей сложности мне удается договориться о тридцати двух интервью для радио и телевидения. «Ало», главный журнал издательского дома «El Tiempo», настаивает на эксклюзиве для одного печатного издания. Я не единожды отказываюсь, потому что мои откровения с такой прессой всегда заканчивались тем, что сказанное мной искажалось или же мне приписывались слова, которых я никогда не произносила. Директор обещает мне, что позволит проверить каждое слово в интервью перед его публикацией. Когда я соглашаюсь на эти условия, первое, о чем она меня спрашивает, это увижусь ли я снова с Пабло, а также имя и адрес моего заграничного друга.

Я не хочу, чтобы имя человека, которого я люблю, смешивали с именем преступника, который причинил мне столько боли, поэтому я ничего не говорю о своем женихе. По поводу Эскобара я сообщаю:

– Вот уже несколько лет, как я его не видела. Но лучше

спросите его сами, когда будете брать у него интервью. Если у вас получится, конечно, потому что он не собирается вам их давать.

Через два дня после публикации у меня в квартире раздается телефонный звонок. Мой телефон теперь есть у всех СМИ. Я поднимаю трубку:

– Почему вы говорите обо мне такие ужасные вещи?

– Не буду спрашивать, где вы добыли мой телефонный номер. И еще: меня достали вопросы о вашей персоне.

Он отвечает, что звонит мне с новенького номера телефона, организованного специально для меня, и поэтому мы можем спокойно поговорить, пока нам не помешают. Он уже дал приказ проверить мои телефоны на предмет прослушки. И они оба чистые.

– Хотел поприветствовать тебя на родной земле. Несколько миллионов человек скучали без тебя… не только я. Как тебе наша родина на сей раз?

– Кажется, это было на странице 28 в «El Tiempo», колонка в пять строчек. Там говорилось, что в прошлом году в Колумбии было убито 42 000 человек. Я приехала из страны, где три трупа – это уже бойня, достойная первых полос в газетах. Чтобы ответить вам точнее, мне необходимо спросить вас: сколько из этих тысяч обязаны своей смертью вам, достопочтенный Отец Нации?

С глубоким вздохом он отвечает, что приближается время созыва Конституционной Ассамблеи. Скоро страна вернется к нормальной жизни, потому что все устали воевать. Я говорю, что, по заверениям журналистов, оппоненты Пабло – «господа из Долины» – уже купили 60 процентов конгрессменов. И спрашиваю, какой процент голосов у него в Ассамблее.

– Любовь моя, мы оба знаем, что политики только и ищут, где бы чего урвать по мелочи. Я же ворочаю большими деньгами. У меня все, кто значим в Магдалена Медио – люди свинца, а не золота. Вместе с другими, процент которых тоже не мал, но о нем я не могу сказать тебе по телефону, они гарантируют мне абсолютный триумф. Мы поменяем Конституцию, и ни один колумбиец не будет экстрадирован!

Я поздравляю его с прекрасной работой его друга Сантофимио. Очень недовольный, Эскобар восклицает, что Сантофимио ему не друг, а посланник для разговоров с правительством и что, едва будут приняты поправки к Конституции, этот человек ему больше не понадобится. Он говорит, что скорее простит Луиса Карлоса Галана – где бы он ни находился, – чем Сантофимио. Очень удивленная, я спрашиваю, не хочет ли он сказать, что раскаивается в содеянном, на что он отвечает:

– Я ни в чем не раскаиваюсь! Вы очень умны и прекрасно знаете, что я хочу этим сказать.

Смена телефона.

Через несколько минут телефон снова звонит. Уже другим тоном он спрашивает:

– Поговорим о тебе. Я знаю про твоего немецкого друга. Почему ты за него не вышла?

Я отвечаю, что это не его дело. Он клянется, что сильно меня любит, говорит, что представляет, как мне сейчас тяжело и уверяет, что я могу все ему рассказать. Только для того, чтобы дать ему понять, какую цену я продолжаю платить за связь с ним, я решаюсь рассказать о письме с нашими фотографиями, полученном моей несостоявшейся свекровью, и о брачном контракте, который я отказалась подписывать. Он очень хочет знать, какой процент мне предлагался. Поддавшись на его уговоры, я сообщаю детали.

– Тебе предлагали зарплату вице-президента за управление несколькими домами? Ты права, за каждым богатеем стоит великая женщина: сообщница или раба. Старуха, будучи сообщницей своего мужа, хотела сделать тебя рабой сына! Вот ведьма! Как тебе удается заставлять всех этих до неприличия богатых типов платить тебе? Поделишься секретом, любовь моя?

– Вы прекрасно знаете как. И с возрастом я становлюсь все элегантнее. Полагаю также, что мои портреты на первых полосах восьми десятков печатных изданий также немного помогают. Вы, правда, столь же популярны… но по другим причинам.

– Что правда, то правда… Но на обложке «Ало» ты выглядишь просто ужасно! Не хотел тебе говорить, но время тебя не пощадило.

Смена номера.

Я обдумываю, что я ему скажу, когда он снова позвонит. Звонок раздается через несколько минут. После нескольких ничего не значащих фраз о моем возвращении к работе я говорю, что на экране я смотрюсь лучше, чем когда-либо – и уж определенно лучше, чем он, – потому что в сорок один год я вешу пятьдесят три килограмма, и на вид мне не более тридцати. Я вынуждена объяснить ему причины, по которым столь неудачное фото, единственное по-настоящему вульгарное за всю мою жизнь, попало на страницы этого журнала.

– Конечно, они выбрали эту фотографию. Вы же похитили хозяина этого журнала. Я вынуждена была просить работу у людей, чьи дома вы сожгли. Они использовали меня в качестве приманки для своего дрянного сериала с третьесортными героями-любовниками, а затем вышвырнули на улицу подыхать с

голоду, видимо, по приказу Санто Доминго, чей самолет вы взорвали, в придачу с находившимся там зятем моей подруги.

– Почему ты так со мной разговариваешь? Такая женщина, как ты, родилась не для того, чтобы стать рабыней бездушных магнатов. Ты заслуживаешь счастья. И вот увидишь, этот мужчина, который тебя оставил, очень скоро к тебе вернется. Ты умеешь быть о-о-очень соблазнительной. Мне ли не знать!

Я отвечаю, что он действительно приезжает через несколько дней. Но я решила, что больше никогда не буду общаться с его матерью. Пабло отвечает, что в моем возрасте мне бы лучше подумать о собственном бизнесе. Прощаясь, он говорит, что обязательно мне позвонит после Конституционной Ассамблеи.

Через четыре дня мой жених приезжает в Боготу. Он снова надевает мне на палец подаренное ранее кольцо и настаивает на том, что будет очень счастлив, если я соглашусь стать его женой. Через некоторое время его мать наверняка поменяет свое мнение и аннулирует контракт. Я отвечаю, что уже не могу разорвать соглашение со студией «Караколь», иначе мне придется выплатить им неустойку в три раза превышающую мой гонорар. Как только материал будет снят, я уеду из Колумбии и почти наверняка получу прекрасные предложения о работе в Соединенных Штатах. Он меня умоляет, чтобы я этого не делала. Я отвечаю, что он ставит меня перед очень тяжелым выбором. Через несколько часов мне нужно выезжать в городок Онда, где снимаются первые части сериала. Мы прощаемся и договариваемся увидеться в следующем месяце где-нибудь на Карибах.

На банкет по поводу начала съемок приглашены триста человек. Ампаро Перес, глава пресс-центра «Караколь», забирает меня на своей машине. По дороге он спрашивает у меня:

– Слышно что-нибудь о твоем немецком друге?

– Он был здесь две недели назад и оставил мне вот это. И я показываю ей свое кольцо с бриллиантом чистейшей воды, в четыре раза крупнее, чем камни Густаво.

– Сними это безобразие, прежде чем Мабель решит, что это подарок Пабло, и уволит тебя за то, что ты опять связалась с дурной компанией.

– Пабло никогда не подарил бы мне венчального кольца, Ампаро, потому что он уже женат.

Но я все же переворачиваю кольцо камнем внутрь, потому что люди думают, что в этой стране только у Пабло Эскобара есть деньги на бриллианты.

На следующее утро мой жених звонит мне, чтобы спросить, как прошел первый день съемок и посвященный этому событию

банкет. Я описываю ему сьемки в вечерних сумерках, среди туч ненасытных москитов, да еще и в адской жаре, которая с учетом софитов превышает сорок пять градусов. После короткого молчания и с нескрываемой печалью в голосе, он говорит мне по-немецки:

– Я не понимаю, зачем ты подписала этот контракт. И еще… Есть кое-что, что я должен сказать тебе. По дороге от твоего дома до аэропорта за мной следили… Я знаю, кто это. Думаю, он по-прежнему любит тебя, Малыш.

Земля уходит у меня из-под ног. Как я могла быть такой идиоткой? Почему до сих пор не поняла, ЧТО из себя представляет Пабло Эскобар? Мне следовало понимать, что, человек, обокравший меня в 1988 году, с которым мы не общались три с половиной года, звонил не для того, чтобы выразить свои теплые чувства. Он хотел удостовериться, что слухи верны: я обижена на мужчину, которого оставила, или на его семью и поэтому могу быть полезна.

Прежде чем в ужасе повесить трубку, я успеваю сказать ему, также по-немецки:

– Нет, нет и нет. Уже давно он не любит меня. Все гораздо хуже. Не звони мне больше. Я сама свяжусь с тобой завтра и все объясню.

Через пару дней, в полночь, звонит Пабло:

– Мы оба знаем, что ты забываешь своих мужей и кавалеров на следующий же день после того как бросаешь их. Не так ли, любовь моя? Не знаю, как это тебе удается, но ты всегда находишь им замену за 48 часов. То, как поступает с тобой «Караколь» – это *vox populi*. Я же хочу обеспечить твое будущее. Меня действительно волнует твоя судьба. Ты ведь не молодеешь. Или я ошибаюсь? Я вышлю тебе в письменном виде серьезное предложение. Не забывай, что СМИ будут писать о тебе то, что я захочу: достаточно позвонить им несколько раз и сообщить что-нибудь интересное, и ты никогда больше не найдешь работу. Прощай, любовь моя.

В записке говорится, что у него уже есть вся необходимая информация, но ему нужна моя помощь. Предложение заключается в двадцати пяти процентах с «прибыли» и сопровождается списком: адреса проживания и частные телефоны, данные о состоянии финансов, имена детей – если таковые имеются, дата ближайшего приезда моего друга в Колумбию и моей поездки в Европу. На другой странице, с именами и вырезками из газет, приклеенными на страничке желтой бумаги идет дополнение:

«Экстренное сообщение радио «Караколь»!

Говорит Ямид Амат!

При попытке похищения был убит сеньор такой-то, сын сеньоры такой-то, жены сеньора такого-то, президента Совета директоров фирмы такой-то, расположенной в городе таком-то. Бывшая ведущая новостей Вирхиния Вальехо, обвиненная в причастности к данному преступлению, задержана и препровождена для допроса в тюрьму».

Часами я ломаю голову над тем, как ему удалось добыть имена. Вспоминаю, как он сказал однажды, восемь лет назад: если хорошо все спланировать, любое злодейство может стать реальностью. Я полагаю, что кто-то из его окружения летел тем же самолетом, что и мой жених. Уже в Германии, после нескольких дней слежки, они выяснили, о ком идет речь. Другой вариант: он следил за мной в один из моих приездов в Германию. Я спрашиваю себя, знает ли он о моих отношениях с Интерполом и мог ли подозрительный человек, встреченный мной в зоопарке, быть его наемником? Может быть, письма и фотографии, полученные моей предполагаемой свекровью также проявление его мести? Я взвешиваю все факты. В голову приходит мысль о том, что в офисе моего жениха очень легко можно навести о нем справки. Я знаю, что когда речь идет о легких деньгах и, к тому же немалых, для Пабло «Париж стоит мессы». Когда он снова звонит мне, на этот раз на рассвете, он заявляет, что рано или поздно, с моей помощью или без нее он добьется своего.

– Видишь ли, достаточно пары звонков в АДБ, и ты проведешь несколько лет за решеткой, пока власти будут выяснять, лгут ли мои свидетели. И кому же они поверят, как ты думаешь? Масе и твоим врагам, или тебе, бедняжке? Так что подумай серьезнее над моим предложением. Что не отдаст эта старая нацистка, чтобы вновь увидеть своего сыночка? Правильно я говорю, любовь моя?

Я словно окаменела, пока он объяснял – короткими фразами, с большими паузами, в хорошо знакомой мне манере, – что я нужна ему, чтобы ускорить реализацию его замыслов. В противном случае на подготовку уйдут месяцы. У него, видите ли, нет переводчиков, которым он может доверять, да еще владеющих несколькими языками. Выбор, который мне предстоит сделать, – это не «серебро или свинец» – потому что он знает, что смерть меня не пугает, а деньги или тюрьма! Через несколько

дней он позвонит мне, а затем продемонстрирует, что говорил всерьез. И он повесил трубку.

Мне позвонила Стелла Токансипá, журналистка, ответственная за статью обо мне в журнале «Семана». Она сказала, что предпочла уволиться, но не писать обо мне гадости, как того требовали ее руководители. Другой человек, не обладающий отвагой и принципиальностью Стеллы, напишет все, что ему продиктуют.

«El Tiempo» не отстает и публикует новые сведения о моей шикарной жизни. Теперь я – любовница еще одного наркобарона, имени которого никто не знает. Из телеведущей я якобы превратилась в отъявленную воровку, помешанную на предметах роскоши. Поэтому меня якобы вновь безжалостно избили, изуродовав при этом лицо. Совершенно ясно, что, распуская подобные слухи, Эскобар дает мне понять, что какой бы мужчина ни появился рядом со мной, журналисты, под диктовку одного из ставленников Пабло, окрестят его «очередным наркобароном, пока что неизвестным широкой публике». И что вместо того, чтобы проводить жизнь в одиночестве и сидеть без работы, мне бы уже пора начать думать о деле, отставив в сторону принципы. Представители власти, которые не сидят на зарплате у Пабло, находятся на службе у моих врагов, так что я не могу заявить о шантаже со стороны Эскобара. Гнусные вымыслы, телефонные угрозы и глумление, которые преследуют меня даже по дороге в супермаркет, доводят меня до анорексии. В течение нескольких дней я всерьез подумываю о самоубийстве.

Но затем я вдруг вспоминаю об Энрике Парехо Гонсалесе. Будучи министром юстиции от партии «галанистов», он подписал первые постановления об экстрадиции, сменив на этом посту Родриго Лару, убитого по приказу Эскобара. В 1987 году он возглавил посольство Колумбии в Венгрии и стал единственным человеком, который выжил после покушения, организованного лично на него Пабло Эскобаром: пять выстрелов в упор в гараже его дома в Будапеште, три из них в голову. История этого храброго человека – сейчас, чудесным образом полностью восстановившего здоровье, как нельзя лучше демонстрирует, насколько далеко от Колумбии может простираться власть наркобаронов, если речь заходит о мести. В моей стране, где предпочитают забывать о прошлом, Эскобар не прощает ничего.

Я знаю, что у Пабло уже достаточно информации о семье моего жениха. Но инстинкт подсказывает мне, что до тех пор, пока мой возлюбленный находится вдали от Колумбии, а я вдали от Германии, с ним ничего не произойдет. Целую ночь я размышляю на эту тему. Моя совесть подсказывает мне

единственно возможное решение: я останусь одна. А так как у меня нет достаточно свежего материала, чтобы представить его в одно из международных артистических агентств, я приму свою судьбу и буду жить в этой стране. Из переговорной кабины «Телекома» я звоню своему жениху и прошу о срочной встрече в Нью-Йорке. В самый печальный день моей жизни я возвращаю ему кольцо и говорю, что, пока жив этот монстр, мы не должны видеться. И лучше не звонить мне, потому что иначе его похитят или убьют, а меня обвинят в соучастии. Пройдет более шести лет, прежде чем мы освободимся от обстоятельств. Но к концу 1997 года он будет уже очень болен, а для меня начнется последнее из испытаний, оставленных мне в наследство Эскобаром.

Вернувшись в Боготу, я меняю номера телефонов, а новые не сообщаю никому, за исключением четырех человек. Я так напугана возможностью похищения, что когда две мои близкие подруги спрашивают о моем бывшем женихе, я отвечаю, что это было лишь еще одной из многочисленных фантазий СМИ.

Конституционная Ассамблея 1991 года начиналась в атмосфере надежды и диалога, в котором принимали участие традиционные партии, вооруженные группировки, национальные и религиозные меньшинства и студенты. Антонио Наварро из «М-19» и Альваро Гомес из Консервативной партии пожимают друг другу руки. Через несколько месяцев в Конституцию вносят поправки и отменяют экстрадицию. Все, и герои, и злодеи, готовятся к началу новой эры под эгидой взаимопонимания и согласия.

Но в стране, где правовое государство всегда приносится в жертву худому миру, нужному для того только, чтобы амнистировать очередную наркогруппировку, в сотый раз обойдя закон и избегнув экстрадиции – все не так просто. В начале девяностых появляются «Лос Пепес» – «преследователи Пабло Эскобара». Ни для кого не секрет, что эта организация укомплектована вооруженными боевиками. Во главе стоят братья Фидель и Карлос Кастаньо, из картеля Кали, перебежчики из Медельинского картеля. В «Лос Пепес» вошли также полицейские и служащие сил внутреннего правопорядка, так или иначе пострадавшие от действий Эскобара. Ну и конечно, не обошлось и без помощников из-за рубежа, в лучших традициях контрас.

После очередной и, как казалось, окончательной отмены экстрадиции, чтобы защититься от «Лос Пепес», которые преследовали его все безжалостнее, Эскобар заявляет, что готов сдаться. Но для этого в его родном городке Энвигадо, на указанной им площадке в 3 гектара, для него должны построить специальную тюрьму. Там он укроется с самыми преданными

людьми, под охраной отобранного им самим персонала. Тюрьма должна иметь обзор в 360 градусов и защищенное воздушное пространство. По всему периметру должна проходить проволока под напряжением. Это учреждение необходимо оборудовать всеми современными удобствами и развлечениями – так в Колумбии выглядит, применительно к богатым людям, чудесная юридическая формула, именуемая «домашним арестом».

Правительство Гавирии, устав воевать с Эскобаром, отвечает:

– О'кей! Строй себе футбольное поле, бар, дискотеку, принимай там, кого захочешь, но дай нам передышку.

Сдача Пабло властям превращается в событие года. Помешанный на своей безопасности, он требует, чтобы ни один самолет не нарушал воздушного пространства Медельина в тот день, когда он будет предавать себя в руки правосудия. Он едет в окружении вереницы автомобилей, полицейских и СМИ из всех стран мира, к своему новому убежищу, строительство которого было оплачено колумбийским правительством.

Проблема отчаявшегося президента и всех порядочных людей Колумбии заключается в том, что они недостаточно знают хозяина виллы «Марионетас»[261]. Все верят в то, что он устал и у него наконец появились благие намерения. Но из этой тюрьмы, которой дано имя «Ла катедраль» (*исп.* – храм), он железной рукой продолжает управлять своей преступной империей. В свободное время он приглашает футбольных звезд, таких как Рене Игита[262], поиграть с ним и его ребятами. По вечерам, прежде чем предаться заслуженному отдыху, он развлекается с дюжиной веселых девочек. Как король во дворце в окружении пышной свиты, он принимает только тех, кого хочет видеть: свою семью, своих политиков, своих журналистов и глав других наркокартелей страны, тех, которые еще не спелись с «Лос Пепес». Все говорят о том, что в Колумбии криминал, похоже, стал выгодной и респектабельной профессией. Но любой протест по поводу этой ситуации подавляется во имя хрупкого мира. Потому что Пабло наконец-то «остепенился».

Теперь уже только третья в стране радиостанция готова предложить мне работу, причем с условием, что я приведу рекламодателей для своей передачи. Карлос Сармьенто Ангуло на тот момент является самым богатым человеком Колумбии. Я умоляю его спасти меня, потому что среди медиамагнатов, совершенно очевидно, существует сговор с целью уморить меня голодом. Этот благородный человек предоставляет радиостанции «Тоделар» рекламный контракт на десять миллионов долларов ежемесячно. Радиоканал платит мне оговоренные сорок процентов. Это позволяет мне впервые за несколько лет не

беспокоиться о хлебе насущном. Так как у меня нет офиса, мой телефон снова становится известен многим людям. (После смерти Эскобара контракт со мной будет аннулирован без всяких объяснений, а «Тоделар» заберет себе сто процентов выручки от рекламы.)

Однажды Глубокая Глотка рассказал мне, что его друзья на днях навестили Пабло в «Храме». Кто-то из них упомянул, что один его знакомый видел меня не так давно в одном из ресторанов Боготы и что я настоящая красавица. Далее этот человек сказал, что он многое бы отдал, чтобы закрутить со мной роман. Услышав это, Пабло воскликнул:

– А разве ваш друг не в курсе, что Вирхиния хотела отнять яхту у одних наших общих знакомых? Они даже вынуждены были прибегнуть к жестким мерам, чтобы отвязаться от нее. Мне жаль вашего друга: похоже, он ослеп и ему следует носить очки! Зачем кому-то может понадобиться эта старушка, когда вокруг полно молоденьких телок! Она всего лишь одинокая сорокалетняя баба, к тому же без гроша в кармане, вынужденная работать на дрянной радиостанции, чтобы не помереть с голоду, потому что ни одному телеканалу она больше не нужна!

Мои друзья не могли поверить тому, что услышали, – продолжал рассказывать Глубокая Глотка, пребывая в очевидном замешательстве. – Они не ожидали такого от Пабло. Представь, один из них хорошо знаком с Рэмбо – Фиделем Кастаньей, главой Объединенных сил самообороны[263] Колумбии. Несколько дней назад мы были в гостях у этого друга в Кордобе. Туда приехал какой-то тип на велосипеде. Он поболтал с нами немного, а затем уехал, так же как и приехал: в одиночку, крутя педали. Это и был Фидель Кастанья. В этой стране все друг друга знают… Пусть себе мочат друг друга! Этот самый Рэмбо как будто сделан из стали: на велосипеде и безоружный, но никто в здравом уме не посмеет сунуться к нему. Этот тип рано или поздно покончит с твоим Паблито Неблагодарным.

– Благослови Бог Паблито Собственника… Не мог бы ты описать Рэмбо во всех красках ненависть, которую Эскобар испытывает ко мне? Тогда, может быть, «Лос Пепес» оставят меня в покое. Попроси твоего друга, пусть он расскажет Кастаньо о людях, которые звонят мне посреди ночи, заводят рядом с телефоном бензопилу и шепчут, что они специально заточили ее для «шлюхи психопата из Энвигадо». Ты даже не представляешь, в каком ежедневном кошмаре я живу. Каждый день в восемь вечера я выхожу с работы и стою на улице в ожидании такси. Когда мимо проезжает джип с затемненными стеклами, я думаю, что это «Лос Пепес» приехали по мою душу! Скажи ему, что я умоляю его

остановить эти угрозы! Я всего лишь еще одна жертва Пабло, единственная выжившая. И пусть он даст мне интервью, для третьесортной радиостанции и расскажет, как он думает покончить с Монстром из «Храма».

Уже через несколько дней количество звонков значительно уменьшается. Кажется, что на этот раз мои бедность и «старость» сыграли мне на руку и я оказалась под покровительством основателя «Лос Пепес». Я могу передохнуть до тех пор, пока не появится очередной враг Пабло. Потому что в том, что касается угроз, меня не пугали, разве что ракетой из Пентагона или ядерной боеголовкой из Кремля.

Бензопилы превращаются в популярное орудие всех вооруженных группировок. Однажды я прочла, что где-то в департаменте Антиохия (или Кордоба – уже точно не помню) – где находился центр операций Объединенных сил самообороны Колумбии – крики жертв были слышны из одного до другого края городка, в то время как боевики под кайфом насиловали женщин на глазах у их малолетних детей. Когда Эскобар узнал, что группировки Монкадо и Галеано, его партнеров, утаили от него, соответственно, пять и двадцать миллионов долларов, он пригласил их в свою «тюрьму» и четвертовал их при помощи бензопилы, на которую, кстати, не потребовалось специального разрешения, потому что инструмент использовался при строительных работах на территории тюрьмы. Он заставил их сознаться, где находится тайник. При помощи своих подельников, оставшихся на воле, он забрал себе его содержимое. Затем нашел всех партнеров и казначеев обеих организаций и под пытками заставил их передать ему оставшиеся капиталы, включая земельные наделы, пастбища, самолеты и вертолеты.

Когда слухи о том, что прямо под носом у своих стражей и на территории собственной тюрьмы Эскобар построил карцер и кладбище для своих врагов, достигают президентского дворца, у Цезаря Гавирии лопается терпение. Заместитель министра юстиции, сын моих давних друзей, отправляется с проверкой, чтобы выяснить действительно ли нечто столь вопиющее имеет место, или же это лишь слухи, распускаемые картелем Кали и семьями Монкада и Галеано. Эскобар, узнав о том, что армейские подразделения приближаются, чтобы перевести его в другую тюрьму, решает, что правительство задумало передать его УБН. Как только молодой чиновник появляется на пороге, Эскобар берет его в заложники. В результате целого ряда нестыковок, относительно которых существуют различные версии, Пабло беспрепятственно покидает тюрьму на глазах у охраны и уходит от погони подземными туннелями, над созданием которых его

сообщники трудились все предыдущие месяцы. Начинается прямая теле– и радиотрансляция. Однако новый директор новостного выпуска компании «Тоделар» в течение всего вечера не разрешает мне приближаться к микрофону. Тем временем Пабло убеждает Ямида Амата, директора радио «Караколь», в том, что он вот уже три часа скрывается в огромной трубе поблизости от собственной тюрьмы. На самом же деле он давно уже очень далеко, в сельве.

Я счастлива, потому что понимаю, что, сбежав, Пабло подписал себе смертный приговор. Немедленно создается полицейское спецподразделение, так называемый «Поисковый отряд», бойцы которого проходили обучение в США с единственной целью: покончить с Эскобаром. С первого же дня «Лос Пепес» оказывают им всяческое содействие. Следует период интенсивных тренировок, в которых принимают участие «морские котики», группа «Дельта» и Управление по борьбе с наркотиками. ФБР и ЦРУ присылают подкрепление из ветеранов Вьетнама. К ним присоединяются немецкие, французские и английские наемники – за совокупное вознаграждение в двадцать пять миллионов долларов. Всего около восьми тысяч человек из разных стран получают деньги за поимку одного-единственного человека, которого американцы предпочли бы заполучить живым, а колумбийцы мечтают увидеть мертвым. Потому что только смерть гарантирует его молчание.

В отместку за допросы и зверские убийства боевиков, совершаемые от имени правового государства, Эскобар еженедельно взрывает одну бомбу за другой, а его подельники, ставшие волей обстоятельств телезвездами, появляются на обложках журналов и на первых полосах всех печатных изданий. Как если бы Пабло был лидером Сопротивления, СМИ публикуют все их слова и все, что Пабло велит им сказать:

– Терроризм – это атомная бомба бедных! Хоть это и против моих принципов, но я вынужден прибегнуть к ней!

Пабло Эскобар всегда знал, как сойти за бедняка, когда ему это было выгодно. В 1993 году я чудом спаслась во время одного из самых ужасных терактов, в торговом центре ’93, но я разрыдалась, увидев оторванную голову маленькой девочки, заброшенную на фонарь и сотни убитых и раненых.

К этому времени я уже продала мою квартиру, потому что не могла больше терпеть телефонную прослушку и оскорбления. Я сняла квартиру в элегантном домовладении «Ресиденсиас Эль Ногаль», где жили бывшая первая леди и родственница моего отца, три сына бывших президентов и племянница Санто-Доминго. Все их телохранители гарантируют мне относительную

безопасность. Полдюжины жильцов состоят со мной в той или иной степени родства, и я, наконец-то могу отдохнуть от ночных звонков и шума бензопилы. После продажи квартиры Глубокая Глотка попросил у меня взаймы две с половиной тысячи долларов. С того дня я его больше не видела. Но я сказала себе, что информация, полученная от него за последние шесть лет, стоила гораздо дороже.

Перед исчезновением мой информатор сказал мне, что Пабло скрывался в домах, которые заранее скупал в небогатых районах Медельина. Я удивилась, поскольку на одном из самых секретных этапов наших отношений, люди, которые отвечали за мою доставку, упоминали, что ему принадлежали несколько сотен сельских домиков, разбросанных по всей провинции Антиохия. От друзей Глубокой Глотки я узнала, что «Лос Пепес», при поддержке «Поискового отряда», «полны решимости похитить ближайших родственников Пабло, чтобы обменять их на полицейских, которые попали в руки Эскобара». Он все отдаст за возможность вывезти семью из страны. Я уверена, что он оставит прощание до того момента, когда у него уже не будет выбора, ведь почти наверняка он их больше не увидит. В этот день его сердце будет разбито на миллион кусочков. Если у него еще осталось сердце.

В любой стране Латинской Америки члены семьи Эскобара становились легкой мишенью для его врагов, которые могли похитить их и сделать инструментом шантажа. Соединенные Штаты никогда их не примут, а прямых рейсов в страны Ближнего Востока или Австралию из Колумбии не существует. В 1993 году – прежде чем вступил в силу договор 2001 года о Шенгенской зоне – Германия была единственной европейской страной, напрямую связанной с Колумбией авиасообщением. Колумбийцы могли ездить в Германию без виз и в режиме облегченного таможенного контроля. Я знаю, что некоторые родственники Пабло уже находятся в Германии. Совершенно очевидно, что рано или поздно его жена, дети, его мать и братья также попытаются укрыться в Европе.

Я чувствую к ним лишь глубокое сострадание. Но гораздо сильнее мое сострадание к семьям убитых им людей, и жалость к себе. После десяти лет унижений и угроз, я чувствую моральную ответственность за всех убитых Эскобаром и ощущаю на себе гнев его врагов. Окончательно переполнила чашу моего терпения смерть Венди. Как-то раз, на обеде, устроенном Карлосом Ордоньесом, великим гуру колумбийской кухни, я познакомилась с известной комедийной актрисой, которая была замужем за дядей Венди. Эта женщина рассказала мне, что Венди была убита по приказу Пабло во время одной из поездок из Майами, где она

в то время жила, в Медельин. И это при том, что Эскобар обожал Венди и оставил ей состояние в два миллиона долларов, что в 1982 году было эквивалентно сегодняшним пяти. Мы с ней были противоположностями во всем и никогда даже не были знакомы. Тем не менее история аборта у ветеринара повергла меня в ужас. Я приняла ее очень близко к сердцу. Думаю, что вовсе не глумление СМИ и не насмешки Пабло, а именно убийство этой женщины стало последней каплей. Еще шесть лет назад Хильберто предупреждал, что когда-нибудь Пабло захочет убить и меня. Из какого-то высшего, нематериального мира, необъяснимая сила, может быть душа этой бедной женщины, которая любила его почти так же сильно, как я, сказала мне, что пришел час внести свою лепту в то, чтобы весь этот кошмар прекратился.

Я шесть лет ждала этого момента. Хорошо все обдумав в течение нескольких дней, я наконец приняла решение. В конце ноября 1993 года я направилась в «Телеком» и из отдельной кабины позвонила в одну европейскую организацию со штаб-квартирой в Страсбурге. Кроме того, я позвонила брату моего жениха. Я знала, что могу на него положиться. В течение следующего получаса я объяснила этому человеку, почему, по моему мнению, члены семьи Эскобара могут направиться в Европу, а, если точнее, во Франкфурт. Используя все возможные аргументы, я попросила его объяснить германскому правительству, что на другой же день после того, как его семья окажется в безопасности, у Эскобара будут развязаны руки, чтобы расквитаться с моей страной. Сотни людей самых разных национальностей до сих пор не смогли добраться до него. Но все указывает на то, что «Поисковый отряд» и американцы обложили его со всех сторон благодаря самой совершенной в мире системе отслеживания телефонных звонков. Эскобар очень осторожен, но через несколько недель или месяцев его все же поймают и покончат с ним.

Через несколько минут разговора мой друг спрашивает, почему меня так волнует эта тема и откуда мне известен *modus operandi* террориста мирового масштаба.

Я не хочу объяснять ему, что десять лет назад Эскобар тратил миллионы долларов на авиационный керосин, только затем, чтобы заполучить меня в свои объятия. Мне также не объяснить ему, что перед умной и свободной женщиной, которая его любит и понимает, мужчина позволяет себе раскрыться и обнаружить свои слабости, которые никому более не известны. Человеку на другом конце провода я могу сообщить только, что знаю каждый изгиб мозга этого монстра лучше, чем кто-либо во всем мире, и

как никто знаю его ахиллесову пяту. Я чувствую, что собеседник удивлен и потрясен. Я продолжаю:

– Эскобар будет сходить с ума в поисках страны, которая примет его семью, потому что «Лос Пепес» поклялись уничтожить их как тараканов. Некоторые из его сообщников уже укрылись в Германии и, если вы позволите въехать в страну его семье, вслед за ними рано или поздно прибудет он сам, а за ним последуют «Лос Пепес». Эскобар сейчас является лучшим в мире организатором похищений людей. Как только он прибудет в Германию, боевики из «Баадер-Майнхоф» покажутся вам выпускниками младшей группы детского сада. Если не верите, попросите вашего брата показать письмо, которое Пабло Эскобар прислал мне три года назад.

С упреком в голосе брат моего возлюбленного отвечает мне:

– Малыш, он сейчас живет в США. Он устал тебя ждать и снова женился в марте этого года. Сначала я переговорю с ним, а потом с одним моим другом в Вашингтоне, который специализируется на борьбе с терроризмом, чтобы понять, что происходит. Этот человек владеет информацией. Я по-прежнему не понимаю, почему ты так уверена, что эти люди собираются перебраться в Германию. Но я все разузнаю и, как только буду владеть информацией, позвоню тебе.

Не только в ясный день можно увидеть вечность. Я смогла ее разглядеть в самые темные и печальные дни моей жизни. Но зачем, о господи, я сделала этот звонок? Я не знала, что получу известие, от которого мне станет так больно.

По дороге с работы, под проливным дождем, я думаю о том, что я самая одинокая женщина в мире. Как же это страшно когда рядом нет никого, кому можно рассказать о своих бедах! В эту ночь я засыпаю со слезами на глазах. На следующее утро меня будит телефонный звонок. Это мой бывший жених. Он говорит, что прекрасно понимает, что я чувствую после известия о его свадьбе. Я могу из себя выдавить только пару вежливых фраз, смысл которых сводится к тому, что я также понимаю, что чувствует он… По-французски он сообщает, что его брат начал задавать вопросы в Вашингтоне: все свидетельствует о том, что карьера нашего знакомого действительно на излете. Они попытаются убедить немцев усилить правила безопасности в аэропортах. Я желаю ему счастья в семейной жизни и, положив телефонную трубку, думаю о том, что единственное чувство, которое испытываю теперь к Пабло, это страстное желание, чтобы кто-нибудь покончил с ним как можно быстрее.

Во время обеда мне звонят из Страсбурга: мой друг (и брат моего жениха) просит меня поговорить с ним из кабинки

«Телекома». Он говорит, что понял наконец, что произошло между мной и его матерью, и спрашивает, думаю ли я, что Эскобар способен излить свой мстительный гнев на европейских граждан и европейские фирмы, находящиеся в Колумбии. Я отвечаю, что сейчас, когда его брат живет в Соединенных Штатах, мне гораздо спокойнее, потому что он стал бы первым объектом похищения для Эскобара в Германии. Я объясняю, что в другие времена Эскобар наверняка взорвал бы немецкое посольство или штаб-квартиры «Байер», «Сименс» или «Мерседес» в Боготе. Но он мало что понимает в германских вопросах. А в настоящий момент для того, чтобы спланировать крупные покушения, ему придется слишком часто пользоваться средствами связи и заниматься очень сложной логистикой. Однако страстное желание вывезти свою семью из страны заставит его сконцентрироваться только на этой задаче, что будет настоящим благословением для тех, кто хочет его поймать.

– Да, и предупреди людей в Берлине, что семья Эскобара наверняка полетит в воскресенье, чтобы не дать времени для обмена информацией правительственным организациям, которые могли бы запретить им въезд. Они не самоубийцы, чтобы лететь коммерческими авиалиниями, потому что об этом будет известно всем. Уверена, что они постараются скрыться на частном самолете. В Колумбии, за исключением авиапарка богатейших магнатов, который по понятным причинам семье Эскобара недоступен, нет частных самолетов, способных на такие дальние перелеты. Но картель вот уже пятнадцать лет арендует транспорт для своих нужд. В Панаме наверняка найдется десяток подходящих… Руку даю на отсечение, они попытаются прорваться в Европу. И если вы позволите им туда попасть через Франкфурт, менее чем через месяц «Лос Пепес» будут у вас с грузом бомб для семьи Эскобара. А сам Эскобар начнет планировать теракт в Кельнском соборе. Этот тип вот уже много лет мечтает взорвать Пентагон, именно так, я не преувеличиваю. Скажи им, что его слабое место – это его семья, он жизнь отдаст за жену и детей!

В воскресенье, 28 ноября, я еще спала, когда меня разбудил телефонный звонок. Звонили из Нью-Йорка, чтобы сообщить мне неожиданную новость:

– Ты была абсолютно права, Малыш. Они вылетели в Германию. Но они совершили ошибку, воспользовавшись «Люфтганзой». Мой брат переговорил с людьми на уровне правительства, и могу тебе сообщить, что наших беженцев встречает целая армия. Им не удастся осесть ни в Германии, ни в любой другой стране Европы. Их вернут в Колумбию, чтобы с его семьей поступили так же, как он поступал со своими жертвами.

Все уже решено, и об этом знают только десять человек. Ради твоей и нашей безопасности, не вздумай проболтаться. Эксперты из Вашингтона говорят, что он в панике будет метаться в поисках страны, которая их примет. Он в западне и продержится не больше месяца. Так что пожелай удачи Байеру, Шварцкопфу и Мерседесу!

В четверг вечером, когда я вернулась с работы, раздался телефонный звонок:

– Браво, Малыш! *The wicked witch is dead*[264]!

А затем, впервые за одиннадцать лет, в моей жизни наступила тишина. Пабло был мертв с трех часов того дня.

Сегодня праздник в преисподней

Через окошко иллюминатора маленького самолета, присланного американским правительством, я в последний раз вижу землю и небо моей родины. Девять часов полета могут показаться вечностью, но не для меня, привыкшей к постоянному одиночеству и отсутствию собеседников. За это время я еще раз обдумываю причины, по которым я направляюсь в США и смогу вернуться только затем, чтобы упокоиться навеки. События последних дней привели к тому, что я стала ключевым свидетелем в деле по налоговым преступлениям на территории двух стран. Также я прохожу свидетелем в судебных процессах исключительной важности: убийство кандидата на пост президента Колумбии, дело о двух миллиардах ста миллионах долларов, открытое в США, холокост во Дворце правосудия в Колумбии, отмывание денег на миллионы долларов… Сейчас я направляюсь в страну, которая спасла мне жизнь, в кошельке у меня две монетки по двадцать пять центов, а в памяти – имена многих сообщников Пабло.

Мне никогда не забыть того, что произошло после высылки его семьи из Германии. Голос Пабло на следующий день по всем радиоканалам, угрожающий превратить в мишени всех граждан страны, туристов и особенно немецкие фирмы. Этот голос для тех, кто его хорошо знал и мог слышать в других ситуациях, выдавал человека изможденного, отчаявшегося, загнанного в угол, измученного болью и неспособного больше никого запугать. Его семья, брошенная на произвол судьбы посреди элитного квартала «Санта-Ана», укрылась в отеле «Текендама», собственности полиции, которая, выполняя свой долг, защищала жену и детей своего палача, в то время как вся страна готова была разорвать их на части.

Днем, на работе, перед микрофоном, а вечером в одиночестве, перед экраном телевизора, я терпеливо ждала неизбежной развязки.

В следующий четверг, через четыре дня после неудачной попытки вывоза семьи, пребывая в отчаянии от того, что все страны мира отказались принять дорогих ему людей, Пабло разговаривал со своим шестнадцатилетним сыном в течение двадцати минут. Это была ошибка, которую в иных обстоятельствах Пабло никогда бы не совершил. Несмотря на то что с момента побега из «Храма» он был маниакально осторожен со средствами связи и редко пользовался своими телефонами, он совершает серию отчаянных звонков, чтобы решить вопрос

убежища для своей семьи, которую «Лос Пепес» поклялись прикончить. Помешанный на манипулировании СМИ, Пабло в деталях объясняет сыну, как именно отвечать на вопросы журнала, который в течение многих лет украшал свою обложку портретом Эскобара. Один дотошный офицер полиции, на протяжении пятнадцати месяцев неустанно отслеживавший переговоры Эскобара, с помощью триангуляционной системы радиолокации определяет его местонахождение и немедленно передает данные «Поисковому отряду». Уже через несколько минут полицейские находят дом в одном из кварталов Медельина. Они даже видят силуэт продолжающего телефонный разговор Эскобара в окне.

Эскобар и его телохранители также увидели полицейских. Началась перестрелка, которая, как и в случае с Бонни и Клайдом, продолжалась в течение целого часа. С пистолетом в руках, Эскобар, полуодетый и босой, пытается перебраться на крышу соседнего дома, но все напрасно: несколько секунд спустя он падает с двумя пулями в голове и еще несколькими в животе. Самый разыскиваемый в человек мире, враг народа номер один, в течение десяти лет подвергавший государство всем возможным унижениям в угоду своей мании величия, превратился в стопятнадцатикилограммового монстра, истекающего кровью на виду у двух десятков врагов, которые праздновали победу, потрясая оружием, обезумев от радости и гордости.

Тридцать миллионов колумбийцев буквально сходят с ума. Слова «Окончилась ужасная ночь», строки из национального гимна Колумбии, звучат на всех радиостанциях страны. До этого дня в нашей истории только два события вызывали такую всеобщую эйфорию: падение диктатуры генерала Рохаса Пинильи, – мне тогда было семь лет, – и победа в футбольном матче с Аргентиной со счетом 5:0. Тогда безумие толпы привело к смерти пяти человек. Я наблюдаю за всем этим в полном одиночестве и молчании, о чем позаботился счастливый директор новостного канала «Тоделар», состоящий на зарплате у Хильберто Родригеса Орехуэлы. Я могу сравнить масштабы этого буйного ликования только с теми, что описывал сам Пабло восемь лет назад, когда в полдень, под небом асьенды «Неаполь», он поклялся мне, что в момент смерти заберет с собой в преисподнюю только видение наших двух тел, слившихся в эпицентре трехсот шестидесяти градусов, помноженных на триллион триллионов.

Но это было очень давно. Когда жизнь – мучение, восемь лет становятся вечностью. Этот человек, который попал в мои объятия мальчиком, а покинул их взрослым мужчиной, готовым

превратиться в чудовище и войти в историю, добился своей цели: на глазах всего мира президент США Билл Клинтон, поздравляет «Поисковый отряд» с успешно проведенной операцией, а «все человечество», как поется в нашем гимне, «поздравляет Колумбию с освобождением». И пока дни напролет вся страна празднует, а приближенные Родригеса Орехуэлы в Кали рыдают от счастья, в Медельине десятки плакальщиц, сотни убитых горем людей и тысячи бедняков кидаются на гроб с телом Пабло, как будто надеясь унести с собой частицу его самого. Точно так же кидались они к нему одиннадцать лет назад в трущобах, где я влюбилась в него, когда он еще был человеком и выглядел как человек. Когда он хвалился не богатством, а храбростью и любовью, которые жили еще в его сердце. Сейчас же, при взгляде на это тело, изуродованное эгоизмом, невоздержанностью в еде и злобой, на лицо с усиками, как у Адольфа Гитлера, – «Поисковый отряд» взял в качестве сувенира одну их часть, а УБН другую – даже его собственная мать воскликнула:

– Этот человек не мой сын!

И я в слезах повторяю: «Этот монстр не мог быть моим любовником».

Мой телефон замолчал. Друзей не осталось, а враги Пабло наконец-то оставили меня в покое. Никто из моих коллег не звонит, понимая, что я не отвечу. «Сядь на пороге своего дома и жди, когда пронесут труп твоего врага», – говорю я себе, наблюдая на телеэкране море людей, двадцать пять тысяч человек, пришедших хоронить Пабло.

Вот он мой палач, мучитель всей страны, провожаемый ненавистью и проклятиями, покрытый позором, окруженный отбросами общества… А вот идут семьи его наемников, молодых людей, считавших его Богом, потому что ему удалось поставить на колени слабое, коррумпированное до мозга костей правительство. Потому что он был богат и смел как никто другой. Потому что поставил шах ненавистным гринго… Именно так: на каждую из жертв Пабло приходится по одному искренне скорбящему о нем. Ничья. Стараясь найти приемлемое объяснение этому факту, я рассуждаю:

– Но… двадцать пять тысяч… не многовато ли это для человека, который сотворил столько зла? Может быть, он все же делал и добрые дела? Может, эти толпы состоят не только из его сторонников, но и из тысяч благодарных бедняков? Может быть, одиннадцать лет назад, когда все начиналось, я не так уж и ошибалась? И я начинаю вспоминать, каким был Пабло в те времена, когда он был еще так молод, а я еще так наивна… Как ему пришло в голову отвезти возлюбленную в трущобы, а не на

Сейшелы и не в Париж… Как каждую неделю он отправлял за мной «Пегаса», чтобы не выпускать меня из своих объятий часами напролет… Как – ведь любовь делает нас лучше – каждый из нас пробуждал в другом стремление к прекрасному. Как он говорил, что я стану его Мануэлитой… Как он любил меня и как я любила его, мечтая, что он станет великим человеком.

Как же так случилось, что наши мечты обратились в прах, а разрушившие их погибли сами?

Когда всеобщее ликование улеглось, мое сердце словно превратилось в огромную красную луковицу, всего лишь луковицу из крови и плоти, с которой каждый час сдирают без всякой анестезии слой нервов, а затем безжалостно оборачивает метрами колючей проволоки, оставляя кровоточить до следующего часа. У себя в библиотеке я нашла «Двадцать поэм о любви» Пабло Неруды. Эта книга – единственное, что было связано с ним и что Пабло так и не смог отнять у меня в тот день, когда забрал деньги, рукопись, письма, кассеты, модель яхты «Вирхи Линда I» и «беретту», потому что книга затерялась на книжных полках среди сотен себе подобных. Я перечитываю Неруду и моего любимого поэта-самоубийцу Сильву[265] и в воображении оживают «призрачные тела, которые сплетаются с призрачными душами, а ночи беспросветны и полны слез». Я вспоминаю Пабло таким, каким он был осенью, шесть лет назад, когда мы виделись в последний раз, и «мой голос еще искал ветра, чтобы наполнить его слух»[266].

Я помню один из вечеров тех лет, когда мой тридцатитрехлетний любовник зарабатывал почти сто миллионов долларов в месяц и был любим самой элегантной красавицей Колумбии. Исполненный гордости, он покидал ее дом в окружении лучших друзей, чтобы отправиться в дом самого могущественного президента Колумбии, лелея в сердце мечту рано или поздно самому стать во главе правительства. В ту роковую ночь, полную гибельных предчувствий, словно «Ноктюрн» Сильвы, когда была обнародована видеокассета будущего министра Лары, Пабло в первый раз с ужасом осознал, что можно в одночасье потерять все, чем одарила его судьба. Все мы, бывшие там и все еще беззаботно счастливые, сделали вид, что не заметили «Песни отчаяния», которой заканчиваются «Двадцать поэм о любви» Пабло Неруды, это фаталистическое произведение, исполненное нежности, вдохновившей создателя фильма Il Postino[267]. Сейчас, когда сбылись все предчувствия, материализовались все страхи, я погружаюсь в океанические глубины душераздирающей боли. Я думаю о бесславном конце этого человека, приговоренного и проклятого словно Иуда. О

трагедии наших судеб, о невозможности что-либо изменить и о моей неспособности изменить самого Пабло.

Сейчас он одиноко упокоился в земле и его баюкает вечность. Я вспоминаю те моменты, когда он думал, что я сплю, и он нежно целовал меня, чтобы не разбудить. И продолжал целовать, чтобы убедиться, что я все-таки проснулась. Он говорил, что мое сердце способно вместить все мироздание, а я отвечала, что мне нужен только он один. Меня интересовало только его сердце, огромное золотое сердце человека, который ушел (и я не могла этому помешать), чтобы превратиться в монстра с куском свинца в груди. Это сердце льва, бившееся в груди человека, который не смог ничего изменить, но который научил меня чувствовать и оплакивать то, что изменить невозможно. И все это для того, чтобы в один ясный и не очень далекий день, его гнев и его страсть слились с моей болью в моих книгах и моей истории.

Эта старая книжечка, которую я много раз собиралась сжечь, хранит два его автографа и одно печальное четверостишие. Ее обложка истрепалась от слез, которые я проливала десять лет и десять месяцев, что прошли с той ночи запахов, шепотов и музыки крыльев. Теперь она лишь немой свидетель разбитых надежд двух любовников, разлученных судьбой. Возможно, когда-нибудь этот томик окажется за толстым музейным стеклом, где обычно оканчивают свои дни свидетельства прошедших историй любви и роковых страстей. Это все, что осталось мне от Пабло: через пять лет после его смерти двое воришек в Буэнос-Айресе профессионально «уведут» его золотые часы с бриллиантами, с которыми я не расставалась почти пятнадцать лет. Я не сожалела о них ни секунды, потому что никогда не жалею об утерянных драгоценностях. Я горюю по «заплутавшим птицам, вернувшимся издалека, чтобы затеряться в небесах, там, где мне уже не бывать»[268].

11 сентября 2001 года еще одна ужасающая фантазия Пабло Эскобара, придуманная им под небом асьенды «Неаполь», становится реальностью. Его планы в отношении Пентагона воплощаются в форме террористического акта, крупнейшего в истории западной цивилизации.

В ноябре 2004-го я увидела по телевизору одного из тех, кто подлежал экстрадиции. Он был в наручниках и проследовал в самолет Управления по борьбе с наркотиками, чтобы лететь в США. Ему было предъявлено обвинение в транзите 200 000 килограммов кокаина. Я могла только сказать себе: «Сегодня праздник в преисподней, Хильберто».

Так же, как он сам и его брат, я прибыла в эту страну на

самолете УБН. Но мой приезд был продиктован другими соображениями. В сентябре 2006-го, без суда и без всякого моего участия братья Родригес Орехуэла объявляются виновными по всем выдвинутым против них обвинениям и приговариваются к тридцатилетнему заключению. Их состояние в два миллиарда сто миллионов долларов поделено в равных частях между правительствами Колумбии и Соединенных Штатов.

Сегодня я могу только повторить: «Пути Господни неисповедимы!» Иногда он обрекает нас на долгие мучительные страдания, потому что он избрал нас в качестве катализаторов странных, непредсказуемых, и подчас, исторических событий.

Из земли извлекают череп. Это все, что осталось от Пабло: его полусгнившая голова, покрытая позором. Через тринадцать лет после смерти его тело было эксгумировано с целью установления отцовства. Мать Эскобара противилась этой процедуре. Я спрашиваю себя, кем же может быть эта женщина, мать его ребенка. Я чувствую теперь только глубокое сострадание к тем, кто когда-то любили его, а теперь ведут бесконечные сражения за его деньги, но не за его имя. Я думаю о боли тех трех-четырех женщин, которых он действительно любил, тех, кто мог пробудить его мечты или заставить страдать, тех, с кем он мог смеяться и ненавидеть. Я думаю о трех женщинах, прямо или косвенно причастных к его к гибели. Я думаю о его жене, ради которой он пожертвовал жизнью. Она давно изменила имя и живет в Аргентине. На какое-то время ее даже посадили там в тюрьму. Она отказалась от фамилии Эскобар и от имен, которые ее муж выбрал для своих детей, и, по сути, оставила его без потомков. Но она не отказалась от его денег. Мать другого его ребенка годами добивалась разрешения провести тест на отцовство. Венди, убитая трусливым наемником, который ненавидел возлюбленных Пабло и одевался в женское платье. После смерти Эскобара этот тип перешел к Хильберто и рыдал, как верная жена на похоронах, когда последнего экстрадировали. И, наконец, я, обреченная умереть с голоду в полнейшем одиночестве, отданная на растерзание стае волков.

«Что бы вы сказали Пабло, если бы могли поговорить с ним пять минут?» – спрашивает меня милая девочка, которая родилась 25 декабря 1993 года, три недели спустя после смерти Эскобара.

Размышляя о страданиях тех, кого он безумно любил и о тех из нас, которые любили его – убитых или разоренных Пабло, беззащитных перед угрозами его злейших врагов, смешанных с грязью журналистским сбродом, опороченных бездушными наемниками, ставших объектом шуток его ничтожных

родственников, – я ответила не колеблясь:

Я бы спросила его, кем он стал в следующей жизни. Быть может, одной из девочек Дарфура[269], замученных двадцатью скотами, такими, каким когда-то был он сам. Или ангелом милосердия, таким как моя подруга, сестра Бернадетт из ордена матери Терезы. Или же воплотился в очередную и окончательную версию Антихриста.

Думаю, что из непостижимой вечности ледяных ночей и бесконечного одиночества не получивших искупления, его голос ответит мне: «Любовь моя! Ты же прекрасно знаешь, что мы, демоны, когда-то были ангелами». А затем, перед тем как исчезнуть навсегда в одном из тысяч миров, темных как небо, лишенное луны и звезд в самую глубокую полночь, эта черная душа, скорее всего, добавит: «Знаешь, я наконец понял, как действует закон причины и следствия. Ты была права, Вирхиния. Быть может, если бы там внизу, на земле, ты сорвала по лепестку у миллиона лилий, отсюда мне бы удалось заставить мерцать миллионы звезд…» – Мой небесный свод, liebchen, всегда в огне, отвечаю я, улыбаясь этой все понимающей мудрой девочке.

Прошло восемьдесят шесть дней с момента моего прибытия. Я обживаю небольшой пентхауз, похожий на тот, о котором я всегда мечтала. Далеко внизу, отделенный от меня тридцатью пятью этажами, находится финансовый квартал Брикелл. Вокруг – несколько десятков шикарных кондоминиумов, изрезанных широкими проспектами и украшенных одинаковыми, словно клонированными, пальмами. Наконец-то в любое время дня и ночи я могу смотреть на море, которое всегда было мне необходимо, как вторая кожа. Я могу наблюдать за парусниками и яхтами, спешащими проплыть под мостом. Любуюсь чайками, которые танцуют напротив моего балкона на фоне безупречно синего неба. Я очень сильно и очень искренне счастлива: я не могу поверить в то, что после двадцати лет угроз и оскорблений, восьми лет страха и нищеты, мне довелось увидеть море, ощутить свободу и покой прежде, чем солнечный свет погас для меня навсегда.

С наступлением вечера я выхожу на балкон, чтобы полюбоваться луной и звездами. Словно восторженный ребенок я провожаю взглядом самолеты, летящие со всех концов света, полные туристов, дельцов и иллюзий. Я разглядываю вертолеты, которые снуют между аэропортом и Саут Бич[270]. Чуть дальше, на Ки Бискейн[271], кто-то празднует день рождения, запуская фейерверки и швыряя на ветер целое состояние. Мириады огней, отраженных в водах залива, кажутся мне улыбкой Господа. Вдалеке слышны гудки кораблей. На земле и в небе рокочут

моторы. Эта музыка жизни, смешавшись с запахом селитры и теплым бризом, убаюкивает меня, словно давно забытая мелодия. Тысячи рекламных огней зажигаются на фасадах банков и офисов. Город внизу переливается разноцветными огнями. Сердце мое переполняет благодарность. Я наблюдаю за этим финансовым раем, который вскоре обещает стать новым, тропическим, Манхэттеном. Похоже, что оставшиеся ночи моей жизни будут сверкать, словно рождественская елка.

Этот спектакль – настоящий праздник для моих чувств. Я спрашиваю себя, возможно ли, что когда-нибудь я смогу страстно полюбить на этой благословенной земле, где я когда-то была так счастлива и где почти все мечты становятся реальностью. Недаром символом этой страны стала статуя Свободы. Здесь есть Великий Каньон, Курганы Кахокии[272], Калифорния, Нью-Йорк и университеты, где сотни лауреатов Нобелевских премий учат думать будущие поколения. Здесь живут тысячи изобретателей, архитекторов, инженеров, чьи мечты становятся реальностью. Здесь процветают гигантские кинокорпорации, музыкальные студии и спортивные ассоциации. Люди этой страны побывали на Луне, создали «Хаббл» и зонд «Галилео». Это страна великих филантропов, тысяч народностей и наречий, мелодий и вкусов. Этой нации положили начало люди, преследуемые за свои убеждения, и предприниматели, которые, прибыв сюда с пустыми карманами, все вместе построили эту цивилизацию ценой множества жертв, руководствуясь лишь сумасшедшими амбициями, мечтой о свободе и верой в Бога.

Я всего лишь одна из множества тех, кого приютила эта земля. Одна из многих, высадившихся на этих берегах в поисках спасения от врагов или голода. Именно здесь я смогла наконец рассказать историю мужчины и женщины, принадлежавших к разным мирам, которые любили друг друга в объятой пламенем стране. Потому что там, где я родилась, мне бы вряд ли было позволено написать эту книгу, не говоря уже о том, чтобы ее опубликовать.

Через месяц после моего приезда Диего Пампин и Кристобаль Пера из «Рэндом Хауз Мондартори», одного из самых престижных издательств мира, с энтузиазмом встретили идею изложить мою собственную версию жизни одного из самых ужасных и противоречивых людей нашего времени.

Я надеюсь, что Пабло больше не появится в моих книгах, но в них останется Черная душа, Чудовище. Я собираюсь написать новые истории о любви и о войне, о стране миллионов погибших и трех миллионов беженцев. О стране, которую населяют самые жестокие и самые прекрасные люди на свете, навечно отданные

на растерзание преступникам и бандитам. О стране, где несколько династий, в окружении толпы шпиков и приспешников, из поколения в поколение попирают закон и распределяют по своему усмотрению должности и всевозможные блага. О стране, где так называемая политическая элита однажды обнаружила, как выгодно наводить золотые мосты между бандами, политическими партиями и СМИ. Очень скоро они откроют еще один источник наживы: покрывание преступников под эгидой всеобщего примирения, и яростные нападки в адрес тех, кто осмеливается разоблачать их.

Но еще Оскар Уайльд сказал, обращаясь к своим палачам:

> What seems to us as bitter trials
> Are often blessings in disguise.[273]

notes

Сноски

1

Луис Карлос Галан Сармьенто (29 сентября 1943 г. – 18 августа 1989 г.) – колумбийский журналист и либеральный политик, бывший дважды кандидатом в президенты Колумбии. Галан провозгласил себя врагом опасных и влиятельных колумбийских наркокартелей, главным из которых был Медельинский во главе с Пабло Эскобаром. После нескольких угроз Галан был застрелен убийцами, нанятыми наркокартелями, 18 августа 1989 года.

2

Альваро Урибе Велес – колумбийский политик, президент Колумбии с 2002 по 2010 г. В 1978–1982 гг. – генеральный директор Управления гражданской аэронавигации при Министерстве транспорта.

3

Мануэль Антонио Норьега Морено (Manuel Antonio Noriega) – панамский военный и государственный деятель, главнокомандующий Национальной гвардией Панамы, де-факто руководитель Панамы в 1983–1989 гг. Свергнут в 1989 г. в результате военной операции США в Панаме.

4

Neways International – компания сетевого маркетинга, занимавшаяся распространением БАДов (аналог «Гербалайфа»). В России – с 1994 г. Ее деятельность сопровождалась многочисленными скандалами и разбирательствами, связанными с обнаружением вредных и опасных веществ в ее продукции.

5

Los Pepes, акроним из испанской фразы «**Pe**rseguidos por **P**ablo **Es**cobar» – «Преследуемые Пабло Эскобаром» – колумбийская вооруженная группировка, состоявшая из противников наркобарона Пабло Эскобара. Вела войну против Медельинского наркокартеля в начале 1990-х гг., уничтожив более 300 его сторонников и тем самым нанеся значительный урон картелю.

6

Англ.: «Любовь – всегда трагедия. Истинная любовь страдает безмолвно». Фразы взяты из разных произведений. Первая фраза в оригинале звучит как «Every great love has its tragedy».

Движение «19 апреля» (El Movimiento 19 de abril). Название происходит от даты проведения президентских выборов 19 апреля 1970 г., на которых консерватор Мисаэль Пастрана Борреро одержал победу с небольшим перевесом над бывшим диктатором Густаво Рохасом Пинильей. Помимо действительно устрашающих акций, таких как захват посольства Доминиканской Республики или осада Дворца правосудия, они известны и довольно своеобразными выходками, такими, например, как кража шпаги из Дома-музея Симона Боливара и последовавшей вслед за этим политической акции под девизом «Боливар, твой меч снова в бою. За нами народ, с нами оружие, перед нами власть». Или кража оружия из военного гарнизона Кантон Норте в местечке Усакен на севере Боготы 31 декабря 1978 г. Прорыв 80-метровый туннель под улицей, они вынесли из военного гарнизона пять тысяч единиц оружия.

8

Операция «Кондор» – кампания по преследованию и уничтожению политической оппозиции (главным образом, коммунистов и социалистов) в ряде стран Южной Америки в 1970–1980 гг. Проводилась диктаторскими режимами Чили, Аргентины, Уругвая, Бразилии, Парагвая, Боливии при активной поддержке спецслужб США.

9

Белисарио Бетанкур Куартас (Belisario Betancur Cuartas; род. 4 февраля 1923 г., Амага, департамент Антьокия, Колумбия) – президент Колумбии с 7 августа 1982 г. по 7 августа 1986 г. Член Колумбийской консервативной партии.

10

Карлос Артуро Ардила Лулле – колумбийский предприниматель, основатель и руководитель «Organización Ardila Lülle», крупнейшего колумбийского конгломерата, который контролирует такие компании, как RCN TV, «Postobón, S.A.» и футбольный клуб «Atlético Nacional». Его личное состояние превышает миллиард долларов США.

11

Terra Caliente – Горячая земля. Колумбия климатически делится на четыре природных пояса, расположенных сверху (Анды) вниз (побережье): Ледяная земля – горная местность выше 4000 м над уровнем моря, зона постоянного снега и льда; Холодная земля, лежащая на высоте между 2000 и 3000 м, с температурой между 12˚C и 14˚C (в этом регионе находится столица Колумбии, Богота); Теплая земля на высоте от 1000 до 2000 метров, со средней температурой 18˚C; Горячая земля на высоте ниже 1000 метров, с постоянной температурой 24˚C.

12

Песня венесуэльского поэта Симона Диаса «Caballo Viejo» – «Старый конь».

13

Vallenato – колумбийский национальный музыкальный жанр.

14

«Sonora Matancera» – один из самых известных ансамблей кубинской африканской музыки, возникший в 1920-е гг. в городе Матансасе, на Кубе и существовавший вплоть до 2013 г. В 1960-е гг. ансамбль покинул Кубу и обосновался в Нью-Йорке, часто гастролируя по всей Латинской Америке.

15

«Los melódicos» – известный оркестр, исполняющий национальные танцевальные мелодии Венесуэлы.

16

Зебу – подвид дикого быка.

17

Samarian Gold – сорт марихуаны, считающийся лучшим в мире.

18

Sancocho – сытный суп из курицы или рыбы, заправленный юккой, рисом и картофелем.

19

Parrilliada – жаренное на решетке мясо, барбекю.

20

Чарльз Огастес Линдберг (Charles Augustus Lindbergh Jr.; 4 февраля 1902 г., Детройт, Мичиган – 26 августа 1974 г., остров Мауи, Гавайи) – американский летчик, ставший первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку (20–21 мая 1927 г. по маршруту Нью-Йорк – Париж).

21

Амелия Мэри Эрхарт (Amelia Mary Earhart; 24 июля 1897 г. – пропала без вести 2 июля 1937 г.) – известная американская писательница и пионер авиации. Была первой женщиной-пилотом, перелетевшей Атлантический океан, за что была награждена Крестом летных заслуг.

22

Рафаэль Урраса (Rafael Urraza) – испанский певец, обосновавшийся в Колумбии. Его почетное прозвище El Cantautor – означает автор-исполнитель собственных песен, певец, бард, менестрель.

23

Марта Ноэми Санин Посада (Marta Noemí del Espíritu Santo Sanín Posada de Rubio) – колумбийский политик, министр связи и массовых коммуникаций (1983–1986).

24

Paisa(s) – название жителей колумбийских департаментов: Антиокьи, Кальдас, Рисаральда, Киндио, Северной Толимы и севера долины реки Каука. Paisa – это сокращенное paisano – крестьянин, сельский житель. Знаменитая рекламная эмблема колумбийского кофе «Хуан Вальдес», изображающая фермера из региона Паиса, одетого в пончо, шляпу агуадено, с сумкой-карриэлем и в сопровождении мула, стала, как считается, триумфом рекламного коммуникативного дизайна.

25

Хосе Доротео Аранго Арамбула (José Doroteo Arango Arámbula, 5 июня 1878 г. – 23 июля 1923 г., Мексика), более известный как Франсиско Вилья, или Панчо Вилья, – один из революционных генералов и лидеров крестьянских повстанцев во время Мексиканской революции 1910–1917 гг.

26

«В то время (примерно до 1973 года) Дон Альфредо стал первым, кого в Колумбии назвали «Крестным отцом». Эта «война» началась в Колумбии и продолжилась в США. Дон Альфредо ввозил сигареты грузовиками, как и другие контрабандисты. Сигареты стали продавать на каждом углу, конкуренция росла, цены падали, и все понесли убытки. Тогда конкуренты начали убивать друг друга, сначала в Колумбии, а потом и в США». Материал взят из интервью Пабло Эскобара Херману Кастро Кайседе (Germán Castro Caycedo) в 1967 г., опубликованном в журнале «Cromos» 7 ноября 1994 г.

27

Альфонсо Лопес Пумарехо (Alfonso López Pumarejo) – президент Колумбии в 1934–1938 гг. и 1942–1945 гг. Член Колумбийской либеральной партии.

28

НК – начальные буквы в регистрационном номере самолета, обозначающие страну: Колумбия.

29

Началом применения кокаина стал 1859 год. Его стали использовать как стимулирующее средство, добавляя в напитки. В 1895 году Джон Смит Пембертон, изобретатель кока-колы добавлял небольшое количество кокаина в напиток, оттуда и появилось название. Позже, в 1904–1906 гг., правительство США обязало производителей заменить алкалоид на кофеин. В рекламном бюллетене «Кока-Колы» 1858 года указано, что напиток содержит кокаин.

30

«Божественная комедия» (La Commedia, позже La Divina Commedia) – поэма, написанная Данте Алигьери в период с 1307 по 1321 г. и дающая наиболее широкий синтез средневековой культуры и антологию мира. Настоящая средневековая энциклопедия научных, политических, философских, моральных, богословских знаний. Признана величайшим памятником итальянской и мировой литературы.

31

Зорро (El Zorro) – дословно: лис (*исп.*).

32

Альваро Гомес Уртадо (Alvaro Gomez Hurtado) – колумбийский адвокат, политик, писатель и журналист. Сын экс-президента Лауреано Гомеса.

33

Дэвид Стивел (David Stivel) – писатель, продюсер, кино– и телережиссер, работавший в Аргентине и Колумбии.

34

Франсуаза Саган (Françoise Sagan, 21 июня 1935 г., Кажар – 24 сентября 2004 г., Онфлер, Нормандия) – французская писательница, драматург, в 1985 г. удостоена премии князя Монако за вклад в литературу.

35

Бандерильеро – участник корриды, чья роль состоит в том, чтобы раззадорить быка, воткнув в него две бандерильи (коротких дротика-гарпуна с крючком на конце).

36

В конце 1981-го – начале 1982 г. при участии Медельинского картеля была сформирована военизированная организация, известная как «Смерть похитителям, МАС» (Muerte a Secuestradores, MAS), для защиты экономических интересов, борьбы против партизан и защиты местной элиты от похищений и вымогательств.

37

Карлос Энрико Ледер Ривас (Carlos Enrique Lehder Rivas) – колумбийский наркобарон, один из создателей Медельинского кокаинового картеля. Был арестован в 1987 году, позже выдан США, где был осужден за контрабанду и торговлю кокаином на пожизненное заключение без права досрочного освобождения на 135 лет.

38

Boeing 747, выпускаемый американской компанией «Boeing», часто именуемый «Джамбо Джет» (Jumbo Jet), или просто «747», – первый в мире дальнемагистральный двухпалубный пассажирский самолет. На момент своего создания Boeing 747 был самым большим и вместительным пассажирским авиалайнером.

39

«Приключения Тинтина» (Les Aventures de Tintin) – один из популярнейших европейских комиксов XX века. Профессор Турнесоль (Tournesol) – тип рассеянного и глуховатого профессора, гениального изобретателя.

40

Мария-Антуанетта (Marie-Antoinette) – королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии. Супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 года. После начала Французской революции была объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интервенции. Осуждена и казнена на гильотине.

41

Альфредо Стресснер Матиауда (Alfredo Stroessner Matiauda; 3 ноября 1912 г., Энкарнасьон, Парагвай – 16 августа 2006 г., Бразилиа, Бразилия) – парагвайский государственный и военный деятель, президент (диктатор) Парагвая с 15 августа 1954-го по 3 февраля 1989 г. Устроив военный переворот, установил репрессивный режим правого и антикоммунистического толка.

42

Луис Карлос Галан Сармьенто (29 сентября 1943 г. – 18 августа 1989 г.) – колумбийский журналист и либеральный политик, бывший дважды кандидатом в президенты Колумбии, в выборах 1982 года он проиграл, заняв третье место с результатом в 10,9 %.

43

El Mexicano – мексиканец.

44

Альфонсо Лопес Микельсен (Alfonso López Michelsen; 30 июня 1913 г., Богота, Колумбия – 11 июля 2007 г., Богота) – президент Колумбии с 7 августа 1974-го по 7 августа 1978 г. Член Колумбийской либеральной партии.

45

Доктор – уважительное обращение в Колумбии; господин, сеньор.

46

Эваристо Поррас Ардила (Evaristo Porras Ardila) – колумбийский наркоторговец, один из лидеров Медельинского картеля.

47

Родриго Лара Бония – колумбийский юрист и политик; занимал должность министра юстиции в правление президента Белисарио Бетанкура. Убит по заказу Пабло Эскобара.

48

Мария Горетти (16 октября 1890 г., Коринальдо (Corinaldo), Королевство Италия – 6 июля 1902 г., Ферриере ди Конка (Ferriere di Conca), Италия) – святая Римско-Католической церкви, мученица, покровительница девственниц, молодежи и жертв изнасилования. Св. Мария Горетти почитается среди католиков как символ телесной чистоты и девственности.

49

Симон Боливар (Simón José Antonio de la Santísima Trinidad Bolívar de la Concepción y Ponte Palacios y Blanco) – наиболее влиятельный и известный из руководителей войны за независимость испанских колоний в Америке. Национальный герой Венесуэлы. Генерал. Освободил от испанского господства Венесуэлу, Новую Гранаду (совр. Колумбия и Панама), Королевскую Аудиенсию Кито (современный Эквадор), в 1819–1830 гг. президент Великой Колумбии, созданной на территории этих стран.

50

По соглашению, заключенному в 1846 г. между США и Новой Гренадой (ставшей впоследствии Республикой Колумбия), США было предоставлено право свободного транзита через Панамский перешеек по всем путям сообщения, существующим или могущим быть сооруженными в будущем. Взамен США гарантировали нейтралитет перешейка. В 1903 г. в ходе «Панамской революции», Панама при непосредственной поддержке США отделилась от Колумбии, провозгласив себя самостоятельной республикой, хотя свободной она стала лишь условно, немедленно попав под влияние США.

51

Освободитель (Libertador) – титул, присужденный Симону Боливару муниципалитетом Каракаса 14 октября 1813 года за заслуги в ходе военной операции (la Campaña Admirable) в Венесуэльскую войну за независимость (1810–1823). Боливар освободил Венесуэлу от испанского колониального господства.

52

Мария Эва Дуарте де Перон (María Eva Duarte de Perón, также Эвита (Evita) – первая леди Аргентины, вторая жена 29-го и 41-го президента страны Хуана Перона.

53

Мануэла Саэнс (Manuela Sáenz, 27 декабря 1797-го или 1795 г., Кито, Новая Гранада – 23 ноября 1856 г., Пайта, Перу) – латиноамериканская революционерка, возлюбленная Симона Боливара.

54

Индекс запрещенных книг (Index Librorum Prohibitorum) – список публикаций, которые были запрещены к чтению Римско-католической церковью под угрозой отлучения.

55

Франциск Ассизский – католический святой, основатель нищенствующего ордена своего имени.

56

«Сухой закон» в США – национальный запрет на продажу, производство и транспортировку алкоголя, действовавший в США с 1920 по 1933 год.

57

Эрнесто Сампер Писано (Ernesto Samper Pizano) – колумбийский политик, президент Колумбии с 7 августа 1994-го по 7 августа 1998 г. Член Колумбийской либеральной партии.

58

Хорхе Эльесер Гайтан (Jorge Eliécer Gaitán; 23 января 1903 г. – 9 апреля 1948 г.) – колумбийский политический и государственный деятель.

59

«Боготасо» – вооруженное восстание в Боготе (Колумбия), произошедшее в 1948 году. При невыясненных обстоятельствах погиб популярный лидер Либеральной партии Колумбии Х.Э. Гайтан. Разъяренная толпа расправилась с убийцей. Толпа осадила президентский дворец, были открыты тюрьмы, а заключенных выпустили на свободу. Правительство для подавления восстания прибегло к силе. В результате беспорядков погибло около 3000 человек, 20 000 ранено.

60

La Violencia – вооруженный конфликт в Колумбии, происходивший с 1948 по 1958 год, катализатором которого стало противостояние Либеральной и Консервативной партий Колумбии.

Некоторые историки расходятся во мнениях относительно дат начала конфликта: некоторые из них утверждают, что война началась в 1946 году, когда консерваторы вернулись в правительство, и на региональном уровне руководство полиции и городских советов перешло в руки консерваторов, поддерживаемых крестьянами. Но традиционно большинство историков считают, что война началась со смерти Хорхе Гайтана.

61

Montoneros, или Movimiento Peronista Montonero – аргентинская левоперонистская городская партизанская организация, созданная в 1960-х и начавшая вооруженную борьбу против диктаторских режимов в Аргентине 1970-х гг.

62

Принц Карим Ага-хан IV (род. 13 декабря 1936 г., Женева, Швейцария) – духовный лидер, имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов.

63

Watergate – ставшее нарицательным название гостиницы в Вашингтоне, где подручными Ричарда Никсона были установлены подслушивающие устройства, что вызвало один из самых громких политических скандалов в истории США.

64

Ричард Милхауз Никсон (Richard Milhous Nixon) – 37-й президент США (1969–1974). Первый и единственный президент США, ушедший в отставку до окончания срока.

65

Пасто (Pasto) – город в Колумбии. Административный центр департамента Нариньо.

66

Пабло Неруда (Pablo Neruda) – чилийский поэт, дипломат и политический деятель, сенатор Республики Чили, член Центрального комитета Коммунистической партии Чили, лауреат Национальной премии Чили по литературе (1945) и Нобелевской премии по литературе (1971).

67

Педро Наваха (Pedro Navaja) – песня Рубена Блейдса (Rubén Blades Bellido de Luna), панамского певца, композитора, актера, прославившегося своими песнями в стиле сальса.

68

Тайрон Эдмунд Пауэр-мл. (Tyrone Edmund Power, Jr.; 5 мая 1914 г. – 15 ноября 1958 г.) – американский актер, наиболее известный своими романтическими ролями в классических голливудских фильмах 1930–1950-х гг.

69

Гэри Купер (Gary Cooper, полное имя Frank James Cooper, 7 мая 1901 г. – 13 мая 1961 г.) – американский актер, получивший два «Оскара» за лучшую мужскую роль (1942, 1953) и почетный «Оскар» за общий вклад в развитие американского кино (1961).

70

Джордж Натаниел Керзон (*англ. George Nathaniel Curzon) – видный английский публицист, путешественник и государственный деятель. Вице-король Индии (1899–1906), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), лидер палаты лордов (1916–1925), лорд-председатель Тайного совета (1916–1919, 1924).*

71

Виктория (*англ. Victoria) – королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с 20 июня 1837 года и до смерти. Императрица Индии с 1 мая 1876 года (провозглашение в Индии – 1 января 1877 года).*

72

Луис (Луи) Френсис Альберт Виктор Николас Маунтбеттен, 1-й граф Маунтбеттен Бирманский (*англ. Louis Francis Albert Victor Nicholas Mountbatten) – британский военно-морской и государственный деятель, адмирал флота. Дядя супруга Елизаветы II герцога Эдинбургского Филиппа. Последний вице-король Индии, при котором страна получила независимость.*

73

Эдуард VIII (*англ. Edward VIII) – король Великобритании, Ирландии и Британских заморских доминионов, император Индии на протяжении десяти месяцев: с 20 января по 11 декабря 1936 года; не был коронован. Отрекся от престола, чтобы вступить в брак с разведенной Уоллис Симпсон.*

74

Плотный поздний завтрак, заменяющий и обед.

75

Норманс-Кей – маленький багамский остров площадью в несколько сотен акров, расположенный в Эксума. Находится в 340 километрах от побережья Флориды. В период с 1978 по 1982 г. остров был собственностью колумбийского наркобарона Карлоса Ледера и являлся перевалочной базой для контрабанды кокаина из Колумбии в США.

Флорида-Кис (Florida Keys) – архипелаг, цепь коралловых островов и рифов на юго-востоке США.

77

Яго – один из персонажей трагедии «Отелло, венецианский мавр» Уильяма Шекспира, подлый интриган, предающий главного героя.

78

Густаво Рохас Пинилья (Gustavo Rojas Pinilla; 12 марта 1900 г., Тунха, департамент Бояка – 17 января 1975 г., Мелгар, департамент Толима) – колумбийский генерал и политик, в 1953–1957 гг. – диктатор.

79

Рафаэль Леонидас Трухильо Молина (Rafael Leónidas Trujillo Molina), также был известен под прозвищем Шеф (El Jefe) – доминиканский государственный и политический деятель, фактический правитель страны в период с 1930 по 1961 г. (в 1930–1938 гг. и 1942–1952 гг. официально занимал президентский пост). Его правление, получившее название «эра Трухильо», считается одним из наиболее кровавых в истории.

80

Хуан Доминго Перон (Juan Domingo Perón, 8 октября 1895 г. – 1 июля 1974 г.) – аргентинский военный и государственный деятель, президент Аргентины с 1946-го по 1955-й и с 1973 по 1974 г.

81

Дада Уме Иди Амин (Idi Amin Dada) – угандийский военный и государственный деятель, президент Уганды в 1971–1979 гг., создатель одного из самых жестоких тоталитарных режимов в Африке; генерал, а затем фельдмаршал угандийской армии. Каннибал. Правление Амина отмечалось проявлениями экстремистского национализма и трибализма. Согласно подсчетам, жертвами его репрессий стали 300–500 тысяч граждан Уганды, не менее двух тысяч он убил лично.

82

Аврелий Августин Иппонийский (Aurelius Augustinus Hipponensis) – христианский богослов и философ, влиятельнейший проповедник, епископ Гиппонский (с 395 года), один из отцов Христианской Церкви.

83

Карлос Аполинар Лемос Симмондс (Carlos Apolinar Lemos Simmonds; 23 октября 1933 г., Попаян, Колумбия, – 30 июля 2003 г., Богота, Колумбия) – колумбийский государственный деятель, министр иностранных дел Колумбии (1981–1982).

84

Тяжелый молоток, кувалда.

La fiera – фурия, ведьма, бестия.

86

Сильверио Перес – мексиканский тореадор.

87

Достопочтенный Сэр Линден Оскар Пиндлинг (Lynden Oscar Pindling) – премьер-министр Багамских Островов с 10 июля 1973-го до 21 августа 1992 г., до этого с 16 января 1967 г. первый чернокожий главный министр колонии Багамские Острова (с 1969 года – премьер самоуправляемой колонии Содружество Багамских Островов). Считается «отцом нации» Багамских Островов, приведшим страну к независимости 10 июля 1973 г.

88

Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО, Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN) – никарагуанская политическая партия, названная в честь революционера 1920–1930-х гг. Аугусто Сесара Сандино. Вел вооруженную борьбу против диктаторского режима Сомосы, завершившуюся победой Сандинистской революции в 1979 г. Находился у власти в период гражданской войны 1980-х.

89

Грейс Патриша Келли (Grace Patricia Kelly; 12 ноября 1929 г. – 14 сентября 1982 г.) – американская актриса, с 1956 года – супруга князя Монако Ренье III, 10-я княгиня Монако, мать ныне правящего князя Альбера II.

90

Чарльз Ричард Джон Спенсер-Черчилль, 9-й герцог Мальборо (13 ноября 1871 г. – 30 июня 1934 г.) – британский аристократ, военный и консервативный политик. Был также известен как «Солнечный» Мальборо.

91

El mugre – грязь; чумазый.

92

Ставрос Ниархос – греческий корабельный магнат.

93

Хосе Даниэль Ортега Сааведра (José Daniel Ortega Saavedra) – политический деятель Никарагуа, один из лидеров Сандинистской революции 1979 г., свергнувшей режим Анастасио Сомосы, президент Никарагуа в 1985–1990 гг.

94

Тюрьма в Гуантанамо (Guantanamo Bay detention camp) – лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях, в частности в терроризме, ведении войны на стороне противника, на бессрочно арендуемой США военно-морской базе в заливе Гуантанамо (Куба), в 30 км от одноименного города. 21 января 2009 года, на второй день пребывания в должности, президент США Барак Обама подписал приказ о расформировании тюрьмы. Однако до сих пор тюрьма не закрыта.

95

Фернандо Масуэра Вильегас – колумбийский политик, в разное время, с 1948 по 1958 г., занимал пост мэра Боготы.

96

Чибча (Chibcha), Муиска или Моска – одна из высокоразвитых цивилизаций Южной Америки в XII–XVI вв. Среди культур древней Америки чибча стоят в одном ряду с майя, ацтеками, сапотеками и инками. Сами чибча называли себя муисками, то есть «людьми».

97

Сорайя Исфандияри-Бахтиари (в русскоязычных источниках часто Асфандияри) – вторая жена Мохаммеда Реза Пехлеви, последнего шаха Ирана.

98

Турн-и-Таксис (von Thurn und Taxis) – аристократический род Священной Римской империи. Это самый богатый из бывших владетельных домов Европы: состояние главы рода оценивается в $1,5 млрд.

99

Священная Римская империя германской нации как государство прекратила свое существование в 1806 г., но аристократические семьи до сих пор по традиции считают себя ее подданными.

100

Княжество Барода – туземное княжество в составе Британской Индии. Состояло из нескольких не связанных между собой районов. Скорее всего, здесь имеется в виду махараджа Шримант Гопалрао Гаеквад или его сын.

101

Князь Раймондо Умберто Мария Орсини д’Арагона (Principe Don Raimondo Umberto Maria Orsini d’Aragona).

102

Порфирио Рубироса Ариса (Porfirio Rubirosa Ariza) – доминиканский дипломат, автогонщик и игрок в поло. Он был сторонником доминиканского диктатора Рафаэля Трухильо. Рубироса получил международную славу плейбоя благодаря своей активной светской жизни и легендарным сексуальным успехам у женщин. Среди его жен были две богатейшие женщины того времени.

103

Карлос Мануэль де Сеспедес дель Кастильо (Carlos Manuel de Céspedes del Castillo) – один из руководителей Десятилетней войны Кубы против испанских колонизаторов (1868–1878). За патриотическую деятельность кубинцы называют его «отцом Родины» (Padre de la Patria).

104

Дальенский пробел – крупный участок неосвоенной земли на территории Панамы и Колумбии.

105

Moqueca – рыбный бульон с луком, перцем, помидорами, листьями кориандра и перцем чили, приправленный пальмовым маслом и кокосовым молоком. При его приготовлении не добавляется вода. Блюдо бразильского происхождения, изначально готовилось с добавлением листьев различных деревьев.

106

Гал Коста (Gal Costa) – популярнейшая бразильская певица.

107

Каэтану Велозу (Caetano Veloso) – бразильский автор-исполнитель и гитарист, вместе с Жилберту Жилем стоял во главе музыкального движения тропикалия. Пятикратный лауреат премии «Грэмми», в 2012 г. получил латинскую «Грэмми» в номинации «Человек года».

108

Мария Бетания (Maria Bethânhia Vianna Telles Velloso) – бразильская певица. Сестра Каэтану Велозу.

109

Жилберту Пасуш Жиль Морейра (Gilberto Passos Gil Moreira) – бразильский автор-исполнитель, лауреат премии «Грэмми». Обладатель почетного звания «Артист Мира».

110

Самый старый и эксклюзивный джентльменский клуб, расположенный на улице Сент-Джеймс в Лондоне. Основан в 1693 году.

111

Организация американских государств (ОАГ (OAS); Organización de los estados americanos) – международная организация, созданная 30 апреля 1948 г. на 9-й Межамериканской конференции в Боготе (Колумбия) на базе Панамериканского союза, существовавшего с 1889 г.

112

Джон Джозеф Готти-мл. (John Joseph Gotti, Jr.) – босс семьи Гамбино в 1986–1992 гг., получил прозвище «Тефлоновый дон», так как длительное время ему удавалось избегать наказания.

113

Альфонсо Лопес Микельсен (Alfonso López Michelsen) – президент Колумбии с 7 августа 1974-го по 7 августа 1978 г. Член Колумбийской либеральной партии.

114

Антонио Сервантес Рейес, «Кид Памбеле» (Antonio Cervantes Reyes «Kid Pambelé») – колумбийский боксер и тренер по боксу, дважды чемпион мира в первом полусреднем весе.

115

Эдсон Арантис ду Насименту (Edson Arantes do Nascimento), более известный как Пеле́ – гениальный бразильский футболист, нападающий (атакующий полузащитник). Играл за клубы «Сантос» и «Нью-Йорк Космос». Провел 92 матча и забил 77 голов в составе сборной Бразилии.

116

Исход из Мариэля (El éxodo del Mariel) – массовое бегство кубинцев из порта Мариэль (Куба) в США 15 апреля – 31 октября 1980 г. Этому предшествовало нападение группы кубинцев на посольство Перу. Их целью было войти в посольство и запросить политическое убежище. Участники – мариэлитос (*marielitos*).

117

«Студия 54» – культовый ночной клуб и всемирно известная дискотека, прославившаяся легендарными вечеринками и непомерным употреблением наркотиков. Клуб был закрыт в 1980 г.

118

Мария дель Росарио Каэтана Альфонса Виктория Евгения Франциска Фитц-Джеймс-Стюарт-и-Сильва (María del Rosario Cayetana Fitz-James Stuart y Silva) – испанская аристократка и светская львица, крупный землевладелец, 18-я герцогиня Альба.

119

Патриотический Союз, UP (La Unión Patriótica) – политическая колумбийская партия левых, основанная в 1985 году как законное объединение нескольких партизанских групп, среди которых была и леворадикальная повстанческая группировка ФАРК.

120

Луис Карлос Сармьенто Ангуло (исп. Luis Carlos Sarmiento Angulo) – строительный предприниматель и колумбийский банкир. Согласно журналу «Форбс» (издание 2014 года), занял первое место как самый богатый мультимиллионер Колумбии и 83-е в мире.

121

Савантизм («остров гениальности») – редкое свойство проявлять выдающиеся способности в определенной области за счет угнетения иных качеств и свойств личности (характерна, например, для аутистов).

122

«Хорхе Барон ТВ» (Jorge Barón Televisión) – колумбийская телестудия, основанная 24 мая 1969 года предпринимателем и ведущим Хорхе Бароном.

123

Пенелопа – в древнегреческой мифологии супруга Одиссея, героиня гомеровской «Одиссеи». Имя ее является символом супружеской верности.

124

Сара Вон (Sarah Vaughan, прозвище – Sassy) – афроамериканская джазовая певица, одна из наиболее известных в XX веке. Премия «Грэмми» в номинации «Лучшая джазовая вокалистка» (1982).

125

Ширли Вероника Бэсси (Shirley Veronica Bassey) – британская певица, ставшая известной за пределами своей родины после исполнения песен к фильмам о Джеймсе Бонде. Удостоена звания Дамы-Командора ордена Британской империи.

126

«Fever» – хит Эдди Кули и Отиса Блэкуэлла (1956 г.), неоднократно перепетый множеством исполнителей (включая Пэгги Ли, Элвиса Пресли, Тома Джонса, Сару Вон, Джо Коккера, Мадонну и др.).

127

Джонни Кэш (Johnny Cash) – американский певец и композитор, ключевая фигура в музыке кантри, один из самых влиятельных музыкантов XX века. «Концерт в тюрьме Фолсом» – альбом 1968 г., записанный на основе живых концертов, которые Джонни Кэш отыграл для заключенных тюрьмы Фолсом. Cocain Blues – одна из песен из этого альбома. Строчка в конце главы – из композиции Folsom Prison Blues.

128

Los Extraditables – преступная организация, созданная наркобаронами в дополнение к Медельинскому картелю 6 ноября 1986 года.

129

Джон Хайро Ариас Таскон, Пинина (John Jairo Arias Tascon alias Pinina) – член Медельинского картеля. Имел полномочия в террористическом крыле картеля, колумбийские власти обвиняют его в сотне убийств. Участвовал в покушении на здание Департамента безопасности в декабре 1989 года.

130

El Osito – медвежонок.

131

Кокаиновая паста (*paco, bicha, basuco, bazuco, base, carro*) – дешевый наркотик, похожий на крэк, выработанный из остатков кокаина и обработанный серной кислотой и керосином. Иногда смешивается с хлороформом, эфиром или карбонатом калия.

132

Крэк-кокаин (*crack*) – кристаллическая форма кокаина, представляющая собой смесь солей кокаина с пищевой содой (бикарбонатом натрия) или другим химическим основанием. В отличие от обычного кокаина, крэк-кокаин курят.

133

Поначалу движение JEGA объединяло сторонников Хорхе Эльесера Гайтана (благодаря его инициалам и появилось название). После смерти политика деятельность JEGA (с новым лидером и новыми целями, не связанными с предыдущей группой) возобновилась в феврале 1987 года, когда группа из десяти вооруженных людей в капюшонах захватила центр имени Гайтана, заявив о своем формировании через манифест. Они поклялись отомстить за смерть политического деятеля. Группа провозгласила своей целью восстановление справедливости. После извержения вулкана в Армеро (национальной трагедии) группа похитила в Кали бывшего губернатора департамента Толима, Эдуардо Альсате Гарсию, обвинив его в произошедшем. Похищения продолжились, группа отказалась узаконить свою деятельность и прекратить угрозы.

134

Антонио Хосе Наварро Вольфф (Antonio José Navarro Wolff) – инженер и колумбийский политик, бывший участник «М-19».

135

Карлос Писарро Леон Гомес (Carlos Pizarro Leongómez) – лидер «Движения 19 апреля». Происходил из привилегированной семьи, примкнул к движению «М-19» и стал главным военным руководителем организации. Подготовил множество акций, в том числе – захват Дворца правосудия в 1985 году. Выдвинут в президенты Колумбии на выборах 1990 года. Был убит 26 апреля 1990 года на борту самолета во время рейса Богота – Барранкилья.

136

Институционно-революционная партия (Partido Revolucionario Institucional, PRI) – одна из ведущих политических партий Мексики, является членом Социалистического интернационала.

137

Скандал «Иран-контрас» (Iran-Contra affair; также известен как «Ирангейт», по аналогии с «Уотергейтом») – крупный политический скандал в США во второй половине 1980-х гг. Разгорелся в конце 1986 г., когда стало известно, что отдельные члены администрации США организовали тайные поставки вооружения в Иран, нарушая тем самым оружейное эмбарго против этой страны (наложенное самими же США). Дальнейшее расследование показало, что деньги, полученные от продажи оружия, шли на финансирование никарагуанских повстанцев-контрас в обход запрета конгресса на их финансирование.

138

Марио Чекки Гори (Mario Cecchi Gori) – итальянский кинопродюсер и бизнесмен. Основатель кинокомпании Cecchi Gori Group. С 1990-го по 1993 г. владелец и президент футбольного клуба «Фиорентина». Витторио Чекки Гори (Vittorio Cecchi Gori) – итальянский продюсер и сценарист.

139

Дино Де Лаурентис (Dino De Laurentiis, настоящее имя – Агостино) – итало-американский кинопродюсер, режиссер и основатель кинокомпании «Dino de Laurentiis Cinematografica», один из самых авторитетных деятелей послевоенного кинематографа.

140

Джозеф Конрад (Joseph Conrad – псевдоним Теодора Юзефа Конрада Коженевского) – классик английской литературы, поляк по происхождению.

141

Стефан Цвейг (Stefan Zweig) – австрийский критик, автор множества новелл и биографий.

142

Адлер Берриман «Барри» Сил (Adler Berriman «Barry» Seal) – американский торговец наркотиками и оружием, пилот, работавший на Медельинский картель.

143

Фернандо Ботеро Ангуло (Fernando Botero Angulo) – колумбийский художник, скульптор, работающий в технике фигуративизма, называющий себя «самым колумбийским из колумбийских художников», стал известен после того, как выиграл первый приз на Выставке колумбийских художников в 1959 году.

144

El niño – ребенок, малыш. Также природное явление (резкие колебания температур) в экваториальной части Тихого океана, вызывающее наводнения и другие стихийные бедствия.

145

Лукреция Ланте де ла Ровере (Lucrezia Lante della Rovere) – итальянская актриса театра и кино.

146

«Леопард» (Il Gattopardo) – историческая киноэпопея Лукино Висконти, снятая в 1962 году по мотивам романа «Леопард» князя Джузеппе Томази Ди Лампедуза. Действие разворачивается во времена Рисорджименто. Лента удостоена «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля 1963 г. и считается одной из вершин мирового киноискусства.

147

Мидас – герой мифов, сын Гордия и Кибелы. С именем его связаны рассказы о роковом даре, в силу которого все, к чему он прикасался, обращалось в золото.

148

Фенди (Fendi) – итальянский дом моды, специализирующийся на выпуске одежды, изделий из кожи и меха, аксессуаров и парфюмерии. Компания входит в состав холдинга LVMH. После окончания войны к активному возрождению деятельности компании присоединяются все пять дочерей четы Фенди. В 1962 г. креативным дизайнером дома становится Карл Лагерфельд.

149

Эмилия-Романья (Emilia-Romagna) – административная область в Италии.

150

Париж называют «Городом Света», раньше его считали центром просвещения, искусства и философии.

151

Принцесса Маргарет Роуз однажды спросила Элизабет: «Это тот самый знаменитый бриллиант (бриллиант Круппа)?» В ответ Тейлор подняла руку повыше, чтобы свет заиграл на камне. «Он такой огромный! Это очень вульгарно! – сказала принцесса и добавила: – Вы не возражаете, если я его примерю?» Позже Тейлор рассказывала друзьям эту историю, подражая интонации Маргарет.

152

Сэр Томас Шон Коннери (Thomas Sean Connery) – британский киноактер и продюсер шотландского происхождения. Лауреат премии «Оскар», двукратный лауреат премии «BAFTA», трехкратный лауреат премии «Золотой глобус».

153

«Banca March» – главный испанский частный банк, основанный Хуаном Марчем Ординасом в 1926 году в городе Пальма-де-Майорка. «The Fierro Group», также известная как Ибероамериканская группа развития – испанская экономическая группа, инвестировавшая в промышленные и финансовые секторы Испании и Латинской Америки. Основана испанским предпринимателем и миллиардером Ильдефонсо Фьерро.

154

Донья Эстер Копловиц и Ромеро де Хусеу (Esther María Koplowitz y Romero de Juseu) и донья Алисия Копловиц Ромеро де Хусеу (Alicia Koplowitz y Romero de Juseu) – испанские аристократки, миллиардерши. С 1968 года – 7-я маркиза де Каса Пеньяльвер и 7-я маркиза де Бельявиста.

155

Барон Ханс Генрих Агост Габор Тассо Тиссен-Борнемиса де Касон (*нем.* Baron Hans Heinrich Thyssen-Bornemisza) – промышленник и коллекционер произведений искусства, чья коллекция легла в основу музея Тиссена-Борнемисы. Кармен Сервера, Тита (Carmen Cervera) – испанская фотомодель, коллекционер произведений искусства, вдова Ганса Генриха Тиссена-Борнемисы.

156

Фелипе Гонсалес Маркес (Felipe González Márquez) – испанский государственный и политический деятель, премьер-министр Испании с 1982 по 1996 год.

157

Мария Исабель Прейслер Аррастиа (María Isabel Preysler Arrastía) – испано-филиппинская журналистка и телеведущая.

158

Энрике Сарасола Маруланда, больше известен как Кике Сарасола (Enrique Sarasola Marulanda) – испанский спортсмен, предприниматель и актер.

159

Альгамбра (Alhambra, от *араб.* аль-хамра – «красная») – архитектурно-парковый ансамбль, расположенный в восточной части города Гранада в Южной Испании.

160

Канте хондо (cante hondo, *букв.* «глубокое пение», т. е. пение в серьезном, драматическом стиле) – класс музыки и поэзии фламенко. Синоним канте хондо – *cante grande* (пение в высоком, драматическом стиле).

161

ЭТА (ETA, Euskadi Ta Askatasuna – «Страна басков и свобода») – баскская леворадикальная, националистическая организация сепаратистов, выступающая за независимость Страны Басков – региона, расположенного на севере Испании и юго-западе Франции. Создана в 1959 г.

162

Педро Антонио Марин (Pedro Antonio Marín), более известный как команданте Мануэль Маруланда Велес (Manuel Marulanda Vélez) или Тирофихо (Tirofijo – «меткий выстрел») – основатель и бессменный лидер ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии – Армия народа, РВСК-АН) (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo, FARC-EP).

163

Манолете (настоящее имя Мануэль Лаурено Родригес Санчес) – известный испанский матадор.

164

Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми, известный обычно, как Руми, или Мевляна, – выдающийся персидский и таджикский поэт-суфий.

165

«Блоке де Армас» (Bloque De Armas) – венесуэльская медиакомпания, расположенная в Каракасе. В нее входят газеты, журналы, телеканал, издательства и сеть книжных магазинов.

166

Тот, кто не хочет есть суп, пусть съест две порции (El que no quiere caldo, que le den dos tazas) – испанское выражение, означает: нужно быть благодарным за то, что у тебя есть, а иначе получишь вдвойне то, что тебе не нравится.

167

Артуро Абелья Родригес (Arturo Abella Rodríguez) – колумбийский журналист, писатель и историк.

168

Ранчера – жанр традиционной мексиканской музыки, изначально исполнявшейся только солистом под аккомпанемент гитары во времена мексиканской революции. Спустя годы этот жанр стал тесно ассоциироваться с музыкантами-марьячи (mariachi).

169

Каттлея – национальный цветок Колумбии.

170

Хосе Альфредо Хименес (José Alfredo Jiménez) – мексиканский актер и композитор. Лола Бельтран (Lola Beltrán), настоящее имя María Lucila Beltrán Ruiz, 1932–1996) – знаменитая мексиканская исполнительница музыки «ранчера». Агустин Лара (Agustín Lara) – мексиканский композитор-песенник, актер, певец, продюсер. Хорхе Негрете (Jorge Negrete) – мексиканский певец и кинозвезда.

171

Глория Эстефан (Gloria Estefan) – латиноамериканская певица и автор песен, живет и работает в США.

172

Андское сообщество наций (Comunidad andina, CAN, или Andean Community of Nations, ACN) – региональное социально-экономическое содружество стран Латинской Америки: Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу. Создано в результате подписания Картахенского соглашения 26 мая 1969 года.

173

Голштинская, или голштино-фризская порода, – порода крупного рогатого скота молочного направления. Является самой распространенной породой молочного скота на земном шаре.

174

Карл V Габсбург (Carolus V) – король Испании (Кастилии и Арагона) под именем Карлос I (Carlos I) с 23 января 1516 года, король Германии с 1519 по 1556 год, император Священной Римской империи с 1519 года Карл V – последний император, официально коронованный папой римским.

175

Людовик XIV де Бурбон, также известный, как «король-солнце» – король Франции и Наварры с 14 мая 1643 года.

176

Обращение на «вы», особенно между старыми и близкими знакомыми, в латиноамериканских странах – демонстрация холодного презрения.

177

Сесар Вильегас (César Villegas) – акционер и член правления спортивного клуба «Санта-Фе-де-Богота».

178

Белена черная (Hyoscýamus níger) – двулетнее травянистое растение. Все части растения ядовиты, содержат сильнодействующие алкалоиды – гиосциамин, скополамин и атропин. Белену и ее препараты применяют и как лекарственное растение.

179

Мона (Mona), доступный наркотик, вдыхаемый через нос. Основные потребители – бездомные, а также дети (10 % детей от 12 до 14 лет) в латиноамериканских странах (в основном в Мексике).

180

Наркотик растительного происхождения, аналог марихуаны.

181

Метамфетамин (meta azul (синий мет) или meta pitufo) – производное амфетамина, кристаллическое вещество. Метамфетамин является психостимулятором с высоким потенциалом к формированию зависимости, в связи с чем отнесен к наркотическим веществам.

182

Тесса Шарлотта Рэмплинг (Tessa Charlotte Rampling) – британская актриса, кавалер ордена Британской империи, обладательница множества международных и национальных наград. Номинантка «Оскара».

183

Сэр Дирк Богард (Dirk Bogarde) – британский киноактер.

184

Вирхилио Барко Варгас (Virgilio Barco Vargas) – президент Колумбии с 7 августа 1986-го по 7 августа 1990 г. Член Колумбийской либеральной партии.

185

Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology, MIT) – университет и исследовательский центр, расположенный в Кембридже (пригороде Бостона), штат Массачусетс, США.

186

Карлос Артуро Маруланда Рамирес (Carlos Arturo Marulanda Ramírez) – колумбийский политик, предприниматель и дипломат. Был министром экономического развития в правление президента Вирхилио Барко.

187

Chulavitas – вооруженные группировки в сельской местности Колумбии, возникшие в первые годы конфликта «Ла Виоленсия».

188

Вернер Маусс (Werner Mauss) первоначально работал частным сыщиком для различных немецких компаний. С 1965 года работал сотрудником различных разведывательных и спецслужб. Специализировался на возвращении похищенных людей и ведении деликатных переговоров в Латинской Америке. В 1997 году был арестован колумбийской полицией, но освобожден под международным давлением.

189

Amnesty International – международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961 году, которая ставит своей целью «предпринимать исследования и действия, направленные на предупреждение и прекращение нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации в контексте своей работы по продвижению прав человека».

190

Альваро Фаяд Дельгадо, Эль Турко (Álvaro Fayad Delgado, El Turco) – колумбийский партизан, создатель и лидер Движения 19 апреля («М-19»).

191

Звезды на погонах в Аргентине выполнены в виде стилизованного изображения солнца, на погонах от майора и выше – золотого цвета, на погонах младших офицеров – серебристого.

192

Альфредо Стресснер Матиауда (Alfredo Stroessner Matiauda) – парагвайский государственный и военный деятель, президент (диктатор) Парагвая с 15 августа 1954-го по 3 февраля 1989 г. Устроив военный переворот, установил репрессивный режим правого толка. Восемь раз переизбирался на недемократических выборах, пока не был свергнут.

193

Пол Пот (19 мая 1925 г. – 15 апреля 1998 г.) – камбоджийский политический и государственный деятель, генеральный секретарь Коммунистической партии Кампучии (1963–1979), премьер-министр Кампучии (1976–1979), лидер «красных кхмеров». Правление Пол Пота, сопровождавшееся массовыми репрессиями и голодом, привело к гибели, по разным оценкам, от 1 до 3 млн человек.

194

Великая пролетарская культурная революция – серия идейно-политических кампаний 1966–1976 гг. в Китае, развернутых и руководимых Мао Цзэдуном, либо от его имени, в рамках которых под предлогом противодействия возможной «реставрации капитализма» в КНР выполнялась дискредитация и уничтожение политической оппозиции.

195

Коммунистическая партия Перу – «Сияющий путь» (Partido Comunista del Perú – Sendero Luminoso) – перуанская маоистская организация, основанная в 1960 году Абимаэлем Гусманом и перешедшая к вооруженной партизанской борьбе 17 мая 1980 года.

196

Вирхиния бравирует осведомленностью о главных радикальных или террористических организациях XX века. ИРА – Ирландская республиканская армия (Irish Republican Army, IRA) – ирландская националистическая военизированная группировка. ЭТА – леворадикальная организация баскских сепаратистов. «Красные бригады» (Brigate Rosse) – подпольная леворадикальная организация, действовавшая в Италии в 1970-х. «Баадер-Майнхоф» – другое название Rote Armee Fraktion («Фракции Красной армии») – немецкой леворадикальной террористической организации, действовавшей в ФРГ и Западном Берлине в 1968–1998 гг. «Черные пантеры» – (Black Panther Party for Self-Defense) – афроамериканская леворадикальная организация по защите чернокожего населения США. «Тигры освобождения Тамил-Илама» – тамильское повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства Тамил-Илам на территории Шри-Ланки. ХАМАС («Исламское движение сопротивления») – палестинское исламистское движение и политическая партия, правящая в секторе Газа (с июля 2007 года). ФАТХ, более известная как «Движение за национальное освобождение Палестины» – палестинская военизированная организация и политическая партия.

197

Казармы Монкада – военные казармы в городе Сантьяго-де-Куба, названные в честь генерала Гильермо Монкады, героя Кубинской войны за независимость. 26 июля 1953 года казармы стали объектом вооруженного нападения отряда из 165 революционеров, который возглавлял Фидель Кастро. Это нападение положило начало Кубинской революции. Дата боя дала имя революционной организации Фиделя Кастро – «Движение 26 июля» (Movimiento 26 Julio или M 26-7).

198

Адонис – герой греческой мифологии, славился своей красотой: в него влюбляется богиня любви Афродита.

199

Муаммар Мохаммед Абдель Салям Хамид Абу Меньяр аль-Каддафи – ливийский государственный и военный деятель, политик и публицист; де-факто глава Ливии в 1969–2011 гг., верховный главнокомандующий вооруженными силами Ливии (1969–2011). 20 октября 2011 года, в разгар гражданской войны в Ливии, убит в результате самосуда захватившими его повстанцами.

200

Лига арабских государств – международная организация, объединяющая арабские государства, а также ряд дружественных им неарабских, в которых арабский язык является одним из официальных.

201

Рафаэль Самудио Молина (Rafael Samudio Molina) – бывший колумбийский военный, генерал колумбийской армии. В правление Вирхилио Барко был назначен министром обороны.

202

Лауреано Элеутрио Гомес Кастро (Laureano Eleuterio Gómez Castro) – президент Колумбии в 1950–1951 гг. Член Колумбийской консервативной партии.

203

Арманд Хаммер (Armand Hammer) – американский предприниматель, входивший в круг бизнесменов, приближенных к советским лидерам.

204

Захват посольства Доминиканской Республики, так называемая «Операция Свобода и Демократия» в 1980 году – вооруженный захват посольства Доминиканской Республики в Боготе колумбийской партизанской группой Движение 19 апреля («М-19»). В ходе захвата «М-19» похитила дипломатов различных стран, которые присутствовали на памятном вечере в честь Дня независимости Доминиканской Республики.

205

Департамент – административно-территориальная единица в Колумбии.

206

Антонио Амадор Хосе де Нариньо-Бернардо-дель-Касаль (Antonio Amador José de Nariño Bernardo del Casal, 9 апреля 1765 г. – 13 декабря 1823 г.) – южноамериканский политический деятель. В 1794 году Нариньо перевел с французского языка на испанский «Декларацию прав человека и гражданина».

207

Луис Отеро Сифуэнтес (Luis Otero Cifuentes) – колумбийский политик и партизан. Убит в ходе захвата Дворца правосудия Боготы. Андрес Альмаралес Манга (Andrés Almarales Manga) – колумбиец, участник движения «M-19».

208

Народная армия Освобождения (El Ejército Popular de Liberación (EPL) – колумбийская партизанская группа, возникшая в ходе внутреннего военного конфликта.

209

Мануэль Кинтин Ламе Чантре (Manuel Quintín Lame Chantre, 26 октября 1880, Попаян – 7 октября 1967 г., Толима) – колумбийский индеец, борец за права коренного населения.

210

Название музея связано с инцидентом, который послужил импульсом для восстания против испанской короны и началом борьбы за независимость (20 июля 1810 года).

211

Виктор Альберто Дельгадо Мальярино (Víctor Alberto Delgado Mallarino) – генерал, в 1985 году был генеральным директором полиции.

212

Мигель Франсиско Вега Урибе (Miguel Francisco Vega Uribe) – бывший колумбийский военный, армейский офицер кавалерии. В 1970 году был назначен командующим армейской кавалерийской школы.

213

Картахена-де-Индиас (Cartagena de Indias – Картахена Индийская) или просто Картахена – пятый по величине город Колумбии, административный центр департамента Боливар, крупный порт на берегу Карибского моря.

214

Charro – легкий наездник; житель Саламанки; широкополая мужская шляпа.

215

Кристофер (Крис) Кристоферсон (Kristoffer Kristofferson) – американский кантри-певец, композитор, актер.

216

Этология – полевая дисциплина зоологии, изучающая генетически обусловленное поведение (инстинкты) животных, в том числе людей. Термин ввел в 1859 г. французский зоолог Изидор Жоффруа Сент-Илер.

217

Гарри Уинстон (Harry Winston) – американский производитель ювелирных украшений и наручных часов класса люкс.

218

Орнелла Мути (Ornella Muti, настоящее имя Франческа Романа Ривелли) – итальянская киноактриса.

219

Паскуалино Де Сантис (Pasqualino De Santis) – итальянский кинооператор, брат кинорежиссера Джузеппе Де Сантиса.

220

Карлос Писарро Леонгомес (Carlos Pisarro Leongomes) станет кандидатом в президенты Колумбии от отказавшегося от вооруженной борьбы Демократического альянса М-19. Убит 26 апреля 1990 года.

221

Ингрид Бетанкур (Ingrid Betancourt Pulecio) – колумбийский политик, сенатор (1998–2002), кандидат в президенты страны на выборах 2002 год. Более 6 лет провела в качестве заложника «ФАРК».

222

ЛСД (LSD) – полусинтетическое психоактивное вещество. Считается самым известным психоделиком, используемым в качестве рекреационного препарата, а также в качестве инструмента в различных трансцендентных практиках, таких как медитация, психонавтика, или в ныне незаконной (но легальной в прошлом) психоделической психотерапии.

223

Олдос Леонард Хаксли (Aldous Huxley) – английский писатель, новеллист и философ. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир». Гуманист, пацифист и сатирик. Интересовался парапсихологией и философским мистицизмом.

224

Джидду Кришнамурти (Jiddu Krishnamurti) – индийский философ, мистик и общественный деятель.

225

Мескалин – психоделик и алкалоид, синтезируемый искусственным путем. В большинстве стран производство и распространение мескалина запрещено законом (в том числе в России). О галлюциногенных свойствах некоторых кактусов издавна знали индейцы различных племен и употребляли эти растения во время религиозных церемоний.

226

Лизергиновая кислота – органическое соединение. Входит в состав ряда вырабатываемых спорыньей алкалоидов.

227

Аяуаска (*кечуа* ayawaska; «лиана духов», «лиана мертвых») – напиток-отвар и галлюциноген, традиционно изготовляемый шаманами индейских племен бассейна Амазонки и употребляемый местными жителями для общения с духами в целях получения практических знаний об окружающей природе и достижения организмом человека целительных способностей.

228

Золотое сечение (золотая пропорция, деление в крайнем и среднем отношении, гармоническое деление) – соотношение двух величин a и b, $b > a$, когда справедливо $b/a = (a+b)/b$. Число, равное отношению b/a, обычно обозначается прописной греческой буквой Ф. Для практических целей ограничиваются приблизительным значением $Ф = 1{,}618$ или 1,62.

229

Похищение братьев Борн, или Операция «Близнецы» – операция аргентинской леворадикальной организации «Монтонерос» по похищению аргентинских бизнесменов, руководителей крупной компании «Бунхе и Борн» братьев Хорхе и Хуана Борн, осуществленная 19 сентября 1974 года.

230

Детрит – совокупность мелких (от нескольких мкм до нескольких см) неразложенных частиц растительных и животных организмов или их выделений, взвешенных в воде или осевших на дно водоема.

231

Сефарды – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове из потоков миграции иудеев внутри Римской империи, а затем внутри Халифата.

232

Компания по развитию кинематографа (La Compañía para el Fomento Cinematográfico – FOCINE) – государственное учреждение, заведующее национальным фондом колумбийского кино с 1978-го по 1993 год. Занималась продюсерской деятельностью, съемками и развитием киноиндустрии.

233

Джон Войт (Jon Voight) – американский актер, лауреат премий «Оскар», «Золотой глобус» и BAFTA. Отец американской актрисы Анджелины Джоли.

234

Чудо Георгия о змие – описанное в Житии святого великомученика Георгия Победоносца спасение им царевны от змея (дракона), совершенное им, согласно большинству указаний, уже после смерти. Получило отражение в иконографии данного святого, став самым узнаваемым его изображением.

235

Аднан Хашогги (род. 25 июля 1935 г.) – саудовский бизнесмен. В начале 1980-х годов, когда его состояние достигло своего пика и составляло 26 миллиардов долларов, считался одним из богатейших людей мира.

236

Форт-Нокс (Fort Knox) – военная база США, находится почти в центре военного городка Форт-Нокс в 30 милях к юго-западу от Луисвилла, штат Кентукки. В настоящее время принадлежит американской армии и до 2010 года использовалась в качестве школы танкистов.

237

«Просто скажи: НЕТ» (Just Say No) – социальная кампания, часть американской программы «Война с наркотиками»; получила широкое распространение в 1980-х и в начале 1990-х годов. Цель кампании состояла в том, чтобы отвратить детей от нелегального употребления наркотиков с целью забавы, предложив им различные способы для выражения своего отказа. Слоган был придуман и использован первой леди Нэнси Рейган в годы президентства ее мужа.

238

Теорема Таниямы-Симуры (теорема о модулярности) – одно из важнейших положений в области теории чисел и алгебраической геометрии. Великая (последняя) теорема Ферма – одна из самых популярных теорем математики. В данном случае Вирхиния не только демонстрирует свою математическую эрудицию, но и дает привязку ко времени, отсылая читателя к 1995 году, когда был доказан и частный случай теоремы о модулярности, и великая теорема Ферма (не совсем понятно зачем, ведь дело происходит в конце 1980-х).

239

Мигель Лора Эскудеро по прозвищу Счастливчик (Miguel Lora Escudero, «Happy») – колумбийский боксер, чемпион мира в наилегчайшем весе 1985–1988 гг.

240

Контрас (*Contras*, сокращение от *contrarrevolucionarios*, контрреволюционеры) – никарагуанское военно-политическое движение, вооруженная оппозиция сандинистскому режиму. Вели гражданскую войну против правительства Даниэля Ортеги в 1980-х годах. Пользовались поддержкой американской администрации Рональда Рейгана, а также правительства Аргентины. Прекратили вооруженную борьбу и официально сложили оружие в 1990 году.

241

Оливер Лоренс Норт (Oliver Laurence North) – бывший офицер морской пехоты США, известный своим участием в скандале «Иран-контрас». В 1987 г. Норт был уволен из Совета национальной безопасности США, после того как стало известно об осуществлении им нелегальных продаж американского оружия Ирану. Вырученные от продажи оружия средства шли на финансирование никарагуанских «контрас». Судебный процесс по делу Норта начался в конце января 1989 г., однако в мае он был признан невиновным.

242

Анна Болена Меса (Ana Bolena Meza) – колумбийская модель, актриса театра и кино.

243

«Мьюир Вудс» (Muir Woods) – американский национальный заповедник (лесопарк). Находится в 19 км к северу от Сан-Франциско, является частью парка «Золотые Ворота».

244

Саусалито (Sausalito) – город в США. Находится на западном побережье США, на северном берегу бухты Сан-Франциско. У Саусалито начинается северный въезд на мост «Золотые Ворота», переброшенный через залив Сан-Франциско. С окрестных холмов открывается вид на бухту, а также на знаменитую тюрьму-остров Алькатрас.

245

«Унесенные ветром» (Gone with the Wind) – роман американской писательницы Маргарет Митчелл, события которого происходят в южных штатах США в 1860-х годах, во время (и после) Гражданской войны. Один из самых знаменитых бестселлеров американской литературы. В 1937 году Митчелл получила за этот роман Пулитцеровскую премию.

246

Три всемирно известных предпринимательницы в сфере индустрии красоты. Элена Рубинштейн (Helena Rubinstein) – основательница косметической линии и сети магазинов в США, Франции и Великобритании. Элизабет Арден (Elizabeth Arden) – основательница косметической империи Elizabeth Arden, Inc. в США. Эсте Лаудер (Estée Lauder) – основательница и первый председатель совета директоров корпорации «Estée Lauder».

247

Слова из Нагорной проповеди Иисуса Христа.

248

Хуан Висенте Гомес (24 июля 1857 г. – 17 декабря 1935 г.) – венесуэльский военный и государственный деятель, президент, диктатор Венесуэлы с 1908 по 1935 год.

249

«Гражданин Кейн» (Citizen Kane) – американский драматический кинофильм 1941 года, первый полнометражный фильм 25-летнего Орсона Уэллса, который сыграл в нем главную роль.

250

Георг VI (George VI) – король Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Канады, Австралии и Южной Африки с 11 декабря 1936 года. Из династии Виндзоров. Вступил на престол после отречения брата, Эдуарда VIII.

251

«Баллада о Мэкки-Ноже» (в английском переводе известна как «Mack the Knife») – популярная песня, написанная немецким поэтом и драматургом Бертольдом Брехтом и немецким композитором Куртом Вайлем для пьесы «Трехгрошовая опера».

252

Глубокая Глотка – псевдоним Марка Фелта (Mark Felt), заместителя начальника ФБР, выбранный для него как для информатора прессы по делу «Уотергейта». Инкогнито осведомителя было раскрыто только в 2005 году.

253

Главная героиня мюзикла могла предвидеть будущее.

254

Сэр Джеймс Майкл «Джимми» Голдсмит (26 февраля 1933 г. – 18 июля 1997 г.), член влиятельного клана Голдсмитов, британский финансовый магнат и политик.

255

Это высказывание действительно часто приписывается Джеймсу Голдсмиту. Но на самом деле его автор Саша Гитри, известный французский драматург и актер. Афоризм может иметь различные толкования и переводы, так как в оригинале звучит: «When a man marries his mistress, he creates a vacancy».

256

Антенор Патиньо Родригес (12 октября 1896 г. – 2 февраля 1982 г.) – боливийский предприниматель, наследник Симона Патиньо, прозванного «Оловянным королем», потому что он был владельцем основных месторождений олова в Боливии и контролировал мировой рынок этого минерала. Месторождения были национализированы в 1952 году во время боливийской революции и стали частью Горнодобывающей корпорации Боливии (COMIBOL).

257

Николас Гомес Давила (Nicolás Gómez Dávila; 1913–1994) – колумбийский писатель, мыслитель-эссеист.

258

Речь идет об Альфонсо Лопесе Пумарехо и Альфонсо Лопесе Микельсене.

259

Бернардо Харамильо Осса (Bernardo Jaramillo Ossa) – государственный и политический деятель Колумбии левого толка, был членом Коммунистической партии Колумбии, а в 1987 года стал президентом Патриотического союза Колумбии после гибели Хайме Пардо Леаля. Сторонник ненасильственных средств борьбы и мирного урегулирования гражданской войны в стране, он выдвинул свою кандидатуру в президенты, но пал жертвой политического убийства.

260

Гильермо Видеман (1905–1969) – колумбийский художник немецкого происхождения.

261

Вилла «Марионетас» – один из тайных домов-убежищ Пабло.

262

Хосе Рене Игита Сапата (José René Higuita Zapata) – легендарный колумбийский футболист, вратарь. Игрок национальной сборной (1987–1999). Исполнитель штрафных и пенальти в клубах и сборной. Изобретатель «удара скорпиона». Забил за карьеру более сорока мячей.

263

Объединенные силы самообороны Колумбии (Autodefensas Unidas de Colombia, AUC) – колумбийские ультраправые военизированные формирования, действовавшие в стране в 1997–2006 годах. Сыграли важную роль в гражданской войне против леворадикальных сил. Ответственны за многочисленные теракты. Причастны к организованной преступности и наркобизнесу. В 2006 году признаны террористической организацией и распущены.

264

«Злая ведьма умерла!» – одна из самых известных песен фильма «Волшебник страны Оз» (1939).

265

Хосе Асунсьон Сильва (José Asunción Salustiano Facundo Silva Gómez, 1865–1896) – колумбийский поэт-романтик.

266

Цитата из стихотворения Пабло Неруды (цикл «Двадцать стихотворений о любви и одна песнь отчаяния»). Целиком эта строфа звучит так:

Ya no la quiero, es cierto, pero cuánto la quise. Mi voz buscaba el viento para tocar su oído.

Я уже не люблю, Но когда я любил, Мой голос искал ветра, Чтобы наполнить ее слух.

267

«Почтальон» (*Il Postino*) – кинофильм Майкла Рэдфорда по роману Антонио Скарметы «Пылкое терпение» (*Ardiente paciencia*). Сюжет фильма: Знаменитый чилийский поэт Пабло Неруда, вынужденный по политическим мотивам покинуть родину, поселяется на небольшом итальянском островке. Не в силах справиться с огромным количеством корреспонденции, поступающей от поклонников, он нанимает сына рыбака Марио поработать для него почтальоном. Через некоторое время они становятся друзьями, и поэт помогает застенчивому Марио завоевать сердце местной красавицы Беатриче.

268

Слова из песни «Заплутавшие птицы» (слова *Марио Трехо*, музыка *Астора Пьяцоллы*).

269

Жертвы межэтнических военных конфликтов в Судане в 2007 году.

270

Саут Бич (South Beach) – район Майами, известный своими пляжами и ночной жизнью.

271

Ки Бискейн (Key Biscayne) – район Майами, остров и одноименный залив.

272

Курганы Кахокии – группа из 109 курганов североамериканских индейцев, расположенная у города Коллинсвилль в штате Иллинойс на берегу Миссисипи, напротив города Сент-Луис. Крупнейший археологический памятник миссисипской культуры (VII–XIII вв.)

Мы тяжким жребием порой // Счастливый дар представить можем. (*англ.*) Общеупотребительное значение этого двустишия – «что ни делается, все к лучшему».